

Вольфганг
Акунов

ВОЕННО-
ДУХОВНЫЕ
БРАТСТВА
ВОСТОКА
И ЗАПАДА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

Документы и материалы
древней и новой истории Суверенного Военного ордена
Иерусалимского храма

Под редакцией действительного члена
Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4
А 442

Акунов В. В.

А442 Военно-духовные братства Востока и Запада / В.В. Акунов. — СПб.: Алетейя, 2019. — 328 с.: ил. — (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма).

ISBN 978-5-907189-40-9

Мы привыкли ассоциировать понятие военно-духовных братств исключительно с христианской религиозной, культурной, идеологической традицией. Однако эти укоренившиеся в сознании многих представления оказываются на поверку очередным мифом. Можно провести аналогии с акциями современных воинствующих исламистов, чьи «шахиды» — «мученики за веру» — черпают силы в традициях, уходящих своими корнями в эпоху противостояния христианства и ислама, тайных военно-духовных братств Ближнего и Среднего Востока — региона, с незапамятных времен и по сей день остающегося «пороховой бочкой», эпицентром непрекращающихся военно-политических конфликтов, будоражащих весь мир, и в то же время ареной постоянного взаимодействия цивилизаций. Об этом и многом другом читатель узнает из очередной книги нашего автора, историка Вольфганг Акунова, выходящей в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского Храма».

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-907189-40-9

© В.В. Акунов, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

NON NOBIS DOMINE NON NOBIS SED NOMINE TUO DA GLORIAM

Моей жене Валерии

ЗАЧИН

Истлели кости и мечи
В Святой Земле...
И пламя восковой свечи
Дрожит во мгле.
А я, колени преклонив -
В иных веках,
Где над пустыней кружит гриф
И вьётся прах...
Среди песка, среди камней
Уж тысячу лет
Железных всадников, коней
Потерян след.
Но я, среди еще живых
Бреду в пыли...
А в жарком небе кружит гриф
Святой Земли.
На небе солнца адский круг,
Как знак беды...
Но, как на зло, не снять кольчуг,
И нет воды.
Вновь грохот битвы, лязг и треск,
Мольбы и кровь...
Безгрешен всяк, принявший крест, -
Бог — есть любовь!
Мы рубим нехристей, вперёд!
Коней — в галоп!
Всех, кто дойдёт — награда ждёт:
Господень Гроб!

Грабь, убивай и умирай -
Господь с тобой!
Погибших ждет пресветлый рай
И крест земной.
Иерусалим! Поёт душа
Слова молитв...
А в синем небе, не спеша
Кружится гриф...
... Что было дальше? Бог — судья!
Сомнения — прочь!
Молитвы, крики и резня
И день, и ночь!
Господень Гроб освобождён...
Господь простит
За эту кровь, за чёрный сон,
За боль в груди...
За то, что слабый менестрель,
Посмел воспеть
Не Божий промысел, не цель,
А жизнь и смерть.
Истлели кости и мечи
В Святой Земле...
И пламя восковой свечи
Дрожит во мгле.
А я, колени преклонив, -
В иных веках,
Где над пустыней кружит гриф
И вьётся прах...

Кирилл Ривель.
«Истлели кости и мечи»

Константинополь обязательно будет завоеван,
и как прекрасен тот амир, и как прекрасно
то войско, что завоеует его.

Предсказание пророка Мухаммеда

Блаженны павшие в сраженьи!
Они теперь вошли в Эдем
И потонули в наслажденьи,
Не омрачаемом ничем.

А.С. Пушкин.
«Подражание Корану»

Мы привыкли ассоциировать понятие военно-духовных, военно-монашеских и рыцарских орденов, да и понятия «рыцарь» и «монах» как таковые, исключительно с христианской, западной религией, культурой и идеологией. Между тем, все эти понятия оказываются на поверку очевидным мифом наших традиционных, европоцентристских, или евроцентристских, представлений.

В действительности архетип духовного, рыцарского, военно-монашеского, духовно-рыцарского ордена является, при ближайшем рассмотрении, непоколебимо чистым и незамутненным, архетипическим идеалом не только Запада, но и Востока, ни в коей мере не ограничивающимся военно-духовными орденами, существовавшими в средневековой Европе (но возникшими, между прочим, в своей значительной части, также не собственно в Европе, а на Ближнем и Среднем Востоке, на Иберийском полуострове и в других зонах длительного противостояния, и в то же время — длительных контактов между Европой и Азией, но в первую очередь — между христианской и исламской цивилизациями).

Здесь представляется уместным указать на следующее обстоятельство. Слово «орден» (по-латыни: ордо, ordo) означает в переводе на русский язык буквально «порядок», «сословие», «строй» или «чин». Так, например, выражение «все чин-чином» означает: «все в надлежащем порядке». Сразу бросается в глаза не только созвучие, но и смысловое соответствие слова «орден»-«ордо» (от которого происходят аналогичные слова других индоевропейских языков — английское «ордер», немецкое «Орднунг», французское «ордр», итальянское «ордине», испанское «орден», португальское «ордем» и т.д.) тюркско-монгольскому слову «орда» (или «орта»; так, например, отряд в янычарской гвардии султанов турок-османов назывался «орта»), исконное значение которого — «ставка правителя (военачальника)», «военный стан», «военный лагерь», «упорядоченное войско» или «боевой порядок (строй)». Это одно из древнейших слов, вероятно, позаимствованных в незапамятные времена кочевыми племенами — предками народностей тюркского и монгольского корня — у древних иранских (арийских) кочевников, своих соседей по описанной в «Авесте» Великой Степи («Ариана Вэжа», «Арьянам Вайджа», «Арийский Простор»), наряду, например, со столь же древним словом «богатырь»-«богатур»-«богадур» «бахадур»-«батор»-«баатар»-«багадур» (происходящим от древнего арийского слова «баг(а)» — «Бог»); «богатырь» — человек, одаренный Богом силой, отвагой и доблестью; «богатый», «богач» — человек, одаренный Богом большим имуществом. Впрочем, довольно об этом...

Архетип ордена — на уровне идейной преемственности — связан с многоразличными структурами. Такими, как тайный союз пифагорейцев. Как каста воинов-спартиатов в древнем Лакедемоне. Как фиванские бойцы

«Священного отряда» Пелопида. Как сословие всадников-эквитов — знаменитое «ордо эквестер» — Древнего Рима (до его вырождения и превращения в касту сребролюбивых ростовщиков, откупщиков и торгашей). Как члены воинских союзов у древних германцев — дружинники-антрустионы франков, «люди-волки» лангобардов, берсерки, ульфхедины, варульвы, бьорнульвы, и свинфюлькинги норманнов дохристианской Скандинавии. Как «эвиониты»-ессеи (эссены), «ревнителы»-зилоты и «кинжальщики»-сикарии древней Иудеи времен земной жизни Спасителя. Как ирландские фианы-фении из «Красной Ветви» короля Конхобара Мак Нессы в столице древнего Ольстера Эмайн-Махе. Как африканские «люди-леопарды», «люди-львы» и «люди-крокодилы», вудуистские «тонтонмакуты», «заколдованные рубашки» индейских племен дакотов и сиу. Как адепты тайных обществ «Краснобровых», «Желтых повязок», «Красных повязок», «Красных кафтанов» и «Белого Лотоса» в древнем Китае. Как японские «буси»-самураи. И, не в последнюю очередь (а может быть — в первую, учитывая, что именно они оказали наибольшее влияние на непосредственно контактировавшие с ними духовные и военно-духовные ордены христианского Запада, а также нашедшие на том же Западе широкое распространение в последующие эпохи тайные общества розенкрейцеров, алхимиков, вольных каменщиков-«франкмасонов», карбонариев-«угольщиков», иллюминатов и проч. — вплоть до американского Ку-Клукс-Клана) — как мистики из тайных орденов суфиев-дервишей (многие из которых — Айссаа, Бекташи, Кадырийа, Кубравийа, Мевлеви, Накшбанди, Ниматуллахи, Рифайа, Сенусийа, Сухравардийа, Тиджанийа, Чишти, Шазимийа, Ясавийа и другие — существуют по сей день), карматов-батинитов и измаилитов-низаритов мусульманского мира.

Вся жизнь адептов этих организаций, имевших эзотерический, то есть тайный, скрытый от непосвященных («профанов») характер, и жесткую дисциплину, определялась (и определяется) кодексом, носившим (и носящим) не только морально-этический характер. Этот кодекс был направлен на приведение деятельности адепта в гармонию с порядком мироздания. Все эти (а также многие другие им подобные) тайные общества, ордены и организации всегда требовали от своих адептов не только строжайшей военной и общественной дисциплины, но и обязательного духовного послушания. Ибо считалось, что адепт ордена, руководствуясь в своем поведении этими послушанием и дисциплиной, будет действовать в согласии с непреложным законом, установленным самим Богом, Творцом Неба и Земли.

Почему же все эти вопросы, все эти, казалось бы, «дела давно минувших дней», до сих пор волнуют нас, современных людей XXI века?

В данной связи нам представляется уместным привести цитату из книги Майкла Бэйджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна «Мессеианское

наследие», посвященную анализу причин привлекательности «рыцарства». Естественно, речь идет о привлекательности рыцарства, понимаемого в широком плане, как членство в эзотерических организациях, обществах, орденах, или хотя бы причастность к ним, для современного человека, «утратившего корни».

При мысли же об этом современном человеке невольно сразу приходят на память два литературных героя.

Во-первых — незабвенный Джордж Огест Уинтерборн из бессмертного романа Ричарда Олдингтона «Смерть героя», который, вставив в рамки грамоты, удостоверяющие его принадлежность к разным тайным обществам и орденам, «вывесил их в самых неожиданных местах, чтобы они повергали непосвященных в изумление и трепет».

Во-вторых — незабвенный Люк Люббок из «Утопии-14» (известной также под другим названием — «Механическое пианино») Курта Воннегута, состоящий во множестве разных секретных союзов и проводящий все свое свободное — от скуки и безысходности серого будничного существования! — время в переодевании: то он — член братства «Королевских пармезанцев», красующийся в голубом, расшитом золотом мундире с пышными эполетами, грозно размахивающий обнаженной саблей; то — член тайного индейского общества «Заколдованных Рубашек» в соответствующем антураже; то — адепт некоего глубоко законспирированного и в то же время устраивающего публичные костюмированные шествия дервишско-суфийского ордена с накладной седой бородой в украшенном драгоценными (фальшивыми) камнями шелковом тюбане, бережно несущий — напоказ собратьям по ордену — огромный слоновий клык, испещренный таинственными письменами — ключом к позабытой измельчавшим миром Мудрости Былых Веков.

Итак, цитата:

«...современная политика — это во многом вопрос эффектной подачи и «упаковки» товара, то бишь политических фигур. Если «товар» упакован привлекательно, то есть вызывает интерес и симпатии, то рыцарство — «упаковка» как нельзя более привлекательная. Оно способно предложить красочные ритуалы, праздничную обрядовость и пышность миру, который все более и более лишается причастности подобным зрелищам и все сильнее сучает по ним.

Рыцарство дает чувство преемственности, традиции секулярному миру, отрезанному от древних корней и ощущающему свою беспочвенность (добавим к этому — «бogoоставленность» — В.А.). Оно способно предложить ощущение величия людям, которым с малых лет вдалбливают в головы чувство собственной ничтожности и мизерности. Людям, встающим против навязанной им беспомощности, одиночества и изоляции, рыцарство обещает и реально дает причастность к некоему общему делу,

единой братской идее, уходящей корнями в прошлое. Оно позволяет многим людям испытывать свойственное им тайное чувство причастности к некоей тайной «элите», пусть даже не являющейся особенно престижной в современном мире. Рыцарство может предложить иерархию ценностей, которая не является банальной и пресной, а зиждется на некоем ином, тоже традиционном, основании — основании, которое служит отражением некоего Божественного замысла или плана. Оно может предложить ритуализированный и потому имеющий особую санкцию свыше канал выражения разнообразных эмоций. Таким образом, рыцарство может являть собой воплощение принципа сплоченности, хранилища устоев веры и смысла бытия. В определенных условиях оно может стать аналогом веры, а его деятельность — эквивалентом смысла бытия. Громадный потенциал возрождения рыцарства наглядно продемонстрировала в годы Второй Мировой войны Япония, где самурайский кодекс чести — «бусидо» — ставший основополагающим принципом всей культуры Страны Восходящего Солнца, достиг своей кульминации в явлении, которое, на взгляд Запада, кажется проявлением самого дикого фанатизма — явлении *камикадзе*».

Добавим к сказанному, что весьма сходным явлением представляются действия какого-нибудь массового убийцы вроде Андерса Беринга Брейвика (не только объявившего себя «рыцарем-тамплиером», но и реально состоявшего в масонской ложе тамплиерского обряда) или самоубийственные акции современных радикальных исламистов, чьи «шахиды — мученики за веру» из рядов «Братьев-мусульман», «талибов», «Хезболлы», «Аль-Каиды», «Хамас» и всевозможных «джамаатов», и «фидаины» — аналог японских летчиков-смертников «камикадзе (да и вообще японских «токкотай» — этим термином обозначали всех добровольцев-смертников, не только летчиков) — черпают силы, вдохновляющие их на самоубийственные террористические акты в традициях, уходящих своими корнями в эпоху тайных орденов мусульманского Востока.

КАК ЭТО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

«Выступят порождения драконов Аравийских на многих колесницах и с быстротою ветра понесутся по земле, так что наведут страх и трепет на всех, которые услышат о них».

3-я книга Ездры, 15. 29.

С выходом на историческую арену пророка новой религии, ислама — это слово в переводе с арабского означает «покорность» (Богу) — Магомета, или, точнее, Мухаммеда (буквально: «Достохвального»; так был прозван своими арабскими последователями житель священного города Мекки Абу аль-Касим бен Абдаллах ибн Абд аль-Муталлиб ибн Хашим из древнего корейшитского рода Хашимитов, или, по-старому, Гашимитов), изменились весь ход истории и весь облик Ближнего Востока — колыбели Христианства.

Ислам как бы наложился на все предшествовавшие ему древние культуры и народности Переднего Востока, и, после утверждения силой оружия своего господства над ними, дал им новый Закон, изложенный в Коране — священной книге, продиктованной от имени самого Аллаха (Бога) Мухаммеду архангелом Джебраилом (аналогом архангела Гавриила христиан).

В 622 году Христианской эры произошло бегство (арабск.: «Хиджра») Мухаммеда из его родного города Мекки (где ему грозила кара за проповедь нового учения) в город Медину (Ятриб), соперничавший с Меккой («нет пророка в своем отечестве»). А к моменту кончины пророка Мухаммеда в 632 году Христианской эры (или к 10 году Хиджры, по новому мусульманскому летосчислению) он уже был повелителем всего Аравийского полуострова. Его воины-шахиды, одержимые, как исповедники всякой новой веры, религиозным пылом неофитов, устремили свои взоры на «неверный» Запад, намереваясь нести на остриях мечей учение своего пророка и туда. Халиф (преемник, наместник пророка) Омар (Умар), друг и советник Мухаммеда, в 638 году Христианской эры (или в 16 году Хиджры), отняв Святую Землю у христианской (Восточной) Римской империи

(именуемой на латинском языке «Империиум Романум», а на греческом, все более вытеснявшем латинский на востоке бывшей Римской мировой державы — «Василия Ромеон» и лишь впоследствии, задним числом, получившей в трудах западноевропейских историков уже после своего падения, название «Византийской империи» или просто «Византии», происходящее от первоначального названия ее столицы Константинополя — Византий, куда римский император Константин I перенес в 330 году столицу Римской империи, официально переименовав город во «Второй Рим» или «Новый Рим», в отличие от итальянского Первого, Ветхого, Рима на Тибре), завоевал Святой Град Иерусалим — духовный центр всего Христианского мира.

По авторитетному мнению академика Льва Николаевича Гумилева, мусульманская религия представляет собой, в сущности, вариант раннего, до-соборного христианства, почерпнутого молодым Мухаммедом из разговоров с караванщиками и купцами, приходившими в торговые города Аравии и, в том числе, в его родную Мекку, из богатых метрополий РOMEЙСКОЙ вАСИЛИИ (ставшего грекоязычным «Римского царства») — Пальмиры, Антиохии и Иерусалима. То христианство, которое они проповедовали, было особой христианской ересью — савеллианством, или учением Павла Самосатского (проповедью строгого единобожия, согласно которому Иисус был человеком, пророком, но не Богом Сыном, единосущным Богу Отцу) и модализмом (учением о проявлении единого Бога в разных лицах — в отличие от утвержденного в 325 году Первым Никейским Вселенским собором Христианской церкви учения о нераздельной и неслиянной Божественной Троице). Савеллианское лжеучение было отвергнуто еще Никейским собором, но сохранилось, даже после проведения в жизнь решений этого собора, в Сирии и Аравии. Приняв эту христианскую ересь за подлинное христианство, Мухаммед и вообразил себя проповедником истинной веры в Бога ветхозаветных патриархов Ибрагима (Авраама), Исаака (Исаака) и Якуба (Иакова), якобы искаженной как современными ему талмудистами-иудеями, так и христианами господствующей у ромеев-«византийцев» Православной церкви (в ту эпоху православную веру исповедовали христиане не только Востока, но и Запада; разделение христианской церкви на римско-католическую и греко-кафолическую, или греко-православную, произошло лишь в 1054 году, да и после этого официального акта взаимного отлучения от церкви папы римского Льва IX и Патриарха Константинопольского Михаила I Керулария, еще долго носило формальный характер).

Говоря об исламе как религии и об изначально присущем этой религии стремлении к экспансии, необходимо учитывать следующее обстоятельство.

С точки зрения ислама весь обитаемый мир подразделяется на три «области» или «зоны»:

- 1) «Дар-аль-Ислам»;
- 2) «Дар-аль-Харб»;
- 3) «Дар-ас-Сульх».

Это три «области» или «зоны» обитаемого мира (именуемого древними греками «ойкуменой», а древними римлянами — «экуменой» или «кругом земным», «орбис террарум»), модель которых определяет три «подобласти», особый правовой, морально-нравственный и гуманитарный режим действий.

«Дар-аль-Ислам» — это область, в которой проживает мусульманская «община равных» («умма»), объединенная истинной верой в Единого Бога (и не знающая национальных различий). В этой области все устроено в соответствии с Божественными Установлениями («волей Аллаха»).

«Дар-аль-Харб» — это область, в которой мусульмане живут под властью немусульман («кяфиров» или «гяуров», то есть «неверных»). Там (выражаясь современным языком) «не действует обычное международное гуманитарное право». Война в этой области ведется по особым законам. Пленных не берут. Дозволено брать в заложники женщин, детей и стариков и торговать ими.

«Дар-ас-Сульх» — область, в которой (пока что) нет мусульман. В отношении этой области следует в течение десяти лет соблюдать перемирие, после чего необходимо рассмотреть, что делать с данной территорией, как ее захватить и освоить, то есть исламизировать.

В эпоху, предшествовавшую началу периода Крестовых походов, начавшегося в конце XI века по Рождестве Христовом, христианская Европа (Западная, Южная и Восточная) стояла перед крайне опасной перспективой постепенного освоения и захвата ее мусульманскими завоевателями.

К 700 году Христианской эры вся христианская восточно-римская (ромейская) Африка оказалась под властью арабов-мусульман. Через одиннадцать лет охваченные воинственным пылом арабы-мусульмане и обращенные в ислам берберы, («мавры») захватили обширные территории царства православных германцев-вестготов в Испании, а в 20-е гг. того же VIII столетия мировая мусульманская держава (Арабский Халифат) со столицей, расположенной первоначально в Медине, затем — в Дамаске, а впоследствии — в Самарре и Багдаде, уже простиралась от Пиренеев и Луары до Индии и Китая.

В 732 году франкскому полководцу Карлу Мартеллу — деду Карла Великого (Шарлеманя) и прародителю всех будущих императоров «Священной Римской империи» из франкской династии Каролингов — с величайшим напряжением сил удалось нанести поражение войску арабского правителя-вали покоренной мусульманами Испании Абд-ар-Рахману под городом Пуатье и таким образом остановить дальнейшее продвижение магометан в христианскую Западную Европу. Память о поражении, нанесен-

ном франками магометанам при Пуатье, настолько врезалась в сознание мусульман (хотя они еще много десятилетий и даже столетий продолжали нападать и наводить страх на Европу, в особенности — Францию и Италию, отняв у римеев Сицилию, разрушив в 841 году Капую, подвергнув осаде в 846 году Первый, Ветхий Рим на Тибре, а в 871-873 гг. — Салерно и т.д.), что с тех пор последователи Мухаммеда традиционно именовали всех своих западноевропейских противников «франками». Почти одновременно — в 751 году — войско арабского полководца Зияд ибн Салиха, при поддержке тюркского племени карлуков (принявших ислам), разгромило в битве при Таласе армию китайской империи Тан, положив конец претензиям китайцев на Среднюю Азию, ставшую мусульманским регионом (хотя и не сразу). Между прочим, когда автор настоящих строк учился в шестом классе, то в нашем (советском) учебнике истории Средних веков об этой судьбоносной битве было, в вопиющем противоречии с историческими фактами, сказано, что китайские войска после упорного сражения, продолжавшегося целый день, разгромили войска арабских захватчиков. Видимо, партийная установка о том, что «Русский с китайцем — братья навек / Крепнет единство народов и рас, / Плечи расправил простой человек, / Сталин и Мао слушают нас! / Москва-Пекин!..» и т.д., еще не была в то время окончательно выброшена брежневским режимом на свалку истории. Причем данная китаефильская версия оказалась настолько живучей, что пережила и Сталина, и Брежнева, и Мао, и СССР, войдя и в современные российские издания. Так, например, даже такой уважаемый автор, как Вячеслав Олегович Шпаковский, написал на стр. 31 своей весьма содержательной и прекрасно иллюстрированной книги «Рыцари Востока» (М., Поматур, 2002): «В 732 году в битве при Пуатье во Франции войско арабов и берберов было разгромлено франками. В 751 году около Таласа (ныне город Джамбул в Казахстане) победу над ними (арабами — В.А.) одержали КИТАЙЦЫ (выделено нами — В.А.)». Впрочем, это так, к слову...

В результате успешной военной экспансии «народа ислама» западная граница «державы правоверных» — Арабского Халифата — отстояла в VIII веке после Рождества Христова от ее восточной границы на более чем десять тысяч километров. Таким образом, Халифат значительно превышал по своим размерам все предшествующие ему в мировой истории великие державы — Древнеперсидское царство Ахеменидов, государство Александра Македонского, Парфянское и Кушанское царства, Римскую империю и Новоперсидскую державу Сасанидов.

В завоеванных и исламизированных ими, в первую очередь, силой меча (и уж во вторую очередь — силой проповеди новой веры) странах мусульманские завоеватели столкнулись с высокоразвитыми культурами, которые были ими сохранены и использованы себе на потребу. Речь шла

о древнейших в мире культурах, слившихся воедино благодаря влиянию древних греков и римлян, и позднее заложивших основу всей христианско-европейской культуры и цивилизации. Один из крупнейших культурных центров Древнего Мира и раннего Средневековья располагался в Междуречье, Двуречье, или, по-гречески, Месопотамии (в пространстве между упоминаемыми еще в общем для иудеев и христиан Ветхом Завете реками Тигром и Евфратом), другой — в Египте. Территории, расположенные между ними, испокон веков были желанным яблоком раздора между господствовавшими на Ближнем Востоке державами. Это состояние могло оказаться для них чрезвычайно опасным в случае, если бы Месопотамия-Двуречье и Египет оказались под властью одной державы, проводящей единую политику.

Во все времена, как тогда, так и ныне, Сирия и Палестина в такой ситуации оказывались как бы между двумя жерновками. Сегодня мы даже не можем представить себе, насколько богатыми и процветающими были в прошлом эти неоднократно перемалываемые беспощадными жерновками истории страны, именуемые Святой Землей или Землей Воплощения (Господа Иисуса Христа), некогда текшей, по выражению папы римского Урбана II, «млеком и медом». Хозяйство этих древних областей, вследствие многочисленных войн, не прекращающихся и поныне, пришло за последние столетия в глубокий упадок, причем оказалась практически уничтоженной древняя оросительная система, а население было поставлено на грань вымирания. В эпоху поздней Римской империи в этой нынешней «святой пустыне» располагалось бесчисленное множество древних городов с сотнями тысяч жителей.

Накануне Крестовых походов в Сирии и Палестине существовали блестящие университеты — центры утонченного образования (например, Каирский университет Аль-Азхар или Багдадский университет Низамийя, основанный вазиром сельджукских султанов Низам аль-Мульком, о котором у нас еще пойдет речь далее), в полной мере унаследовавшие культуру и науку поздней Античности. Следует заметить, что в предшествующую завоеванию Востока арабами-мусульманами ромейскую («византийскую») эпоху даже земли вокруг нынешнего Багдада были населены христианами — как православными, так и верующими, принадлежавшими к другим древним христианским церквям. Ведь именно покоренные мусульманами Армения, Месопотамия, Палестина, Сирия и Египет были теми землями, на которых раньше всего утвердилось христианство.

Хотя исламское завоевание не обошлось без неизбежных в таких случаях жестокостей, новые арабские владыки Переднего Востока очень скоро приспособились к новой для них ситуации и всего через несколько поколений полностью растворились в местном населении. Довольно скоро Халифат распался, сохраняя прежнее единство лишь формально.

К началу эпохи Крестовых походов на Ближнем и Среднем Востоке существовало бесчисленное множество мелких государств, не имевших между собой ничего общего, кроме мусульманской веры и арабского языка (но дружно противостоявших всем «гяурам», «кафирам», «неверным», врагам ислама). Этот официальный государственный и священный язык, на котором велось судопроизводство и был записан Коран, объединял все исповедовавшие ислам народы от Индии до Испании и превращал их всех в «арабов» — членов единой мусульманской общины (упомянутой выше «уммы»), независимо от происхождения и даже разговорного языка.

На Западе всех мусульман именовали «магометанами» (по основателю их религии пророку Мухаммеду, которого христиане именовали «Магометом»), «сарацинами» (по названию одного из мелких арабских племен, известного еще древним римлянам и игравшего определенную роль в бесконечных войнах между сначала языческим, а затем христианским Римом, с одной, и аршакидской Парфией, а позднее — сасанидской Персией, с другой стороны), «агарянами» (в честь Агари — наложницы библейского патриарха Авраама, или Ибрагима, родившей ему сына Измаила) или же «измаильтянами» — в честь вышеупомянутого Измаила, считавшегося прародителем всех кочевых племен Аравийского полуострова (просьба не путать с измаилитами, о которых у нас пойдет речь далее).

Чем же объяснялись столь быстрые успехи исповедников новой веры, возвещенной пророком Мухаммедом первоначально лишь арабским племенам Хиджаза, а затем — всему миру?

О СИСТЕМЕ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У МУСУЛЬМАН

А. ЧЕМУ И КАК УЧИЛИСЬ БЕДУИНЫ

Самобытная школа, готовящая воинов-кочевников Аравии к адекватным действиям в условиях реального боя, существенно повышающая их боеспособность, выживаемость и стимулирующая защитные функции человеческого организма, образовалась задолго до появления на исторической сцене пророка Мухаммеда. Суровые климатические условия Аравийского полуострова ставили перед бедуином-кочевником («бедави», то есть «сыном пустыни»), особо острую, в постоянной борьбе за существование, проблему выживания. Человек в процессе существования как вида никогда не был «особым интеллектуалом», и особенно много на уровне сознания не размышлял. Бедуин существовал во враждебной окружающей среде и поэтому для него, как правило, оказывалось не так важно, что именно он решал предпринять в условиях надвигающейся опасности (ударить, убежать или просто спрятаться). Важно было, как быстро он принимал то или иное решение. Человек, который слишком долго выбирал (естественно, при всех прочих равных условиях), очевидно, и не выживал, и, соответственно, не передавал эту свою неспособность выжить дальше, следующим поколениям. Поэтому способность к быстрому, в гораздо большей степени подсознательному, чем сознательному, выбору очень хорошо закрепилась в бедуине и, вообще говоря, делала возможной его жизнь как таковую. Проблема выживания породила такой род деятельности бедуина-кочевника, как защита от хищных зверей, охота, скотоводство и оборона от соседних племен. Эта проблема и определила необходимость передачи знаний от поколения к поколению. А передача знаний вне специальной педагогической практики невозможна.

Цель обучения и воспитания воинов — подготовка защитника своего племени — кочевникам-бедуинам пред-

ставлялась двояко: с одной стороны, необходимо было добиться практических результатов, передать воспитаннику знания, навыки, умения, ценностные ориентиры и т.п., с другой — приобщить его к традиционным способам деятельности, как то велел обычай.

Задачей обучения и воспитания являлось наделение члена племени морально-этическими нормами и знаниями, необходимыми в кочевом хозяйстве и военном деле, в соответствии (в основном) с двумя главными законами морального кодекса: законом гостеприимства и законом кровной мести.

Воплотить в жизнь цели воспитания можно было, лишь сделав достоянием подрастающих поколений определенный социальный опыт, приобщив их к культуре, созданной предыдущими поколениями. Содержанием воспитания выступал процесс формирования норм, относительно которых человек оценивает характер своего сосуществования с общим целым (родом, племенем и т.п.), основанным на таком базовом свойстве человеческой психики, как способность подсознания фиксировать то сочетание особенностей жизни человека в условиях кочевого строя Аравии, при котором у кочевника возникало ощущение единства и отсутствия противоречий. Фиксировать это сочетание особенностей и условий как единое целое, как норму, и затем воспроизводить для сравнения с текущими условиями. Процесс формирования норм основывался также и на другом бытовом свойстве человеческой психики, заключающемся в способности человека на уровне эмоций, подсознания, чувств отождествлять себя с другими людьми (как правило — с авторитетами племени, героев сказаний и т.д.). Безусловно, учитывался и фактор, имеющий генетически-биологическую основу (естественно, интуитивно, на подсознательном уровне).

Этот процесс формирования норм, естественно, не мог быть адекватно и своевременно усвоен вне специальной педагогической деятельности. С точки зрения воспроизводства человека как субъекта социальной деятельности у кочевых народов Аравии необходимо было, чтобы он усвоил основные пласты культуры (а затем воспроизводил их, как норму):

- 1) Опыт, обеспечивающий воспроизводство материальных условий жизни;
- 2) Опыт, обеспечивающий воспроизводство общественных отношений;
- 3) Опыт, обеспечивающий воспроизводство духовной жизни;
- 4) Опыт, обеспечивающий защиту своего племени от внешних врагов.

В качестве средства воспитания широко использовался язык, опосредовавший все виды общения, ритуалы, представляющие собой социально значимые стереотипы поведения, воспроизводимые в различных жизненных ситуациях, фольклор, представляющий собой совокупность представлений о природе и обществе.

Средства воспитания использовались в структуре педагогических методов, среди которых особое место принадлежало одобрению или

неодобрению действий воспитуемого, совместно разделенной деятельности, примеру, упражнению.

Воспитатели широко использовали внушение, вовлекая молодежь в коллективные обряды. Воспитательный процесс у арабских кочевников-бедуинов выступал в двух формах:

1. В форме, синкретически слитой с другими видами социальной деятельности, включенной в повседневное общение. Воспитание осуществлялось как бы в процессе развития жизненных ситуаций, в ходе развертывания которых возникала потребность передавать неопытному подростку определенные знания, умения, навыки, необходимые для выполнения им социально значимых действий или формирования общественно значимого отношения к различным событиям и явлениям.

2. Практиковалось также воспитание молодежи в рамках специальных институтов, которыми являлись: обряды посвящения в полноправные члены бедуинского племени, различные ритуалы и так называемые «школы на верблюдах».

Основным методом передачи знаний были обучение танцу воина-кочевника и различные религиозные обряды, которые консервировали в символике психомоторных движений самые трагические эпизоды борьбы за выживание. Процесс обучения воинским обрядам практически и являлся процессом передачи знаний и формой обучения вообще. В процессе обучения и воспитания участвовало все бедуинское племя.

Документальные источники утверждают, что обучение и воспитание воинов Аравии доисламского периода осуществлялось в двух формах:

- 1) глубоко в пустынях, в так называемых «школах на верблюдах»;
- 2) в городах.

До появления ислама, у бедуинов, хотя и имелось тяготение к оседлому образу жизни — государственности, что подтверждается существованием у арабов городов, преобладающим общественным строем являлся родоплеменной кочевой строй. В «школах на верблюдах» обучение и воспитание воинов выполняло развивающую и воспитательную функцию, что вполне удовлетворяло кочевников. Юношей учили верховой езде, владению мечом, копьем, ножом, кинжалом, дротиком («джидом», или «джеридом»), луком со стрелами, организации обороны племени, методам совершения набегов на соседние племена. В городах обучение и воспитание, помимо развивающей и воспитательной функций, выполняло еще и образовательную функцию. Защитников (воинов гарнизона) и охранников (воинов городской стражи, или, выражаясь современным языком, полиции) арабских городов обучали чтению; письму; математике (арифметике, то есть искусству счета; геометрия в курс их обучения не входила); музыке; искусству стихосложения (поэзии); воинскому мастерству, заключавшемуся в технике владения мечом, копьем, ножом, кинжалом, дротиком

и луком со стрелами; умению обращаться с техническими средствами (боевыми машинами), предназначенными для обороны городов; методам несения сторожевой службы и методам обороны городов.

Таким образом, воспитание и обучение арабских воинов носило характер, ориентированный на воспроизводство традиционных, обрядовых, религиозных, ритуализированных форм. Культура, усваиваемая молодыми людьми, была освящена тысячелетней практикой и носила обязательный для всех характер. Различия в воспитании определялись лишь различиями пола, которые были естественными и всеобщими. Девочкам отводилась роль продолжательниц рода, а в общественной жизни — ведение домашнего хозяйства. Воспитание было направлено не на обновление, а на воспроизводство ранее созданных образцов. Все это в совокупности и определяло эффективность и высокую результативность образования бедуинов.

Б. ЧТО НОВОГО ПРИВНЕС В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ПРОРОК МУХАММЕД

На рубеже VI–VII веков Христианской эры в арабском мире произошли стремительные перемены, вызванные переходом от традиционного кочевого родоплеменного строя к ярко выраженному классовому обществу, порождая в сердцах большинства арабов чувства уныния и отчаяния. Для людей, мыслящих традиционными понятиями, жизнь становилась попросту непереносимой — унылой, бессмысленной, унижительной и нелепой. Так или иначе, нужно было вырабатывать такое мировоззрение, которое позволило бы человеку и в условиях явной социальной несправедливости ощущать ценность и осмысленность жизни.

При разработке новой религии и, соответственно, новой системы мировоззрения — ислама — пророк Мухаммед умело использовал главные черты национального характера арабов: безграничную преданность в любви и дружбе, верность долгу (в том числе — и даже преимущественно — долгу кровной мести), мужество в борьбе со всеми внешними опасностями (воспитанное суровой, полной лишений кочевой жизнью в пустыне) и страсть к смелым подвигам (постоянно подпитываемая непрекращающимися междоусобицами). Эти главные положительные черты арабского национального характера, выражающие решительно преобладание в нем субъективной, личной стороны духа.

Перечисленным выше положительным чертам арабского характера вполне соответствовали и отрицательные: равнодушие к объективной истине как таковой, к истине внешнего фактора, сварливость и, наконец, то упрямство, о котором даже сам пророк Мухаммед вынужден был свидетельствовать в Коране в следующих выражениях: «Арабы пустыни самые упрямые в неверии и обмане» (не случайно Мухаммеду потребовалось на покорение Аравийского полуострова немногим меньше времени, чем его приемни-

кам-халифам — на завоевание Святой Земли, Северной Африки и Персидского царства Сасанидов). Эти стороны и особенности сильного и в своих недостатках арабского национального характера Мухаммед умело использовал при создании своей исламской системы мирозерцания.

Он отчетливо понимал одну простую истину. Для того, чтобы объединить вокруг себя кочевые племена Аравии, необходимо разработать систему взглядов, положений и рекомендаций, предлагающую решение наиболее важных, ключевых вопросов жизни человека. Причем предлагающую решение их таким образом, чтобы с этой системой взглядов и положений соглашался и воспринимал ее, как свою, практически любой кочевник-бедуин (вне всякой зависимости от его социального положения и рода занятий).

Исходная система понятий, разработанная пророком Мухаммедом, была такова, что с ее помощью можно было легко формализовать, проанализировать, оценить любое явление реальной жизни кочевника. Ответить на основной вопрос — смысла и цели человеческой жизни. Разрешить извечную проблему жизни и смерти.

Сама жизнь показывала, что большая часть успеха зависит от правильного и адекватного восприятия положений Корана, а правильное восприятие невозможно без педагогической практики, для этого же, в свою очередь, нужна система воспитания и обучения. И Мухаммед занялся этой проблемой.

Он формализовал общую цель обучения и воспитания. Общая цель обучения и воспитания — распространение ислама среди самых широких слоев населения. Цель воспитания — формирование морально-этических норм воина ислама, закрепленных на уровне сознания и подсознания.

Цель обучения заключалась в наделении воина ислама теоретическими и практическими добродетелями (знаниями, умениями, навыками), закрепленными на уровне долговременной памяти.

Задачи военного обучения и воспитания сводились к работе с детьми и подростками, со взрослыми членами племени, как в мирное, так и в военное время. В наделении их морально-этическими нормами и знаниями, заложенными в религии (идеологии) ислама, обеспечивающими состояние единства части (индивидуума, конкретного человека-муслима) и целого (мусульманской общины — «уммы», совокупности частей, окружающих индивидуум людей-единомышленников), реализованное через неустанный стремление к Богу (Аллаху).

В качестве смысла жизни всякого мусульманина (главной задачи воспитания) — того, к чему его должно было, прежде всего, готовить воспитание, рассматривались послушание, повиновение, покорность («ислам») воле Аллаха, исполнение всех религиозных и прочих обязанностей, предписанных Богом и являющихся священным долгом всякого правоверного

муслима. Правильное, адекватное восприятие положений Корана должно было обеспечивать состояние и чувство удовлетворенности жизнью. Иными словами, смысл и цель жизни любого мусульманина должны были заключаться в его стремлении к единству с общим целым — «уммой», окружающими людьми, реализованном в стремлении к тем нормам (по которым он оценивал характер своего сосуществования с «уммой», как с общим целым), которые сформировались у него в процессе обучения и воспитания.

Воспитание рассматривалось как способ наделения муслима этически-ми (нравственными) добродетелями, для чего считалось важным привить ему привычку совершать правильные действия, вести себя должным образом.

Образование считалось и было для всякого арабского воина обязательной составной частью воинского искусства. В доисламский период школа обучения и воспитания арабских воинов существовала, в основном, в качестве развивающего и воспитательного учреждения, и вполне соответствовала критериям воинской подготовки. Образовательный аспект присутствовал лишь в рамках обучения воинов, осуществляемого в арабских городах. С появлением ислама школа подготовки воинов приобрела, в дополнение к вышеуказанным нами функциям, также ярко и четко выраженную образовательную функцию и функцию психологической подготовки. Пророк Мухаммед взял курс на обновление и дополнение разработанных ранее форм обучения и воспитания воинов.

Как известно, религия является универсальным механизмом психологической подготовки (в том числе, и механизмом снятия противоречий, возникающих в жизни человека) в силу весьма многогранного воздействия на человека: с одной стороны, религия может снимать у человека противоречия в его мировоззренческой сфере существования, с другой — включает человека в непротиворечивое сообщество единомышленников, а также обладает очень мощным и эффективным механизмом обращения к подсознанию человека, его оздоровлению. Религия является также единственным сравнительно эффективным механизмом снятия абсолютно неразрешимых другими способами противоречий типа противоречия «жизнь-смерть», что мы наблюдаем в сурах Корана пророка Мухаммеда.

И обучение, и воспитание основывались на обретении молодым человеком (или молодым воином ислама, что мыслилось, как одно и то же) истинного знания. Знанию придавалось исключительно большое значение. Оно подразделялось на:

1. Предвечное и всеобъемлющее Божье знание, являющееся одним из символов всемогущества Бога (Аллаха);
2. Человеческое знание — обычное (мирское, секулярное) и религиозное (равное вере).

Вера на исламском Востоке в известной степени отождествлялась со знанием. При этом вера противопоставлялась неверию, а знание — неведению (невежеству). Стремление к знанию рассматривалось, как долг каждого мусульманина (и это представляется нам особенно важным). Обладание знанием в глазах общества, с точки зрения общественного мнения, ценилось выше, чем обладание собственностью. Считалось, что в идеале всякий образованный человек должен быть беспристрастным, ибо знание больше, чем собственность.

Собственность уменьшается по мере расходования, в то время как знание возрастает.

К овладению знанием, согласно принятой в Арабском Халифате точке зрения, вело четыре пути:

- 1) Усвоение исламских традиций;
- 2) Мистическое озарение;
- 3) Понимание посредством логического рассуждения;
- 4) Энциклопедическое знание.

При этом настойчиво подчеркивалась взаимосвязь между знанием и действием (делом, поведением), которая, в частности, должна была обеспечиваться единством должного обучения и воспитания. Все это делало проблему образования одной из центральных проблем в жизни Арабского Халифата.

Уточняя формы существования обучения и воспитания воинов в Халифате периода правления пророка Мухаммеда и первых четырех (праведных) халифов, отметим появление многоступенчатости образования:

- 1) семейное (домашнее) обучение и воспитание;
- 2) начальная школа,
- 3) средняя ступень;
- 4) высшая ступень.

Основную часть учеников начальной школы составляли дети торговцев и ремесленников, в меньшей степени — дети крестьянской верхушки. Феодальная аристократия, выделившаяся со временем из «уммы» (являвшейся, по первоначальному замыслу пророка Мухаммеда, «общинной равных»), предпочитала пользоваться услугами домашних учителей. В программе домашнего образования, наряду с Кораном, молитвами, физическим воспитанием, осваивали чтение, письмо, счет; уделялось внимание также изучению грамматики и литературы.

Со второй половины VII века школы существовали не только в городах, но и в крупных селениях исламского мира. Значительная часть населения Халифата была грамотна (в отличие от большей части населения стран тогдашнего Христианского мира). Так же, как в античном греко-римском и в ромейском христианском обществе, начальная школа в средневековом мусульманском мире была частной. Учитель договаривался с родителями

учеников об условиях обучения. Обычно плата за обучение была невелика.

Общая направленность обучения и воспитания, даваемая мусульманской школой, соответствовала духу семейного воспитания. Именно семейное воспитание, в значительной мере, обеспечивало адекватность передачи знаний из поколения в поколение. Оно также было проникнуто духом ислама, установления которого строжайшим образом исполнялись в повседневной жизни. Это создавало исключительно благоприятную и благотворную почву для более глубокого изучения и постижения религии в процессе школьного обучения. Научить молодого человека не только читать Коран, но и обучить его военному делу (дабы он в равной степени владел как духовным мечом — словом Божьим, так и материальным, железным, мечом — не зря клинок меча пророка Мухаммеда — Зульфикара — был раздвоен) считалось религиозным долгом всякого учителя.

На средней и высшей ступени образования обучение чаще всего осуществлялось при мечетях (мусульманских молитвенных домах). В наиболее крупных мечетях в свободное от богослужений время занимались десятки классов. Такие классы именовались «кругами».

Изучаемые предметы делились по своему содержанию на две группы:

- 1) традиционные;
- 2) рациональные (умопостигаемые).

В первой группе главную роль играли религиозные дисциплины: толкование Корана, интерпретация устных преданий о жизни пророка Мухаммеда (хадисов), мусульманское право и теология (богословие). Кроме того, в рамках данной группы предметов изучались арабская филология (грамматика, стихосложение, литературоведение и риторика).

Вторую группу изучаемых предметов составляли: логика, математика, астрономия, медицина и другие естественнонаучные дисциплины, а также связанные с ними философские концепции, идущие, в основном, от древнегреческого «царя философов» Аристотеля (или, по-арабски, Аристоталиса), высоко почитаемого как в христианском, так и в мусульманском мире.

На всех ступенях образования обязательным было военное обучение и воспитание. Таково было требование времени. Каждый мусульманин рассматривался, прежде всего, как воин Аллаха, защитник ислама, призванный своим мечом не только защищать истинную веру, но и распространять ее по всему миру.

В этот исторический период развития общественной системы Халифата, на основе пяти основных молитв, происходит формирование методических систем психофизиологической саморегуляции, в основу которых закладываются практические аспекты гармонизации тела и духа: «регулирование сознания», «регулирование дыхания» и «регулирование тела». Исходным положением в этой практике является психологический

настрой, произнесение определенных звуков (это, как правило, молитвы), сопровождающееся физическими боевыми упражнениями. При условии правильности этих действий в сознании возникает определенный набор образов-символов (набор этих образов-символов был отображен на щитах мусульманских воинов и на украшениях разного рода военного снаряжения; на всех этих предметах изображены базовые ключевые образы, служащие наглядными методическими пособиями), что позволяет при правильном сочетании «звук-упражнение-дыхание-символ» привести ритм всего организма в соответствии с суточным ритмом Земли. Это значительно укрепляет здоровье, повышает работоспособность и выносливость, а также стимулирует умственные способности человека, обеспечивает его быструю адаптацию к разного рода стрессовым ситуациям. Упор в рамках данной практики делался на индивидуальный учебно-воспитательный процесс. Основу практики составляла военная гимнастика, каждому упражнению соответствовал не только определенный мыслеобразный символ, но и определенное звуковое сочетание — молитва. Об этом писал Абд аль-Гамид (Хамид) в своем труде «Правила удачной уловки». В процессе обучения уделялось особое внимание основным базовым боевым упражнениям, к совокупности которых можно было свести все остальные. Большое значение придавалось обучению правильному ритму выполнения этих боевых упражнений. Именно ритм боя был одним из ключевых понятий военного обучения у мусульман.

В. ЧТО НОВОГО БЫЛО ПРИВНЕСЕНО В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ПРИ ОМЕЙЯДАХ

Очередной этап в развитии обучения и воспитания воинов армии Арабского Халифата связывается источниками с приходом к власти халифов из династии Омейядов (Омайядов, Умайядов, Умейядов) в 661 году. В этот исторический период развития общественного строя Арабского Халифата началась реорганизация его вооруженных сил, вызванная целым рядом факторов. К числу этих факторов относились: усилившийся в ходе успешных завоевательных войн процесс феодализации арабского общества, необходимость ведения боевых действий на неприятельской территории, необходимость держать в повиновении многочисленное население завоеванных стран и низы арабских племен, чтобы обеспечить возможность беспрепятственной эксплуатации обширных и богатых завоеванных иноплеменных областей, необходимость защиты и охраны городов и, наконец, необходимость продолжения безудержной территориальной экспансии, вытекающей из самой сущности ислама, как религии покорения (приведения к истинной вере) Вселенной, прежде всего, силой меча. Все эти факторы требовали создания более организованной и более централизованной военной силы, чем племенные ополчения предыдущего исторического периода. Кроме того, огромное исламское государство нуждалось в хорошо организованной администрации, которой, естественно, изначально не было, да и быть не могло в первичной ячейке исламской цивилизации - небольшой мусульманской общине арабов Хиджаза времен выхода пророка Мухаммеда на историческую арену.

При Омейядах, перенесших столицу единого исламского государства из Медины в Дамаск, в Халифате появились перенятые у Новоперсидского царства Сасанидов государственная канцелярия, органы управления финансами и ха-

лифатскими земельными владениями. По иранским и ромейским образцам были учреждены почтовое ведомство и полиция (государственная и городская стража). В связи с большой потребностью государства в квалифицированных чиновниках появилась потребность в создании системы народного образования. Были организованы и другие государственные учреждения, началась разработка правовая основа исламского государства, по своей юридической значимости не уступающей римскому праву. Возникла и необходимость в патриотически настроенной, преданной делу ислама аристократии.

Проведенная омейядским халифом Муавией I военная реформа, суть которой заключалась в создании хорошо организованной централизованной административной системы (центральный военный округ — региональный военный округ — город-база — пограничные воинские формирования, полиция) и в создании органов управления (канцелярия, финансовое и почтовое ведомство), потребовала новых подходов к обучению и воспитанию воинов ислама. Была разработана военно-педагогическая концепция, в рамках которой армия рассматривалась не только как вооруженная сила, но и как средство распространения мусульманской веры. Догматические основы ислама разрабатывались в виде всеобъемлющей универсальной системы философских, социальных, нравственных, правовых взглядов и идей, призванных обеспечить победоносное шествие арабов-мусульман по всей обширной территории Ближнего и Среднего Востока — для начала, а уж опосля...

Стиль жизни Арабского Халифата и присущая ему религиозная идеология, пронизывающая все аспекты этой жизни, ставили перед всяким педагогом (воспитателем, наставником, учителем) задачу интегрировать воспитуемого в господствующую и подлежащую безоговорочному, безусловному принятию систему исламских религиозно-этических норм, помогать в их освоении и усвоении, как разумом, так и сердцем.

Всякий правоверный мусульманин был обязан:

- 1) уверовать всем сердцем в Аллаха,
- 2) провозгласить (открыто исповедовать) свою веру,
- 3) совершать добрые (богоугодные) поступки, обусловленные искренними намерениями (а не ханжеством и лицемерием).

Вера, сопровождаемая подобающим ей поведением — приобретенное качество. В его формировании важное место отводилось воспитанию.

Исполнение мусульманином своего долга связывалось не только и не столько со стремлением к воздержанию и разумному самоограничению, сколько со способностью приобретать мирские блага в пределах, необходимых для обеспечения себя и своих близких средствами к существованию. Формирование этой способности также связывалось с соответствующим воспитанием и обучением.

Говоря о целях и средствах воспитания, мусульманские теоретики описываемого периода исходили из соответствующих идей античных, преимущественно греческих, ученых (благодаря огромной переводческой работе, проведенной в VII–VIII веках, мусульманскому миру стали известны почти забытые в тогдашней христианской, в первую очередь — Западной, Европе труды многих эллинских авторов — Аристотеля, Гиппократ, Платона, Феофраста, Евклида, Архимеда, Галена, Птолемея, Порфирия, Прокла, Плотина и др.). Античные философы учили, что все нравственные качества являются не врожденными, а приобретаются человеком в результате упражнений, привычки и навыка. Что велика роль воли, с помощью которой человек вырабатывает в себе умение сознательно выбирать желаемое между чувственными и духовными потребностями. Это впоследствии становится нормой, обязательной чертой характера, вырабатывается определенный духовный облик человека. Духовный облик человека, его характер формируется, изменяется, в силу различных объективных и субъективных воздействий, факторов — таких, как, например, общественная среда, воздействие воспитателя, человеческая воля и др. Самое существенное проявление воли — свобода, когда человек умеет выбирать между чувственными и духовными потребностями. Но то, что вначале было результатом свободного решения, со временем становится обязательной чертой характера. Хотя Аристотель и говорил об этике, но его трактовка нравственных правил и их кодекса носила лишь универсальный и абстрактный характер, без связи с чем-либо другим. Как известно, любой нрав, если его рассматривать в общем, способен передаваться и изменяться даже в трудных условиях. Ни одна черта характера не избегает изменения и передачи.

Нравственное воспитание всякого мусульманского воина начиналось с воспитания у него главных свойств — качеств, которые не исчезают вообще или исчезают лишь с трудом. При этом следовало исходить из того, что все нравственные качества, как положительные, так и отрицательные, не присущи человеку от рождения, а приобретаются.

Воспитание того или иного нрава зависит от окружающей среды, воли и желания воспитуемого. Вначале следует прививать какую-либо устойчивую привычку, под которой следует понимать длительное повторение какого-либо одного действия.

Необходимые нравы заложены, кроются в природе человека, но они только через сознательное, систематическое воспитание реализуются, осуществляются в человеке.

Для того, чтобы у военного человека выработался определенный нрав, необходима привычка к совершению соответствующих действий. Доказательства того, что нравы образуются от привычки, были видны на примерах гарнизонов, дислоцированных в мусульманских городах-базах, которые готовили воинов с учетом особенностей конкретного театра военных

действий. Политические деятели должны были «делать жителей городов добрыми, приучая их творить добро».

Таким образом, при формировании духовного облика человека, по мысли мусульманских педагогов, решающее значение имели такие факторы, как общественная среда, взаимоотношения людей в общественном объединении и человеческая воля.

В процессе ведения активных боевых действий с врагами внешними («неверными») и внутренними (мусульманами-бунтовщиками, часто выступавшими под знаменем той или иной исламской ереси) армия Халифата несла большие потери. Она нуждалась во все большем числе хорошо обученных воинов. Возникла потребность в ускоренной массовой подготовке новобранцев к ведению боевых действий. Соответственно, стала получать все большее развитие форма военного обучения и воспитания, предложенная еще четвертым (праведным) халифом — «хызратом» («хазратом», «хазретом») Абу-ль-Хасаном Али ибн Абу Талибом аль-Кураши, часто именуемым просто Али (о котором мы будем еще не раз говорить на страницах этой книги), двоюродным братом, соратником и зятем пророка Мухаммеда. Стали особенно активно внедряться в государственную практику обучения ее методы, позволяющие достигнуть максимально адекватного поведения воина в критической ситуации. Упор при этом делался на индивидуальный учебно-воспитательный процесс. Основным методом обучения воинов ислама в период правления халифов из династии Омейядов стал метод ассоциативного мыслеобразного отождествления воином себя с тем или героем прошлых времен, например с «хызратом» Али — «Мечом Ислама». Внутреннее психологическое содержание этой практики нашло свое отражение в символах, запечатленных на щитах и боевых доспехах воинов, и в другой армейской символике. Основу практики в рамках данного метода составляли специальные гимнастические упражнения, с оружием и без оружия, под музыкальное сопровождение. При этом акцент делался не на физическом, а на умственном усилии обучаемого. Комплексное внушающее воздействие и специально подобранная последовательность боевых приемов позволяли в короткие сроки проводить массовую подготовку воинов к участию в реальных боевых действиях.

При правлении арабских халифов из династии Омейядов обучение и воспитание воинов начало развиваться в двух основных сферах:

- 1) в сфере государственной армии, обеспечивающей массовую ускоренную подготовку воинов к действиям в условиях реального боя;
- 2) в частной сфере, где обеспечивались воспитание и обучение патристически настроенной, верной делу ислама аристократии.

Оба эти направления обучения вооружили правящий класс Халифата весьма эффективными инструментами управления «народом ислама», обеспечив возможность решения политических вопросов.

Г. «ИРАНСКИЙ РЕНЕССАНС» ЭПОХИ АББАСИДОВ

Следующий этап в развитии системы обучения и воспитания воинов армии Арабского Халифата был связан с приходом к власти халифов из новой династии Аббасидов (отстранившей от власти Омейядов в 750 году), при которых произошло настоящее «иранское Возрождение» (еще большее, чем при Омейядах, усиление роли иранской по происхождению мусульманской бюрократии и интеллигенции, возрастание роли персидской культуры, во всех ее аспектах, в жизни Халифата, ведущее к тому, что иноземцы порой воспринимали Арабский халифат как возрожденную Персидскую державу и западные хронисты — например, Эйнгарт-Эгингарт, биограф франкского короля и «римского императора» Карла Великого — даже именовали багдадского халифа Гаруна ар-Рашида «персидским царем Аароном», а папа римский Урбан II много позднее, на Клермонском соборе 1095 года, призывая Христово воинство Западной Европы к Крестовому походу на мусульман, обобщенно называл последних «персами»). К этому времени Халифат, очередной столицей которого (после сирийского Дамаска) стал Багдад (расположенный, что весьма характерно для персифильски настроенных аббасидских халифов, на древних иранских землях, неподалеку от развалин Ктесифона-Тизбона-Мадаина — разрушенной в VII веке победоносными арабами столицы Парфянского царства и Новоперсидского царства Сасанидов; правда, на некоторое время столица Халифата была перенесена из Багдада в Самарру, но этот период был непродолжительным), превратился в единое, централизованное государство. Крупные завоевательные походы мусульманских армий за пределы Халифата почти прекратились — он не мог бесконечно расширяться и бесконечно наступать. Требовалась, по крайней мере, определенная передышка. Ход исторических событий потребовал от правителей ислам-

ской державы существенной реорганизации армии, способной в новых условиях обеспечить защиту государственных интересов. Держать в повиновении большое число завоеванных народов халифам становилось все труднее. Народные восстания, происходившие преимущественно в исторически населенных персами и другими иранскими народностями землях — например, восстания Абу-Муслима и Муканны в Средней Азии или восстание Бабека (Бабака, Папака) в Мидии Атропатене — по-персидски: Атрпатакане, по-арабски: Адербагане, сегодняшнем Азербайджане (последнее сопровождалось даже отказом от навязанного арабскими завоевателями ислама и возвращением к древней иранской зороастрийской вере!), вскрыли несовершенство военной системы Халифата предыдущего исторического периода, когда в походы направлялись наспех собранные ополчения арабских племен с приданными им вспомогательными отрядами из числа покоренных и обращенных в ислам народов. Появилась потребность в высокопрофессиональных наемных частях, вывезенных из мусульманских стран, не скованных местными родоплеменными связями, и преданных только своему патрону — халифу, повелителю всех правоверных. Кроме того, огромное исламское государство нуждалось в эффективной, надежной и хорошо организованной защите границ. Выход из кризиса привел к созданию в IX веке института гулямов (гуламов), ставшего важной частью военной истории мусульманского Востока IX–XIII веков. Набираемые в основном из свободных, но частью также из числа рабов, гулямы проходили специальную военную подготовку. Они были превосходно вооружены и преданы своему правителю, от которого лично зависели. Вскоре отряды гулямов стали играть заметную роль в военно-политической жизни Халифата. Особенно высоко ценились отряды гулямов, набранные из кочевников-тюрок. Поскольку они были отличными всадниками, а именно в то время появилась надобность в коннице, которая могла бы одинаково успешно действовать как против легко-, так и против тяжеловооруженного противника.

На основе института гулямов в Халифате была создана специальная школа воспитания и обучения кавалеристов, в которой обучали верховой езде и правилам ведения боя в седле. Первыми инструкторами школы были наемники-тюрки. Процесс обучения представлял собой комплекс динамических упражнений, выполняемых в жестко заданной последовательности под определенный мыслеобраз, с целью улучшения физических характеристик профессиональных навыков воина. Широкое распространение получил метод обучения игры в «конное поло» («чоуган»), пользовавшийся огромной популярностью еще среди конных витязей древних, доисламских иранских держав — Парфянского царства Аршакидов и «Эраншахра» (Новоперсидского царства Сасанидов) — а также Армянского царства (где также долгое время стояла у власти парфянская по

происхождению династия Аршакидов), в рамках которого отрабатывались коллективные приемы ведения боя.

Институт гулямов уже в IX веке пустил столь глубокие корни в военной системе Арабского Халифата, что в конце того же столетия в разных частях мусульманской державы появились целые военные округа, во главе которых стояли местные династии наместников халифа гулямского происхождения. В каждом из этих округов были учреждены школы для обучения молодого пополнения исламской армии и совершенствования боевой выучки старослужащих. Основой комплектования института гулямов довольно быстро стала служба по контракту.

Огромное исламское государство, как уже было сказано выше, нуждалось в надежной защите своих протяженных границ. С этой целью была сформирована столь же протяженная приграничная линия оборонительных постов, на которые падала основная нагрузка. Обучение молодых людей несению пограничной службы велось в школах, специально учрежденных в пограничных округах. В этих школах с целью осуществления ускоренной подготовки воинов к несению пограничной службы, выполнению задач по пресечению попыток измены и укреплению государства преподавали физическую подготовку, морально-психологическую и профессиональную выучку по методикам, применявшимся в государственной армии Халифата. Основная идея ускоренного обучения воинов в Арабском Халифате заключалась в следующем: выделялись основные, базовые психофизиологические боевые упражнения, к совокупности которых можно было свести все остальные. Порядок выполнения и заучивания базовых упражнений зависел от времени суток, месяца и времени года, он четко привязывался к календарной системе, действующей в Халифате.

В период правления халифов из династии Аббасидов в Халифате возник еще один важный военный институт — корпус «сулуков». Если ранее так называли бродяг и «разбойников с большой дороги» (само слово «сулук» означает «дорога»), то в IX веке социально-экономические перемены на Ближнем и Среднем Востоке привели к трансформации значения этого термина. Надо сказать, что постепенное ослабление, а затем и дробление прежде единого Халифата на все большее число исламских государств (главы которых, основавшие местные династии, лишь чисто формально признавали над собой главенство багдадских халифов, приобретавшее все более теоретический характер — как главенство западных императоров «Священной Римской империи» — преемников Карла и Оттона I Великих — над западноевропейским «Христианским миром»), вызвало все возрастающие военно-политические неурядицы в мусульманском мире и привело к нарушению устоявшихся в предыдущую эпоху феодальных связей.

К X веку по Рождестве Христовом политический распад некогда единой духовно-светской державы мусульман — Арабского Халифата — стал свершившимся фактом (то же самое, как говорилось выше, фактически произошло и на христианском Западе с основанной Карлом Великим и возобновленной Оттоном I Великим «Священной Римской империей»). За халифами осталась, главным образом, духовная власть над формально по-прежнему считавшейся единой «нацией ислама» — «уммой», реальная же политическая власть перешла в руки чисто светских правителей — султанов.

Слово «султан» — арабского происхождения и означает «единство власти». В священной книге мусульман Коране слово «султан» используется для обозначения не персонифицированного правителя, а отвлеченного понятия власти как таковой. Именно в этом смысле следует понимать приписываемое пророку Мухаммеду изречение (хадис): «Султан есть тень Бога на земле, и у него ищет убежища всякий обиженный».

Впоследствии, однако, султаном стал именоваться в мусульманском мире всякий представитель светской власти, в противоположность имаму (религиозному авторитету).

Впервые слово «султан» в этом новом, персонифицированном, смысле, было употреблено историком Табари по отношению к Муваффаку, брату аббасидского халифа аль-Мутамида (876).

После 946 года Христианской эры, когда мусульманские военачальники-шииты иранского происхождения — Буиды — лишили багдадских халифов-суннитов из Аббасидской династии светской власти, сделавшись при них наследственными верховными главнокомандующими всех войск Халифата, «султанами» стали называть всех светских правителей, независимо от размеров контролируемой ими территории. Сами Буиды, фактически превратившие арабский халифат Аббасидов (от которого откололись Египет и Испания, где образовались собственные халифаты — Фатимидский халифат измаилитов и суннитский Кордовский халифат наследников прежней династии Омейядов), в возрожденную (на мусульманской основе) Иранскую державу, присвоили себе старинный титул персидских владык из династии Сасанидов — «шахиншах (шаншах) ал азам» (по-арабски: «малик ал-мулук»), то есть «царь царей» («император»).

С середины XI века по Рождестве Христовом, когда туркменские (туркоманские) племена-огузы, ставшие известными под именем турок(тюрок)-сельджуков, свергнув власть Буидов, заняв их место светских владык при бессильных аббасидских халифах Багдада, установили свою власть над большей частью Арабского Халифата (и, в свою очередь, достаточно быстро иранизировались), «султанами» стали называть себя только главы независимых династий (например, султаны династии

Сельджукидов), в то время как их родственники и вассалы должны были довольствоваться титулом «царь» (по-арабски: «малик» или «мелик», по-персидски: «шах»).

Многие мелкие и средние мусульманские феодалы оказались предоставленными сами себе и быстро беднели, что заставляло их набирать отряды и заниматься разбоем, а при случае — наниматься на службу к могущественным владетельным феодалам (подобно мелким феодалам-рыцарям — тогдашней христианской Западной Европы). Они превратились в своеобразных «кондотьеров мусульманского Востока», сыгравших заметную роль в военных событиях IX-XI веков. Их-то и стали называть в эти столетия «сулуками».

Д. Единство в многообразии

В описываемое время начали формироваться самостоятельные армии в становившихся все более самостоятельными исламских государствах, хотя и числившихся де-юре в составе Халифата. Так, в государстве Соджидов ядро военной организации составляли конные отряды гулямов и сулуков и пехота, набиравшаяся из добровольцев. Последние в сражениях принимали на себя первый удар, гулямы же находились во второй линии боевого порядка (в качестве резерва), для нанесения главного удара по противнику. В зависимости от обстановки, боевой порядок мог, конечно, быть иным.

Военная организация армии государства Ширваншахов (Ширвандидов, Ширваншитов) в IX–XIII веках отличалась большой сложностью, ибо военное дело в государстве Ширваншахов (расположенном на территории древней Мидии, входившей в свое время в доисламские иранские державы Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов) имело многовековые традиции, и нововведения лишь дополняли, но не изменяли существовавшую там издавна военную систему.

Во главе ширвандидского войска стоял «сар-лашкар» (персидский военный термин), которому в мирное время подчинялись регулярные войска (арабск.: «аскар») и пограничные войска (арабск.: «джунд»), дворцовая стража («гулями»), инженерные части, а также военный флот. В военное время ширванское войско усиливалось за счет отрядов добровольцев (арабск.: «мутатаввийа») и наемников (арабск.: «шакавийа»). Первые состояли из «гази(ев)», то есть «бойцов за веру», так называемых «чтецов (Корана)» (арабск.: «курраа»). Вторые, помимо сулуков, включали «пришлых» (арабск.: «гкраба»), то есть, воинов, нанятых не в своей стране, а за ее пределами.

Обучение воинскому искусству в армии Ширваншитов носило последовательный, поэтапный характер. Каждому

боевому действию соответствовал присущий только ему набор психофизиологических упражнений. Эти упражнения были подчинены строго установленному порядку, имели строго закреплённую последовательность выполнения, что и сказывалось, в конечном счете, на качестве военного обучения, оценивавшимся современниками как исключительно высокое.

Военное дело в государстве Саманидов не имело многовековых традиций. Основу их войска составляла прославленная пехота, не имевшая себе равных в тот период. Конница была наемной и включала отряды сулуков и курдов (воинственного племени иранского происхождения, известного еще античным военным писателям, начиная с Ксенофонта и Арриана, под названием «кардухов»; от курдов вел свой род, в частности, султан Сирии и Египта Аль-Малик ан-Наасир Салаах ад-Дунйа ва-д-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб, или, по-нашему, по-русски — Саладин из династии Айюбидов, о котором у нас еще не раз пойдет речь далее).

Военная организация армии была построена на использовании десятичной системы Халифата. Во главе десятка стоял араф, во главе сотни — на(г)иб, во главе тысячи — канд.

Главкомандующий носил персидский титул спяхсалар (сипахсалар, спасалар — от персидского слова «спях», означавшего «войско» еще в эпоху Сасанидов, к которым возводили свое происхождение Саманиды). Боевой порядок состоял обычно из двух частей: впереди выступала пехота, образуя тесно сомкнутый строй копейщиков, позади — конница.

Обучение и воспитание воинов осуществлялось согласно общепринятой в Халифате системе, носящей последовательно поэтапный характер обучения и воспитания:

1) домашнее воспитание, обеспечивающее сохранность и преемственность традиций;

2) начальная школа, в которой основную часть учеников составляли дети ремесленников, крестьян и представителей воинского сословия;

3) школа среднего звена (функционировавшая обычно при мечетях), в которой обучались дети аристократии, представителей воинского сословия и в меньшей степени — были представлены дети ремесленников и крестьян;

4) школа высшего звена — медресе, учебное заведение закрытого типа, созданное, вероятнее всего, как говорит само его название, по образцу мидраша — училища у караимов (иудеев-неталмудистов); в медресе обучались, в основном, дети мусульманского духовенства, аристократии и воинского сословия, а дети ремесленников и крестьян были представлены в незначительной степени.

Основная линия программы обучения и воспитания заключалась в познании первопричины бытия, познании нематериального и бестелесного бытия и его качеств, познании неба и небесных тел, изучении природных явлений, сущности человека и его психологических состояний, мира пси-

хических отражений человека, а также изучении военных, государственных и политических наук.

На всех этапах обучения в Халифате широкое применение находили методы педагогического внушения и подражания. В начальной школе в основном применялся метод подражания («на кого ты хочешь быть похожим?»). Ученики сами выбирали себе объект подражания. Как правило, объектами подражания были выдающиеся люди прошлого (столпы ислама, народные герои, выдающиеся полководцы, доблестные воины). Все свои действия и поступки ученики сверяли с действиями и поступками своих кумиров. В школах среднего звена находил широкое применение метод моделирования различных жизненных ситуаций, решающим фактором в рамках которого является четкое мысленное проигрывание поведенческой ситуации. В школах высшего звена преимущество отдавали методу внушения и самовнушения, в основе которого лежит практика дыхательно-медитативных упражнений, которая позволяет синхронизировать дыхательный и сердечный ритм с заданной или спонтанной последовательностью движений в целях оптимизации физиологических процессов и изменений сознания в сторону большей гибкости. Этот метод имел множество разновидностей, в основе которых лежит четко заданная последовательность: «звук-движение-символ».

Военная организация в исламских государствах Шаддадидов и Раввадидов также была основана на десятичной системе. Во главе сотни стоял сарханг, во главе тысячи — салар. Войско той или иной области государства подчинялось селакдару у Шаддадидов и сэпахбаду (от персидск.: спахбед) у Раввадидов. Оба они, вместе с комендантами (начальниками) крепостей (персидск.: кутвал) и предводителями пограничных отрядов (персидск.: канаранг), подчинялись главнокомандующему — спа(х)салару. В отличие от саманидского, в шаддадидском и раввадидском войске конница доминировала над пехотой.

В оппозиционных властям предрержащим движениях существовала своя школа ускоренного массового обучения воинов (в разработке которых ведущая роль принадлежала тайным, преимущественно суфийским, обществам, братствам и орденам, имеющим иранское происхождение и уже в силу этого оппозиционных правящему «арабскому» истеблишменту; о них у нас еще пойдет речь далее). Основанная на комплексном внушающем воздействии система обучения позволяла в короткие сроки проводить массовую подготовку воинов к участию в реальных боевых действиях в ходе народных восстаний. Принцип методики заключался в том, что все тело было расслаблено, акцент делался на умственном, а не на мускульном усилии. Иными словами, последовательность приемов была подобрана таким образом, что позволяла обучать воина максимально адекватным действиям в условиях реального боя, повышала живучесть и выживаемость войск.

Со второй половины XI века в исламских государствах Арабского Халифата еще в большей степени, чем прежде, возросло значение такого рода войск, как конница. Боевой порядок стал значительно гибче. Эволюция института «икта» (связанного с изменением системы дислокации войск в государстве) привела к его трансформации из бенефиция (условного военного держания) в аллод (наследственное владение) и возникновению на рубеже XII века военно-ленной системы. Мусульманская пехота окончательно утратила свое бывшее значение, военное дело (как и на тогдашнем христианском Западе, как, впрочем, и в Римейской вассалии) стало исключительной прерогативой феодалов и их конных дружин. Начались существенные изменения в теории и практике военного обучения.

Специфика социальной базы исламских армий периода перехода к военно-ленной системе вызвала к жизни целый ряд важных последствий. Изменилось положение армии в составе общественного организма. Сложилась новая основа для взаимоотношений между армией и остальным населением исламских государств, в большей или меньшей степени формально считавшихся составными частями Арабского Халифата, продолжавшего существовать де-юре в качестве единого целого. Появились новые черты во взаимоотношениях начальников с остальным населением Халифата, а также во взаимоотношениях начальников и подчиненных в самой армии (сердцем армии по-прежнему оставался институт десятников), в состоянии ее дисциплины, в системе воинских наказаний и поощрений. Определенные изменения должны были произойти и в общевойсковой доктрине «нации ислама», во взглядах на проблему войны и мира.

Е. ВОЙНА И МИР

Военные специалисты Халифата этого периода, в отличие от своих коллег предыдущих периодов истории исламской державы, характеризовавшихся идеей безудержной военно-политической экспансии, решительно подчеркивали свою приверженность к миру, к добрососедским отношениям с другими странами, к справедливости в отношениях с ними. Смысл их позиции по данному вопросу сводится к основному правилу: причина войны должна быть законной. Относительная вредность силового решения политических и иных проблем заключалась, по мнению тогдашних исламских теоретиков, в практической нецелесообразности войны или любой другой формы острой вражды. Эта нецелесообразность подчеркивалась, в частности, в трактате «Князь зеркала»: «Разумный человек и хороший политик должен избегать войны. Ведь при использовании любых других методов решения проблем и конфликтов тратятся деньги, речи и силы. А цена успеха в сражении, если еще удастся победить — человеческая жизнь» (Аль-Маварди. «Облегчения»).

Данная нецелесообразность сводилась теоретиками к следующим трем пунктам:

1. Открытая враждебность, перерастающая в прямое столкновение, приводит к невозполнимым утратам — к потере человеческих жизней. Их, в отличие от речей, сил, денег, восстановить никому не дано.

2. Бой опасен тем риском, который от него практически неотделим. «Избегай того, чтобы заполучить победу в прямом столкновении. Ведь она почти всегда сопряжена с риском» (Аль Маварди. «Законы»). Это относится даже к тем, кто уверен в своей силе. «Разумный муж не должен сеять и пожинать враждебности, надеясь на собственную силу, как не должен обладатель териака (чудодейственного лекарства — В.А.) пить яд, надеясь на свое целительное снадобье» (Ибн Мункыз. «Книга назиданий», Аль-Муради.

«Правила амирской власти»). Враждебность может стать неуправляемым, независимым от человека процессом. В этом смысл афоризма: «Три вещи не бывают малыми: огонь, болезнь, враждебность» (Ибн аль-Мукафори. «Калила и Димна»).

3. Боя нужно избегать в случае неготовности или неспособности к нему. «Разумный примирится с врагом, если принужден к этому, всячески старается заслужить его доверие, выказать свою любовь и, если это необходимо, делает вид, что откровенен с ним и ничего от него не скрывает, но, как только появляется возможность быть подальше от него, спешит оставить» (там же).

Всю военную доктрину периода военно-ленной системы в истории Халифата пронизывала мысль о том, что сословия воинов, ремесленников и земледельцев — наиболее важные группы населения; об остальных сословиях можно заботиться меньше. Весьма характерным представляется то обстоятельство, что данная военная доктрина фактически не разграничивала воинов, ремесленников и крестьян, говоря о них, как об одной, нерасчлененной группе населения. Поэтому можно сказать, что она выражала интересы свободных земледельческих общин и ремесленнических объединений тогдашнего мусульманского общества (аналогичных римским коллегиям, а также цехам или гильдиям стран христианской Западной Европы), видевших смысл своего существования уже не в перманентной «священной войне за веру», как пассионарии-муслимы героической эпохи Мухаммеда и его первых преемников, а в мирном труде и отвлекавшихся от этого мирного труда лишь постольку, поскольку этого требовала военная необходимость. Это нашло свое отражение в системе обучения и воспитания в школах среднего и высшего звена — увеличилось количество учеников из сословий ремесленников и крестьян.

Требования, предъявляемые в описываемый период истории Халифата к кандидатам на высокие армейские должности, особенно на должность командующего, были очень высоки. Все исламские военные теоретики той эпохи определенно высказываются в пользу назначения на высокие армейские посты людей состоятельных и, в силу этого, могущих использовать свое материальное положение для укрепления своего влияния на подчиненных (что было характерно не только для мусульманской, но и для христианской — в частности, ромейской, военной мысли).

Средневековый мусульманский военачальник планировал свои действия и действовал, принимая во внимание четыре главных фактора:

1. Астрологическое влияние звезд и планет (оно рассматривалось как задающее будущую конфигурацию событий, в которой нужно было прочертить собственный путь человека).

2. Физиологические показатели (они давали возможность определить характеристики человеческого окружения с целью определенного взаимодействия с ним).

3. Добрые и дурные предзнаменования (они трактовались как некие предупреждения, указания, знаки, даваемые человеку сверхчеловеческими силами и соответственно направляющие его).

4. Божественное всемогущество, которое, в соответствии с обязательными религиозными (идеологическими) представлениями того времени, признавалось решающим фактором относительно как предыдущих трех факторов, так и относительно самого действующего военачальника.

Сердце мусульманской армии — десятник — должен был представлять собой воинский идеал (как некогда римский центурион, хотя тот был, как известно, не десятником, а сотником). Основным критерием оценки десятника начальством служили его боевая подготовка и высокие моральные качества. В описываемую эпоху развития военного искусства Халифата получила дальнейшее развитие форма военного обучения, которая позволяла достигать максимально адекватного поведения воина ислама в критических и стрессовых ситуациях. Упор традиционно делался на индивидуальный учебно-воспитательный процесс.

К тому, о чем сейчас пойдет речь, в Арабском Халифате пришли опытным путем с использованием многовековой систематической практики наблюдения за явлениями природы и их отражением на материальном благосостоянии человека и общества. Под тем, что мы сегодня называем критической и стрессовой ситуацией, в трактатах военных теоретиков Арабского Халифата понималось наличие некоторого неразрешенного, неясного, более-менее ярко выраженного противоречия (когда оценочные нормы не соответствуют сочетанию условий, характеризующих ту или иную жизненную ситуацию), предполагающего, что наиболее естественным исторически и физиологически способом снятия противоречия является прямое физическое действие.

Здесь необходимо помнить о том, что основная задача, которую постоянно решает подсознание человека, заключается в обеспечении безопасности, сохранности своего биологического носителя, поскольку это необходимо для решения любой другой задачи. Во-первых, подсознание выделяет в наблюдаемом объекте или процессе некую закономерную, понятную составляющую. Причем не каким-то замысловатым путем, а с использованием механизмов формирования норм, по которым человек оценивает характер своего существования в той или иной сфере бытия. Одновременно подсознание оценивает соответствие частей данного процесса, объекта этой составляющей. Предположим, что они совпали. Нет отклонений, которые подсознание оценивает как источник потенциальной опасности. Возникает эмоциональное состояние безопасности, удовлетворенности. Другой вариант: предположим, что соответствие оказалось обозначенным, но после этого происходит неожиданное отклонение. Оно оценивается подсознанием в качестве предвестника

потенциальной опасности, что приводит к защитной физиологической реакции, гормональному выбросу. Но подсознание же достаточно быстро приходит к выводу, что это отклонение безопасно. Срабатывает защитный механизм против защитного механизма: физическое действие происходит, но в трансформированном и стандартизированном виде — например, в виде напряжения мышц грудной клетки и лица, в виде смеха (не зря ведь говорится, что «от трагического до смешного — один шаг»).

В задаче, которую решает подсознание и которая направлена на реализацию инстинкта самосохранения, есть первый пункт, первое действие, обеспечивающее возможность ее решения: для того, чтобы вовремя и эффективно решить ее, необходимо выявить, а еще лучше — спрогнозировать появление опасности, с тем, чтобы получить некоторый запас времени для подготовки к отражению или нейтрализации этой опасности. Воин должен научиться предвидеть, предощущать критическую ситуацию.

Индивидуальный учебно-воспитательный процесс позволял выработать у воина ислама способность, на подсознательном уровне, постоянно, даже во сне, заниматься поиском возможной опасности. И когда возникало что-либо неожиданное или непонятное, оно оценивалось подсознанием мусульманского воина как источник возможной, потенциальной опасности. Подсознание дает организму своего носителя сигнал на подготовку к отражению этой потенциальной опасности. Происходит выброс биологически активных веществ в кровь для перевода организма человека в состояние, в котором он может совершить больше работы в единицу времени. В наше время наукой доказано, что если такой выброс биологически активных веществ произошел и после него не совершено физического действия, это приводит к своего рода «общей порче» организма. Биологически активные вещества не «сгорают», не используются в том режиме, который предусмотрен природой.

Военные теоретики Арабского Халифата пришли к этому пониманию практическим путем (система психофизических упражнений позволяла снимать, нейтрализовать качественные процессы в организме). При возникновении и нарастании стрессоподобного состояния рекомендуется понять механизм его возникновения и постараться, насколько это ни покажется парадоксальным, «помочь» этому механизму, проговорив за него ту формулу, в соответствии с которой он, собственно, и действует. Арабы (а впоследствии — и другие воины ислама, принадлежащие к иным народностям) в таких случаях использовали соответствующие молитвы и заговоры, сводящиеся к формуле: «Это опасно, это очень опасно, это смертельно опасно для моей жизни». Оказывается достаточным проговорить эту формулу, чтобы в достаточной степени исключить разрушающее воздействие упомянутого выше механизма. Ведь если эмоцию перевести в словесный вид (из словесно формализованно не выражаемого мышле-

ния в словесно формализованно выражаемое мышление), она перестанет быть эмоцией. Очень важно понимать, что, если эмоция расшифрована неправильно, то она, естественно, не выводится из эмоциональной сферы. Умению воина правильно расшифровать свои собственные эмоции и эмоции других придавалось очень большое значение. Учебный процесс был направлен на то, чтобы, после усвоения его содержания, у воина ислама появлялась возможность самостоятельно решать широкий круг психоаналитических (выражаясь современным языком) задач. Большое внимание в процессе обучения уделялось борьбе со страхом. Ведь чувство страха приводит к понижению физиологических возможностей человека, к его демобилизации. Это относится именно к чувству страха, как таковому. Подчеркнем, во избежание путаницы, что иногда ситуация может быть объективно страшной, но чувства страха у человека, оказавшегося в этой объективно страшной ситуации, при этом не возникает, а возникает нормальная физиологическая реакция, повышающая физиологические возможности человека. При настоящем страхе, подсознательной оценке некоторой обычно прогнозируемой в определенном будущем ситуации, как ситуации, отягощенной неразрешимыми или трудноразрешимыми противоречиями, человек боится, что он с чем-то не справится. И в связи с тем, что эта оценка возникает на уровне подсознания, то есть именно на том уровне, на котором происходит управление внутренними органами и физиологическими функциями, эти функции в различной степени демобилизуются. Борьбу с негативными эмоциями в армиях Арабского Халифата вели при помощи внушения, самовнушения, широко используя молитвы, заговоры (загрузка на уровень подсознания логически эмоциональных схем, нейтрализующих негативные эмоции), переключение (сдвиг во времени, физические упражнения, различные игры, ритуальные омовения, умывание и т.д.), психоаналитический подход, расшифровку, «ословесливание» (выражение в словесной форме) первопричины негативных эмоциональных состояний.

Система воинских наказаний и поощрений, действующих в армии Халифата, была направлена, с одной стороны, на то, чтобы пресечь возможность воинских проступков и преступлений, а с другой стороны — на то, чтобы повысить заинтересованность воинов в ревностном исполнении ими своего воинского долга. Основное внимание уделялось не разработке карательных мер, наказаний за воинские преступления, а совершенствованию мер поощрения воинов. Такая тенденция может быть понята и объяснена, с учетом коренных изменений в социальном и национальном составе войск Арабского Халифата.

Вся система воспитательной (или, выражаясь современным языком, идеологической) работы среди воинов ислама была рассчитана на неуклонный подъем боевого духа армии и поддержание этого боевого духа на

постоянно высоком уровне. Военными теоретиками чрезвычайно высоко оценивалось значение идеологической работы в армии, при этом постоянно подчеркивалось преимущество живого слова перед другими методами командования.

Для обеспечения максимальной сплоченности своей армии командующим рекомендовалось по возможности использовать родственные связи между воинами.

Религиозная служба в мусульманской армии также была направлена на сплочение воинов, на укрепление их дисциплины. Религиозное воспитание в войсках Арабского Халифата составляло основу морального воздействия.

Военные специалисты данного исторического периода развития Халифата, отдавая себе полный отчет в возросшей ценности армии в системе государственных учреждений, вели успешный поиск методов достижения победы над врагом с минимальными возможными собственными потерями. Важнейшим методом усиления своей армии они считали повышение ее морально-политического уровня. Имея объективную основу для деятельности в этом направлении (новый национальный и социальный состав армии), они разрабатывали подробные рекомендации для извлечения максимальной выгоды из нового состояния.

Главная причина тесной зависимости военной доктрины армии Арабского Халифата от доктрины развития государственности заключалась в том, что обе эти доктрины отражали сущность одного и того же хронологически длительного этапа в развитии мусульманской военной организации. Расхождения в концепции обеих доктрин объясняются разными уровнями развития одной военной организации.

Суть методов, применяемых в процессе обучения и воспитания воинов армии Арабского Халифата, заключалась (в современной трактовке) в том, что эти методы представляли собой специфическую форму теории и практики внушения в педагогическом процессе. Практически определив некоторые универсальные закономерности развития материи, арабы Средневековья создали уникальную систему пролонгированного обучения, имеющую (если провести аналогию с программированием) жестко фиксированное количество приемов, каждому из которых соответствовал целый учебно-методический комплекс.

Изо всего изложенного выше можно сделать вывод, что, согласно идеологической доктрине обучения воинов армии Арабского Халифата, смысл и цель жизни любого человека заключалась в его стремлении к единству с окружающим целым. В стремлении к единству, реализованном в стремлении к тем нормам, которые сформировались у человека в различных сферах его сосуществования с общим целым. При этом данный человек не должен был забывать о том, что его нормы не совпадают с нормами других

людей. И не было никаких оснований полагать, что его нормы, интересы, ценностные ориентиры выше, чем чужие. Но, рассуждая логически, нельзя было не согласиться и с обратным — с тем, что нормы, интересы и ценностные ориентиры других людей не выше норм, интересов и ценностных ориентиров данного конкретного человека. Из этого следовало, что все люди равны. Равны только и единственно как части прошлого, настоящего и будущего, равны как части Вселенной, находящейся в полной власти сотворившего ее Единого Бога.

Сказанное целиком и полностью относится к обучению не только воинов светских армий Арабского Халифата и возникших в его недрах, а впоследствии — и на его развалинах исламских государств, но и адептов тайных духовных орденов мусульманского Востока.

Ж. О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ «ОРИЕНТА»

У мусульман было то, чего тогда так не хватало христианскому Западу — чувство единства и относительно спокойного существования. На протяжении столетий мирной жизни во многих мусульманских, или сарацинских, землях как материальная, так и духовная культура достигла высочайшего расцвета. Но этот расцвет имел и свою обратную сторону. Жители мусульманских городов — потомки арабских завоевателей, слившиеся с насильственно исламизированным местным населением — стали настолько изнеженными, что предпочитали вести военные действия руками наемных воинов (преимущественно тюркского происхождения).

Попытаемся теперь вкратце описать повседневную жизнь мусульман Среднего и Ближнего Востока — «Ориента», как его именовали писавшие свои сочинения по-латыни средневековые западноевропейские летописцы (от этого, кстати, происходят наши слова «ориентир» и «ориентироваться», поскольку именно там находился Святой Град Иерусалим, к которому были устремлены помыслы всех христиан, в соответствии с чем именно на Иерусалим были ориентированы все христианские географические карты со времен поздней Римской империи), или «Леванта», то есть «Восхода (солнца)», как его именовали «франкские» паломники и крестоносцы (собственно, под словом «Восток» также имеется в виду «Восток, то есть восход, солнца»), в X-XI веках — в период, предшествовавший Крестовым походам.

Как уже говорилось выше, каждый юный муслим (мусульманин, магометанин) той далекой эпохи, достигший семилетнего возраста, обязан был посещать начальную школу при местной мечети, обучение в которой длилось пять лет. Причем существовали и специальные начальные школы для девочек (обучение было раздельным). После окончания начальной школы ученик мог продолжать учебу в средней

школе. При наличии хороших оценок и соответствующих талантов, молодые студенты — талибы (талибан, то есть «учащиеся») — продолжали обучение в одной из школ высшего звена, наиболее престижными из которых считались университеты Багдада и Каира (уже упоминавшиеся нами выше Аль Азхар и Низамийя). Обучение в этих университетах значительно облегчалось наличием в двух вышеуказанных городах замечательных библиотек. Государственные ведомства просвещенных мусульманских владык, требовавшие постоянного притока многочисленных высокообразованных чиновников — например, налоговая служба, здравоохранение, палаты мер и весов и др. не испытывали недостатка в квалифицированном персонале, набиравшемся из выпускников мусульманских высших учебных заведений.

Особо важным достижением тогдашних магометанских государств являлась высокоразвитая система здравоохранения. Ее наличие было абсолютно необходимым для таких огромных городов (или, выражаясь по-современному, «мегаполисов»), как Каир (Аль-Кахира) или Багдад. Но и в других сарацинских государствах той поры имелись многочисленные больницы, странноприимные дома, сиротские приюты, дома престарелых и лечебницы для душевнобольных. Причем все вышеперечисленные богоугодные заведения существовали в двухраздельных вариантах — как для женщин, так и для мужчин. В них царил поистине образцовый порядок. Хакиды-лекари, обладавшие законченным высшим медицинским образованием, ежедневно совершали обход всех больных. В перерывах между визитами врачей о пациентах заботился специально обученный санитарный персонал. О больных пациентках заботились врачи женского пола, также имевшие высшее образование, и квалифицированные санитарки. Каждому больному полагалась собственная койка.

Уже в 923 году один из сарацинских министров распорядился открыть ведомственную больницу специально для служащих своего министерства. Труд врачей облегчался ярко выраженным стремлением тогдашних мусульман к чистоте и гигиене (им было предписано Кораном пять раз в день совершать ритуальные омовения и т.д.). Так, по сообщениям арабского писателя Ибн Джобаира, проживавшего в Дамаске в эпоху султана объединенных в рамках личной унии Сирии и Египта Салах-ад-Дина, с которым мы еще не раз встретимся по ходу нашего повествования, в этом городе имелось около сотни общественных бань, а в пригородах — более сорока зданий для совершения омовений; все они были снабжены водопроводами.

В эти густо населенные издавна земли постоянно совершали вторжения все новые чужеземные завоеватели, приходившие чаще всего из глубин Азии. Однако, осев на завоеванных территориях, они, как уже было сказано выше, в скором времени утрачивали свой воинственный дух. Знамя пророка, выпав из ослабевших рук арабов, удивительно быстро

давших развратить себя благами цивилизации, было подхвачено руками омусульманившихся персов, берберов, тюрок, курдов и других народов, утвердивших его «у стен недвижимого Китая», на жарком полуострове Малакка и островах далекой Индонезии, на берегах древней реки Ра, или Итиль (нашей нынешней Волги) среди волжских булгар и в других, весьма отдаленных от Мекки, местах. Жители мусульманского Среднего Востока обладали превосходным вооружением, что не удивительно, ибо они были знакомы со всеми видами металлов и металлообработки. Им давно был известен и порох (через китайцев), хотя они еще не использовали его для стрельбы.

Подобно «франкским» рыцарям, сарацинские «фарисы» носили панцирные рубашки, под которые поддевали многослойные войлочные куртки. Огромной популярностью пользовались спортивные состязания всех видов, упражнения с оружием, скачки и единоборства между всадниками, покрытыми броней. По мнению некоторых исследователей, турниры в форме конных поединков были переняты западным рыцарством именно от сарацинских «фарисов» в эпоху Крестовых походов (так же, как сами арабы в свое время переняли их у тяжеловооруженных иранских витязей Сасанидской эпохи), в то время, как в предшествующую эпоху под словом «турнэ» на Западе понимали не воинские ристания, не поединки с оружием, а обычные конные состязания, вроде скачек.

Теперь скажем несколько слов о взаимоотношениях между проживавшими в Леванте христианами и мусульманскими завоевателями. Чем дольше адепты этих двух религий жили бок о бок друг с другом, тем большую терпимость они проявляли друг к другу. Дело зашло так далеко, что практически все государственные должности (кроме должности «кадия», то есть судьи, остававшейся привилегией исключительно мусульман) оказались доступными для исповедника любой религии. Мусульманские владыки имели даже вазиров (визирей, или, говоря по-нашему, премьер-министров), исповедовавших иудейскую веру. Поэтому приток христианских паломников в Иерусалим, не иссякавший никогда, всегда был желанным для мусульман — хотя бы из-за денег, получаемых ими от паломников.

В XI веке христианские святыни Иерусалима посещало до двадцати тысяч паломников в год. Порой в магометанских городах даже строили новые христианские церкви. Многие христианские монастыри пользовались среди мусульман большой популярностью, поскольку монастырские виноделы занимались распивочной торговлей запретным для магометан вином. С другой стороны, мусульмане нередко тоже совершали паломничества и посещали христианские церкви поклониться выставленным там реликвиям.

Если сравнить ситуацию, существовавшую на Ближнем и Среднем Востоке до начала эпохи Крестовых походов, с положением в тогдашней

Центральной Европе, то Европа окажется отнюдь не в выигрышном положении. Городов в Центральной и Западной Европе почти не было. А те немногие города, которые сохранились в Европе с античных времен, насчитывали не более десяти тысяч жителей каждый. Единственными сохранившимися оазисами культуры были монастыри, хотя далеко не все монахи умели читать, писать и даже понимать смысл латинских молитв и псалмов, которые заучивали наизусть. Библиотеки даже старейших и крупнейших монастырей (в первую очередь — итальянских) редко когда могли похвастаться более чем несколькими сотнями томов или свитков.

ОРДЕН НИЗАРИТОВ

А. ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Выше мы далеко не случайно упомянули, что в движениях, оппозиционных властям предрежающим Арабского Халифата и властям возникших в его недрах исламских государств, существовала своя школа ускоренного массового обучения воинов, в разработке которой ведущая роль принадлежала тайным, преимущественно суфийским, обществам, братствам и орденам, имеющим иранское происхождение и уже в силу этого враждебных правящему «арабскому» истеблишменту; о них у нас еще пойдет речь далее. Теперь настало время начать дестан о самом знаменитом из этих тайных обществ или братств — об ордене низаритов (именовавшихся также батинитами — от арабского слова «батин», означающего «внутренний», «скрытый», «тайный», «эзотерический»).

Учения великих арийских пророков доисламского прошлого — Будды Шакьямуни, Шенраба, Спитама Заратустры, Мани и других стали со временем религией (то есть идеологией) могучих и воинственных держав. Но эти последствия не были связаны с самими пророками как таковыми. Пророки не стремились и не призывали к созданию таких держав силой меча.

А вот Абу аль-Касим бен Абдаллах ибн Абд аль-Муталиб ибн Хашим (Гашим), сиречь Мухаммед, был пророком совсем иного рода.

Пророк Мухаммед был не оторванным от земной жизни аскетом, царство которого — «не от мира сего», а успешным коммерсантом и реальным практическим политиком, имевшим семью (вот только сына-наследника ему Аллх не дал!), окруженным энергичными, сильными и влиятельными родственниками, унаследовавшими после него не только духовную, но и земную власть над созданным им Халифатом (хотя он сам и был пророком, а не халифом). Прозелиты Абу аль-Касима бен Абдаллаха ибн Абд аль-Му-

таллиба ибн Хашима вербовались вовсе не из среды «униженных и оскорбленных» или «обездоленных и угнетенных». Подняв черное (а вовсе не зеленое, вопреки широко распространенному заблуждению) знамя Нового Откровения, Мухаммед выковал воинственную и практическую религию для земных хозяев земного мира. Исламская религиозная система, разработанная им, была отлично приспособлена для создания земного, сплоченного и агрессивного государства. То, что было сделано в буддизме, бон-по и зороастризме спустя много лет после смерти проповедовавших их пророков Будды Шакьямуни, Тонпа Шенраба Миво и Спитама Заратустры, Мухаммед сделал сам. Он был властным, суровым и воинственным вождем — армии мусульман уходили в походы на «неверных» уже при жизни пророка.

Иранские по происхождению мудрецы Будда Шакьямуни (Сакьямуни — «мудрец из рода сакиев», ираноязычных азиатских скифов-саков, осевших в Северной Индии), Тонпа Шенраб Миво, Спитама Заратустра (Заратуштра, Зардушт, Зартошт, Зердешт, или, по-гречески, Зороастр) и Мани (Манес, Мани-Хайя) оставили ученикам свои слова, надежды и сомнения. Мухаммед же учил своих последователей не сомневаться. Нищие мудрецы, прикровенно проповедующие учение — это не ислам в том виде, в каком его замыслил Мухаммед. Он замыслил ислам, как молодую феодальную державу, и сам начал строить ее не только мечом духовным, который есть слово Божие, но и мечом земным, железным (не случайно сабля Мухаммеда — знаменитый «зульфикар» — имела не один клинок, а два, как уже говорилось выше). Слова пророка Мухаммеда, опытного и расчетливого купца из славного и богатого города Мекки — были обращены к полководцам и купцам, которые спешили мечом утвердить святую веру и получить торговые монополии.

Если бы у Будды Шакьямуни, Шенраба, Спитама Заратустры и Мани были сыновья, они, вероятнее всего, стали бы такими же бездомными, бесприютными мудрецами «не от мира сего», как и их отцы. Родственники же Мухаммеда стали феодалами, образовав аристократию созданной им духовно-светской мировой державы. Они были вполне реальны, царство их было «от мира сего» они боролись за место у трона пророка точно так же, как сыновья, племянники, братья и сестры светского феодала.

Секты и расколы в буддизме, зороастризме и других религиях пророческого (профетического) типа возникали, как правило, в связи с различиями в толковании учения. В исламском мире же возникновение расколов, сект и ересей чаще всего определялось политическими причинами. Порой между мусульманскими сектами не было разногласий в обрядах или вероучении — в недрах формально и внешне единой «нации ислама» — мусульманской «уммы» — бурлили чисто политические страсти. Центрами притяжения враждующих толков в исламе оказывались не столько идеи,

сколько люди — нередко родственники Мухаммеда и последнего праведного халифа «хызрата» Али. И потому столкновения и даже войны между приверженцами разных толков ислама велись не столько вследствие того, что одни были «еретиками», а другие ими не являлись, сколько вследствие того, что вожди сектантов были выразителями центростремительных процессов в созданной силой оружия исламской державе.

Так, иранский писатель Равенди горестно повествовал о печальной судьбе древнего персидского города Нишапура. В 1154 году он был опустошен кочевниками из тюркского племени огузов (из которого вышли в свое время Сельджуки). В городе, и без того разграбленном врагом, «по причине различия в религиозных толках еще со старинных времен кипела взаимная вражда. Каждую ночь какая-нибудь партия созывала из какого-нибудь квартала ополчение, поджигала кварталы противников и все, что еще оставалось после огузов, уничтожалось... Теперь в Нишапуре, где были собрания друзей, медресе наук и местопребывание лучших людей, пасутся стада, рыщут дикие звери и ползают гады».

Будучи не столько идеологически-религиозными, сколько социальными движениями в мире без четких границ (ведь, как мы уже знаем, теоретически ислам должен был распространиться на всю обитаемую сушу), исламские ереси и толки распространились по разным странам некогда единой мусульманской «уммы».

Уже в середине VII века сторонники неоднократно упоминавшегося нами ранее двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого (праведного) халифа «хызрата» Абу-ль-Хасана Али ибн Абу Талиба аль-Кураши, более известного как Али ибн Абу Талиб или просто Али, получившие наименование шиитов, стали утверждать, что только Али получил сокровенное знание от пророка и потому только он имеет право называться духовным вождем ислама — имамом. И потомки Али тоже станут имамами, так как Али передаст им это сокровенное учение.

Б. Шиизм и его разновидности

Дело, вкратце, было так. После смерти пророка Мухаммеда, когда поднялся вопрос о том, кто станет главой мусульманской общины-уммы, а значит, по тем временам весьма большого и могущественного государства, эта исламская умма претерпела раскол на два враждующих лагеря: суннитов, приверженцев ортодоксального направления ислама, и шиитов.

Часть мусульман выступала за то, что власть должна принадлежать только прямым потомкам пророка Мухаммеда, то есть прямым потомкам не раз упоминавшегося нами выше четвертого (праведного) халифа Али, двоюродного брата и сподвижника пророка, унаследовавшего его двухконечный меч Зульфикар и женатого на Фатиме, самой любимой дочери Мухаммеда (изображение «руки Фатимы», издавна служившее на вершином мусульманских — преимущественно шиитских — знамен и боевых значков, считалась и считается по сей день магическим талисманом — оберегом от нечистых духов и других сил зла; любопытно, что и у иудейских каббалистов имеется аналогичный амулет, но заключенный в шестиконечную звезду-гексаграмму, и именуемый «рукой Мириам»). По их мнению, близкое родство с пророком Мухаммедом делало потомков Али единственно достойными правителями исламского государства. Отсюда пошло название шиитов — «ши'ат Али» («партия Али»).

Шииты, изначально составлявшие меньшинство среди мусульман, нередко подвергались гонениям со стороны суннитского правящего большинства, поэтому они были часто вынуждены находиться в подполье. Разрозненные шиитские общины были изолированы друг от друга, контакты между ними были сопряжены с величайшими сложностями, а нередко — и угрозой для жизни. Часто члены отдельных общин, находясь рядом, не подозревали о соседстве единоверцев-шиитов, так как принятая у шиитов практика позволяла

тайным приверженцам секретной «партии Али» скрывать свои истинные взгляды. Вероятно, многовековой изолированностью и вынужденной замкнутостью можно объяснить большое количество самых разнообразных, порой чрезвычайно нелепых и безрассудных ответвлений в шиизме.

Шииты по своим убеждениям были имамами, считавшими, что рано или поздно мир возглавит имам — прямой потомок «последнего законного» халифа Али. Имамита верили, что когда-нибудь воскреснет один из ранее живших законных имамов, чтобы восстановить попранную суннитами справедливость. Главное направление в шиизме основывалось на вере в то, что в качестве воскресшего имама выступит двенадцатый имам, Мухаммед Абуль-Касым (бен Аль-Хосан, бен Аль-Хасан, бен Аль-Гассан), появившийся в Багдаде в IX веке и бесследно исчезнувший в двенадцатилетнем возрасте. Большая часть шиитов свято верила в то, что именно Абуль-Касым являлся «скрытым имамом», которому в будущем предстоит вернуться в человеческий мир в виде некоего аналога иудейского Машиаха, зороастрийского Соашьянта и христианского Мессии — спасителя погрязшего в бесчисленных грехах человеческого рода — Махди (этот грядущий мусульманский Спаситель и обрел в радикальных шиитских кругах известность как «скрытый имам»). Последователи двенадцатого имама впоследствии стали называться «двунадесятниками». Таких же взглядов придерживается большинство современных шиитов.

Примерно по такому же принципу формировались и остальные ответвления в шиизме. «Пятиричники» — верили в культ пятого имама Зейда ибн Али, внука шиитского имама-мученика Гуссейна (Хуссейна), убитого войсками Язида (Йезида) I ибн Муавии (второго халифа из династии Омейядов) под Кербелой (где по сей день сохранилась гробница Гуссейна — центр паломничества шиитов со всего мира; в память убийства имама Гуссейна шииты ежегодно отмечают день «Шахсей-Вахсей», в который, во время траурных шествий, наносят себе кровавые раны саблями, кинжалами и палками с железными цепями). В 740 году имам Зейд ибн Али поднял восстание шиитов против «неправедного» («незаконного») омейядского халифа и погиб в бою, сражаясь в первых рядах повстанческой армии. Позднее «пятиричники» (именовавшиеся также «зейдитами» или «зейдидами»), разделились на три мелких ответвления, признававших право имамата за теми или иными потомками Зейда ибн Али.

Параллельно с зейдидами-«пятиричниками», в конце VIII века зародилось движение измаилитов, впоследствии получившее широкий отклик в исламском мире.

Именно измаилитами, как мы скоро узнаем, в X веке был основан Фатимидский халифат на территории Туниса и Египта.

Когда в среде шиитов произошел раскол, шестой шиитский имам, Джафар ас-Садик (Садык), лишил имамата своего старшего сына Измаила.

Часть шиитов согласилась с решением Джафара, другая часть продолжала почитать имамом Измаила, третья часть признала имамом сына Измаила. Этих шиитских сектантов, взявших себе название в честь этого Измаила, седьмого преемника высшего шиитского святого «хызрата» Али — принято именовать «измаилитами», в отличие от «измаильтян» (как уже указывалось выше, христиане именовали так всех мусульман без исключения, как потомков другого, древнего, ветхозаветного Измаила, сына праотца Авраама-Ибрагима от Агари-Хаджар).

Близким к учению шиитов-измаилитов (и в то же время — гностическому христианству) считается также учение мусульманской секты алавитов (алеитов), особенно распространенной (по сей день) на территории Сирии.

Измаилиты таились в глубоком подполье. Официальные — суннитские — власти жестоко преследовали их за «ересь». И имели на то все основания. Дело в том, что измаилиты были членами тайного мусульманского гностического ордена, выделившимся из радикального крыла шиитского течения ислама, так называемой секты карматов (получивших свое название в честь обращенного в измаилизм «даисом»-проповедником Хусейном аль-Ахвази основателя своей секты Хамдана по прозвищу Кармат, что означает то ли «Коротконогий», то ли «Красноглазый»), пытавшихся добиться своих политических целей — установления господства на всем Востоке, а в перспективе и во всем мире — главным образом посредством интриг и убийств. Хамдан ловко и деятельно проповедовал среди своих приверженцев о грядущем избавителе, внушая, что обряды и всякого рода внешние религиозные предписания — излишни, и провозгласив, что измаилитам (под которыми понимал лишь своих сторонников) Бог разрешает безнаказанно грабить имущество и проливать кровь всех своих противников, включая мусульман иных воззрений. В 890 году карматы возвели в Севаде на территории Ирака крепость Дароль-хиджре. Оттуда в 899—901 гг. их ересь благодаря «даису»-проповеднику Абу Саиду распространились на Бахрейн. В X—XI веках карматы даже основали собственное «коммунистическое» государство в Аль-Ахсе (в Восточной Аравии), в котором, если верить описанию посетившего их суфийского мудреца и поэта Насира Хосрова (Хосроу), все (включая женщин) было общим (в том числе и чернокожие рабы-«зинджи» — существование рабского труда, как видно, уже в ту далекую эпоху не исключалось принципами «коммунистического государства всеобщей справедливости и всеобщего равенства»). В 930 году карматы, давно уже не дававшие проезда мусульманским паломникам в Мекку, совершили чудовищное, с точки зрения как «правоверных» мусульман-суннитов, так и большинства «еретиков»-шиитов, святотатство. Решив окончательно уничтожить хадж, они внезапно напали на святой город Мекку, произвели страшную резню жителей и паломников, раскололи

надвое священный «черный камень» магометан, упавший с неба и вделанный в стену мекканского кубического храма — Каабы — и увезли его (или его половину) к себе в Аль-Ахсу (только в 951 году святыня была возвращена мусульманам). Выдавая себя внешне за правоверных мусульман, карматы-измаилиты, втайне (для адептов высоких степеней своей общины) проповедовали, что все дозволено, все безразлично, расшатывая самые основы религии пророка Мухаммеда утверждениями, что все его заповеди являются чисто политическими правилами и поучениями под покровом аллегорий. К секте присоединялись во множестве люди, недовольные социальными порядками. Халифы чувствовали себя бессильными перед карматами, в течение трех четвертей века бывших бичом Аравии, Сирии, Ирака и Персии; они грабят, уводят жителей в неволю, налагают дань и внушают панический страх.

Следует заметить, что бахрейнские карматы стояли к ортодоксальному исламу ближе, чем севадские, ибо не отвергали Корана принципиально, а объясняли его иносказательно (отсюда их прозвище «батиниты», то есть «аллегористы», «эзотерики», перешедшее впоследствии на низаритов).

После поражения, нанесенного карматам войском от Аббасидов в 976 году, статус карматов упал. Соседи постепенно перестали платить им дань, территория государства карматов стала сокращаться. После отпадения от него в 1058 году Бахрейна (под руководством Аль-Аввама) и — почти одновременно — Эль-Кати́фа, карматы, утратившие контроль над денежными потоками и доступ к побережью, были вынуждены отступить в оазис Эль-Хуфuf. Но уже в 1067 году объединенные войска арабского эмира Абдуллы бин Али Аль Уюни и турок-сельджуков из Ирака осадили Эль-Хуфuf и после семи лет осады вынудили карматов сдаться на милость победителей.

В Бахрейне и восточной Аравии на смену власти карматов пришла власть династии Уюнидов. К середине XI века карматы в Иране, Ираке и Мавераннахре (Средней Азии между реками Амударья и Сырдарья) были уничтожены. Последнее упоминание о них относится к 1050 году (Насир Хосроу), хотя арабский географ-землепроходец Ибн Баттута, посетивший Кати́ф в 1331 году, описывает живущих там радикальных шиитов, которых некоторые отождествляют с карматами.

Как бы то ни было, багдадским халифам и другим владыкам правоверных мусульман в свое время потребовалось целое столетие на уничтожение многочисленных шаек карматско-измаилитских анархистов. Когда их еретическое движение было, казалось, уже окончательно подавлено, один из карматских старейшин-«даисов», по имени Абдалла или Абдаллах (Убейдаллах, Обейдаллах), имевший, согласно некоторым версиям, иудейское происхождение, но выдававший себя за правнука Али — знаменитого нам мужа Фатимы, дочери пророка Мухаммеда — бежал в Еги-

пет (или, по-арабски — Миср), где ему сопутствовал такой успех, что он, захватив власть, смог основать там династию Измаилитов, или Фатимидов, властвовавшую с 909 по 1171 год, считавшуюся всеми мусульманами (естественно, кроме самих измаилитов) еретической и свергнутую только величайшим противником крестоносцев-«франков» - султаном Салах ад-Дином, сыном Малик-Айюба (Эйюба), о котором у нас еще пойдет речь. Измаилитские сектанты, возведя этого первого Фатимида на египетский престол, превратили его в свое покорное орудие, являясь на протяжении более чем трех веков истинными хозяевами Египта и Туниса. Они повсюду основывали тайные ложи, под названием «собраний мудрости», в которых имелось девять степеней посвящения. Обучение в ложах велось так, чтобы привести учеников к полнейшему скептицизму. Тайное учение секты измаилитов сводилось к тому, чтобы «ни во что не верить и на все дерзать».

Каирская ложа измаилитов распространяла свое эзотерическое учение при посредстве упомянутых выше «даисов» («великих миссионеров»), имевших под своим началом «рафиков», или «рефиков» («товарищей», то есть «рядовых миссионеров»). «Рафики» и «даисы» (о которых у нас еще не раз пойдет речь далее) наводнили всю Азию. Измаилитское влияние распространилось на захваченные к тому времени арабами и исламизированные Северную Африку, Палестину, Сирию, Ливан, Йемен, Сицилию, а также на священные для всех мусульман города Мекку и Медину. Однако в остальном исламском мире, включая ортодоксальных шиитов, измаилитов считали опаснейшими еретиками и при любом удобном случае жестоко преследовали.

В. О ГАССАНЕ ИБН САББАХЕ

Был среди измаилитских «даисов» удивительный человек, которого звали Гассан (Гасан, Хассан, Хасан) ибн Саббах. Большинство источников сходится в том, что он был персом, или, во всяком случае, иранцем, хотя некоторые утверждали, что в действительности Гассан был иудейского происхождения. Впрочем, этого обвинения не избежал ни первый фатимидский халиф Египта Абдалла, ни даже сам основатель ислама пророк Мухаммед (матерью которого, якобы, была иудейка, да вдобавок еще и крещеная), так что вряд ли стоит относиться к нему слишком серьезно. Гораздо важнее другое. Этот выдающийся во многих отношениях «даис» (бывший, согласно ряду источников, в юности писцом одной из канцелярий Сельджукского султаната, а согласно другим источникам — другом детства и юности будущего знаменитого астронома и поэта Омара Хайяма и будущего главного вельможи сельджукских султанов Альп-Арслана и Малик-шаха — мудреца Абу Али аль-Хасана ибн Али ибн Исхака ат-Туси, вошедшего в историю под именем Низам аль-Мульк; последний, о котором у нас еще будет подробно рассказано далее, якобы помог Гассану ибн Саббаху сделать блестящую карьеру при султанском дворе, сменившемуся, однако, опалой и переходом Гассана в ряды непримиримой оппозиции султанскому режиму), основал новую ветвь секты — восточных измаилитов, которых, организованных Гассаном ибн Саббахом по образцу отдельного военно-духовного братства, или ордена, прозвали несколько позднее «ассасинами» (о значении этого названия мы расскажем несколько позже).

В 1080-е годы высокоодаренный, обладавший исключительным ораторским талантом, даром убеждения и выдающимися организаторскими способностями молодой измаилитский «даис» постепенно сплотил вокруг себя большое число почитателей, учеников и последователей. Со вре-

менем его усилиями были созданы тайный измаилитский орден, а затем и целое измаилитское орденское государство, история которого была прервана только начавшимся в 1256 году татаро-монгольским завоеванием Среднего Востока.

Гассан ибн Саббах родился в середине XI века и умер в 1114 (или в 1124) году. Но результаты его деятельности сказались на событиях вплоть до середины XIII века.

Согласно наиболее распространенной версии жизнеописания Гассана ибн Саббаха, он провел свои детские, отроческие и юные годы в расположенном на территории древней западноиранской провинции Мидии торговом городе Рее, городе старинном (упоминаемом в священной книге древних ариев «Авесте» под названием «Раги»), с незапамятных времен считавшемся центром ересей (и в то же время — местом рождения великого арийского пророка Спитамы Заратустры, по-гречески — Зороастра, по-новоперсидски: Зердешта или Зардушта — основателя маздеизма, или маздаяснийской веры, презрительно именуемой мусульманами и христианами «огнепоклонством»).

В древнем иранском городе Рее был широко распространен измаилизм — в первую очередь среди ремесленников и торгового люда, преимущественно персидской национальности. Именно в этой среде жил молодой Гассан. Сохранились его воспоминания, в которых он рассказывает, как его в юности склоняли к измализму. Юноша отчаянно сопротивлялся «соблазнительям», не желая ступить на опасный путь, грозивший ему гибелью. Гассан ибн Саббах оставался стойким в исламском суннитском правоверии до тех пор, пока не заболел. Испугавшись смерти, он дал обет — в случае выздоровления стать измаилитом. Выздоровев, Гассан обратился к «соблазнительям». Один из них был чеканщиком по металлу, другой — кожевенных дел мастером, и они свели молодого человека с профессиональным проповедником, миссионером-«даисом», у которого нашлись более веские аргументы, чем у кожевника.

Гассан ибн Саббах оказался настолько умен и энергичен, что рейские измаилиты направили его в цитадель этого учения, «еретического» с точки зрения всякого «правоверного» мусульманина (как суннита, так и шита) — Египет (или, как говорили и все еще говорят, вслед за арабами, все мусульмане — Миср, о чем мы уже упоминали выше) — для повышения образования.

Мудрые и искушенные пропагандисты, измаилиты умели ценить молодые дарования и растить ценные кадры, готовить орденскую смену.

Гассан ибн Саббах провел в Аль-Кахире (или, по-нашему, Каире), столице измаилитского Египетского халифата Фатимидов, несколько лет, поднаторел в риторике (искусстве говорить) и в диалектике (искусстве

спорить), научился у египетских измаилитов ловко вербовать сторонников, словом — приобрел необходимые знания и опыт проповедника — «да'и», «даи», «дая» или «даиса» -, но высоко в духовной иерархии Фатимидского халифата не поднялся. Да и не до того было: Фатимиды оказались жертвой типичного для всех мусульманских династий раскола. В очередной раз возникла проблема, кто — истинный халиф, а кто — узурпатор. К этому времени относится обострение полемики между двумя течениями, на которые раскололась «ересь» измаилизма — низаритами и мусталитами. Низариты считали, что имамом является Абу Мансур Низар, старший сын фатимидского халифа Египта аль-Мустансира. Дело было в том, что в конце своего правления халиф аль-Мустансир (1036–1094) неожиданно лишил своего старшего сына Низара права наследования престола в пользу его младшего брата Мустали. После смерти отца Низар начал борьбу с могущественным вазиром (везиром или визирем, то есть, выражаясь современным языком, «премьер-министром» — слово «вазир» происходит от персидского титула «вазирг» эпохи Сасанидов) Аль-Афдалем (поддерживавшим Мустали). В борьбе Низар потерпел поражение, попал в плен и был казнен в 1095 году. В среде измаилитов произошел раскол. В Фатимидском Египте (включавшем первоначально Северную Африку), а также в Йемене и в мусульманской (западной) Индии, в конце концов, утвердились именно мусталиты, но за его пределами (в частности, в Персии и Ираке) большинство измаилитов были склонны придерживаться низаритского толка (или, если воспользоваться терминологией русский староверов-раскольников — «низаритского согласия»). В Сирии первоначально ни одна из двух измаилитских фракций не получила преобладания, и только в XII веке там взяли верх низариты.

Молодому, но честолюбивому не по годам начинающему религиозному деятелю стало совершенно ясно, что Фатимидский халифат измаилитов стареет и слабеет. Фатимиды уже утратили свои владения в Северной Африке (в частности, Туниса), уступили остров Сицилию воинственным норманнам, а свои владения в Сирии — туркам-сельджукам. Провести жизнь, ратуя за египетского халифа-мусталита, отвергаемого не только суннитами и шиитами, но даже большинством самих измаилитов, придерживавшихся низаритских воззрений, означало согласиться на горькую судьбу безвестного мученика. Однако ни безвестное служение высокой идее, ни мученический венец Гассана ибн Саббаха не привлекали. Он стремился всеми средствами найти свой путь к власти. Для этого молодой честолюбец готов был использовать Фатимидского халифа и измаилизм, но не собирался становиться верным рабом человека или учения.

Молодой и энергичный, как говорится, в самом расцвете духовных и физических сил — ему еще не было и тридцати лет от роду, — тще-

славный и немало повидавший измаилит возвратился из далекого Мисра в родной Иран. Он остановился в столице Сельджукского султаната — мегаполисе (по тогдашним понятиям и временам) Исфагане, где без труда нашел приют у единоверцев-измаилитов (низаритского толка).

Сегодня мы невольно поражаемся тому, насколько мобильными и легкими на подъем (по сравнению с жителями тогдашнего христианского Запада — правда, до эпохи Крестовых походов!) были люди мусульманского Востока. Дошедшие до нас жизнеописания большинства из них представляют собой, по сути дела, нескончаемую череду сменяющих друг друга, как в калейдоскопе, селений, стран и городов, в которых они побывали, то ли по делу, то ли торгуя, то ли путешествуя от двора одного владыки ко двору другого. Через весь Восток тянулись вереницы паломников, совершающих «хадж», стремясь достичь священного города Мекки, чтобы поклониться черному камню-метеориту Каабы (тому самому, от которого нечестивые карматы святотатственно откололи половину). Через весь Восток (а если быть точнее — от Испании — «страны Аль-Андалус», исламизированной почти целиком, до Турфана, граничащего с «недвижным Китаем» Туркестана) ехали по своим делам мудрецы и поэты, купцы и искатели приключений (а проще говоря — авантюристы, любители половить рыбку в мутной воде). И для каждого была важна принадлежность к той или иной исламской подсистеме, к тому или иному направлению, той или иной секте. В каждом городе у каждого находились союзники и помощники среди единоверцев. За высоким, глухим глинобитным забором-дувалом всякий, кто нуждался в крове и защите, мог укрыться у единомышленников от враждебных властей и недругов.

Известие о том, что в городе появился знаменитый «даис», прибывший из самого Каира — гнезда измаилитской ереси — возможно — с инструкциями от еретиков-Фатимидов, вызвало тревогу у сельджукского султана Малик- (Мелик-)шаха, положение которого в его трудно управляемом из-за громадных размеров, многонациональном государстве было непрочным и которому повсюду мерещились заговоры. Фатимидов подозревали (не без оснований!) в том, что они, через свою измаилитскую «пятую колонну», ведут в соседних мусульманских государствах подрывную пропаганду.

Стража Малик-шаха кинулась на поиски Гассана ибн Саббаха. Несколько недель «даис» скрывался у верных людей. В этот период вынужденной изоляции Гассан ибн Саббах сформулировал собственную программу, которую решил проповедовать среди иранских низаритов. В своей программе он не отошел от духа и буквы Корана, от законов шариата. Новизна заключалась в следующем, выраженном с предельной четкостью и ясностью, стратегическом постулате:

«Цель религии — правильный путь к познанию Бога. Познание Бога разумом и размышлением невозможно. Познание возможно только личным поучением имама».

Из этого следовало, что всякий человек, взыскующий истины, но не имеющий истинного учителя — имама, черпающий знания из других источников, достоин порицания. Все человечество, не признающее имама, скрытого от глаз непосвященных, погрязших в пороках и невежестве людей и известного лишь «Великому Просветленному» Гассану ибн Саббаху, глубоко заблуждается. А потому неминуемо попадет в ад. Ни христиане, ни иудеи не спасутся по определению, ибо им неведомо слово пророка Мухаммеда. Но и никакие мусульмане, в том числе даже измаилиты (кроме низаритов) тоже не спасутся, поскольку они тщетно пытаются постичь слово пророка Мухаммеда разумом.

Слепое послушание (являющееся основой всякой орденской дисциплины) было главным девизом Гассана ибн Саббаха.

Естественно, что безусловное подчинение духовному вождю требует от адептов, подчиняющихся ему, определенной степени невежества. И, по свидетельству современников, Гассан ибн Саббах проявлял в этом плане завидную последовательность. «Он препятствовал простым людям углубляться в знания, так же как людям знатым — в постижение старых книг».

Г. «ТЕОЛОГИЯ НЕНАВИСТИ»

Деление всего рода человеческого на две неравные группы: группу приверженцев Гассана ибн Саббаха (предназначенное к спасению и вечному загробному блаженству «малое стадо» истинно верных и верующих) и на всех остальных, обреченных на вечные адские муки, дополнялось идеей о том, что двуногое, обладающее разумом и членораздельной речью население Земли делится на «людей» и «нелюдей», «человеков» и «недочеловеков». Так, по учению Гассана ибн Саббаха (как нам уже известно, перса, или, во всяком случае, иранца по происхождению), турки «не из детей Адамовых происходят, а некоторые называют их джиннами (нечистыми духами или, по-нашему, по-русски, бесами — В.А.)».

При желании можно видеть в Гассане ибн Саббахе предтечу расистов более поздних эпох. Однако подобные взгляды были распространены среди иранцев издавна — еще арийский пророк Заратустра именовал в своих «Гатах» кочевников-туранцев (с которыми иранцы, а за иранцами и арабы впоследствии стали, по созвучию, ассоциировать тюрков-турок), нападавших на праведных земледельцев Ирана (Арианы, то есть «Страны Ариев») порождениями злых духов — дайвов (дэвов, дивов) и самого Князя Тьмы, духа Лжи и Зла — Ангхро-Майнью (Аримана). Мало того! «Вредными демонами» («демонами-вредителями») и «порождениями Аримана» оседлые иранские зороастрийцы называли кочевые скотоводческие племена не только тюркского происхождения, но и, например, парфян или арабов-бедуинов.

Аналогичные упоминания содержатся в разных частях упомянутой выше священной книге ариев-зороастрийцев древнего Ирана — «Авесте». После грехопадения первого (согласно авестийским книгам «Видевдат», 2 и «Яшт», 13.130) или третьего (согласно остальным авестийским

текстам) земного правителя Йимы (иранский аналог нордического прачеловека Имира; у мусульман его именовали Джамшидом), в мир пришло Зло. Высшее творение Духа Добра и Правды Ахура-Мазды (Ормазда, упоминаемого, между прочим, под именем «Мазадан», в поэме Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», в которой повествуется о рыцарях-храмовниках — хранителях Святого Грааля, часто ассоциировавшихся с рыцарями военно-духовного ордена тамплиеров, о которых у нас еще пойдет речь далее) — род людской — стал несовершенен духовно и телесно, люди не только утратили земное бессмертие, но и приобрели физические недостатки (которые считались «печатью» Аримана). Появились целые «народы-храфстра» («храфстра» означает по-авестийски «мерзость», «скверна», «нечисть»), целые «дэвовские (демонические, бесовские) расы»: «Говорят, что Йима, когда величие (то есть «Хварно — Божественная Благодать» —, а по другому толкованию — разум) покинуло его, из страха перед дэвами (демонами, бесами) взял дэва женского (пола) в жены, а Йимак, которая была (его) сестрой, отдал в жены дэву; и от них пошли ... люди-обезьяны, и... другие всяческие уродства; к «народам-храфстра» в «Авесте» причисляются, кстати, также негры.

Аналогичные примеры можно было бы приводить до бесконечности — и проще всего сослаться при этом на «дремучее невежество и суеверие» древних обитателей Земли. Восточно-римский автор готто-аланского происхождения Иордан в своем историческом трактате «О происхождении и деяниях гетов (готов — В.А.)» именовал гуннов (между прочим, тоже родственное тюркам племя) плодом совокупления колдуний-алирун (галирун) со злыми духами (иначе — демонами или бесами). Средневековые летописцы христианской Европы именовали напавших на нее в XIII веке татар Бату-Хана (с легкой руки французского короля-крестоносца Людовика IX Святого) «тартарами», то есть «исчадиями ада», «сынами преисподней» (по античному названию глубочайшей части подземного мира, в которой мучились самые страшные грешники, например, богоборцы-титаны — Тартару; от слова «Тартар» происходит также наше выражение «провалиться в тартарары»), а монголов — опять же по созвучию — ассоциировали с ветхозаветными «магогами» (которым надлежало напасть на народ Божий в конце времен). Примеры такого рода можно было бы приводить бесконечно. Во всяком случае, Гассан ибн Саббах, используя давнее предубеждение иранцев («арийцев») против всех не иранцев («неарийцев») вообще (не случайно шиизм, как течение, резко оппозиционное по отношению к «неправедным», «неверным» арабским халифам Дамаска, Самарры и Багдада, хотя и возник первоначально в арабской среде, но укрепился и развился именно в иранских областях) и против «туранцев» (в описываемое время ассоциируемых однозначно с тюрками) — в частности, привлек на свою сторону всех, обиженных этими тюрками (в данном

конкретном случае — турками-сельджуками). Кстати, не кто иной, как второй праведный халиф, соратник самого пророка Мухаммеда, основателя ислама, знаменитый Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук, он же Омар I, повелитель правоверных, отнявший у ромеев-христиан Дамаск, погиб в свое время при входе в мечеть от кинжала, направленного в его грудь не кем-нибудь, не каким-нибудь арабом, иудеем, сирийцем или греком, а именно новообращенным в ислам иранцем — персом Абу Лаулу Перозом. Факт, что и говорить, многозначительный. Что ни говори, а традиции — великая вещь...

Гассан ибн Саббах отказался сообщить кому бы то ни было, кто же тот «тайный», «скрытый» или «сокровенный» имам, который будет направлять его самого и его учеников. Имам был именно тайным, скрытым, сокровенным, его имени было нельзя называть. А пока истинный имам был фикцией, его взялся замещать Гассан ибн Саббах.

Вот так возникло радикальное учение, у которого были тайный учитель и вполне реальный вождь. Вождь требовал от своих учеников слепого подчинения потому, что он один знал истину. Тем adeptам, которые выражали ему полное подчинение, вождь гарантировал райские кущи. Всем остальным он гарантировал адские муки. Тюрки, по его учению, не являлись людьми. Христиане и иудеи, с его точки зрения, также людьми в собственном смысле слова не являлись. Мусульмане, не исповедующие измаилизм в низаритском, и притом именно проповедуемом Гассаном ибн Саббахом варианте (неважно, сунниты, шииты или измаилиты), были, по его учению, тоже «почти не люди» (недочеловеки, германские национал-социалисты первой половины XX века называли бы их «унтерменшами»). Справедливости ради, следует заметить, что в описываемую эпоху не только измаилиты Гассана ибн Саббаха отличались сходной этно-религиозной нетерпимостью. Так, скажем, среди христиан, в том числе образованных (причем как представителей западной, «латинской», римско-католической, так и восточной, «греческой», православной, или греко-кафолической, церкви) было широко распространено представление, что иудеи суть «видимые бесы». Но это так, к слову...

Всевозможных тайных обществ, орденов и сект в те годы на мусульманском Ближнем и Среднем Востоке было множество, и проповедники плодились, как грибы после дождя. Выделиться среди этой пестрой массы, предлагавшей правоверным варианты и рецепты спасения и вечного блаженства на любой вкус, и найти себе adeptов и сторонников было не так-то просто, тем более, если пророку всего тридцать лет от роду.

Но в тяжелые периоды истории угнетенные всегда ждут учителя, наставника, ждут несущего им освобождение (пусть иллюзорное) спасительного слова проповедника и вождя. Своеобразная «теология освобождения» Гассана ибн Саббаха была настолько проста, что ее мог понять

даже самый темный и неграмотный крестьянин (собственно, на таких «простецов», или, иначе говоря, невежд, «профанов», как сказали бы масоны, она и была рассчитана). Эта программа освобождала адептов нового тайного учения от необходимости думать и самому принимать решения. Она утверждала, что вождь и пророк знает абсолютную и окончательную истину. Она облачала эту истину в темные покровы величайшей тайны. Она обещала «верным, претерпевшим до конца», безоговорочное спасение и вечное блаженство.

Самое слабое место низаритского учения, проповедуемого Гассаном ибн Саббахом, заключалась в том, что его радикализм неизбежно вступал в конфликт с официальной идеологией тогдашних мусульманских государств. Для торжества его тайного ордена в мусульманском мире должна была существовать критическая, смертельно опасная ситуация. Но, как на грех, такой ситуации в конце XI века, до начала Крестовых походов, в исламском мире как раз и не существовало! Официальный, казенный, правоверный ислам защищали не только многочисленные армии султанов, падишахов и амиров, но и миллионы верующих мусульман, запуганных крайним, оголтелым экстремизмом, неустанно проповедуемым Гассаном ибн Саббахом и его адептами.

В течение десяти долгих лет Гассан ибн Саббах вел свои пламенные проповеди в разных городах Ирана, вербовал сторонников среди измаилитов низаритского толка, гонимых и преследуемых казенным исламским духовенством, действовавшим в тесном союзе со светскими властями. Три года неутомимый «даис» провел в области Дейлем, к юго-западу от Каспийского моря, проповедуя среди тамошних племен (имевших, как и он сам, иранское происхождение). В представлениях дейлемитов официальный ислам (в первую очередь — суннизм) четко ассоциировался с господством чужеземных захватчиков — турок-сельджуков (так же, как ранее — с властью чужеземных захватчиков-арабов). Поэтому именно среди дейлемитов Гассан ибн Саббах, проповедовавший, что турки — не люди, а нечистые духи во плоти, искал базу для создания своего орденского государства — тем более, что среди дейлемских горцев укрылись в свое время недобитые иранскими шахами-маздаенщиками из династии Сасанидов сторонники коммунистического движения маздакитов (V-VI вв.), продолжавшие тайно проповедовать свое учение до самого прихода в Иран арабов-мусульман (но также и после него).

Постепенно число сторонников «даиса» возрастало, но вместе с тем возрастали и опасения сельджукских властей. Один из писателей того времени, выражая настроения, господствующие среди сельджукского суннитского истеблишмента, писал:

«Нет ни одного разряда людей, более зловещего, более преступного, чем этот род (измаилиты вообще и низариты — в частности — В.А.)...

Если, упаси Аллах, державу (Султанат Сельджуков — В.А.) постигнет какое-либо несчастье... эти псы выйдут из тайных убежищ и нападут на эту державу».

Главным идеологическим и политическим врагом Гассана ибн Саббаха стал не араб и не турок, а упоминавшийся выше перс-суннит Абу Али аль-Хасан ибн Исхак по прозвищу Низам аль-Мульк («Устроитель Государства»), просвещенный вазир сельджукского султана Малик-шаха, атабек — то есть приемный отец этого султана по завещанию его подлинного отца — предыдущего султана Альп-Арслана, знаменитого победителя ромейского василевса-императора Романа Диогена (Дигениса) в битве при Манцикерте (Маназкерте) в 1075 году — и основатель знаменитого Багдадского университета Низамийа. Крайне обеспокоенный упорными слухами о постоянно возрастающей активности прибывшего из Египта измаилитского «даиса» (в котором он видел, прежде всего, тайного агента еретиков Фатимидов, засланного в державу Сельджукидов с подрывными целями), вазир направил отряд надежных воинов для поимки возмутителя спокойствия, и бродячий проповедник этнорелигиозной нетерпимости с большим трудом спасся бегством, чуть не попав в руки преследователей, когда его мул пал в безлюдной местности, где не было ни одного селения.

Но Гассан ибн Саббах был поистине человеком выдающейся энергии и таланта, прирожденным лидером, преуспевшим в совершении невероятного. Высоко одаренный «даис» сумел превратить забитых и привычно покорных чужеземным завоевателям (арабским ли, тюркским ли — в данном случае неважно) персидских крестьян, искусно совращенных им в новую ересь, в удивительно упорных воинов, в которых, казалось, каким-то чудом воскресла древняя доблесть богатырей-пехлеванов ахеменидского, парфянского и сасанидского Ирана.

Д. ЗАХВАТ «ОРЛИНОГО ГНЕЗДА»

Гассан ибн Саббах задумал завладеть крепостью, в которой со своими адептами мог бы укрываться от преследований Сельджукидов и готовить силы для дальнейшей борьбы. Свой выбор он остановил на крепости Аламут («Орлиное Гнездо»), находившейся вблизи богатого торгового города Казвина, расположенного в Западной Персии, в той же горной области Дейлем, в которой его проповеди сопутствовал такой успех.

«Даис» выбрал Аламут по трем причинам.

Во-первых, крепость Аламут находилась на достаточном удалении от столицы сельджукских султанов Исфагана.

Во-вторых, в окружавших крепость Аламут селениях проживало немало приверженцев измаилитского учения;

В-третьих, Аламут был поистине неприступной твердыней.

Эта крепость, ставшая впоследствии важнейшим укреплением низаритского ордена, возведенная на высокой скале близ одной из вершин западного Эльбурса (священной горы древних ариев), поднимающейся на почти четыре тысячи метров над уровнем моря, стояла в труднодоступной горной долине, утесы по сторонам которой представляли собой дополнительные укрепления. Сама же крепость (расположенная примерно в ста километрах от Тегерана) оседлала отвесную скалу высотой более двухсот метров, которая возвышалась в центре долины, где было расположено несколько деревень, населенных новообращенными измаилитами. В крепости имелся источник пресной воды.

Взять штурмом Аламут, охраняемый даже небольшим гарнизоном, было практически невозможно. Если верить иранскому летописцу Рашид ад-Дину Фазлуллаху ибн Абуль-Хайру Али Хамадани (обычно именуемому сокращенно — Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани), автору знаменитого «Сборника летописей» («Джами ат-таварих»), мон-

гольский хан Хулагу, после сдачи крепости изнуренными долгой осадой низаритами монголо-татарам в 1256 году, поднялся наверх для осмотра Аламута и «от величия той горы прикусил зубами палец изумления» (Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани, «Джами ат-таварих», III, 37, М.-Л, 1946).

Но все это произошло гораздо позднее, а пока что на дворе стоял 1090 год от Рождества Христова.

Первым делом низариты начали обрабатывать коменданта крепости Алави Махду (симпатии которого к измаилизму не были для них секретом). Одновременно помощник Гассана ибн Саббаха занялся тайной, но весьма активной агитацией среди рядовых воинов гарнизона.

Комендант Аламута, героическими усилиями пытавшийся сохранить верность присяге, некоторое время колебался, но, когда ему были обещаны три тысячи полновесных золотых динаров и право свободного выхода из крепости, он решил сдать Аламут. Верно было сказано в Евангелии: «Не можете служить Богу и мамоне»...

Среди низаритов, впущенных не устоявшим перед искушением богатством комендантом в крепость, был и сам Гассан ибн Саббах, переодетый бедным ремесленником — тихий, скромный, немногословный человек.

Он передал коменданту записочку, по которой тот должен был получить в городе Дамагане три тысячи динаров золотом у богатого купца (по удивительному стечению обстоятельств, оказавшемуся тайным низаритом). Алави усомнился, что по записке такого «низкого человека» ему выплатят такую колоссальную сумму. Но скромный ремесленник только улыбнулся и успокоил коменданта. «Маловерный, зачем ты усомнился...».

Алави был последним человеком на Земле, который видел Гассана ибн Саббаха переодетым, скрывающимся, гонимым и настороженным. Отныне тот стал «царем горы».

Сребролюбивый комендант меж тем отправился в торговый город Дамаган. Купец, к которому Гассан его направил, ввел Алави Махду в заднюю комнату своего дома, отослал слуг и попросил показать данную тому в Аламуте записочку.

Узнав почерк Гассана ибн Саббаха, купец благоговейно поцеловал записку, приложил ее ко лбу по общемусульманскому обычаю и... через несколько минут вручил гостю увесистый мешок с тремя тысячами золотых динаров.

Существует, впрочем, и другая версия захвата Аламута, согласно которой семеро низаритских «даисов» (включая Гассана ибн Саббаха) втершись в доверие к коменданту крепости, силой скрутили его, когда он угощал их (совершив тем самым возмутительное преступление, с точки зрения традиционного мусульманского гостеприимства, подняв руку на гостеприимного хозяина, преломившего с гостями хлеб, то есть разделившего с ними трапезу) и впустили в крепость своих сторонников.

Известие о падении Аламута встревожило султана Мелик-шаха. Еще больше его обеспокоило сообщение, что низариты согнали местных земледельцев строить другие крепости по соседству с Аламутом.

Как бесстрастно сообщал иранский летописец, «добру и злу внимая равнодушно»:

«Завладев Аламутом, Гассан напряг все силы, чтобы захватить округа, смежные с Аламутом, или места, близкие к нему. Он овладел ими путем обмана своей проповедью. Что же до тех мест, где не были обмануты его речами, он завладевал ими убийствами, войной и кровопролитием. Везде, где он находил утес, годный для укрепления, он закладывал фундамент крепости».

Гассан ибн Саббах вел себя совершенно непонятно для властей держащих (как духовных, так и светских). Так еще никто себя не вел в исламском мире. Обычно пророки шли из города в город, скрываясь от властей, и проповедовали втайне. Этот же сидел в неприступной горной крепости и с высоты ее грозных башен открыто и дерзко бросал вызов всем владыкам земным. Со всех концов не только султаната Сельджукидов, но и всего необъятного исламского мира к нему стекались все новые сторонники. Уходя в «Орлиное гнездо» (любопытно, что так же, только по-немецки — Адлерсхорст — называлась впоследствии берхтесгаденская резиденция другого «вождя ариев» — Адольфа Гитлера — в Баварских Альпах), человек становился неподвластным всем царям земным. Что же до его загробного блаженства в лучшем мире, то заботу об этом всецело брал на себя Гассан ибн Саббах.

Не следует забывать, что для человека Средневековья (причем не только мусульманина!) рай и ад были понятиями не менее реальными, чем окружающая его земная действительность.

Тюркский амир (что означает по-арабски «князь», «принц», «начальник» — этому титулу у тюрков соответствует более привычное для нашего уха слово «эмир») Юрюн-Таш, правивший областью, в которой действовал Гассан ибн Саббах, первым из сельджукских властителей Ирана двинулся в поход, чтобы ликвидировать «осиное гнездо» проклятых низаритов. Поход представлялся амиру делом нетрудным: ему предстояло расправиться лишь с кучкой обманщиков-еретиков, хитростью овладевших крепостью.

Амир сжег селения в долине, казнил низаритов, попавших в руки его воинов, и окружил крепость плотным кольцом осады.

Гассан ибн Саббах слишком поздно осознал, какую совершил ошибку. Он не рассчитывал, что амир будет так оперативен, и не запаса вовремя зерном. И теперь ему нечем было кормить гарнизон и беженцев, заполнивших крепость.

Тогда бесстрашный «даис» собрал защитников Аламута и сообщил им, что прошедшей ночью к нему явился скрытый имам и приказал крепость

ни в коем случае не сдавать. И такова была сила убеждения Гасана ибн Саббаха, что герметически отрезанные от внешнего мира низариты все как один поклялись умереть, но не уступить врагу.

Амир ровным счетом ничего не знал о положении в крепости. В осажденном Аламуте не нашлось ни одного изменника, который бы ему об этом сообщил. Через три дня он потерял терпение, снял осаду и увел свой отряд из долины.

Следующее суровое испытание выпало на долю Гассана ибн Саббаха ровно через год. На этот раз за дело взялся сам сельджукский султан Мелик-шах. Он отправил своего полководца во главе сильного войска, приказав ему не возвращаться до тех пор, пока тот не вырвет с корнем росток заразы.

Сельджукские войска подступили к Аламуту в марте. На полях только начинались посевные работы. Аламутская долина была опустошена войной. Накопить за зиму необходимые для выживания гарнизона и беженцев в осажденной крепости запасы Гассан ибн Саббах, как ни старался, не успел. К тому же в крепости с ним оставалось мало людей — не больше семи десятков человек, способных держать в руках оружие. Три долгих месяца продолжалась осада сельджуками Аламута. Осажденные низариты ели совсем понемногу, только чтобы не умереть с голоду, и неустанно бились с осаждающими.

Когда у осажденных не осталось никаких сомнений в том, что выдерживать осаду дальше совершенно невозможно, Гассан ибн Саббах тайно, в грозовую ночь, спустил на веревке одного из молодых парней, и тот, благополучно миновав посты врагов, выбрался из долины. На следующий день он был уже в центре области Дейлем — городе Казвине, где местные низариты с тревогой ждали вестей.

Тут же была проведена поголовная мобилизация всех низаритов в городе. Всего набралось более трех сотен человек, фанатично и решительно настроенных, готовых победить или умереть во славу скрытого имама и его пророка.

Низаритский ударный отряд вошел в Аламутскую долину в сумерки. Измаилиты скрытно продвигались к Аламуту по крутым склонам, поросшим лесом, в полном молчании, стараясь не греметь оружием. Дождались ночи. Гарнизон осажденной крепости был уже предупрежден проникшими в нее снаружи лазутчиками, что помощь близка, и приготовился к вылазке.

Гассан ибн Саббах оставался в своей келье, которую построили специально для него, когда Аламут был захвачен. Стены этой кельи были такими же толстыми, как и внешняя крепостная стена. Внутри кельи вела лишь небольшая дверь. В крепостной стене была прорублена вторая дверь, и за дверью была небольшая терраса — уступ, нависший на двухсотметровой

высоте. Вождь мог выйти на уступ. Оттуда на много фарсангов (поприщ) открывался вид на долину, над которой господствовал Аламут.

Никто из шедших, казалось, на верную смерть низаритов не сомневался в том, что в заоблачной келье своего «орлиного (или, для недругов, осинового) гнезда» Гассан ибн Саббах беседовал со скрытым имамом, который должен был защитить защитников истинной веры.

Сонные сельджукские часовые были сняты быстро и бесшумно. Они не успели даже поднять тревогу. И тут же началась беспощадная, кровавая резня. В полной темноте, ошеломленные, застигнутые врасплох, не понимая, что происходит, оказавшиеся меж двух огней сельджукские воины, попавшие под двойной, комбинированный удар низаритов (как со стороны долины, так и со стороны Аламута), метались между походными шатрами. Дико ржали кони, отчаянно вопили раненые, скрипели, опрокидываясь, повозки. Крики и лязг скреещающихся клинков долетали даже наверх, в заоблачную келью Гассана ибн Саббаха.

Разгром был полный. Лишь малая часть захваченных низаритами врасплох турок-сельджуков смогла вырваться из долины смерти.

По всему Востоку растекались слухи: в неприступной горной крепости поселился некий таинственный пророк, очевидно, избранный самим Аллахом для совершения великих дел. И какие бы испытанные рати ни посылал против него сельджукский султан, никто и ничто не в силах одолеть его. Гассана уже называли «горным старцем», хотя он был совсем еще не стар.

В последующие годы сторонникам Гассана ибн Саббаха удалось захватить (чаще всего, без боя, хитростью или подкупом, как Аламут) или побудить к переходу на сторону «горного старца» путем искусных переговоров ряд крепостей в долинах Рудбар и Кумисе, несколько городов в области Кухистан, а также несколько сильно укрепленных замков — «рибатов» — на западе — в горных районах Ливана и Сирии.

В историю низариты «горного старца» вошли, прежде всего, как террористы-самоубийцы. Но к тактике использования террористов-самоубийц Гассан ибн Саббах пришел не сразу. Существует легенда, согласно которой он принял такое решение благодаря срочно возникшей необходимости убить неугомонного вазира Низам аль-Мулька.

Е. ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ

Дело было так. В 1092 году в городе Сава (Савэ), расположенном в самом сердце Сельджукидской державы, был совершен дерзкий террористический акт, ознаменовавший собой начало нового этапа в истории измаилитов. В этом городе существовала низаритская ячейка (говоря языком «вольных каменщиков» — ложа, а языком «углежогов»-карбонариев — вента), в которой состояло восемнадцать человек. Действовать ложе приходилось в глубоком подполье, ибо правитель города желал искоренить низаритскую опасность. И потому, когда низариты обратили в свою веру (или, если посмотреть на это дело с точки зрения правоверных мусульман, «совратили в свою ересь») некоего важного чиновника (по другой версии — муэдзина главной городской мечети, то есть духовное лицо весьма высокого ранга, способное облегчить им проникновение в казенный духовный истеблишмент), они сочли это важным достижением. Но новообращенный вдруг чего-то испугался и отрекся от низаризма. Опасаясь грозящего им разоблачения и выдачи властям, низариты решили ликвидировать отступника. Исполнителем приговора избрали плотника Тахира. Плотник заколол малодушного чиновника (или муэдзина) кинжалом, но был схвачен на месте преступления, во всем сознался (после допроса «с пристрастием») и был казнен по личному приказу султанского вазира Низам аль-Мулька.

То были первое политическое (хотя, конечно, при желании можно считать его и религиозно мотивированным) убийство, о котором достоверно известно, что оно было совершено низаритами, и первая казнь низарита за совершенное им политическое убийство. Гассану ибн Саббаху этот частный случай подсказал новую стратегическую линию. Убийство не только возмущает, но и устрашает врагов.

Так в тиши аламутского уединения была сформулирована теория политического террора, которая суждено было надолго пережить ее создателя и дожить до наших дней.

Гассан ибн Саббах стал первым (со времен сикариев-зилотов древней Иудеи) политиком, который превратил политический террор в основное средство убеждения оппонентов. Террор должен был стать средством всеобщего устрашения и шантажа.

Чтобы добиться успеха, необходимо было найти адекватный ответ на два главных вопроса:

1) Как проводить покушения и как афишировать (или, выражаясь современным языком, «пиарить») их;

2) Как выковать кадры послушных и нерассуждающих исполнителей террористических актов, подготовить высокопрофессиональных и бесстрашных убийц, способных преодолеть все препоны, проникнуть через любые кордоны и, если нужно, погибнуть после совершения убийства (то бишь «законного возмездия злодею», а проще говоря — террористического акта).

Эта система складывалась не сразу и не была задумана заранее, в рамках некоей стройной концепции, а разработана, так сказать, по ходу дела — у Гассана ибн Саббаха просто не было времени на разработку концепций, ему не терпелось поскорей начать террор против «вредоносных демонов» и испытать свои «кадры» в деле. Первая «сакральная жертва» уже была избрана. Дерзкий террористический акт должен был вселить ужас в сердца врагов и восславить «горного старца».

В конце сентября 1092 года «горный старец» повелел своим «вернейшим из верных» собраться на площадке перед его аламутской кельей.

Он медленно обошел безмолвный строй молодых сподвижников, «подавших глазами начальство». Многие уже показали верность и отвагу в дни обороны «горного гнезда» от тюркских «джиннов», прозавших Аламут, после понесенного под его стенами поражения, «гнездом смерти». Низариты напряженно ждали. Все понимали, что сейчас шейх произнесет «самые важные слова».

И Гассан ибн Саббах спросил их:

«Кто из вас пресечет в этом государстве вред, исходящий от Низам аль-Мулька, нашего главного врага?»

Несколько человек вышли вперед. Так было положено начало созданию добровольческого корпуса убийц — «фидаинов» — «жертвующих собой».

В пятницу 18 октября 1092 года к крытым носилкам Низам аль-Мулька, которого несли из дворца в гарем (как у всякого состоятельного мусульманина тех времен, у почтенного вазира было много жен) подбежал какой-то человек. Неизвестный раздвинул занавески носилок и всадил

в сердце великого вазира остро отточенный кинжал (возможно, смазанный ядом). Одного удара оказалось достаточно. Смерть наступила мгновенно.

Убийца пустился бежать, но споткнулся обо что-то и упал. На него накнулись телохранители и задушили на месте (последнее обстоятельство представляется нам довольно подозрительным — ввиду серьезности совершенного преступления не мешало бы взять террориста живым и выпытать у него «всю подноготную» — не протянулись ли щупальца низаритских заговорщиков до самого султанского дворца?)...

Существует и иная версия этих разыгравшихся в славном городе Исфагане драматических событий. В отместку за убийство муэдзина главной мечети города Савы, предводителя местных низаритов города (а вовсе не плотника Тахира), по приказу вазира Низама аль-Мулька, схватили и предали медленной мучительной смерти. После казни замученного убийцы показательно проволокли по улицам Савы и на несколько дней вывесили труп на главной базарной площади. Жестокая казнь единоверца вызвала взрыв негодования и возмущения в среде низаритов, докатившись до крепости Аламут. Возмущенная толпа аламутских низаритов сошлась к келье своего духовного наставника и главы тайного ордена. По легенде, Гассан ибн Саббах поднялся на крышу своей кельи и громогласно произнес: «Убийство этого шайтана (дьявола, демона, беса, сатаны — В.А.) предвосхитит райское блаженство!»

Не успел «горный старец» спуститься с крыши в свою келью, как из толпы выделился молодой человек по имени Бу Тахир Аррани (однако же не плотник, а один из «фидаинов» — «готовых жертвовать собой») и, опустившись на колени перед Гассаном ибн Саббахом, изъявил желание привести в исполнение вынесенный смертный приговор, даже ценой своей собственной жизни.

Небольшой отряд фанатиков-низаритов, получив благословение от главы своего ордена, разбился на мелкие группы и двинулся в сторону столицы государства Сельджукидов. Ранним утром 10 (а не 18) октября 1092 года фидаин Бу Тахир Аррани каким-то способом умудрился проникнуть на территорию дворца вазира. Спрятавшись в зимнем саду, он терпеливо поджидал свою жертву, прижав к груди длинный, острый, как бритва, кинжал, лезвие которого было предварительно смазано ядом. Ближе к полудню на аллее появился рослый тучный человек, облаченный в пышные, богатые одежды и белоснежный шелковый тюрбан, увитый жемчужными нитями (передвигавшийся пешком, а не в носилках). Бу Тахир Аррани никогда не видел вазира, но, судя по тому, что человека, идущего по аллее, окружало большое количество телохранителей и вооруженных молодых рабов-гулямов, убийца решил, что это мог быть только вазир. За высокими, неприступными стенами дворца порядком

разленившиеся телохранители чувствовали себя слишком уверенно, и обязанность охранять жизнь и здоровье вазира воспринималась ими как не более чем ежедневная ритуальная повинность. Улучив удобный момент, Бу Тахир Аррани подскочил к нечестивому вазиру и нанес ему, по меньшей мере, три удара (а не один, как в вышеприведенной версии) отравленным кинжалом. Ошеломленная стремительностью теракта охрана подоспела к месту преступления слишком поздно. Прежде чем убийца был схвачен, вазир уже бился в предсмертных конвульсиях. Охрана в буквальном смысле слова порвала Бу Тахира Аррани на куски, но смерть злополучного Низама аль-Мулька стала сигналом к штурму дворца другими фидаинами тайного ордена, бывшими уже наготове. Низариты окружили и подожгли дворец убитого вазира, в суматохе сгоревший дотла.

Люди Гассана ибн Саббаха позаботились о том, чтобы ни у кого не осталось сомнений — карающая рука была направлена «горным старцем». Весть об убийстве в считанные дни прокатилась по всему Востоку, вызывая удивление, возмущение, растерянность и страх.

То же предание гласит, что низариты, силой отбив у слуг убитого вазира труп своего товарища, Бу Тахира Аррани, укрыли его от преследователей и похоронили в укромном месте по мусульманскому обряду (хотя, если верно предыдущее утверждение, согласно которому разъяренные своим промахом телохранители Низам аль-Мулька «растерзали его убийцу в клочья», то хоронить фидаинам пришлось не труп соратника, а оставшиеся от него кровавые ошметки; впрочем, легенда есть легенда, в ней не обязательно должны сходиться все концы с концами). По приказу Гассана ибн Саббаха на воротах крепости Аламут была приколочена бронзовая табличка, на которой было выгравировано имя Бу (Абу) Тахира Аррани, а напротив него, имя его жертвы — великого вазира Низама аль-Мулька. С годами эту бронзовую табличку пришлось увеличить в несколько раз, так как список стал составлять уже сотни имен вазир, эмиров, мулл, улемов, муфтиев, имамов, ишханов, султанов, шахов, маркизов, герцогов и прочая и прочая и прочая...

Согласно третьей версии, изложенной, в частности, историком Ибн аль-Асиром, убийство вазира произошло не в самом городе Исфагане, а в военном лагере султанского войска (шедшего войной на низаритов), в двух переходах от Исфагана, в виду Дейлемских гор. Низам аль-Мульк, собиравшийся навестить своих жен, ждавших его в соседнем шатре, был заколот сопровождавшим его в походе юношей, которому доверял, как самому себе (поскольку в детстве спас того от голодной смерти). Юноша оказался глубоко законспирированным низаритским фидаином, получившим тайный приказ ликвидировать вазира. Он вонзил кинжал (или нож, которым резал дыню) в сердце Низам аль-Мулька в тот момент,

когда вазир протягивал ему кусок лепешки (тем самым, вполне в духе низаритов, совершив тяжкое преступление — убив человека, преломившего с ним хлеб).

Как бы то ни было, сельджукский султан Малик-шах был потрясен убийством своего верного советника и друга более других — кинжал низарита, направленный в сердце (а если верить другой версии, то и в другие важные органы и части тела) вазира, был нацелен и в него. Султан приказал увеличить охрану — сотни вооруженных до зубов и неусыпных стражей окружали его днем и ночью. Ни на секунду султан не оставался один.

Он приказал собрать большую армию, чтобы уничтожить гнездо низаритов в Аламутской долине. И велел эмирам, поставленным во главе войска, не возвращаться без головы «горного старца».

Однако через двадцать дней после физического устранения Низам аль-Мулька неожиданно ночью скончался сам султан сельджуков Малик-шах. Никто и по сей день не знает, как и почему его настигла смерть, но современники были убеждены, что султана отравили (причем, скорее всего, вездесущие, неуловимые измаилиты). «Грибков поел», как говорится. Дело известное, еще со времен древнеримского императора Клавдия...

Конечно, смерть султана была выгодна не только Гассану ибн Саббаху. У Малик-шаха было великое множество других врагов, желавших ему гибели. Но именно для главы измаилитского ордена смерть сельджукского султана была последним и желанным шансом на спасение — ведь если бы упорный Малик-шах остался жив, низариты бы не удержались в Аламуте. Уж очень своевременной была эта смерть для низаритов, чтобы исключить возможность убийства, совершенного фидаинами (весьма часто, как нам уже известно, применявшими, в качестве орудия «совершения праведной мести», а попросту говоря — заказного убийства — не только кинжал, но и яд, а еще чаще — кинжал, отравленный ядом).

Предусмотрел ли политический гений «горного старца», что именно произойдет после смерти султана и его мудрого везира, никому сегодня не ведомо. Но обстоятельства сложились весьма благоприятно для низаритов. Как только султан переселился в мир иной, в Сельджукской державе разгорелась ожесточенная борьба за престол.

Сельджукское государство держалось лишь силой оружия, и стоило центральной власти пошатнуться, как немедленно начались восстания во всех подвластных сельджукам областях и завоеванных ими государствах. Страна была ввергнута в пучину бедствий. Новый султан вновь и вновь собирал армии, чтобы укротить мятежных феодалов. Города были разрушены, крестьянство обнищало, торговля почти прекратилась.

Эти годы лихолетья были благодатными для Гассана ибн Саббаха. Они дали ему возможность распространить власть своего тайного

духовно-военного ордена не только на отдельные крепости, но и на целые районы. В обстановке всеобщей разрухи и вражды низариты стали для многих последней надеждой и опорой.

Дерзкое и притом успешное покушение на жизнь верховного вазира представлявшегося столь несокрушимым государства Сельджукидов повлекла за собой настолько сильный резонанс во всем исламском мире, что это невольно подтолкнуло Гассана ибн Саббаха к очень простому, но, тем не менее, гениальному выводу: можно разработать весьма эффективную оборонительную доктрину орденского государства и, в частности, движения исмаилитов-низаритов, не затрачивая значительные материальные средства на содержание большой регулярной армии. Необходимо было создать свою «спецслужбу», в задачи которой входило бы устрашение и показательное устранение тех, от кого зависело принятие важных политических решений; спецслужбу, которой ни высокие стены крепостей, дворцов и замков, ни многочисленная армия, ни преданные телохранители не могли бы ничего противопоставить, чтобы защитить потенциальную жертву.

Прежде всего, надлежало разработать и отладить механизм сбора достоверной информации. К этому времени у Гассана ибн Саббаха во всех уголках исламского мира уже действовало бесчисленное количество проповедников — «рафиков» и «даисов» -, которые регулярно сообщали ему обо всех происходящих событиях. Однако новые реалии требовали создания разведывательной организации качественно иного уровня, чем, скажем, в свое время — у карматов. Всепроникающей организации, агенты которой имели бы доступ к высшим эшелонам власти. Низариты одними из первых ввели понятие «вербовка». «Горный старец» — шейх измаилитов, вещавший и правивший от имени скрытого имама — фактически обожествлялся. Преданность единоверцев Гассану ибн Саббаху делала его непогрешимым. Его слово было больше чем закон. Его воля воспринималась как проявление самого Божественного разума. Низарит, входящий в разведывательную структуру тайного ордена, почитал выпавшую ему долю, как величайшую честь и проявление высочайшей милости Аллаха. В процессе каждодневной «промывки мозгов» ему усиленно внушалось, что он появился на свет лишь для выполнения своей «великой миссии», перед которой меркнут все мирские соблазны и страхи.

Благодаря фанатичной преданности своих агентов, Гассан ибн Саббах был подробнейшим образом информирован обо всех планах врагов низаритов, будь то правители Шираза, Бухары, Балха, Исфагана, Каира, Самарканда или же далекого Хорезма. Главе низаритского ордена играло на руку то обстоятельство, что его враги были не только разобщены, но и постоянно враждовали между собой и вели изнурительные, кровавые вой-

ны за первенство и главенство в исламском мире (так, например, халиф багдадский из рода Аббасидов враждовал с азербайджанскими атабеками из рода Эльдегезидов, владетель могучей Хорезмской державы — хорезмшах — с халифом багдадским, и так без конца). При этом противники не только бросали друг на друга армии, но прибегали и к индивидуальному террору. А для совершения террористических актов им необходимы были специалисты в этом деле. А лучшими специалистами в этом деле были низариты «горного старца», со всеми вытекающими из этого последствиями... Но они стали такими специалистами не сразу. Организация террора была немыслима без создания продуманной технологии подготовки, обучения и тренировки профессиональных убийц, безразличия к собственной жизни и пренебрежительное отношение к смерти которых делало их практически неуязвимыми.

Ж. В ЦЕНТРЕ НИЗАРИТСКОЙ ПАУТИНЫ

В своей аламутской штаб-квартире Гассан ибн Саббах создал настоящую школу по подготовке разведчиков и диверсантов-террористов. К середине 90-х гг. XI века Аламутская крепость стала лучшей в тогдашнем мире академией по подготовке тайных агентов как узкого, так и широкого профиля. Действовала она крайне просто, тем не менее, достигаемые ею результаты были весьма впечатляющи. Гассан ибн Саббах сознательно сделал процесс вступления в свой тайный орден крайне сложным. Из примерно двухсот кандидатов к завершительной стадии отбора допускали максимум пять-десять человек. Перед тем, как кандидат попадал во внутреннюю часть «Орлиного гнезда», ему сообщалось о том, что после приобщения к тайному знанию обратного пути из ордена у него быть не может.

Одна из многочисленных сложенных о низаритском ордене легенд гласит, что Гассан ибн Саббах, будучи человеком весьма образованным и разносторонним, имевшим доступ к самому разного рода знаниям, никогда не отвергал чужого опыта, почитая его как желанное приобретение. Так, при отборе будущих мулидов-террористов, он воспользовался методикой древних китайских школ боевых искусств, в которых отсеивание кандидатов начиналось задолго до первых испытаний. Молодых юношей, желавших вступить в орден низаритов, держали перед закрытыми воротами от нескольких суток до нескольких недель. Только самых настойчивых приглашали во внутренний двор. Там их заставляли несколько дней впроголодь сидеть на холодном каменном полу, довольствуясь скудными остатками пищи и ждать, порой под ледяным проливным дождем или снегопадом, когда их пригласят войти внутрь дома. Время от времени на внутреннем дворе перед кельей Гассана ибн Саббаха появлялись его adeпты из числа низаритов, успешно прошедших первую степень посвящения. Они всячески

оскорбляли, даже избивали молодых соискателей, желая проверить, насколько сильно и непоколебимо их желание вступить в ряды фидаинов. В любой момент молодому человеку позволялось подняться и уйти восвояси. Лишь прошедшие первый круг испытаний допускались в дом главы тайного ордена. Их кормили, иили, переодевали в теплую и добротную одежду... Для них начинали приоткрывать «врата иной жизни».

Измаилиты «горного старца» отбирали в свои боевые группы физически сильных молодых людей. Предпочтение отдавалось сиротам, поскольку от «фидаина» требовалось навсегда порвать с семьей. После вступления в орден его жизнь всецело принадлежала «горному старцу», или, как его называли, Великому Владыке. Правда, в ордене измаилитов вступившие в него адепты не находили решения проблем социальной несправедливости, зато «горный старец» гарантировал им вечное блаженство в райских садах взамен отданной реальной жизни.

Секретный орден, созданный Гассаном ибн Саббахом, имел, как и всякая орденская организация, строгое иерархическое построение. На самой низшей ступени орденской иерархии находились рядовые члены ордена — «фидайны» — исполнители смертных приговоров (и в ходе исполнения этих приговоров, действительно, нередко «жертвующие собой»). «Фидайны» действовали в духе слепого повиновения и, если умудрялись выжить, через несколько лет, повышались до следующей степени — «рафика» (рефика), буквально «товарища», «старшего рядового» или «рядового проповедника». Следующей за степенью фидаина была степень «ласика» («причастного к тайне»). До этой степени непосредственно через «даисов» передавалась воля «горного старца». Следующей за степенью «ласика» в иерархической пирамиде ордена измаилитов была степень «даи» (даиса, дая), или «старшего проповедника» («старшего миссионера»). Продолжая продвигаться по иерархической лестнице, теоретически можно было подняться и до статуса «дай (дай, дая, даиса) аль-кирбаль», которые подчинялись только, скрытому от посторонних глаз, таинственному «горному старцу» — Великому Владыке ордена измаилитов и главе низаритского орденского государства с центром в Аламуте — шейху Гассану ибн Саббаху. Эти семеро «высших даисов», или «высших неизвестных», именовавшихся также «хранителями тайны» или «хранителями учения», скрывали ото всех свои лица под белыми капюшонами с прорезями для глаз. Выше «горного старца» стоял (по крайней мере, теоретически) сам «скрытый (тайный, сокровенный) имам» — проводник и вершитель воли Аллаха на земле.

Нельзя не заметить, что орден низаритов своим примером вдохновил многие тайные общества и ордены Востока и Запада. Европейские военнодуховные ордены, тайные общества и братства подражали ордену измаилитов, перенимая у них методику жесткой дисциплины, принципы повышения в степени (градусе), принципы знаков отличия, эмблем и символов.

Нетрудно заметить также и другое. Иерархическая внутренняя структура ордена низаритов Гассана ибн Саббаха была неразрывно связана с наличием в ней различных «степеней посвящения» («ступеней» или «градусов»), что было весьма характерно для всех измаилитских тайных лож, ячеек и общин того периода. Каждая новая ступень посвящения все дальше отдалялась от исламских догм, приобретая все больше чисто политическую окраску. Высшая степень посвящения почти не имела ничего общего с религией вообще (а не только с исламом). На этом этапе такие базисные понятия, как «священная цель» или «священная война» приобретали совершенно иной, диаметрально противоположный смысл. Оказывается, можно употреблять алкогольные напитки, нарушать исламские законы, ставить под сомнение святость пророка Мухаммеда и воспринимать его жизнь всего лишь как красивую поучительную легенду (или, проще говоря, сказку). На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что верхушка ордена измаилитов придерживалась, тщательно скрываемого как от внешнего мира, так и от рядовых членов секты, «религиозного нигилизма» или, если быть более точным, «религиозного прагматизма», посредством которого решались те или иные насущные политические задачи. Тайное учение измаилитов сводилось к теории полного нравственного безразличия, вседозволенности и к чистому атеизму. Однако во всей своей полноте оно открывалось лишь измаилитам, достигшим высших степеней посвящения в своем ордене, в то время как основная масса их приверженцев, принадлежавших к низшим степеням, посредством туманного мистического вероучения держалась в состоянии беспрекословного, слепого повиновения вышестоящим.

Владычество низаритов опиралось не на обширные земельные владения или огромные массы войск, а на безусловную преданность и фанатическое презрение к смерти массы рядовых приверженцев секты — «фидаинов», этих «шахидов» — «борцов-мучеников за веру». Укрытиями и военными базами им служили отдельные неприступные крепости, разбросанные по Ирану, Ираку и Сирии.

3. ОТ ТЕОРИИ — К ПРАКТИКЕ

Гассан ибн Саббах измыслил довольно простую, но чрезвычайно эффективную методику боевой (и одновременно — идеологической) подготовки своих «фидайнов». «Горный старец» объявил свой дом «храмом первой ступени на пути в Рай». Итак, погруженного в глубокий наркотический сон (вызванный, по мнению ряда исследователей, не гашишем, как утверждали наиболее распространенные со времен Средневековья версии, а опиатами), будущего «фидайна», привычного к суровой, полной постов и ограничений, бедной жизни, переносили в искусственно созданный «райский сад», где его уже ожидали красавицы-девы, реки вина и обильное угощение. Окружая растерянного юношу похотливыми ласками, девушки выдавали себя за райских девственниц-гурий, нашептывая будущему гашишину-смертнику, что он сможет сюда вернуться, как только погибнет в бою с неверными. Спустя несколько часов ему опять давали наркотик и, после того как он вновь засыпал, переносили обратно. Проснувшись, адепт искренне верил в то, что побывал в настоящем раю. С первого мига пробуждения реальный мир терял для него какую-либо ценность. Все его мечты, надежды, помыслы были подчинены единственному желанию вновь оказаться в «райском саду», среди столь далеких и недоступных сейчас прекрасных дев и угощений.

Стоит заметить, что речь идет об XI веке, нравы которого были настолько суровы, что за прелюбодеяние могли просто-напросто забить камнями. А «горькая правда земли» (выражаясь словами поэта Сергея Есенина) заключалась в том, что для многих малоимущих мусульман, ввиду невозможности заплатить калым за невесту, женщины (или даже одна-единственная женщина) были прямо-таки недоступной роскошью (в отличие от вазиров, эмиров, султанов, улемов и прочих счастливых обладателей золотых динаров,

серебряных дирхемов и многочисленных гаремов). Кстати сказать, аналогичная ситуация существовала еще в доисламском Иране при Сасанидах, вследствие чего тогдашний персидский революционер, вождь маздакитов, маг-мобед (зороастрийский жрец) Маздак — первый засвидетельствованный в истории проповедник уравнительного коммунизма — требовал введения, наряду с общностью имущества, «общности жен» (то есть обобществления, или, выражаясь более современным языком, социализации женщин). Но это так, к слову...

Одним из важнейших приобретений низаритов стала большая крепость Ламасар, которая контролировала соседнюю с Аламутской долину. Как всегда, Гассан ибн Саббах выждал нужную минуту и ударил без промаха.

По отношению к жителям Ламасарской долины «горный старец» повел себя совсем не «толерантно». Дело в том, что в измаилизм низаритского толка местные хлеборобы, опасавшиеся впасть из правоверного ислама (или, во всяком случае, из «правоверного измаилизма») в «ересь низаризма» и тем навсегда погубить свои бессмертные души, переходить не спешили. И когда «горный старец» приказал дехканам выйти на «орденский (коммунистический) субботник» — «добровольные» работы по ремонту крепости —, те «проявили несознательность» и наотрез отказались это делать. Разгневанный донельзя, Гассан ибн Саббах повелел всем жителям Ламасарской долины незамедлительно принять «спасительную» измаилитскую веру в ее низаритском варианте. Все хлеборобы, проявившие строптивость, были беспощадно перебиты. Эта операция была хорошей практикой — возможностью «набить руку» — для юных террористов-«фидаинов», которых «горный старец» готовил в Аламуте.

Крепость Ламасар была превращена во вторую столицу ордена низаритов. Руками «сознательных низаритов» там были построены каменные здания, мельницы и рисорушки, разбиты сады, огород и даже устроены специальные ледники для хранения свежих продуктов питания.

Измаилит вообще, а в особенности — низарит не только имел право обманывать любого человека ради торжества святого дела, но и обязан был таиться, как мышь, лгать, лжесвидетельствовать и клеветать «к вящей славе Божьей» (цель оправдывала средства, как впоследствии в римско-католическом ордене иезуитов), но только не нарушать клятвы верности и послушания, данной главе своего тайного ордена. Справедливости ради, следует, впрочем, заметить, что в данном случае речь шла о распространенной не только среди низаритов и не только среди измаилитов, но и вообще среди шиитов практике, именуемой «такийя» («такыйя»). Ее принцип заключался в том, что внешне было необходимо придерживаться взглядов окружающего общества, в действительности же выражать

полное доверие только своему лидеру (в данном случае — главе ордена). В дальнейшем этим же принципом руководствовались, в частности, члены ордена иезуитов (даже переходившие в Китае — в конфуцианство, а в Японии — в буддизм, лишь бы добиться целей, поставленных перед ними орденским руководством — все «к вящей славе Божьей», ведь «цель оправдывает средства»).

Богатый исфаганский торговец тканями Абд аль-Малик ибн Атташ, правоверный мусульманин, когда отец его, связанный с низаритами, бежал из Исфагана, торжественно отрекся от отца и проклял его, как еретика (это напоминает широко практиковавшееся в сталинском СССР, да и в других странах «победившего социализма» отречение детей от родителей — «врагов народа», не правда ли, уважаемые читатели?)...

В действительности же Абд аль-Малик ибн Атташ был главой широко разветвленного низаритского подполья в столице султаната Сельджукидов. Когда низариты обманом завладели крепостью в горах недалеко от Исфагана, он командовал боевой группой, которая неожиданно ворвалась в казарму и перерезала сонных воинов сельджукского султана.

Никто в городе и подумать не мог, что почтенный торговец, счастливый отец и добрый семьянин, был одновременно отчаянным командиром низаритских головорезов. Двойная жизнь Абд аль-Малика ибн Атташа продолжалась еще несколько месяцев. Именно под маской безобидного купца он намеревался завладеть самой важной крепостью государства Сельджукидов.

Охрану крепости Шахриз, которую ввиду смутных времен превратили в арсенал и в которой содержался султанский гарем, несли иранцы-дейлемиты; среди них было немало тайных низаритов или, во всяком случае, измаилитов, а их родственники жили в Аламутской долине.

И вот богатый и тороватый исфаганский купец зачастил в крепость. Его свободно пропускали внутрь: в услугах купца нуждались и красавицы султанского гарема, которым привозил из Исфагана дорогие ткани и редкие благовония, и офицеры гарнизона, которых купец снабжал всем необходимым. И не было более сговорчивого и щедрого купца в Исфагане — его товары всегда были самые дешевые, и он всегда верил в долг (еще бы — за ним стояла вся финансовая мощь низаритского ордена)...

Как-то купец пришел к коменданту и попросил разрешения занять одну из свободных комнат — там он хотел хранить товары и ночевать, если задержится в крепости. Разумеется, разрешение было ему дано. Отныне Абд аль-Малик ибн Атташ мог свободно общаться с султанскими воинами на родном языке (ведь все они были иранцами) и вести среди них проповедь новой веры (чему он, как опытный «даис», был хорошо обучен в измаилитских ложах). Постепенно все больше воинов-дейлемитов становилось тайными сторонниками низаритов.

Затем Абд аль-Малик ибн Атташ стал добиваться того, чтобы занять в крепости официальную должность. Низаритскому ордену пришлось потратить немало золота на подкуп нужных лиц, пока не был найден нужный подход к новому вазиру. И вот в один прекрасный день купец привез в крепость фирман (торжественный указ) сельджукского султана, назначившего его новым комендантом крепости Шахриз.

Дальнейшие события шли по привычной, давно разработанной и уже многократно опробованной схеме. Абд аль-Малик ибн Атташ провел во вверенную его попечению султаном крепость «фидайнов». Однажды он поставил на караулах своих людей из дейлемитов, и всех неизмаилитов в крепости зарезали, как баранов на курбан-байрам. Редкий случай в истории: комендант крепости сам истребил почти весь подчиненный ему гарнизон.

Когда сельджукские власти в Исфагане, наконец, сообразили, в чем дело, было уже слишком поздно. Для того, чтобы взять первоклассную крепость штурмом, потребовалась бы целая армия. Низаритам достались большие запасы оружия и снаряжения, военной техники, превосходных боевых коней и вьючных животных, богатые склады обмундирования, сбруи, провизии и фуража. Султану же пришлось смириться с утратой гарема (его жен — «прекрасных чаровниц, подобных павам» — низариты быстренько «обобществили»)...

Теперь Абд аль-Малик ибн Атташ принялся за исполнение второй части хитроумного низаритского плана. Оружие с крепостных складов начали тайно перевозить в город, где низаритское подполье распределяло его среди своих боевиков. К тому времени в Исфагане уже насчитывалось тридцать тысяч тайных низаритов, готовых в любой момент выступить против султанских властей с оружием в руках и только ждавших условного сигнала главы своего тайного ордена из Аламута.

Подготовка к вооруженному восстанию в столице Сельджукидов сопровождалась разгулом низаритского террора, участвовавшими похищениями и убийствами людей при помощи «подсадных уток». «Подсадными утками» выступали, в частности, некий Алави Мадани (выдававший себя за слепого), и его жена, «старушка — божий одуванчик». Под видом нищих эти тайные агенты низаритских подпольщиков бродили по улицам славного города Исфагана, поджидая, пока не покажется нужный человек. Это мог быть мулла, известный своими речами против измаилитов вообще и низаритов — в частности; чиновник, преданный Сельджукам; заезжий мелкий тюркский бек — то есть вообще не человек, а «джинн», или просто богатый человек («паук-кровосос», «эксплуататор трудового народа», «гад»), несший с собой увесистый кошель с деньгами, которые всегда можно было «экспроприировать» на народное дело (или «на цели истинной веры», «к вящей славе Божьей», если кому так больше нравится!) — дело известное, «грабь награбленное»...

Дряхлый, немощный, убогий, слепенький старичок подходил к прохожему и молил именем Аллаха всемилостивого и милосердного довести его до дома. Цепко ухватившись за руку невольного поводыря, мнимый слепец ташил его к узкой, темной улочке, где останавливался у двери в высоком глинобитном дувале и начинал громко благодарить прохожего. В этот момент из двери выскакивали низаритские боевики и, оглушив жертву, бросали ее в глубокий колодец, или брали живьем.

Таинственные исчезновения людей переполошили весь столичный город. Вскоре жители Исфагана уже боялись выходить на улицу поодиночке. Соглядатаи султанской тайной службы буквально сбились с ног в тщетных поисках неуловимых террористов. По разным версиям, в Исфагане было убито низаритскими боевиками от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

Ключ к тайне преступлений был найден совершенно случайно. Как-то на рассвете одна женщина услышала из-за забора стоны. Она перепугалась и побежала на базар, где и рассказала об этом людям. Поскольку весь огромный город жил, как на вулкане, встревоженная толпа сразу кинулась к подозрительному дому. Когда взломали дверь, в колодце, в подвалах и даже в задних комнатах дома Алави Мадани обнаружили множество тел со следами изощренных пыток. Кроме лжеслепца и его спутницы жизни — «старушки — божьего одуванчика», удалось схватить еще нескольких добровольных ликвидаторов из числа исфаганских низаритов. Их судили шариатским судом, приговорили к смерти за совершенные злодеяния и сожгли на костре (эта казнь практиковалась не только в христианских, но и в мусульманских государствах) при большом стечении народа, ликующего при виде приведения в исполнение сурового, но справедливого приговора злодеям. И всем стало ясно, что низариты готовятся к вооруженному восстанию.

Низаритские подпольщики тоже были перепуганы тем, что их дела открылись. В Исфагане началась настоящая «охота на ведьм». Стоило сказать о ком-то, что он низарит, как толпы мчались к его дому, чтобы убить еретика.

В конце концов, у заговорщиков, как говорится, сдали нервы. Низариты начали восстание преждевременно, не дождавшись команды от «горного старца», и были разбиты войсками султана.

Массовые убийства, совершенные низаритами в славном городе Исфагане, как бы высветили некий предел, границу террора, изобретенного Гассаном ибн Саббахом. Правда, исфаганский урок научил низаритов тому, что массовый (или, как выражались большевики, «массовидный») террор может обернуться против них самих, и решили перейти к нанесению, так сказать, «точечных ударов». С тех пор измаилиты убивали свои жертвы только выборочно.

И. СПИРАЛЬ ИЗМАИЛИТСКОГО ТЕРРОРА

Когда в 1105 году на престол в Исфагане вступил двадцатипятилетний сельджукский султан Мухаммед, он первым делом приказал готовить войска, чтобы отнять у назаритов крепость Шахриз. Ее комендант Абд аль-Малик ибн Атташ решил принять встречные меры.

Он рассчитывал на помощь султанского вазира. Тот достался новому султану по наследству от предшественника. В свое время именно этот вазир за щедрый «бакшиш» (говоря по-турецки, а по-нашему, по-русски, за крупную взятку) устроил Абд аль-Малика ибн Атташа комендантом крепости и теперь был «на крючке» у низаритов. Ибн Атташ направил к сребролюбцу верного человека, который дал мздоимцу понять, что незамедлительная ликвидация не в меру энергичного молодого султана — в их общих интересах. Если вазир откажется, султану станет известно о его измене, и тогда...

Вазир подослал своего верного, преданного ему не на жизнь, а на смерть слугу к султанскому брательнику. За тысячу золотых динаров тот согласился в очередной раз отворить султану (страдавшему, подобно бедному Низам аль-Мульку, от чрезмерной тучности) кровь... ножичком, смазанным особым, сильнодействующим ядом.

Но... у верного слуги вазира, преданного ему не на жизнь, а на смерть, была красавица жена, прекрасная, как райская гурия или пери из народных персидских сказаний, от которой он ничего не скрывал. У прекрасной, как райская гурия или пери из древних персидских сказаний, красавицы-жены слуги вазира был возлюбленный (придворный султана), от которого она ничего не скрывала... В-общем, той же ночью тайна стала достоянием нескольких человек. А «что знают (хотя бы) двое, то знает свинья» (как любил выражаться незабвенный старик Мюллер из

любимого телесериала наших школьных лет «Семнадцать мгновений весны»)...

Брадобрей должен был прийти к султану брить его величество владыку правоверных после завтрака. Но возлюбленный прекрасной, как райская гурия или пери из народных персидских сказаний, красавицы-жены слуги вазира (полагавший, что может недурно заработать на разоблачении злодейского заговора), сумел проникнуть к султану до завтрака. И когда брадобрей явился брить султана Мухаммеда, повелитель правоверных уже был «в курсе всех событий»...

Его величество султан приказал сделать брадобрею кровопускание тем самым отравленным ножичком, который тот приготовил для него самого, вызвав предварительно к себе «на ковер» (в буквальном, как и в переносном, смысле слова) коварного и продажного вазира, дабы тот присутствовал при поучительной операции.

После чудовищных и изощренных истязаний вероломного, серебролюбивого вазира торжественно повесили на городской стене в назидание всем правоверным. Сутки спустя султан Мухаммед, отложив на время все государственные дела, лично повел отборный отряд гвардейцев-гулямов на штурм низаритской крепости. Он поклялся, что собственными руками убьет ее коменданта, это исчадие ада — Абд аль-Малика ибн Атташа, которого сам же и назначил на этот пост. Пустил, что называется, козла в огород...

Но проклятая крепость никак не сдавалась. Гарнизон ее был многочисленным. Осажденные еретики не испытывали ни малейшего недостатка ни в оружии, ни в провизии, ни в питьевой воде. К тому же начальник гарнизона Абд аль-Малик ибн Атташ знал, что пощады не будет.

Исход дела решила измена: в стан сельджукского султана перебежал один слабый духом и телом низарит, который предложил показать тайный ход в крепость.

Когда верная жена Абд аль-Малика ибн Атташа увидела, что султанские гулямы окружили ее мужа, она бросилась с крепостной стены. Ибн Атташа, который тоже пытался в последний момент покончить с собой, но был вовремя схвачен и обезоружен сельджуками, султан Мухаммед приказал доставить в Исфаган.

Изменника-еретика везли по улицам столицы Сельджукского султанта, заполненным толпами народа. Горожане швыряли в вождя низаритов камни и нечистоты. Ибн Атташ хранил стоическое молчание, хотя догадывался, что его ожидает лютая казнь.

Султанские палачи раздели Абд аль-Малика ибн Атташа, содрали с него живьем кожу и набили ее соломой (по древнему обычаю, отнюдь

не тюркскому, а исконно иранскому, практиковавшемуся еще шахиншахами времен Новоперсидского царства Сасанидов).

Сельджукский султан жестоко отомстил коварному Абд аль-Малику ибн Атташу, но низариты так и не были истреблены под корень.

«Горный старец» пристально следил из своего «орлиного гнезда» за положением дел в странах, лежащих к западу от Ирана, в приморских областях Ближнего Востока. А на них как раз в описываемое время надвинулась грозная туча с вечно враждебного миру ислама «франкского» Запада.

К. НИЗАРИТЫ И «ФРАНКИ»

26 ноября 1095 года глава западной (римско-католической, или «латинской») христианской Церкви папа Урбан II (претендовавший не только на духовную, но и на светскую власть над всем Христианским миром) на соборе этой церкви во французском городе Клермоне призвал к началу Крестового похода («вооруженного паломничества») для оказания военной помощи теснимой мусульманами православной (греко-кафолической) Восточной Римской (Ромейской) империи и освобождения Земли Воплощения (Господа Иисуса Христа) - Сирии и Палестины со Святым Градом Иерусалимом — из-под власти египетских мусталитов и турок-сельджуков (разбивших войско ромейского императора Романа Диогена в 1075 году при Манцикерте, да к тому же принявших ислам, в его суннитской разновидности, сравнительно недавно и потому со всем религиозным пылом новообращенных притеснявших восточных христиан, а также нападавших на паломников, прибывавших в Святую Землю с христианского Запада).

В августе 1096 года в направлении Леванта из разных частей Европы двинулись сразу четыре армии западных рыцарей-крестоносцев («латинян» или «франков»). Из южной Франции в Святую Землю направилась армия под предводительством Раймонда Тулузского, из Италии — армия под командованием норманнского князя Бозмунда Тарентского, из Нормандии — армия под руководством герцога Нормандского Роберта, из Нижней Лотарингии (Брабанта) — войско во главе с герцогом Годфруа де Бульоном (потомком франкского короля и императора «Священной Римской империи» Карла Великого), более известным нам под именем Готфрида Бульонского. Соединившись в столице Восточной Римской империи Константинополе

(«Втором Риме», «Новом Риме» или, как его называли русские и другие славяне, «Царьграде»), войска крестоносцев, чьи вожди принесли вассальную присягу восточно-римскому императору Алексею I Комнину, переправились (усиленные отрядом ромейских войск), в Малую Азию и осадили город Никею (знаменитый, прежде всего тем, что именно там, на Вселенском Соборе христианской церкви — тогда еще единой — был сформулирован в 325 году православный символ веры, впоследствии, при Карле Великом, измененный на «латинском» Западе добавлением пресловутого «филиокве» — утверждения, будто Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына). Осада шла успешно, однако перед самым падением города его мусульманский гарнизон тайно впустил в Никею (или, по-турецки, Изник) ромейские войска, вступившие во владение городом от имени своего василевса и отделавшиеся от своих западных собратьев по оружию словами благодарности (не уделив им ничего из богатой добычи). Этот некрасивый эпизод — при всем сочувствии к теснимой мусульманами единой христианской Ромейской василии — нельзя расценить иначе, чем типичный пример «византизма» — вошедшего в поговорку лицемерия, коварства и цинизма «восточных римлян»-ромеев, в данном случае — по отношению к западным «варварам» (хотя и призванным на помощь самими ромеями). Крестоносцы овладели городом Эдессой (мирным путем — их впустило местное христианское армянское население) и Антиохией (после длительной осады). 15 июля 1099 года, ценой большой крови, был освобожден от мусульман Святой Град Иерусалим (или, по-арабски, Аль-Кудс). Таким образом, в результате Первого Крестового похода, который длился три года, на Ближнем Востоке образовалось несколько новых христианских государств:

- 1) королевство Иерусалимское, возглавляемое Готфридом Бульонским,
 - 2) княжество Антиохийское,
 - 3) графство Триполийское
 - 4) графство Эдесское (основанное раньше всех других «франкских» государств и населенное преимущественно армянами),
- а также целый ряд более мелких феодальных владений.

Однако в рядах рыцарей-крестоносцев не было единства, чем не преминул воспользоваться Гассан ибн Саббах. Пришедшие в Левант «франкские» бароны, оставшиеся без поддержки (после возвращения основной массы христианских «вооруженных паломников», поклонившихся святыням Земли Воплощения, в Европу), пытались заключать между собой временные союзы и коалиции, которые, однако, никогда не отличались особой прочностью. Именно в этот период во многие европейские языки вошло слово «ассасин», которое приобрело значение

«наемный убийца». Многие предводители крестоносцев нашли смерть от кинжалов низаритов-ассасинов.

Между тем, обосновавшиеся в Леванте «франки» очень скоро учредили для защиты своих тамошних владений военно-монашеские ордены, весьма напоминавшие аналогичные ордены, созданные гораздо раньше мусульманами шиитского толка — и прежде всего измаилитами-низаритами. Наибольшей известностью среди этих новых духовно-рыцарских братств пользовался (и пользуется до сих пор) орден храмовников или тамплиеров.

Л. О «ПАРТНЕРАХ НИЗАРИТОВ» — ТАМПЛИЕРАХ

В отличие от истории наиболее древних военно-монашеских орденов (например, орденов Святого Иоанна или Святого Лазаря), история ордена бедных рыцарей (соратников) Христа и Храма Соломонова (храмовников или тамплиеров), которых издавна упорно связывают с низаритами, постоянно находилась в центре внимания многочисленных исследователей, что породило поистине необозримую литературу о рыцарях Храма. История возникновения ордена храмовников вкратце такова.

В 1119 году бургундский рыцарь Гугон де Пайен (Гуго де Пэйн) и восемь его соратников (имена которых в разных источниках звучат по-разному) принесли орденские обеты перед «латинским» Патриархом Иерусалимским. Кроме обычных трех монашеских обетов (нестяжания, безбрачия и послушания), они принесли еще один обет, придавший их сообществу совершенно новый и по тем временам уникальный характер — обет обеспечивать безопасность на дорогах и защищать паломников от нападений сарацин (и львов — единственных животных, на которых было по уставу дозволено охотиться храмовникам!) по пути от побережья до Иерусалима и обратно.

«Франкский» король Иерусалима Балдуин I Булонский (брат умершего к тому времени герцога Готфрида Бульонского) предоставил в распоряжении «Христовых рыцарей» часть королевского дворца, прилегавшую к бывшей мечети Аль-Акса, именовавшейся крестоносцами «Храмом Соломоновым». Поселившихся на месте древнего Храма «рыцарей Христа» вскоре стали называть храмовниками (тамплиерами, темплиариями или темплиерами, от латинского слова «темплум», означающего «храм»). Однако новое сообщество пока что не имело собственного устава. Храмовники обратились к настоятелю духовного Цистерцианского ордена (ответвления гораздо более древнего монашеского

ордена бенедиктинцев) Бернару Клервоскому, составившему для них проект устава, утвержденный в 1128 году на соборе в городе Труа. Вторично устав тамплиеров-храмовников был утвержден буллой папы римского Иннокентия II в 1139 году. При этом внутренний распорядок орденской жизни был усовершенствован, а сам орден Храма получил многочисленные привилегии.

Важнейшим нововведением было перенесение основного упора с защиты рыцарями ордена Храма паломников на новую задачу — вооруженную борьбу за веру. По новому уставу, эта вооруженная борьба и являлась главной целью ордена храмовников, для достижения которой он и был основан. Уникальность этой задачи, верность которой каждый рыцарь, вступавший в орден Христа и Храма, подтверждал специальной клятвой, явствует из текста тамплиерской присяги:

«Я имярек, рыцарь ордена Храма, обетую Господу моему Иисусу Христу и его викарию имярек, суверенному папе и его преемникам, хранить им неукоснительное послушание и верность; и я клянусь не только словом, но и оружием и всеми моими силами защищать мистерии веры, семь таинств... Я также обетую подчиняться Генеральному (Великому — В.А.) магистру ордена и быть ему во всем послушным согласно Уставу, предписанному нам отцом нашим, Святым Бернаром; клянусь во всех случаях, когда это будет необходимо, переплывать моря, отправляясь на битву; оказывать помощь (в войне — В.А.) против неверных царей и князей; клянусь никогда не бежать от троих врагов, а напротив, в случае, если это будут неверные, сходить с ними лицом к лицу...»

По мере нарастания крестоносного энтузиазма «франкского» рыцарства в борьбе за Святую Землю росла и численность воинства ордена Храма. Этому способствовал и известный трактат Святого Бернара «О похвале новому рыцарству» (лат.: *De laude novae militiae*). В нем Бернар восторженно восхвалял стремительный расцвет нового ордена, возникновение которого он сравнивал с чудом, происшедшим произволением Божиим. Осуждая нечестивую жизнь мирского рыцарства, он славил богоугодную жизнь этих рыцарей-монахов, выполняющих свои уставные задачи в духе братской любви, смиренного послушания и добровольной бедности.

С учетом огромного авторитета, которым цистерцианский аббат пользовался повсюду в Европе, этот трактат побуждал многих вступать не только в орден тамплиеров, но и в другие военно-духовные ордены и вообще, в ряды крестоносцев. Как раз в период написания трактата численность воинствующих духовно-рыцарских орденов значительно возросла. Подобно цистерцианцам, монахам ордена Бернара Клервоского, тамплиеры носили белые рясы и плащи. Позднее, при папе римском Евгении III (1145–1153 гг.), тамплиерам был, в качестве знака отличия, присвоен красный крест. В то время красный крест считался символом мученичества,

а также символом Христовых воинов, как бы заранее подготовившихся обрести мученический венец в борьбе за веру. Поначалу храмовники носили красный крест на плече, подобно всем участникам Первого Крестового похода (сами они как бы постоянно пребывали в состоянии «перманентного Крестового похода» и потому, в отличие от обычных «паломников», снимавших с одежды кресты после возвращения домой, постоянно носили кресты на одежде), но позднее стали украшать свои одежды на груди и спине, стяги, щиты, шлемы и флажки-прапоры на копьях большими красными крестами, хорошо видными издали. Таким образом, бело-красная цветовая гамма одеяний тамплиеров полностью соответствовала бело-красной цветовой гамме одеяний низаритов Гассана ибн Саббаха — факт многозначительный (как выразился бы Н.М. Карамзин).

Герб ордена рыцарей Храма представлял собой щит с черной главой и лапчатым красным крестом, доходящим до краев щита, на белом (серебряном) поле. В то же время в Уставе тамплиеров, в отличие от уставов ордена иоаннитов и Тевтонского (Немецкого) ордена, отсутствовало всякое упоминание о странноприимной и благотворительной деятельности. «Бедные соратники Христа и Храма Соломонова» изначально были не госпитальерским, а чисто военным сообществом. Знамя тамплиеров — так называемый «Босеан» (что означает по-старофранцузски: «пегая кобыла») было черно-белым, хотя и не известно точно, какой именно расцветки — то ли белым с узкой горизонтальной черной полосой сверху, то ли в вертикальную черно-белую полосу, то ли в черно-белую шахматную клетку (на этот счет источники сообщают разные сведения, нередко противоречащие друг другу).

Любопытно, что, по ряду свидетельств, тамплиеры практиковали прием в свой орден новых членов целыми семьями, причем процедуру приема проходил только один представитель семьи, которому объявляли о приеме в орден Храма его самого, его отца, матери, родственников, а в некоторых случаях — даже двух-трех друзей по его выбору. Ничего подобного в других духовно-рыцарских орденах не практиковалось.

Описание дальнейшего развития ордена тамплиеров выходит за рамки данной книги. Ограничимся лишь указанием на то, что тамплиерами в бесчисленных боях и сражениях было проявлено незаурядное мужество. Они участвовали в вооруженной борьбе с врагами христианства не только в Азии, но и в Европе. Так, тамплиеры способствовали изгнанию мавров-мусульман из Испании и Португалии. В Силезии тамплиеры, вместе с иоаннитами и тевтонскими рыцарями, приняли участие в битве объединенного польско-немецкого войска с татаро-монголами при Лигнице (Легнице, Вальштатте) в 1241 году. В битве при Лигнице пало около пятидесяти членов ордена Христа и Храма Соломонова (в том числе шесть «братьев-рыцарей»).

Когда египетский султан Бейбарс, захватив в 1266 году орденский замок Сафед, предложил пленным тамплиерам жизнь в обмен на переход в ислам, сто пятьдесят храмовников предпочли смерть вероотступничеству. Впечатляет и тот факт, что из двадцати двух Великих магистров (глав) ордена Храма пять (по другой версии — шесть) пали на поле брани и еще пять умерли от ран, полученных в бою. Вследствие постоянного пополнения своих рядов новыми добровольцами из Европы, многочисленных привилегий и дарений, тамплиеры, наряду с иоаннитами, стали одной из двух господствующих сил в государствах, основанных крестоносцами. Благодаря своему богатству, могуществу и независимости от местных магнатов орден Храма вскоре превратился в «государство в государстве», и его проводимая в собственных интересах политика, особенно в последние десятилетия существования крестоносных государств, нередко шла во вред последним.

Впоследствии орден Храма и его члены были несправедливо обвинены в ереси, кощунстве и разврате (точнее говоря — в гомосексуализме, именуемом в ту эпоху классического религиозного сознания содомией и считавшимся достойным не только общественного осуждения, но и смертной казни). Процесс тамплиеров, инсценированный в начале XIV века, вследствие интриг короля французского Филиппа IV Красивого из дома Капетингов и папы-француза Климента V, и приведший к уничтожению ордена Храма, был подробно изучен современными исследователями, так что в результате от возведенных на храмовников голословных обвинений не осталось и следа. Вырванные у арестованных тамплиеров при помощи пыток признания не имеют никакой силы и ценности. Последний Великий магистр тамплиеров, Жак де Молэ, публично сожженный на костре в Париже в 1314 году, умолил палачей привязать себя перед сожжением к столбу лицом к Собору Парижской Богоматери, чтобы до последних секунд своей жизни лицезреть Дом Пресвятой Богородицы, и даже перед лицом неминуемой смерти неустанно клялся в невиновности своего ордена. Разоблаченные еретики, упорствующие в ереси, себя так не вели...

В соответствии с папской буллой «Ad providam» 1312 года владения упраздненного ордена тамплиеров должны были перейти к иоаннитам. Многие светские князья, движимые низкой корыстью, игнорировали волю папы или исполнили ее не в полном объеме. В Германии орден тамплиеров владел полусотней командорий (командорств), большинство из которых, в соответствии с папским указом, достались иоаннитам. Многие из рыцарей-тамплиеров этих командорий также вступили в орден Госпиталья Святого Иоанна Иерусалимского.

Следует также подчеркнуть, что, вопреки широко распространенным, но оттого не менее ложным, версиям и легендам:

1) Великий магистр Жак де Молэ перед смертью не проклял короля и папу, а призвал их на Суд Божий (перед которым те вскоре и предстали);

2) папа римский орден тамплиеров, как таковой, никогда не анафематствовал, от Церкви не отлучал и не распускал.

После разгрома штаб-квартиры ордена бедных соратников Христа и Храма Соломонова во Франции уцелевшие храмовники ушли в подполье, где и продолжали существовать под прикрытием разных братств и объединений, пока не вышли официально из подполья в 1808 году, в правление императора французов Наполеона I Бонапарта, признавшего их главную организацию, существующую поныне под названием Суверенного Военного (Воинского, Рыцарского) ордена Иерусалимского Храма (*Ordo Supremus Militaris Templi Hierosolymitani, O.S.M.T.H.*), имеющую свои филиалы во многих странах мира и собственное представительство при Организации Объединенных Наций (ООН).

М. «ЛАТИНЯНЕ» в ЗЕМЛЕ Воплощения

Обосновавшиеся в Святой Земле «франки» существовали не в некоем «безвоздушном пространстве». Они вовсе не изгнали, не вырезали и не окрестили поголовно местное мусульманское население. Контакты с мусульманами (в том числе и с низаритами) поддерживались постоянно. И даже в войсках «франков» в Земле Воплощения — в том числе в войсках ордена тамплиеров и других военно-монашеских орденов «латинян» — значительную часть составляли пехота мусульманского происхождения и туркопулы — легкая кавалерия (обычно конные лучники), среди которых также было немало мусульман.

Однако решающую роль в бою играли не туркопулы, а орденские «братья-рыцари» (которых мусульмане именovali «ифрир» — словом, производным от французского слова «фрер», то есть «брат»). Каждый орденский «брат-рыцарь» был обязан иметь при себе трех лошадей (боевую, дорожную и вьючную; данное обстоятельство опровергает утверждение, согласно которому украшавшее печать ордена Храма изображение двух рыцарей на одном коне символизировало нехватку у них лошадей вследствие бедности, требуемой от членов ордена тамплиерским уставом) и двух «услужующих братьев» (членов ордена незнатного происхождения, приносивших те же три обета послушания, бедности и целомудрия, что и «братья-рыцари»). Каждый из этих «услужующих братьев» обязан был иметь двух лошадей и, в случае исправного поведения, мог быть принят в число рыцарей ордена. Защитное вооружение рыцаря описываемой эпохи состояло из панцирной рубашки, вероятно, довольно тяжелой.

На дошедшем до нас рисунке, датируемом примерно 1080 годом, изображены два человека, несущие вдвоем такую панцирную рубашку. Подобные изображения вышиты и на знаменитом гобелене из Байо, иллюстрирующем

покорение нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем Англии в 1066 году. Впрочем, эти изображения толкуют по-разному. Может быть, дело вовсе не в большом весе панцирной рубашки.

Она обозначалась в тогдашней литературе различными терминами — по-латыни: «logica brunica», «brunica», «brunica» или «brunia» (отсюда древнерусское: «бронь», «броня», и родственное ему слово «оборона», то есть «защита»); по-немецки: «Brueppe»; по-французски: hauberg, hauberge или haubert («защита», «прикрытие»). Само первоначальное значение слова «лорика» восходит к латинскому прилагательному «loricus» («лореус»), то есть «кожаный». Соответственно, у древних римлян термин «лорика», или «лорика бруниа», первоначально означал кожаный панцирь (который со временем стали обшивать металлическими пластинками).

Именно в таком значении его переняли у римлян германские народы. Но в описываемую эпоху этим термином обозначалась чаще всего длинная, доходившая до колен, железная кольчуга с рукавами и капюшоном. Подчеркнем особо: чаще всего, но не всегда, поскольку кольчуга оставалась очень дорогим защитным вооружением, и наряду с ней продолжала использоваться традиционная кожаная «броня», обшитая металлическими бляхами. Поэтому представляется уместным использовать для обозначения защитного вооружения крестоносцев той поры термин «панцирная рубашка», как более общий, подразумевая под ним как традиционную пластинчато-чешуйчатую на кожаной (или даже суконной) основе, так и кольчатую «бронь».

О доспехах западных «паломников» ромейская царица Анна Комнина, дочь василевса Алексея I, признанного вождями Первого Крестового похода, после ряда конфликтов, вылившихся даже в вооруженные столкновения, своим верховным сюзереном, писала следующее (именуя западных крестоносцев «кельтами», как того требовала апеллирующая к античности византийская традиция):

«Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит — не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а снизу оканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, блестящая, со сверкающим медным выступом (умбоном — В.А.). Стрела, безразлично какая — скифская (печенежская — В.А.), персидская (сельджукская или арабская — В.А.) или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то... император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и окрылять их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легко уяз-

вимыми. Ведь на коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого».

Под «железным панцирем» здесь подразумевается чешуйчатый панцирь, неоднократно упоминаемый Анной Комниной в «Алексиаде»: «Однако сам император не вооружался; он не надел чешуйчатого панциря, не взял щита и копья, не опоясался мечом, а остался спокойно сидеть на императорском троне...»; «Мариан быстро метнул в графа другую стрелу и ранил его в руку; стрела пробила щит, прошла сквозь чешуйчатый панцирь и задела бок графа...» и т.д. Скорее всего, этот «чешуйчатый панцирь» — не что иное, как упомянутая нами выше «brūpiā» («броня»), или панцирная рубашка.

Каждый орденский рыцарь был вооружен обоюдоострым мечом. Меч был прямым, так как ковался с обеих сторон, в отличие от восточной сабли, кованной только с одной стороны и потому изогнутой. Шлем рыцаря представлял собой простую, несколько удлиненную кверху полусферу из нескольких склепанных железных пластин и наносником (носовой стрелкой), защищавшим нос и лицо рыцаря от ранений в бою. В качестве наступательного оружия служило легкое, но длинное копье с древком из (импортного) ясеня. Каплевидный щит, нередко с металлической шишкой-умбоном, состоял из досок, обтянутых кожей и окованных по краям металлическим ободом.

Уже в XII веке было засвидетельствовано использование на щитах геральдических фигур, однако еще без конкретной связи с представителем того или иного рода. Если предположить, что храмовники-тамплиеры уже тогда метили свои щиты знаком орденского креста, то это был наверняка еще не 8-угольный «тамплиерский», а простой прямой крест, состоявший из двух перекрещивающихся под прямым углом красных полос — продольной и поперечной, на белом поле. Использовали тамплиеры также щиты черно-белой расцветки, соответствующей расцветке их главного, черно-белого орденского знамени «Босеан». Сведений об украшении храмовниками своих щитов изображениями «Храма Соломонова» или двух всадников на одном коне, украшавших орденские печати, до нас не дошло.

Цистерцианский аббат Бернар Клервоский писал о тамплиерах в своем упоминавшемся выше трактате «О похвале новому рыцарству» (лат.: *De laudatio novae militiae*):

«Рыцари ордена никогда не носят богато украшенных одеяний и редко моются. Со своими нечесанными волосами они выглядят косматыми; они покрыты пылью, и кожа их, под бременем вооружения, от постоянного ношения кольчуги и от жаркого солнца, покрыта густым загаром. Они ничего не жалеют для приобретения сильных и быстрых коней, но сбруя и седла их коней не имеют никаких украшений, ибо все их мысли направлены на брань и победу, а не на узорочье или выставление себя напоказ. Таких-то

сильных и верных мужей, вооруженных мечами и опытных в воинском искусстве, избрал себе Бог для охраны Святого Гроба Господня».

Следующим шагом к расширению сферы деятельности «латинских» военно-монашеских орденов явилось завещание короля Арагонского дон Альфонсо I (1104-1134), успешно ведшего в своей стране борьбу с мусульманами-маврами, но умершего молодым и бездетным. В завещании он назначил своими наследниками трех духовно-рыцарских ордена — тамплиеров, иоаннитов и Святого Гроба Господня (сепулькриеров, или «каноников Храма Гроба Господня»).

Каждому из наследовавших ему военно-монашеских орденов арагонский король завещал по трети своих владений. Королевское завещание являлось наглядным выражением огромного уважения, которым пользовались в ту пору духовно-рыцарские ордены, как «воины Христовы» и борцы с исламом. Не зря даже древнерусские летописцы именовали западных рыцарей-монахов «слугами Божиими», «Божьими воинами» или «Божьими риторями» (а вовсе не «псами-рыцарями», в отличие от Карла Маркса)! Однако, составляя свое завещания, арагонский король-крестоносец наверняка руководствовался не только уважением к орденским воинам-монахам, но и четким осознанием того, что только эти представители «Церкви Воинствующей» были в состоянии довести Реконкисту до победного конца — изгнания всех мавров-мусульман с Иберийского полуострова.

Правда, последняя воля покойного короля, выраженная в завещании, была выполнена не в полной мере, но, тем не менее, ордены, и в том числе, тамплиеры, получили в Арагоне, наряду со значительными суммами наличных денег, немалые земельные владения. В соответствующем договоре, заключенном между орденами и Арагоном в 1141 году, Арагонская корона также обязалась не заключать с неверными мира без согласия вышеупомянутых трех духовно-рыцарских орденов и Патриарха Иерусалимского.

Со своей стороны, ордены, и в том числе тамплиеры, обязались оказывать арагонской короне всемерную и постоянную военную поддержку в борьбе против мавров. Последнее обстоятельство было очень важным, поскольку светские вассалы арагонских королей были обязаны им воинской службой только в продолжение строго определенного числа дней в году.

Н. Тучи сгущаются

Между тем, обосновавшиеся в Сирии и Палестине новые «латинские» владыки Святой Земли, под влиянием утонченной роскоши расслабляющей цивилизации культурного Востока буквально на глазах теряли свою прежнюю воинственность. А военное положение, без оказания срочной помощи людьми и снаряжением из христианской Европы, грозило стать катастрофическим. Поэтому папа римский Евгений III (между прочим, ученик Бернара Клервоского) вновь призвал западных христиан к Крестовому походу (1147–1149). Благодаря страстным проповедям Бернара Клервоского недостатка в «паломниках» не было; общее руководство походом осуществлял король французский.

Аббат Бернар Клервоский писал папе римскому в «Вечный Город» Рим на Тибре:

«Вы повелели, я повиновался; и власть того, кто дал повеление, сделала мое послушание плодотворным. Я отверз мои уста; я стал говорить; и вскоре число крестоносцев умножилось до бесконечности. Ныне города и села стоят пустые, покинутые своими обитателями. На семь женщин не найдется и одного мужчины. Повсюду видишь вдов, мужья которых пока еще живы».

Последняя фраза Бернара Клервоского, между прочим, свидетельствует о религиозном воодушевлении крестоносцев, заранее как бы вычеркивавших себя из списка живых. В соответствии с давней паломнической традицией, странствие в Святую Землю рассматривалось подавляющим большинством пилигримов как лучшее и величайшее деяние во всей их жизни, подобное обретению потерянного рая; продолжать после этого земную жизнь становилось как бы «не обязательным»; считалось, что те, кто умирал (или погибал в бою с неверными) в ходе паломничества, наверняка войдут, как святые мученики, в Царствие Небесное.

Немцы как таковые, не считая лотарингцев и бургундцев, также входивших в «Священную Римскую империю (германской нации)» до тех пор не играли значительной роли в Крестовых походах. Единственное, в чем выражалась их ревность к делу распространения христианской веры, так это обращение в христианство язычников-славян на восточной границе империи. Миссионерская деятельность, сочетавшаяся с военными походами на язычников, осуществлялась немцами с начала XII века на славянских землях Померании (Поморья) и Бранибора (Бранденбурга).

Побудить немецких крестоносцев обратить свои взоры к Святой Земле удалось лишь Бернару Клервоскому, объехавшему со своими проповедями все германские земли. После возвращения Бернара во Францию его дело с успехом продолжал Адам Кельнский, аббат (настоятель) цистерцианского монастыря в Эбрахе, собрат Бернара по ордену. На Рождество 1146 года Бернар встретился на Шпейерском рейхстаге с королем германским Конрадом III, первым представителем южнонемецкой (швабской) династии Гогенштауфенов на троне Карла Великого.

Аббат произнес на рейхстаге (съезде германских владетельных князей, как духовных, так и светских) столь пламенную проповедь, что успех папскому начинанию был обеспечен. Сам король Конрад и многие из вельмож его империи «взяли крест» (то есть, обязались участвовать в Крестовом походе). Немцы спустились по Дунаю, однако основная часть их войска до самой Святой Земли не дошла. Близ Дорилея, в Малой Азии, немецкая армия, попав в искусно расставленную сельджуками ловушку, подверглась почти поголовному истреблению. Удалось спастись бегством от сарацин только самому Конраду и десятой части его разгромленного войска. Среди немногих спасшихся был и епископ Оттон Фрейзингенский; составленная Оттоном хроника этого завершившегося полной неудачей Крестового похода дошла до наших дней. Французскому войску, двинувшемуся в поход почти одновременно с немцами, была уготована столь же печальная судьба.

В ходе боев с мусульманами в Палестине, в которых приняли активное участие ордены тамплиеров и иоаннитов, рыцари-монахи также понесли тяжелые потери. Магистру ордена Святого Иоанна не оставалось ничего другого, как попытаться получить помощь из Европы. В 1157 году он объездил испанские королевства, Португалию и Францию, неустанно ища спонсоров, но, наряду с вопросами финансирования, не забывая и о пополнении сильно поредевших рядов иоаннитов новыми воинами Христовыми.

Однако политическая ситуация в Европе ощутимо изменилась по сравнению с предыдущими десятилетиями. Во Франции возникли серьезные внутренние трудности. С тех пор, как престол «Священной Римской империи (германской нации)» занял энергичный Фридрих I Барбаросса (Ротбарт, то есть Рыжебородый), центр власти тогдашней Европы пере-

местился из Парижа и Рима ко двору этого выдающегося представителя династии Гогенштауфенов. Характерно, что Великий магистр ордена иоаннитов Раймунд дю Пюи в 1158 году обратился за подтверждением привилегий своего ордена не к папе, а к римско-германскому императору Фридриху, как бы признавая тем самым за ним, а не за папой римским первенствующее положение в христианском мире Запада.

В ту пору Иерусалимским королевством крестоносцев правил Амори (Амальрик) III. Амори был человеком с четко сформулированными политическими целями. Он первым из «латинских» правителей осознал, что главная угроза государствам крестоносцев исходила от Фатимидского Египта. Поэтому борьба с этим исламским государством на нильских берегах стала основной внешнеполитической проблемой его правления, решить которую он пытался то силою меча, то договорным путем. Но поход «франков» оказался неудачным. Правда, им удалось захватить город Бильбайс (древний Пелусий), несмотря на отчаянное сопротивление его защитников, но главная цель — захват Каира («Вавилона») и последующее — завоевание всего Египта-Мисра, не была достигнута. На помощь египтянам прибыло сильное сарацинское войско из Дамаска, что вынудило крестоносцев отказаться от продолжения борьбы и отступить обратно в Палестину.

На сохранившейся иллюстрации к средневековому описанию этого неудачного Крестового похода в Египет черно-белое знамя храмовников «Босеан» с подписью «стяг Храма» («*vexillum templi*») и красное, с прямым белым крестом знамя иоаннитов с подписью «стяг Госпиталя» («*vexillum hospitalis*») изображены перевернутыми вверх ногами, в знак поражения, нанесенного сарацинами крестоносцам в Египте.

Еще в период пребывания короля Иерусалимского Амори с войском в Египте он получил известие о вторжении мусульманских войск в графство Триполійское, для обороны которого не имелось достаточно сил. Амори, являвшийся не только королем Иерусалимским, но и правителем-регентом Триполи, всецело осознавал необходимость срочно укрепить оборону графства. Главная проблема заключалась в том, где найти необходимые для этого силы. Король предпочел снова опереться, как на вспомогательную силу, на войска духовно-рыцарских орденов. Поэтому Амори передал им в 1167 году и в последующие годы целый ряд триполійских замков с прилегающими землями. Замок Тортоза и почти весь север графства Триполійского достались рыцарям ордена тамплиеров.

Иоанниты уже владевшие сильнейшим замком графства — Крак де Шевалье — получили во владение вдобавок плодородную Букайскую равнину (более известную нам как «долина Бека'а» — место ожесточенных боев израильских сил вторжения и марионеточной «армии Южного Ливана» с палестинскими боевиками, ливанскими шиитами и друзьями

в 1982 году). Расположенный на юге этой области замок Аккар, захваченный мусульманами в 1165 году, был отвоеван иоаннитами в январе 1170 года. Как регент графства Триполийского, король Иерусалима Амори передал иоаннитам отвоеванный ими у сарацинов замок, а в придачу — город Арку. Так орден Святого Иоанна стал владельцем всей долины Бекаа.

Склонность короля Иерусалимского передавать духовно-рыцарским орденам замки и крепости (на содержание которых у него самого не хватало ни средств, ни людей), заметно усилилась после захвата сарацинами графства Эдессы. На протяжении десятилетий это графство служило плацдармом «латинян» на Востоке, не позволявшим сельджукам соединиться с арабами Сирии и Северной Африки. После падения Эдессы, от христианских владений на Среднем Востоке осталась лишь узкая полоска прибрежной земли, защитить и удержать которую можно было лишь при помощи хорошо продуманной системы крепостей. Правда, «франкские» властители и раньше предпринимали попытки упрочить свое положение в завоеванных странах путем строительства замков и крепостей. Но теперь эта фортификационная деятельность была значительно усилена.

В ходе возведения планомерной и целесообразной системы фортификационных сооружений были усилены уже существовавшие ранее и построены новые замки. Система укреплений была глубоко эшелонированной. Первая, внешняя оборонительная линия состояла из целого ряда замков и отдельных сторожевых башен. Во второй линии обороны, в прибрежной полосе, в стратегически важных пунктах, господствовавших над окружающей местностью, были построены мощные крепости, имевшие центральное значение для обороны всей страны. За казавшимися несокрушимыми крепостными стенами были устроены склады оружия и продовольствия для снабжения передовой линии обороны.

Важнейшее значение имели замки, защищавшие государства крестоносцев с юга. Главным врагом христианских государств Востока были мусульманские правители Египта. Именно оттуда пришел султан Саладин, разгромивший в 1187 году войска крестоносцев в битве при Хиттине, после которой «латиняне» не продержались в Святой Земле и ста лет. Поэтому «франки» возвели в прибрежной полосе, на границе с пустыней, крепости Газу, Дарон и Бейт Джибрин. Для наблюдения за караванными путями между Дамаском и Каиром, по которым также шли паломники к мусульманским святыням Мекки на Аравийском полуострове и осуществлялась торговля с Индией. Для обеспечения эффективного контроля над этими путями крестоносцы построили мощные крепости Монреаль и Керак, а еще южнее и, соответственно, еще ближе к границам Египта — крепости Петру и Эйлат (Айла, библейский Ецион-Гавер).

Разумеется, большинство этих укреплений поначалу находились в руках самого короля Иерусалимского или его ленников. Когда же христиан-

ские государства в XII веке оказались под все возрастающим давлением своих исламских соседей, король Иерусалимский и его вассалы уже более не могли нести постоянно возрастающие затраты на их поддержание в надлежащем состоянии, расширение и ремонт. Поэтому владельцы большинства замков продали или даже передали их в дар духовно-рыцарским орденам, поскольку только ордены были в состоянии тратить огромные суммы на текущий ремонт старых и строительство новых укреплений. Орденские замки в Святой Земле были одновременно военными и административными центрами, обеспечивавшими господство достаточно немногочисленных западных христиан над обширными территориями с преимущественно мусульманским населением.

Замок иоаннитов Крак де Шевалье мог вместить (и, вероятно, вмещал в лучшие годы) до двух тысяч человек гарнизона — население небольшого западноевропейского города тех времен (для сравнения укажем, что население Риги — центра прибалтийских владений «латинян» — в описываемое время не превышало 1000 человек). Крак де Шевалье постоянно угрожал владениям ордена низаритов (и низариты были вынуждены откупаться от иоаннитов щедрой данью, хотя сами получали плату от многих правителей Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки, боявшихся наемных убийц, посылаемых ассасинами к не желающим подчиняться их «рэкету» владетельным государям).

Деньги на ремонт и строительство замков и крепостей в Палестине, Сирии и союзной «франкам» киликийской Армении военно-духовные ордены брали из пожертвований, стекавшихся в Святую Землю со всей Европы (например, в Германии в XIII века двадцатая часть всех сборов взималась в помощь христианам Святой Земли). Кроме того, немалые суммы ордены получали в форме доходов от своих земельных владений, мельниц и пр. К тому же ордены, благодаря постоянному пополнению своих рядов за счет свежих бойцов с Запада и вспомогательных войск из числа местных жителей, нанятых орденскими вербовщиками на Востоке, могли обеспечивать замки и крепости достаточно многочисленными гарнизонами, хотя постоянно страдали от «недокомплекта» (как уже упоминалось нами выше, для обороны одной только крепости Крак де Шевалье «по штатному расписанию» требовался двухтысячный гарнизон!).

Выше было описано, как ордены свыклись с ролью своеобразной постоянной армии крестоносных государств и как их военная помощь последним становилась все более необходимой по мере обострения вооруженных конфликтов с соседними исламскими государствами. Вероятно, объединенной мощи военно-монашеских орденов (во всяком случае, двух крупнейших из них — храмовников-тамплиеров и госпитальеров-иоаннитов) оказалось бы достаточно для успешной обороны

укреплений Иерусалимского королевства от нападений сарацин — но лишь при условии, если бы ордены, в соответствии со своими уставными обязанностями, действовали в тесном союзе и согласии между собой.

Между тем, трагизм положения крестоносных государств усугублялся недостаточной координацией действий между правителями отдельных государств и противоречиями между духовно-рыцарскими орденами. С тех пор, как ордены разбогатели и усилились, они принялись соперничать между собой в борьбе за власть и земельные владения. Эти противоречия нередко выливались в кровавые распри. Даже римским папам не удавалось наладить между орденами более-менее прочные мирные отношения.

Так, папа римский Александр III пытался в 1179 году выступить посредником между орденами тамплиеров и иоаннитов в такой форме, как если бы речь шла об установлении мира между двумя враждебными государствами. Но межорденские распри продолжались, и папа римский Григорий IX был вынужден в 1235 году официально поставить орденам в вину то, что они, вопреки своим прямым обязанностям, вредят Святой Земле своими непрерывными стычками по самым ничтожным поводам (например, из-за права владения несколькими мельницами или территорией, на которой когда-то находился христианский замок, уже скрытый к тому времени сарацинами!), вместо того, чтобы защищать Левант от мусульман.

С появлением на исторической арене упоминавшегося выше султана Салах ад-Дина из курдской династии Эйюбидов (Айюбидов) — одного из наиболее выдающихся полководцев в истории ислама — резко усилилась военная деятельность мусульман, направленная против крестоносных государств. Арабский мир, раздробленный, до появления Саладина, на ряд постоянно враждовавших и воевавших между собою (порой в союзе с крестоносцами!) довольно мелких государств, был им объединен в единую исламскую державу, охватившую территорию государств крестоносцев с юга (со стороны Египта, которым Салах ад-Дин завладел, свергнув власть мустанлитских халифов из измаилитской династии Фатимидов), с востока (со стороны Сирии) и с севера (со стороны Месопотамии, или Междуречья).

Параллельно с укреплением исламских сил «развитие» крестоносных государств шло в прямо противоположном направлении. Правление сменявших друг друга на иерусалимском троне слабых и больных королей, внутренние потрясения вследствие борьбы за власть и междоусобиц, кровавые столкновения между соперничавшими духовно-рыцарскими орденами приводили к постоянно возрастающей политической и военной слабости «франков» в Леванте.

В своей борьбе против соперничавших с ним исламских государств и крестоносцев Салах ад-Дин искусно использовал политические и военные столкновения между своими противниками. В 1179 году султан Сирии и Египта одержал блестящую победу над крестоносцами у реки Литанни,

притока Иордана, в Келесирии (нынешнем Южном Ливане). Разгромленное Саладином христианское войско обратилось в беспорядочное бегство. Все воины Креста, не успевшие переправиться на палестинский берег Ливанни, были изрублены в куски. Среди многочисленных пленников, попавших в руки Салах ад-Дина, находился и магистр тамплиеров Одо (Одон) де Сент-Аман. Салах ад-Дин первоначально планировал обменять главу храмовников на знатного мусульманина, оказавшегося в плену у «франков», но Великий магистр ордена Храма, обуюанный гордыней, заявил, что «нет на свете сарацина, равного ему», и предпочел умереть в дамаской тюрьме спустя год после своего пленения Салах ад-Дином.

Чтобы отвести резко возросшую угрозу и получить помощь для оказавшихся в опасности «франкских» государств Святой Земли, Патриарх Иерусалимский Иракий в сопровождении Великого магистра тамплиеров Арнольда де Торрожа и Великого магистра иоаннитов Роже де Мулэна (Рюдигера фон дер Мюлена) весной 1184 года отплыл на Запад. В итальянском городе Вероне они были приняты папой римским Луцием III и римско-германским императором Фридрихом I Барбароссой, но без ощутимых результатов. В январе 1185 года делегация отправилась в Париж просить о помощи французского короля. Опасаясь своего соперника, короля английского Генриха II Плантагенета, король Франции не взял лично крест (то есть не обязался выступить в Крестовый поход), но предоставил Патриарху значительную сумму денег на оборону Святой Земли.

Заручившись письмом от папы римского, три просителя отправились в Англию. Преклонив колена перед королем Генрихом Английским, они вручили ему от имени короля Иерусалимского Балдуина IV ключи от «Столпа Давидова» (иерусалимской Башни Давидовой) и от Святого Живоносного Гроба Господня, а также знамя Иерусалимского королевства, желая этим широким жестом побудить его взять крест. Однако английский король, в свою очередь, опасаясь короля Франции, отказался участвовать в Крестовом походе. Впрочем, монарх также выделил просителям существенную финансовую помощь.

О. О ХИТТИНСКОЙ КАТАСТРОФЕ

Подлинной катастрофой для «франкских» владык и находившихся под их управлением территорий стала упоминавшаяся выше битва при Хиттине (Хаттине) в 1187 году. Эта решающая битва, в которой был «сломан хребет» власти крестоносцев на Ближнем и Среднем Востоке, подробно описана как в «латинских», так и в арабских хрониках. Из описаний средневековых летописцев вырисовывается следующая картина.

В 1185 году султан Сирии и Египта Салах ад-Дин заключил с христианскими государями Святой Земли перемирие сроком на четыре года. Торговля между государствами «франков» и их соседями, почти сведенная на нет вследствие военных действий, ведшихся на протяжении предыдущих десятилетий, была возобновлена. В условиях перемирия возобновилась, в частности, и транзитная караванная торговля между сирийским Дамаском и Египтом через территорию государств крестоносцев.

В конце 1186 года из столицы Египта — Каира (часто именуемого крестоносцами «Вавилоном») — в Сирию отправился огромный караван под охраной отряда египетских воинов. Когда караван вошел в Моав (засушливое плоскогорье, примыкающее к восточному берегу Мертвого моря и южному течению реки Иордан), на него неожиданно напал местный «франкский» сеньор Райнальд (Рейно) де Шатийон, уже успевший к тому времени просидеть шестнадцать лет в тюрьме правителя Дамаска и вписать свое имя в скрижали истории попыткой похитить из второго по значению (после Мекки) священного города мусульман — Медины — гроб с телом пророка Мухаммеда. По его приказу все египетские воины были перебиты, а мусульманские купцы с семьями и товарами заключены в сильно укрепленном замке Керак, принадлежавшем Райнальду. Добыча была столь велика, что «не поддавалась

никакому описанию». Вскоре об этом грубейшем нарушении условий перемирия было доложено султану Салах ад-Дину, находившемуся под духовным покровительством халифа багдадского. Салах ад-Дин направил к Райнальду посла с напоминанием о святости заключенного договора и с требованием об освобождении пленников и компенсации причиненного им ущерба.

Получив от Райнальда отказ, посол Салах ад-Дина отправился в Иерусалим к королю Гвидону Лузиньяну, чтобы с помощью короля добиться выполнения требований султана Египта и Сирии. Король Иерусалимский приказал Райнальду отпустить пленников и выплатить им компенсацию. Но Райнальд дерзнул не подчиниться королевскому приказу. Война тем самым стала неизбежной. Саладин начал подготовку к окончательному уничтожению государств крестоносцев и велел проповедовать во всех мечетях джихад (священную войну мусульман против неверных).

Прелюдией к решающей битве у «рогов» Хиттина стала стычка небольшого отряда орденских рыцарей с сарацинами 1 мая 1187 года. В тот роковой день Великие магистры орденов тамплиеров и иоаннитов в сопровождении примерно ста пятидесяти «братьев-рыцарей» (со свитой) выехали из Тивериады (Твери) в Назарет (Эль-Назиру, современный Нацрат на территории Израиля), родной город Иисуса Христа. У истоков реки Крессон (библейский Киссон, на берег которого ветхозаветный пророк Илия Фесвитянин некогда перебил пророков языческого божества Вааала) «ифриры» натолкнулись на расположившихся там лагерем семь тысяч (!!!) египетских мамелюков, лихих рубак, всегда готовых к нападению и потому внушавших страх любому противнику. Тем не менее, Великий магистр ордена Храма, фламандец Жерар де Ридфор, как бы по наущению злого духа (или, как утверждали впоследствии недоброжелатели — вследствие сговора с мусульманами вообще, либо с низаритами — в частности), призвал рыцарей немедленно напасть на сарацин. Некоторые «ифриры» стали отговаривать его, указывая на гигантское численное превосходство мусульман. Тогда Жерар публично обвинил их в трусости, во всеуслышанье бросив в лицо маршалу собственного ордена, Жаку де Майи, что тот «видно, слишком дорожит своей белокурой головой, чтобы рисковать ею в бою».

В ответ маршал ордена Храма пророчески заметил, что он-то никогда не избегал схваток с неверными и сразится с ними и на этот раз, как подобает честному христианскому рыцарю, а вот сам магистр тамплиеров сбежит, как жалкий трус и ренегат. В общем, рыцарям-монахам не оставалось ничего иного, как атаковать. В последовавшей вслед за тем жестокой резне все они были перебиты.

От рук мамелюков погибли маршал храмовников Жак де Майи и Великий магистр ордена Иерусалимского Госпиталя Роже де Мулэн,

изрешеченный арбалетными болтами сарацин, «принявших его за самого Святого Георгия» (в которого, судя по этому сообщению, верили не только христиане, но и мусульмане). Избежать гибели удалось всего трем «латинянам», в том числе... Великому магистру храмовников Жерару де Ридфору, заварившему всю эту кашу, и благополучно спасшемуся бегством, умудрившись не получить ни единой царапины! Поле боя осталось за торжествующими мамелюками, отрубившими павшим орденским рыцарям головы и насадившими их на пики для всеобщего обозрения.

После бойни при Крессоне Великий магистр тамплиеров повел себя еще более странно. Проезжая через город Назарет, он объявил во всеуслышание, что рыцари разбили сарацин в пух и прах, и призвал жителей идти на поле боя собирать несметную добычу. Поверив Жерару де Ридфору, жители Назарета вышли из города и были перебиты подоспевшими мамелюками почти до последнего человека.

Этот факт также побудил злые языки обвинять тамплиеров (или, по крайней мере, их главу) в сговоре с низаритами (хотя султан Салах ад-Дин был ярым врагов измаилитов вообще и низаритов - в частности, так что ассасины меньше кого бы то ни было были заинтересованы в победе своего лютого гонителя-суннита).

Тем временем по обе стороны границы лихорадочно готовились к войне. И без того огромное войско Салах ад-Дина непрерывно пополнялось все новыми воинскими контингентами со всех концов его необъятной державы. На другом берегу Иордана король Иерусалимский Гвидон неустанно призывал баронов и рыцарей своего королевства присоединиться к его войску у Аккона. Ордены храмовников и иоаннитов, обуреваемые желанием отомстить сарацинам за резню при Крессоне, привели под знамя короля всех своих пребывавших в Святой Земле «ифриров», оставив для охраны орденских замков и крепостей лишь небольшие гарнизоны.

Кроме того, король Гвидон получил от тамплиеров солидную сумму денег, предоставленную ордену Храма королем Генрихом II Английским для финансирования Крестового похода. Король Генрих, в качестве искупления греха совершенного по его приказу убийства примаса (главы римско-католической Церкви) Англии — архиепископа Кентерберийского Фомы (Томаса) Беккета — обещал принять участие в Крестовом походе и заранее выделил на это деньги, предоставленные им духовно-рыцарским орденам, как основной военной силе крестоносных государств.

Фома Беккет, причисленный римской Церковью в 1173 году к лику святых, вошел в историю Англии как соперник Генриха II.

Будучи первоначально другом и фаворитом короля Английского, Беккет стал его противником, когда, став по воле короля архиепископом Кентерберийским, принялся защищать в первую очередь «честь и досто-

инство Церкви», не побоявшись вступить в конфликт с короной из-за вмешательства последней в церковные прерогативы. С ведома короля Беккет был зарублен в церкви четырьмя королевскими рыцарями. Впоследствии королю Генриху II пришлось принести публичное покаяние у гроба убитого архиепископа.

1 июля 1187 года армия Салах ад-Дина перешла реку Иордан. 2 июля она взяла штурмом христианский город Тивериаду и расположилась станом у стен захваченного города. «Франкская» армия, все еще не имевшая единого верховного командования, неоднократно меняла свои планы, как наступательные, так и оборонительные. В конце концов, король Иерусалимский, всегда отличавшийся крайней нерешительностью, последовал совету Великого магистра храмовников, и христианское войско знойным днем 3 июля двинулось по безводной, раскаленной пустыне на Тивериаду, чтобы отвоевать город у мусульман.

Патриарх Иерусалимский Иракий первоначально собирался присоединиться к войску, чтобы нести перед ним в бою Истинный Крест — главную святыню Иерусалимского королевства. Но в последний момент он отказался от своего намерения, вспомнив о старинном пророчестве, гласившем: «При Иракии Иерусалиму был возвращен Истинный Крест — при Иракии Иерусалим его вновь потеряет». Дело в том, что восточно-римский василевс (базилевс, базилей или василий, то есть, «царь» — так огречившиеся восточные римляне-ромеи называли своего императора) Иракий в VII веке разбил персов, захвативших Палестину, освободил Иерусалим и вернул туда похищенный персами Истинный Крест. Решив не искушать судьбу, иерусалимский Патриарх Иракий поручил Истинный Крест заботам епископа Акконского.

План Саладина заключался в том, чтобы не подпускать крестоносцев к уже видневшемуся вдали Галилейскому (Тивериадскому) морю (известному также под названием Генисаретского или Киннеретского озера) и вообще к каким бы то ни было водоемам. Христианскому войску пришлось провести всю следующую ночь в безводной местности близ Хиттина. На помощь Саладину пришла поднявшаяся ночью песчаная буря-самум, усилившая мучительную жажду, терзавшую крестоносцев, и скрывшую от них передвижения сарацинского войска. Чтобы увеличить страдания христиан, магометане подожгли кустарник по всей низменности, вследствие чего в лицо христианским воинам повалил густой и едкий дым. Не вынеся всех этих тягот, пехота крестоносцев (состоявшая в основном из уроженцев Сирии и Палестины, значительную часть которой составляли совсем недавно окрестившиеся, а то и некрещенные мусульманские ратники), под защитой которой стояли рыцари Иерусалимского королевства, взбунтовалась.

Пехотинцы короля Гвидона частью перебежали к мусульманам, частью убежали на две горные вершины, возвышавшиеся над равниной

(так называемые «рога Хиттина»), не поддаваясь ни угрозам, ни просьбам короля и епископов спуститься вниз и принять участие в битве. Тем не менее, битва еще не могла считаться выигранной мусульманами. Согласно воспоминаниям Малика аль Афдаля, сына Салах ад-Дина, участвовавшего в битве плечом к плечу с отцом, дальнейший ход битвы выглядел следующим образом.

«Царь (король — В.А.) франков, стоявший на холме с дружиной своих рыцарей, совершил блестящее нападение на противостоявших ему мусульман и погнал их туда, где находился мой отец. Я следил за отцом и видел, что он был сильно озабочен. Мусульмане вновь вступили в бой и загнали христиан обратно на холм.

Увидев, что франки отступают, а мусульмане преследуют их, я возрадовался и воскликнул: «Мы победили!». Однако франки обратились вспять, атаковали вновь, и снова гнали мусульман до того места, где находился мой отец. Но тут мусульмане контратаковали и снова загнали христиан обратно на холм. И снова я воскликнул: «Мы обратили их в бегство!». Однако мой отец обратился ко мне со словами: «Молчи, мы не сможем одержать над ними верх, пока не падет этот (королевский — В.А.) шатер (в другом варианте — штандарт — В.А.)!».

И в это мгновение шатер (или штандарт — В.А.), о котором он говорил, рухнул. Мой отец спешился, бросился на землю, вознес хвалу Аллаху и заплакал от радости...».

После этих последних отчаянных, но безуспешных атак рыцарей Креста их боеспособность была окончательно утрачена, и христианское войско потерпело полное поражение.

Святой Истинный Крест, который епископ Акконский, вместо иерусалимского Патриарха Ираклия, нес перед войском, шедшим в бой, попал в руки неверных. Так оправдалось древнее зловещее пророчество. Добравшись до вершины холма, победоносные мусульмане нашли там немногих уцелевших рыцарей, и среди них — самого короля Иерусалимского, лежащих на земле и настолько обессиленных, что они оказались не в состоянии передать сарацинам свои мечи в знак сдачи в плен. Султан Сирии и Египта принял разбитых врагов в своем шатре и собственноручно подал королю Иерусалимскому кубок воды (согласно другим источникам — не воды, а прохладительного напитка шербета). Король Гвидон отпил из кубка и передал его стоявшему рядом с ним Райнальду де Шатийону, также взятому в плен сарацинами. По правилам магометанского гостеприимства, всякий человек, принявший угощение от хозяина шатра, переходил тем самым под его защиту.

Поэтому Салах ад-Дин велел перевести королю, что вода (или шербет) предназначалась ему, а не Райнальду, которого султан назвал нечестивцем и разбойником с большой дороги («сулуком» — в исконном смы-

сле этого слова). В ответ на дерзкое поведение «франкского шайтана» (а по более благочестивой версии — в ответ на нежелание последнего перейти из христианства в ислам) Салах ад-Дин собственноручно обнажил свой грозный меч и рассек Райнальду плечо, после чего раненый «франкский» возмутитель спокойствия был добит телохранителями султана Египта и Сирии. По приказу Салах ад-Дина были перебиты также все попавшие в плен к мусульманам храмовники и иоанниты. Остальных христианских пленников угнали в столицу Сирии Дамаск (Димашки), где они были проданы в рабство. А пешие ратники армии крестоносцев, взбунтовавшиеся против своего короля и тем ускорившие роковой ход событий, были беспощадно истреблены сарацинами или сброшены ими живьем с горной кручи в пропасть (и это лишний раз подтверждает предположение, что пехота войска короля Гвидона состояла в основном из мусульман или отступников от веры Мухаммеда — таких Салах ад-Дин не щадил никогда).

Какова же была численность войск, противостоявших друг другу в битве у «рогов» Хиттина? Согласно «Истории Иерусалимского королевства» (*Historia Regni Hierosolymitani*), христианское войско состояло из:

- 1) тысячи рыцарей королевства Иерусалимского,
- 2) тысячи двухсот рыцарей, снаряженных на деньги, пожертвованные королем Английским Генрихом II Плантагенетом;
- 3) четырех тысяч туркопулов, или туркополов (конных лучников);
- 4) тридцати двух тысяч пеших ратников.

В сравнении с другими свидетельствами современников, эти цифры представляются сильно завышенными. Известнейший исследователь истории Крестовых походов, сэр Стивен Рансимен, на основании изучения многочисленных источников, пришел к выводу, что христианская армия, вероятнее всего, состояла из тысячи двухсот кавалеристов (в том числе трехсот рыцарей и сервиентов ордена Храма, такого же числа рыцарей, сервиентов и туркопулов ордена иоаннитов и шестисот светских рыцарей и баронов с оруженосцами и конными слугами) и менее чем десяти тысяч пехотинцев; во всяком случае, он исключает вариант, при котором на одного конного воина приходилось бы по десять и более пехотинцев.

Что до армии Салах ад-Дина, то собственное двенадцатитысячное войско султана Египта и Сирии, за счет притока добровольцев-«шахидов» и воинских контингентов, присланных его союзниками, вполне могло составить восемнадцать тысяч человек. Во всяком случае, в битве у «рогов» Хиттина сошлись две крупнейшие армии, когда-либо выводившихся друг против друга в поле в эпоху Крестовых походов.

Христианские рыцари в своих тяжелых доспехах и на конях, у многих также покрытых броней, превосходили численностью аналогично

вооруженную тяжелую кавалерию мусульман и представляли большую угрозу для легковооруженных сарацинских воинов. Однако рыцари и кони, истощенные жарой и недостатком воды, обессилели, и тяжелое вооружение, раскалившееся под лучами беспощадного палестинского солнца, превратилось для них в невыносимое бремя. Что же касается христианских туркопулов, то они значительно уступали легкой кавалерии Салах ад-Дина в вооружении и боевой выучке.

Решающую роль в поражении «франков» у «рогов» Хиттина сыграло отсутствие единого командования у христианского войска и неблагоприятные условия безводной местности, куда Саладину, изощренному знатоку военного искусства, удалось заманить в ловушку обессиленных долгим маршем под палящим зноем, жарой и жаждой «латинян».

Положение «франков» в Святой Земле стало поистине отчаянным. Султан Салах ад-Дин, не торопясь, приступил к ее систематическому завоеванию. Большинство замков Иерусалимского королевства и Самарии ему удалось захватить малой кровью. К концу августа в руках христиан южнее Триполи (Траблоса, Тарабулуса) остались только города Тир (современный Сур на территории Ливана), Аскалон (нынешний Ашкелон на территории Израиля) и Газа (ныне — крупнейший город Палестинской автономии), не считая самого Святого Града Иерусалима. Осажденный гарнизон Аскалона оказал сарацинам мужественное сопротивление, невзирая на то, что приведенные осаждающими под стены Аскалона пленные король Гвидон Иерусалимский и Великий магистр тамплиеров Жерар де Ридфор призывали осажденных сдаться сарацинам (Салах ад-Дин обещал отпустить короля и магистра Храма на свободу в обмен на сдачу без боя христианских городов и замков). Однако аскалонцы отказались сдать город мусульманам.

4 сентября Аскалон, чье завоевание в свое время стоило христианам стольких жертв (именно за мужество, проявленное тамплиерами при штурме Аскалона, папский престол даровал им на концы их красного орденского креста расширения — так называемые «иерихонские трубы», в знак того, что доблесть храмовников не уступает доблести воителей ветхозаветного судьи Иисуса Навина, овладевших в свое время градом Иерихоном, обрушив его неприступные стены звуками труб), был взят штурмом сарацинами, предварительно во многих местах разрушившими городские стены при помощи десяти осадных машин и минных работ. В ходе дальнейших боевых действий Саладин не давал пощады никому. Особенно безжалостно султан расправлялся с храмовниками и иоаннитами. Всех рыцарей этих двух орденов, захваченных в плен, ставили перед дилеммой: обрезание или смерть. Большинство (хотя и не все) из них предпочитали смерть отречению от Христа, после чего их убивали на месте.

20 сентября 1187 года султан Салах ад-Дин осадил Иерусалим, а 2 октября вступил в покоренный город. Обороной Иерусалима руководил старый рыцарь Байян Наблусский. Святой Град был переполнен беженцами из окрестных деревень и замков. На одного иерусалимского жителя мужского пола приходилось до пятидесяти женщин и детей. В городе имелось лишь небольшое число рыцарей, обладавших необходимым боевым опытом. Байян был вынужден посвятить в рыцари всех благородных юношей старше шестнадцати лет и вдобавок тридцать горожан (а вовсе не всех жителей осажденного города поголовно, как в голливудском блокбастере «Царство Небесное»!) и выслал в окрестности города отряды для закупки продовольствия на деньги, присланные в дар иоаннитам королем Генрихом II Английским, замаливавшим убийство Фомы Беккета. Осажденные «франки» обороняли Святой Град с мужеством отчаяния, но их число было слишком незначительным для обеспечения успешной обороны города от многочисленного, хорошо обученного войска Салах ад-Дина. Победители вели себя достаточно гуманно и сдержанно.

В Святом Граде, где крестоносцы восемьдесятю семью годами ранее ходили по колена (или, по крайней мере, по щиколотку) в крови своих жертв, сарацины никого не убили и не ограбили. Всем иерусалимским христианам была предоставлена возможность выкупить себя на свободу, по цене десять динариев за мужчину и пять динариев за женщину или ребенка. Даже к иерусалимским беднякам, не имевшим столько денег, султан Салах ад-Дин отнесся довольно милостиво и великодушно. Пятьсот бедняков-христиан он отпустил на свободу без всякого выкупа, а его брат бесплатно освободил тысячу пленных недворянского звания. К тому же Саладин дозволил значительному числу православных христиан — сирийцев и греков (ромеев) — остаться в Иерусалиме под властью мусульман. Тем не менее, основной части иерусалимских бедняков негде было взять деньги для выкупа. С другой стороны, вспыхнувшие среди жителей Иерусалима беспорядки вынудили орден тамплиеров, иоаннитов и каноников Святого Гроба Господня, а также весьма состоятельного Патриарха Иерусалимского предоставить часть своих сокровищ для выкупа хотя бы части пленных христиан из мусульманского рабства. Еще семь тысяч иерусалимских бедняков удалось выкупить на остатки суммы, предоставленной военно-монашеским орденам королем Англии Генрихом II Плантагенетом.

Христианские беженцы еще не успели покинуть Иерусалим, как сарацины сорвали золотой Крест с купола храма Живоносного Гроба Господня, удалили все знаки христианского благочестия и очистили мечеть Аль-Акса ото всех следов пребывания рыцарей Храма в ее древних стенах.

На севере Святой Земли в руках западных христиан остались иоаннитские замки Маргат и Крак де Шевалье. Последний был так сильно

укреплен, что даже во время вторжения израильской армии в Южный Ливан в 1982 году (так называемой операции «Мир для Галилеи») успешно использовался палестинскими боевиками как оборонительное сооружение, выдерживавшее многодневный артиллерийский и ракетный обстрел израильтян! Салах ад-Дин провел свои победоносные войска мимо этих замков иоаннитов, не желая терять напрасно время на их осаду. Он взял штурмом город Тортозу, но не смог овладеть расположенным в нем сильно укрепленным замком тамплиеров. 22 июля 1188 года Салах ад-Дину, после непродолжительной осады, сдался город Латакия (античная Лаодикея) вместе с замком, принадлежавшим ордену иоаннитов. 29 июля сарацины, после интенсивного обстрела из метательных машин, взяли штурмом огромный, возведенный на горном хребте и считавшийся абсолютно неприступным замок Сахьун, чей небольшой гарнизон, однако, сдался, не выдержав обрушившегося на него ливня стрел и града каменных ядер.

П. Последствия Хиттинской катастрофы

В 1187–1188 годах судьба государств, основанных крестоносцами в Сирии, висела буквально на волоске. Но их существование было продлено благодаря выдающейся доблести ломбардского маркграфа (маркиза) Конрада Монферратского, ухитрившегося получить в Константинополе титул кесаря Ромейской василии (что, впрочем, по ироничному замечанию ромейского историка Никиты Хониата, не дало ему ничего, кроме сомнительной чести носить сапоги необычного цвета — согласно этикету константинопольского двора, кесарь имел исключительную привилегию на ношение синих сапог!) и успешно отразившего нападение Саладина на Тир. Неудачей окончились и нападения сарацин на главные города Северной Сирии — Триполи и Антиохию (современную Антакью на территории Турции).

Хотя владетельные государи Европы на протяжении десятилетий оставались глухи к призывам христиан Святой Земли о помощи, они восприняли утрату Святого Града и других христианских святынь как тяжелый удар. Папа римский Григорий VIII (21.10–17.2.1187) немедленно обратился ко всем христианам с призывом взять крест, а его преемник Климент III (1187–1191) приложил дальнейшие усилия к возобновлению крестоносного движения. Оно пережило новый подъем буквально повсюду — от Италии и Испании до Дании и Норвегии. Во Франции, Англии и Германии были сформированы многочисленные армии крестоносцев, причем на этот раз под руководством местных государей.

Начало новому Крестовому походу было положено в Германии. Император Фридрих I Барбаросса из швабской (свевской) династии Гогенштауфенов (Штауфенов), покоритель Милана (перенесший из собора разрушенного по его приказу города в Кельн мощи трех святых царей-волхвов Каспара, Валтасара и Мельхиора, некогда пришедших

в Вифлеем поклониться Богомладенцу Христу) и основатель Болонского университета (1154), заявил о своей готовности участвовать в нем на Майнцском рейхстаге весной 1188 года. Германское войско, состоявшее из трех тысяч рыцарей, в сопровождении оруженосцев, воинов-кнехтов и большого обоза, выступило в 1189 году из Регенсбурга с намерением достичь конечной цели похода через Балканы и Малую Азию. Но неожиданная гибель императора Фридриха Барбароссы 10 июня 1190 года при купании в киликийской реке Салефе (или, согласно иной версии — при попытке переправиться через нее) привела фактически к срыву похода.

Многие крестоносцы, устранившись смерти предводителя похода, как недоброго предзнаменования, отказались от дальнейшего участия в паломничестве, в результате чего лишь жалкие остатки немецкого войска достигли осенью 1190 года города Аккона (Акки, Екрона, Аккарона, Птолемеиса, Птолемаиды — сегодняшнего Акко на территории Израиля), который они вознамерились вооруженной рукой вернуть в состав Иерусалимского королевства. Однако сил у них для этого оказалось недостаточно.

Лишь после прибытия подкреплений из Италии и Германии под руководством архиепископа Герарда Равеннского, Адельварда Веронского, ландграфа Людвига Тюрингского, графа Оттона Гельдернского, Генриха Альтенбургского, Альберта Поппенбургского и Видукинда фон Реда, приведших с собой в общей сложности около тысячи рыцарей и крупный контингент пехотинцев, а также еще более многочисленных армий англичан и французов, упорная и изнурительная осада Аккона завершилась, наконец, капитуляцией осажденных. Город был сдан крестоносцам, а две тысячи семьсот переживших осаду воинов мусульманского гарнизона перебиты по приказанию английского короля Ричарда I Львиное Сердце, раздраженного их чрезмерно упорным сопротивлением, представлявшим для него неразумным упрямством.

За этот необдуманный поступок Ричарда позднее пришлось заплатить многим крестоносцам, ибо война приобрела крайне жестокие формы и с сарацинской стороны. Все большее значение для мусульман стала приобретать порядком подзабытая в эпоху Аббасидов идея «джихада» или «газавата» — священной войны. Насколько борьба за Святую Землю превратилась в глазах магометан описываемой эпохи в войну за веру, явствует из письма султана Салах ад-Дина аббасидскому халифу Багдада, цитату из которого мы приводим ниже. Данное письмо более наглядно, чем все дошедшие до нас письма «латинян», демонстрирует, что на Западе Крестовые походы стали поистине всенародными движениями. Салах ад-Дин писал халифу всех правоверных, в частности, следующее:

«Положимся же всецело на милость Аллаха, и пусть опасность, в которой мы находимся, оживит ревность мусульман... Ибо мы не устаем

изумляться ревности неверных и равнодушию правоверных. Взгляни на назореев (христиан), взгляни, в каком количестве они прибывают, как они соперничают друг с другом в ратном деле, как охотно они жертвуют своими богатствами, как они объединяются, как стойко они переносят величайшие страдания, невзгоды и нужду во всем! Нет среди них ни одного царя, ни одного владыки, ни одного острова или города, ни одного человека, будь он даже наименее из всех, который не послал бы на эту войну своих крестьян, своих подданных, который не предоставил бы им возможность проявить свою доблесть на поле славы. Они творят все это, ибо верят, что служат тем самым своей религии, и потому охотно жертвуют своей жизнью и своим имуществом. Будем же надеяться, что Аллах пошлет нам помощь и поможет нам, в своей неизреченной милости, истребить всех недругов, а всех правоверных спасет от всех опасностей!»

Немаловажную роль во взятии крестоносцами Аккона сыграл английский флот, блокировавший город с моря. Адмиралом этого флота был рыцарь ордена Храма Робер де Сабль, доставивший в Святую Землю воинский контингент английских тамплиеров. После падения приморской твердыни мусульман тамплиеры, собравшиеся в акконском замке ордена Храма, избрали Робера де Сабля своим Великим магистром.

В Акконе крестоносцами, в числе прочих трофеев, был вновь обретен Святой Истинный Крест, захваченный сарацинами в злосчастной битве у «рогов» Хиттина.

После взятия Аккона крестоносцами между победителями начались распри. Герцог (не эрцгерцог!) Австрийский Леопольд V, как предводитель всех германских войск, потребовал признать его равным по положению другим главным вождям крестоносцев — королям Англии и Франции, в знак чего поднял свой стяг (баннер) рядом со стягом Ричарда Английского. Надо сказать, что герцог Леопольд при осаде Аккона храбро бился с агарянами.

Согласно одной из легенд о происхождении красно-бело-красного австрийского национального флага, после окончания боя за Аккон белый кафтан-котта герцога Леопольда, надетый поверх доспехов, оказался совершенно красного цвета, пропитавшись пролитой им кровью (своей и чужой). Когда же Леопольд после боя снял пояс с мечом, на пропитанном кровью кафтане образовалась узкая белая полоса в том месте, где пояс не дал белой ткани пропитаться кровью. Так, якобы, и было положено начало трехполосному красно-бело-красному австрийскому флагу. Возможно, именно это импровизированное знамя и было поднято по приказу герцога Леопольда над стенами покоренной мусульманской твердыни.

Но возмущенные англичане сорвали австрийский стяг, разодрали его в клочья и сбросили в ров, окружавший стены городской цитадели Аккона. Леопольд воспринял случившееся, как смертельное оскорбление,

и затаил злобу на высокомерных англичан. Возможность отомстить их надменному королю представилась герцогу Леопольду, когда Ричард, преодолевшись рыцарем Храма, в сопровождении всего четырех слуг, возвращался в Англию морским путем. Его корабль, попавший в шторм на Адриатике, потерпел крушение близ Аквилеи, откуда Ричард продолжал свой путь по суше. Близ столица Австрийского герцогства Вены он был опознан, схвачен и выдан Леопольдом Австрийским своему сюзерену — римско-германскому императору Генриху VI Гогенштауфену. Генрих VI приказал бросить Ричарда в темницу имперского замка Гогенштауфенов Трифельз близ Аннвейлера в Рейнском Палатинате (Пфальце на Рейне). Ричард просидел в германском узилище более года и был отпущен на свободу только в 1194 году, едва избежав казни (любопытно, что он был обвинен в сговоре с низаритами и найме ассасинских «фидайнов», убивших в городе Тире Конрада Монферратского, о чем еще пойдет речь далее!), для чего Плантагенету пришлось, сломав свою вошедшую в поговорку гордость, уплатить сто тысяч марок серебром в качестве выкупа и принести ленную присягу владыке «Священной Римской империи германской нации».

Вот как в действительности обстояло дело с распрей между Ричардом Английским и Леопольдом Австрийским о знамени, известной всем нам по роману сэру Вальтера Скотта «Талисман» в гораздо более романтической и льстящей британскому самолюбию версии. Причем выясняется, что рыцари-храмовники, относящиеся в романе к Ричарду Английскому (а он, в свою очередь, к ним) резко отрицательно, в действительности были настолько дружественно настроены по отношению к нему, что даже позволили Ричарду, в целях маскировки, переодеться одним из членов своего ордена, и предоставили ему корабль для возвращения домой. Вероятно, отнюдь не случайно английские рыцари и воины стали носить на своих одеждах и знаменах тамплиерский красный крест на белом поле, ставший, в качестве «знамени Святого Георгия», национальным символом «доброй старой Англии»!

В этой связи нам представляется необходимым упомянуть еще одно событие, имевшие важные последствия для крестоносного движения — завоевание острова Кипр Ричардом Львиное Сердце в 1192 году.

Отняв Кипр у отложившегося от Восточной Римской империи мятежного ромейского вельможи Исаака Комнина и испытывая крайнюю нужду в деньгах, Ричард I Львиное Сердце продал остров рыцарям Храма. Тем самым тамплиерам представился шанс создать на территории Кипра, после утраты своих владений в Святой Земле, собственное островное государство (типа государства, созданного иоаннитами на острове Родос, а позднее — на острове Мальта). Но тамплиеры этого не сделали (из чего, кстати, следует, что они продолжали рассматривать в качестве своей пер-

востепенной задачи не создание собственного центра власти, а организацию нового Крестового похода в Святую Землю с целью окончательного изгнания оттуда мусульман).

Впоследствии Кипр перешел под власть (титулярного) короля Иерусалимского Гвидона Лузиньяна. Для военно-монашеских орденов завоевание Кипра крестоносцами имело крайне важное значение. После потери Палестины через сто лет после описываемых событий, ордены отступили на Кипр.

В первом десятилетии XIII века развитие событий в Святой Земле приобрело несколько менее бурный характер. Римско-германский император Генрих VI Гогенштауфен даровал королевство Кипрское в лен Амори де Лузиньяну, титулярному королю Иерусалима (признавшему тем самым верховную власть над собой «Священной Римской империи»). В октябре 1195 года посланник Амори прибыл к императору в его «пфальц» («палатий», то есть укрепленный императорский дворец, названный так по аналогии с дворцом древних римских императоров на холме Палатин и одноименным дворцом ромейских императоров в Константинополе — от названия которого, кстати, происходит и русское слово «палата», «палаты» в значении княжеского или царского дворца!) близ Гельгаузена, и от имени своего государя принес императору вассальную присягу.

Незадолго перед тем признал власть «Священной Римской империи» над собой и царь (король) Армении (Киликии) Левон из рода Рубенидов (вошедший в историю крестовых походов под именем Льва Армянского). Лев Армянский также принес вассальную присягу императору Генриху VI, признав себя его ленником, и даже вступил в духовно-рыцарский Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии в качестве конфратера (собрата). При нем киликийские армяне переняли многие западные обычаи. Царь Левон даровал в своем царстве владения «латинским» военно-монашеским орденам тевтонов, тамплиеров и иоаннитов, стал раздавать своим вельможам западные титулы, например, титул барона («парона»). Армяно-килийские ученые мужи стали именоваться, на «франкский» манер, «докторами». Армянская тяжелая конница Киликийского царства (так называемые «ариюцы», то есть «львы») весьма ценилась крестоносцами в качестве вспомогательных войск. Армянские специалисты в области изготовления метательных и других боевых машин — например, знаменитый мастер Хабедиг (Аветик) — пользовались, наряду со своими греческими (ромейскими) и сирийскими коллегами, огромным авторитетом среди западных крестоносцев.

Римско-германский император Генрих VI, носивший на своей одежде крест, начиная с 1195 года (что означало его постоянное пребывание в «состоянии Крестового похода»), начал в 1197 году реальную подготовку к походу, с намерением распространить свою власть на обе стороны

Средиземноморья. Его канцлер (хранитель государственной печати) архиепископ Конрад Майнцский, и граф Голштинский Адольф возглавили авангард имперского войска. В походе участвовали главным образом германские рыцари из Рейнской области и из наследственных владений (герцогств) Гогенштауфенов. Высадившись под Акконом, они сразу же начали военные действия, разбили войско магометан под Сидоном и взяли «на копье» Берит (сегодняшний Бейрут, столицу Ливана). Захват этой территории и этого города крестоносцами были особенно важны потому, что таким образом удалось восстановить непрерывность территории христианских владений между королевством Иерусалимским, графством Триполлийским и княжеством Антиохийским. Но пришедшая вскоре весть о безвременной кончине императора Генриха VI Гогенштауфена развеяла весь пыл крестоносного войска. Многие германские пилигримы отправились восвояси.

Амори де Лузиньян, ставший королем Кипра, но продолжавший носить корону Иерусалимского королевства, ввиду явной невозможности усиления своей армии, был вынужден заключить с сарацинами перемирие.

Р. О ПЯТОМ КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

Папа римский Иннокентий III рассматривал в качестве главной задачи своего понтификата освобождение Святой Земли от мусульман. Именно поэтому он осудил участников Четвертого Крестового похода, которые вместо того, чтобы отвоевать у мусульман Миср и Иерусалим, захватили православный царственный град (Царьград) Константинополь. Римский понтифик снова обратился ко всему христианству с настоятельным призывом выступить на освобождение Гроба Господня. По всем странам разъезжали проповедники, призывавшие к новому Крестовому походу. Благодаря деятельности двух выдающихся личностей крестоносное движение весной 1213 год пережило новый подъем. Во Франции — благодаря Иакову де Витри, позднее ставшему епископом Аккона. Он призвал рыцарей рассматривать взятие на себя креста в качестве инвеституры, в рамках которой Бог дает крестоносцам в лен Царствие Небесное, в качестве вознаграждения за участие в Крестовом походе. В Германии действовал будущий историограф этого Крестового похода, Оливер Схоластик, настоятель собора в Падерборне и знаменитый кельнский схоласт. Будучи папским легатом, Оливер в 1213–1214 г.г. проповедовал в Кельнской церковной провинции, в которую в то время входили епископства Лютихское (Льежское), Утрехтское (Тонгерн-Маастрихтское) и нижнесаксонские епископства Оснабрюкское, Мюнстерское и Минденское. Если верить его «Дамьеттской истории» (*Historia Damiatina*), важнейшему источнику по истории Пятого Крестового похода, он один побудил до пяти тысяч фризцев к участию в этом «вооруженном паломничестве».

После смерти великого папы Иннокентия преемник усопшего понтифика на апостольском престоле, Гонорий III, ревностно продолжил осуществление проекта своего предшественника. Он надеялся осуществить летом

1217 года широкомасштабный Крестовый поход по морю, но не имел необходимых для этого кораблей. Лишь появление фризского флота, состоявшего (по разным данным) из двух или трех сотен кораблей, с крестоносцами из Фризии (Фрисландии) под руководством графа Георга фон Вида и Вильгельма Голландского на борту, придало войску пилигримов необходимую мобильность. После долгих обсуждений на военном совете в Акконе, в которых принимали участие и магистры военно-монашеских орденов, было, под влиянием красноречия Оливера, решено напасть вместо Иерусалима на султана Египта, чтобы, победив его, получить в свои руки, в качестве залога, объекты, которые можно было бы обменять на объекты в Святой Земле.

Целями крестоносцев были дельта Нила и порт Дамьетта (Думьят). Этот город, наряду с Александрией (современной Аль-Искандарией или Эскендерией, на территории Арабской Республики Египет) в то время по праву считался «вратами Египта». Он располагался на берегу одного из рукавов Нила и был защищен с тыла соленым озером Менсалех (Манзала), так что к нему было очень сложно подступить. Ниже города через реку была перетянута громадная железная цепь, перегораживавшая ее вплоть до расположенной на острове близ западного берега крепостной башни, в которой постоянно дежурило несколько сотен воинов. Башня и цепь делали невозможными окружение и осаду города. Те, кто намеревался вторгнуться в дельту Нила, должны были предварительно захватить эту башню. И тут выяснилось, что Оливер был не только мастером слова, но и гениальным техником. Из двух связанных между собой кораблей он сконструировал осадную башню, обшитую снаружи кожей и оснащенную штурмовыми лестницами. Теперь можно было нападать на островную башню как со стороны реки, так и со стороны суши. Фризские паломники совместно с таплиерами захватили это долго служившее им преградой агарянское укрепление.

Большую помощь крестоносцам оказали арбалетчики, из которых особенно прославились меткостью и скоростью стрельбы генуэзские. Вообще арбалет («арбалиста» или «аркубалиста») не был изобретением Запада. Считается, что первые, достаточно примитивные, самострелы были изобретены еще в древнем Китае, чтобы позволить китайским пехотинцам вести более-менее «на равных» перестрелку с конными лучниками нападавших на Срединную империю кочевых племен Великой Степи. Используя самострелы, китайцы сумели одолеть гарнизоны нескольких парфянских крепостей в Турфане, состоявшие из римских легионеров Марка Лициния Красса (знаменитого победителя вождя восставших рабов гладиатора Спартака), взятых парфянами в плен в битве при Каррах и поселенных на границе Парфянского царства с Китаем в качестве военных колонистов, о чем сохранились любопытные свидетельства в древнекитайских хрони-

ках. Позднее кочевники сами взяли на вооружение арбалеты, сослужившие столь добрую службу китайцам.

В русских летописях, повествующих о войнах Великого князя Киевского Владимира Мономаха с половцами (кипчаками) сообщается о наличии в половецком войске громадных, передвигавшихся «на возу великом», самострелов (для натяжения которых требовалось до полусотни человек прислуги), и о каких-то неизвестных метательных орудиях («шереширах»), стрелявших «живым огнем» (может быть, «греческим»). Иные историки склонны понимать под этими таинственными «шереширами» также нечто вроде арбалетов. Ромейские легковооруженные воины-«псилы», кроме луков со стрелами, пращей и дротиков, также имели на вооружении так называемые «соленарии» (деревянные метательные механизмы типа самострелов), ведшие свое происхождение, однако, не от китайских арбалетов, а от самострелов-гастрофетов, известных в Средиземноморье еще в эллинистическую и римскую эпоху. В то же время более мощные арбалеты западного образца, широко распространенные среди крестоносцев, пришедших с Запада («цангры»), воспринимались ромеями, как новинка.

Анна Комнина в восхищении описывала их в следующих выражениях: «Натягивающий это оружие, грозное и дальнометное, должен откинуться чуть ли не навзничь, упереться обеими ногами в изгиб лука, а руками из всех сил оттягивать тетиву. К середине тетивы прикреплен желоб полукруглой формы, длиной с большую стрелу; пересекая тетиву, он доходит до самой середины лука; из него-то и посылаются стрелы. Стрелы, которые в него вкладываются (имеются в виду арбалетные болты — В.А.), очень коротки, но толсты и имеют тяжелые железные наконечники. Пущенная с огромной силой стрела, куда бы она ни попала, никогда не отскакивает назад, а насквозь пробивает и щит, и толстый панцирь и летит дальше. Вот насколько силен и неудержим полет этих стрел. Случалось, что такая стрела пробивала даже медную статую, а если она ударяется в стену большого города, то либо ее острое выходит по другую сторону, либо она целиком вонзается в толщу стены и там остается. Таким образом, кажется, что из этого лука (арбалета — В.А.) стреляет сам дьявол. Тот, кто поражен его ударом, погибает несчастный, ничего не почувствовав и не успев понять, кто его поразил».

Мусульмане также активно использовали арбалеты. Именно мамелюкские арбалетчики, как нам уже известно, изрешетили в злополучной битве при Крессоне, послужившей мрачной прелюдией к разгрому при Хиттине, Великого магистра ордена Святого Иоанна фра Роже де Мулэна арбалетными болтами, якобы «приняв его за Святого Георгия»!

Пока фризские пилигримы и рыцари Храма были заняты осадой и штурмом Нильской башни, под Дамьетту с новым войском крестоносцев, в качестве представителя папы Гонория, прибыл кардинал-легат Пелагий. Сразу

же после высадки он высказал притязания на верховное командование всем Крестовым походом, на том основании, что это дело рук папы римского и потому должно возглавляться его представителем. К несчастью для паломников, кардинал вообразил себе, что его духовный сан делает его способным вырабатывать окончательные решения по вопросам стратегии и военного руководства. Ради проведения в жизнь своих решений Пелагий не боялся даже угрожать церковным отлучением. Несчастливое для «латинян» завершение Крестового похода в Миср объясняется, не в последнюю очередь, действиями этого честолюбивого, но неспособного князя Церкви. А ведь поначалу Крестовым походом руководил доблестный король Иерусалимский, Жан де Бриенн, отличавшийся, кроме подлинных полководческих способностей, еще и выдающейся храбростью.

Город Дамьетта, в соответствии со своим значением «входной двери в Египет», был защищен венцом мощных стен и дюжиной оборонительных башен. Окружавший его заполненный водой ров был настолько широким, что по нему могли передвигаться даже морские корабли. Бой за Думьят с переменным успехом шел в течение нескольких месяцев. Вслед за акцией нападающих следовало ответное нападение защитников города или султана, пытавшегося оказать помощь своему осажденному городу. При этом христианское войско не раз попадало в весьма опасное положение, из которого его выручали только храбрость короля, орденовских рыцарей и многих других рыцарей-крестоносцев. При этом тамплиеры потеряли только убитыми пятьдесят, иоанниты — тридцать двух рыцарей, не считая своего маршала, а «немецкие господа» (тевтонские рыцари-мариане) — тридцать членов своего ордена.

При завоевании города имели место сцены невероятной жестокости. Все жители, за исключением небольшого их числа, которому удалось спастись, были убиты. Маленьких детей передавали в руки духовенства, чтобы окрестить их и воспитать в духе служения Церкви. Это был, несомненно, довольно своеобразный метод увеличивать число христиан, но и мусульмане в сходных случаях действовали аналогично, пополняя за счет христианских мальчиков ряды своих отборных войск — египетских мамелюков, а позднее — турецких янычар. Между завоевателями вспыхнули кровавые распри из-за захваченных в городе припасов и богатств. Положить им конец удалось лишь благодаря вмешательству короля Жана, иоаннитов и тамплиеров. Вновь проявилась также давняя вражда между кардиналом Пелагием и королем Жаном. И тот, и другой предъявили претензии на владение городом. В конце концов, окончательное решение было оставлено за папой или римско-германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном, чье прибытие ожидалось в скором времени.

Эти первоначальные успехи весьма позитивно сказались на положении христиан, тем более, что вскоре удалось захватить также город Танис

(Сан эль-Хагар) на озере Менсалех-Манзала, близ нынешнего Порт-Саида. Крестоносцы предавались иллюзиям, что судьба ислама на Ниле уже решена, а господство Креста там полностью гарантировано. В действительности же они сделали всего лишь первый шаг к этой цели, поскольку им по-прежнему противостоял султан со своими войсками, которые могли быть дополнительно усилены многочисленными воинскими контингентами братьев султана. Вопрос был окончательно решен, когда предводители войска крестоносцев поддались давлению кардинала-легата и решили завоевать Каир и покорить другие египетские земли. Султан, который до той поры путем обходных маневров избегал прямых военных столкновений, понял, что пробил час нанести поражение крестоносцам. Поначалу христианское войско двинулось вверх по течению Нила. Пройдя тридцать километров, оно сумело захватить город Шарм-аш-Шейх и продолжить наступление на расстоянии еще примерно двадцати пяти километров, пока их войско не остановилось в конце полуострова в дельте Нила между главным руслом реки и одним из ее рукавов. На другом берегу Нила стоял султан с сильным войском, готовый помешать переправе христиан.

Поскольку султан был достаточно миролюбивым человеком, он еще раньше сделал христианам мирное предложение. Теперь он повторил его, хотя на этот раз поставил им иные условия. Требовалось отказаться от ведения военных действий поначалу в течение тридцати, затем двадцати лет. Кроме того, он предложил возвратить христианам все королевство Иерусалимское, выплачивать им ежегодную дань в размере пятнадцати тысяч золотых, освободить всех имевшихся в Каире и Дамаске рабов-христиан и, наконец, предоставить крестоносцам столько денег, чтобы их хватило на восстановление в полном объеме оборонительных укреплений Иерусалиме, снесенных за последние десятилетия. Эти предложения были отклонены папским легатом. По стратегическим соображениям его поддержали также духовно-рыцарские ордены. Согласно их представлениям, не было никакой возможности защищать Восточную Иорданию, поскольку расположенные в Галилее замки были разрушены и не обеспечивали обороны Святой Земли, а пункт о возврате христианам крепостей Керак и Монреаль, расположенных на юге страны, не был включен султаном в мирные предложения. Так был упущен важный шанс. В случае принятия этих предложений удалось бы исправить ситуацию, сложившуюся после поражения «латинян» при Хиттине, и Иерусалим снова стал бы доступным для западных христиан без дальнейшего кровопролития.

Только после этого кардинал-легат Пелагий удосужился начать мирные переговоры с сарацинами, завершенные после долгих колебаний с той и с другой стороны. Хотя судьба христианского войска полностью зависела от милости или немилости султана Мисра, он оставался по-прежнему великодушным и готовым пойти христианам навстречу. В случае

заклучения мирного договора сроком на восемь лет султан был готов не только дать «франкам» беспрепятственно уйти, но и выпустить на свободу всех христианских пленников, находившихся в Египте и Сирии. От «латинян» же требовалось очистить Дамьетту и все другие захваченные ими египетские территории. Кроме того, они должны были освободить захваченных ими мусульманских пленников, и, кроме того, мир должен был быть подтвержден римско-германским императором Фридрихом II. Чтобы гарантировать соблюдение мирного договора, султан потребовал от крестоносцев обмена заложниками. Договор был заключен 30 августа 1221 года. Был произведен обмен заложниками, султан вместе со своими братьями и эмирами поклялся неукоснительно соблюдать договор. В качестве заложников он, наряду со своим сыном и наследником престола, передал «латинянам» ряд своих военачальников. Заложниками с христианской стороны выступили кардинал, король Иерусалимский Жан де Бриенн, магистры трех военно-монашеских орденов (госпитальеров, тамплиеров и тевтонов) и восемнадцать других видных представителей крестоносного воинства.

Поистине постыдной для христиан была та забота, которой султан окружил их разбитое войско. Он не только стал снабжать крестоносцев продовольствием, поскольку собственное продовольствие у них подошло к концу, но и перевез их вниз по Нилу на своих кораблях, а частично даже доставил в Аккон или на родину. Оливер Схоластик пишет об этом:

«Сей муж, чье сердце Господь побудил к подобным мягкости и милосердию, который, не будучи христианином, проявил столь много христианских качеств, казался призванным к тому, чтобы обратиться от ложной веры лжепророка к Христову Евангелию...»

Он направил султану письмо, в котором подробно ознакомил его с христианским учением и призвал его перейти в христианскую веру. Оливер, в частности, писал:

«От начала мира не было еще примера подобной доброты в отношении воинов, окруженных многочисленными врагами. Ибо, когда Господь предал нас в руки Твои, мы познали Тебя не как тирана или господина, но как отца-благодетеля, как помощника в опасностях, как друга наших предводителей, причастного нашим тяготам. Нашим вельможам, пребывавшим в Твоем лагере в качестве заложников, Ты воздал честь драгоценностями, коими в избытке владеет Египет, а, сверх того, щедрыми дарами, посещениями вместе с Твоими братьями, нам же, малым, не имевшими никакой защиты, ты ежедневно посылал от двадцати до тридцати тысяч хлебов и корм для вьючных животных, не требуя взамен никакой платы. Ты подвозил нам питание по мосту, который ты построил через реку и тем самым сделал для нас доступным то, что было нам недоступно. Ты оберегал нас и наше имущество, как зеницу ока. Если наши вьючные

животные сбивались с пути, их приводили обратно в наш лагерь и возвращали хозяевам. Ты распорядился за Твой собственный счет возвращать наших больных и слабых воинов по воде и по суше в порт Дамьетты, но важнее всего то, что Ты строго запретил обижать нас издевками, насмешками и какими бы то ни было проявлениями злорадства».

Неудача Крестового похода в Египет нанесла удар и по планам римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, обетовавшего возглавить Крестовый поход, но все время откладывавшего его осуществление. С учетом сложившейся новой ситуации, кайзер Фридрих направил в Аккон четыре корабля со своими посланцами на борту, чтобы посоветоваться с опытными мужами о дальнейших действиях. В число последних входили легат, Патриарх Иерусалимский и другие, в том числе Великие магистры орденов тамплиеров и иоаннитов. К сожалению для «фрнков», это совещание ни к чему не привело...

С. ПЕРВАЯ БИТВА В СЕКТОРЕ ГАЗА

В сентябре 1239 года в Аккон прибыл крупный свежий воинский контингент французских «вооруженных паломников». Крестоносцы-новички были преисполнены ратного духа, охвачены благочестивым воодушевлением и желанием сражаться за Святую Землю и требовали немедленно послать их в бой. Было решено идти походом на Египет. Вследствие своих отчаянно-храбрых, но неосторожных действий французский военный отряд был окружен египетским войском в области Газа; при попытке отступления рыцари, не способные маневрировать в песках пустыни на своих покрытых броней конях, были в пух и прах разбиты египтянами. При этом более тысячи «паломников» погибло и около шестисот было взято в плен. Пленные крестоносцы были проведены в триумфальном шествии по Каиру, а головы убитых воинов Креста выставлены на стенах этого города на всеобщее обозрение и поругание. Характерно, что представители духовно-рыцарских орденов, умудренные опытом, долго отговаривали крестоносцев от этого необдуманного похода и, осознав, что тех не переубедить, сами не приняли участия в египетской авантюре.

К счастью для владений крестоносцев в Земле Воплощения, властители соседних мусульманских государств ожесточенно враждовали между собой. В Дамаске правил султан Измаил, в Египте — его ненавистник Малик Айюб. Летом 1240 года Измаил, опасавшийся вторжения египетского султана в свои владения, предложил «франкам» заключить оборонительный союз, условия которого предусматривали возврат им сарацинами западноиорданской территории между Тивериадой и Сидоном с крепостями Бельфор, или Бофор (на территории современного Ливана) и Сафед (Сафад, нынешний Цфат на территории Израиля). Со своей стороны, крестоносцы должны были помочь Дамаску в отражении наступления египетского войска. Пере-

говоры, которые от имени всех «латинян» Святой Земли вели тамплиеры, были успешно завершены, и орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова, в качестве награды за свои услуги, получил крепость Сафед. Иоанниты сочли этот дар чрезмерным и затаили на тамплиеров злобу, обвинив их в «сговоре с неверными».

Вследствие общего для них недоверия к императору Фридриху II, оба военно-монашеских ордена на протяжении предшествовавших двенадцати лет держались сообща, хотя и скрепя сердце. Теперь же их союзу пришел конец, и каждый орден постарался превзойти другой в искусстве дипломатии. Иоанниты начали переговоры с Малик-Айюбом Египетским, который, со своей стороны, стремился, во что бы то ни стало, нанести поражение Измаилу Дамасскому, после чего намеревался распространить свою власть на всю Сирию. В качестве приманки Малик-Айюб предложил «франкам» освободить христианских пленников, захваченных египтянами под Газой, а также предоставить крестоносцам право занять и укрепить Аскалон. В качестве ответного шага Малик-Айюб потребовал от «франков» сохранять нейтралитет в его борьбе с властителем Дамаска. Предложение было принято.

Ярость тамплиеров не знала предела. С этого момента началось открытое враждебное противостояние обоих орденов — так, тамплиеры, к примеру, в течение шести месяцев осаждали своих противников в акконском Доме иоаннитов, и только вернувшемуся из Маргата Великому магистру ордена госпитальеров Пьеру де Вьей-Бриду удалось после долгих переговоров добиться снятия осады. Тогдашним вице-королем Иерусалимским был Ричард Корнуэльский, брат короля Генриха III Английского и одновременно — деверь римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена. Ричард согласился одобрить заключенный иоаннитами с Измаилом договор, с условием подтверждения передачи христианам торговых у Измаила территорий и возврата им также остальной части Галилеи, включая крепость иоаннитов Бельвуар, крепость на горе Фавор (Монтабор) и город Тивериаду.

Дипломатические игры обоих военно-монашеских орденов тем временем продолжалась. Теперь тамплиерам снова представилась возможность переиграть другие ордены. Искусно используя противоречия между враждебными друг другу исламскими государствами, храмовники повели переговоры как с властелином Дамаска, так и с султаном Каира. Таким образом, им удалось добиться от обоих партнеров согласия очистить находившийся все еще в руках мусульман Храмовый квартал Иерусалима со старой резиденцией ордена тамплиеров.

Т. ВТОРАЯ БИТВА В СЕКТОРЕ ГАЗА

Предысторией этой кровопролитной битвы послужило завоевание Иерусалима тюрками-хорезмийцами, вытесненными к описываемому времени повелителем монголов и татар победоносным Чингиз-ханом из далекой Средней Азии. Пройдя с боями всю Персию, Месопотамию и Малую Азию, хорезмийцы разгромили войска азербайджанских атабеков Эльдегезидов, а затем — армию православного Грузинского царства во главе с пользовавшимся славой непобедимого полководца амир-спахсаларом Иванэ и его не менее прославленным братом Закарэ. Пытаясь спастись бегством от хорезмийских клинков, грузинские ратники срывались с круч в пропасть и заполнили ее доверху своими окровавленными телами. Пленных грузин победоносные хорезмийцы, по приказу своего предводителя — султана Джелал-эд-Дина Менгбурны, или Менгуберти (вошедшего в историю как самый опасный враг и неукротимый соперник Чингиз-хана, которому он мстил за разгром и лишение власти своего отца — хорезмшаха Мухаммеда) — прямо на поле боя, под страхом немедленной смерти, подвергли обрезанию. По свидетельству армянского летописца Киракоса, два хорезмийца держали при этом одного пленного христианина за руки, а третий, оттянув крайнюю плоть «назарянина», обрезал ее прямо мечом, еще не остывшим от крови его соплеменников и единоверцев!

После победы над мусульманским Азербайджаном и христианской Грузией хорезмийцы, вырезавшие почти все население разрушенной ими грузинской столицы Тбилиси, вторглись на территорию Сирии и Палестины и вскоре установили контакты с айюбидским султаном Египта. Продвигаясь в южном направлении, хорезмийцы вторглись в Галилею, захватили Тивериаду, а затем — лишенный своих укреплений еще Салах ад-Дином и обороняемый слабым гарнизоном Иерусалим (ненадолго возвращенный «латинянам»

в результате не санкционированного папой римским Крестового похода римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, возложившего на себя в 1220 году корону королей Иерусалимских, невзирая на папское отлучение). Святой Град в очередной раз стал ареной ужасающей резни и грабежей. Хорезмийцами был осквернен Храм Живоносного Гроба Господня. Бренные останки «латинских» правителей Иерусалима, в том числе прах Готфрида Бульонского, потомка Кала Великого и предводителя Первого Крестового похода, были выброшены агарянами из гробниц, все христианские церкви разграблены и сожжены. В этот кровавый день — 11 июля 1244 года — западные христиане навсегда утратили власть над Святым Градом Иерусалимом.

Египетское войско под командованием Бейбарса — тогда еще не султана, а мамелюкского эмира — при поддержке отрядов хорезмийской конницы, развернулось в секторе Газа. Христианское войско соединилось под Акконом с воинством дамаского султана, а также с сарацинскими контингентами расположенных юго-восточнее Дамаска султанатов Хомс и Керак. Вступление крестоносцев в военный союз с сарацинами, против которых они, собственно говоря, были призваны сражаться по долгу службы, невозможно расценить иначе, как свидетельство полной утраты ими прежних ориентиров, упадка духа и общей внутренней нестабильности.

Ни разу с рокового дня битвы при Хиттине христианам Святой Земли не доводилось выводить в поле такое громадное войско, как на этот раз. Наряду с местным сирийским рыцарством, в состав армии пилигримов входили контингенты духовно-рыцарских орденов во главе с их Великими магистрами, в сопровождении значительных отрядов туркопулов и большого количества сержантов-сервиентов и пеших ратников. Численность объединившихся с христианским войском под Акконом мусульманских вооруженных сил составляла около двадцати пяти тысяч человек. Как и следовало ожидать, сарацины лишь вынужденно заключили военный союз с христианами и очень неохотно сражались против своих единомышленников.

Судьба сражения (вошедшего в сочинения «латинских» хронистов под названием «битвы при Ле Форби») была, по сути дела, решена в первом же столкновении, ибо мусульманские бойцы Дамаска, Хомса и Керака были, по выражению арабского современника и очевидца той битвы, попросту «развеяны, как пыль», тяжеловооруженными конными дружинами хорезмийцев. Вследствие этого мгновенного разгрома левый фланг христиан лишился мусульманского прикрытия, и хорезмийские всадники погнали крестоносцев в направлении египетского войска, так что «франки» оказались зажатыми с двух сторон в сарацинские клещи. В течение всего нескольких часов они были истреблены почти поголовно. Согласно тому же анонимному арабскому источнику, в плен было взято восемь сотен

христиан, в том числе Великий магистр ордена иоаннитов, Гийом де Шатонеф.

Что же касается потерь, то в этом кровопролитном сражении погибло никак не менее десяти тысяч крестоносцев (не считая потерь их мусульманских союзников), в том числе триста рыцарей из Антиохии и Триполи, триста рыцарей с Кипра, Великий магистр тамплиеров Арман де Перигор, а с ним — триста двенадцать рыцарей и триста двадцать четыре туркопула ордена Христа и Храма Соломонова. Иоанниты потеряли триста двадцать пять рыцарей и туркопулов. В результате, из участвовавших в битве вооруженных сил иоаннитов и тамплиеров уцелело всего-навсего пятнадцать человек, спасшихся от резни и плена. Из трех сотен братьев-рыцарей и «серых плащей» («услужающих братьев») Тевтонского ордена Святой Девы Марии, участвовавших в сражении под Газой, пали двести девяносто семь и вернулись из боя живыми только трое! Из дамасского войска султана Измаила в битве с египтянами и хорезмийцами пал каждый десятый, сам он едва спасся бегством в сопровождении всего пятерых соратников.

Вторая военная катастрофа, постигшая крестоносцев под Газой, была особенно болезненной не только из-за большого числа павших в этой битве христиан, но и вследствие утраты территорий, приобретенных императором Фридрихом II от мусульман путем переговоров. У «латинян» остались только несколько клочков земли на побережье Сирии и сильно укрепленных замков. Обладавший мощными оборонительными сооружениями и упорно обороняемый иоаннитами город Аскалон пал после ожесточенного сопротивления, только когда мусульманам, при помощи мощных осадных машин и многочисленных подкопов, удалось обратить его стены в груды развалин. При защите Аскалона рыцарям ордена госпитальеров также пришлось пролить немало крови, хотя и меньше, чем в битве под Газой.

Ф. ЧАС «ДАИСА»

Когда в конце XI века, в результате Первого Крестового похода, европейские крестоносцы овладели Святым Градом Иерусалимом и вернули под власть христиан большую часть Сирии и Палестины, владения сельджуков оказались отрезаны «франками» от моря. В их стане царила растерянность. «Горный старец» низаритов понял, что наступил удобный момент, чтобы ударить по Сирии (всегда, как тогда, так и сейчас, являвшейся лакомым кусочком для всякого рода захватчиков)...

Там он отыскал царственного покровителя.

Им оказался султан Халеба (современного Алеппо в Сирийской Арабской Республике) Ридван. Свирепый кровавый деспот и тиран, убийца своих братьев, постоянно враждовавший с соседями, он оказался меж двух огней. Его теснили крестоносцы, ему угрожали родственники. Ридван искал союзников где угодно. Когда эмиссары Гассана ибн Саббаха появились в Халебе и пообещали помощь могущественного «горного старца», он разрешил низаритам жить и проповедовать в своем городе.

Гассану ибн Саббаху, как обычно, были нужны опорные базы — замки и крепости. Ридвану надо было убирать врагов. Если кто-то согласится их убивать, он готов пожертвовать крепостями.

Через год властитель славного, древнего сирийского города Хомса пал жертвой дерзкого покушения. Он был пронзен среди бела дня на улице отравленными кинжалами сразу троих низаритов. В городе воцарилась такая паника, что многие жители бежали оттуда в столицу Сирии Дамаск (Димашки).

С этого дня один за другим погибали враги Ридвана. Убийцу иногда ловили, иногда убивали на месте преступления. Пойманные террористы не скрывали, что они — «фидайны», гвардия Гассана ибн Саббаха, и что им «сам черт (пардон — шайтан) не брат»...

С каждым новым политическим убийством низариты требовали от Ридвана все новых уступок и поблажек. Один из современников писал, что измаилита можно было узнать на улицах Халеба по спесивой походке и надменному виду. Низариты уже не скрывали своей твердой уверенности в том, что султан Ридван, обязанный им властью, заставит всех своих подданных перейти в «истинную веру», проповедуемую грешному миру скрытым имамом через Гассана ибн Саббаха.

Как и бывает в таких случаях, низаритов погубила излишняя самоуверенность. Они недооценили ненависть, которую вызывали в городе, нарушив правила элементарной осторожности.

Наконец случилось неизбежное. До низаритов дошло, что в город Халеб приезжает богатый персидский купец. Они решили его ограбить, облачив убийство с корыстными целями в идеологические одежды. Но перс был тоже готов к нападению, и у него была своя стража, которая смогла схватить убийц. В Халебе вспыхнуло народное восстание и началось поголовное избиение низаритов (а заодно — и всех других измаилитов). Большинство проживавших и пребывавших в городе измаилитов, не скрывавших своей конфессиональной принадлежности, было истреблено, мало кому удалось спастись бегством или укрыться у верных людей. Но сирийские замки и крепости остались в руках низаритов.

С течением лет, десятилетий и веков события и люди постепенно теряют свою индивидуальность, незаметно превращаясь в достаточно абстрактные категории. Оказывается, что в истории действовали не живые, конкретные люди, а некие обобщенные социальные силы. Люди же выполняли определенные функции.

Подобное историческое абстрагирование касается многих исторических событий и фигур. Приходится сталкиваться с этим, и когда читаешь труды об измаилитах вообще, о низаритах и о Гассане ибн Саббахе — в частности. Этого, по меткому выражению замечательного отечественного историка Игоря Всеволодовича Можейко, «чудовищного паука, сидящего в паутине Аламута и готового на любое преступление» ради укрепления власти своего тайного ордена, порой трактуют как бескорыстного борца за народное счастье. На основании того, что большинство его сторонников (особенно на первых порах) принадлежали не к феодальной знати, а к городским сословиям и простым хлеборобам, а убивал он (в основном) как раз представителей феодальной знати (преимущественно тюркской) и чиновничьей бюрократии (преимущественно иранской) — султанов и амиров, вазиров, полководцев, улемов и муфтиев, делается вывод об антифеодальной направленности его политики. Мол, в ходе массовых убийств в Исфагане низариты применяли против своих классовых врагов — представителей Сельджукской династии, тюркских феодалов и персидских бюрократов — метод тайных убийств. Как будто это представители

Сельджукской династии, тюркские феодалы и персидские бюрократы пешком, в полном одиночестве, бродили по вечернему Исфагану, ожидая, когда мнимый слепец затащит их в темный переулок. А события в Халебе, где горожане самосудом расправились с возгордившимися сверх всякой меры низаритами (а заодно — и со всеми измаилитами вообще), перешедшими к открытому грабежу (что их и погубило), порой расцениваются как расправа феодальных верхов города с демократами-низаритами. Как будто султан Ридван, который призвал низаритских убийц-«фидайнов» в Халеб и покровительствовал им, был врагом феодализма. Применение жесткой схемы в истории опасно тем, что исследователю приходится идти на несообразности, лишь бы схема восторжествовала.

Лишь схема заставляет утверждать, что в «измаилитском государстве была уничтожена политическая власть Сельджукидов, изгнана сельджукская администрация, традиционная форма правления — наследственная монархия — была заменена правлением Гассана и его сподвижников, выражавших интересы народных масс — ремесленников, городской бедноты и крестьян». Это, мол, были огромные достижения восставшего народа.

В действительности же «горный старец» (во всяком случае, в описываемый период), доступный лишь для узкого круга «посвященных» и «особо приближенных», сталкивался с «народными массами» крайне редко. «Народные массы», в рамках созданной им орденской схемы, нужны были исключительно для того, чтобы обеспечивать питанием и всем необходимым орденских убийц-«фидайнов» и пропагандистов — «даи(сов)», «великих миссионеров».

Тех представителей «народных масс», которые не желали этого делать, ожидали неминуемый удар измаилитского кинжала или удавка «фидайна». Всех несогласных с чем-либо в «единственно верном учении», низаритские боевики без лишних слов уничтожали, «вычеркивая имена недостойных из Книги Жизни». И никогда «народные массы» не «поднимались на классовую борьбу на стороне» шейха Гассана ибн Саббаха.

Х. ОСЕНЬ ПАТРИАРХА НИЗАРИТОВ

Проходили годы и десятилетия. «Горный старец» все больше старел. Он никогда не покидал «орлиного гнезда». Как и всякий тиран, Гассан ибн Саббах опасался убийц, потому что сам их готовил и знал, насколько трудно от них укрыться. Он опасался толп народа, опасался сам участвовать в военных действиях. «Даис» постоянно укреплял свой заоблачный замок и строил все новые крепости вокруг Аламутской долины.

Последние годы жизни «горного старца» прошли в тяжелых оборонительных боях с сельджукскими войсками. Султан Мухаммед был беспощаден к низаритам и неутомим в походах против их крепостей. События первых десятилетий XII века представляются нам в ретроспективе непрерывной цепью осад и штурмов, предательств и убийств. Но ситуация была поистине патовой, тупиковой. Сельджукские армии никак не могли истребить низаритов. Ни в городах, где продолжала действовать законспирированная сеть низаритских лож-ячеек, ни в крепостях, которые были отлично расположены и укреплены, снабжены продовольствием, водой и всем необходимым. И даже если низариты теряли крепости, они захватывали новые — в Иране, Ираке, Сирии, Палестине...

Но беда низаритов как раз и заключалась в том, что им самим казалось их главной силой — в желании захватить как можно больше крепостей. Паучий характер их «горного шейха» привел к тому, что измаилиты стремились к созданию конспиративной организации, не имевшей лозунгов, которые могли бы поднять народ. Гассан ибн Саббах добился ряда побед. Но множество маленьких побед не ведет к одной большой победе. Множество крепостей — это все-таки не страна. Ни одно из восстаний, которые низариты поднимали вне крепостей, к успеху не привело. А какими бы неприступными ни были крепости — в конце концов,

они все равно были обречены на падение. Низариты избрали стратегию обороны (как и «франкские» рыцари римско-католических военно-духовных орденов в Сирии и Палестине). Это была изумительно организованная оборона, а потому их крепости держались долго. Но, в конце концов, они должны были неминуемо пасть (как и крепости «франков»).

Однако и султан Мухаммед был далеко не всемогущ. Его борьба с низаритами, хотя и носила крайне ожесточенный, упорный характер и сопровождалась невероятными жестокостями (творимыми, впрочем, как следует признать, обеими противоборствующими сторонами), велась относительно малыми силами. В основном в ней участвовали сельджукские феодальные ополчения тех областей державы Мухаммеда, в которых стояли низаритские крепости. Со смертью султана Мухаммеда борьба сельджуков с низаритами велась sporadически — уж очень плохи были дела в самой Сельджукской державе.

С другой стороны, если бы учение Гассана ибн Саббаха было столь близко народным массам, как утверждают историки, поднимающие «горного старца» на щит как «друга и учителя обездоленных», то именно в обстановке распада сельджукского государства, казалось бы, пришло время поднять восстание по всему Ирану. Однако ничего подобного не произошло. «Крепостная держава» Гассана ибн Саббаха все более замыкалась в стенах цитаделей и раздиралась внутренними конфликтами.

Как ни странно, повинен в этом был сам «горный старец» низаритов.

К описываемому времени «даис» стал старцем не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова. За последние тридцать пять лет своей жизни «горный шейх» ни разу не спустился с аламутского утеса на грешную землю. Всецело овладевшее им сознание собственной непогрешимости достигло уровня паранойи — обычного недуга всех диктаторов и деспотов нашего мира. «Горный старец» довольствовался лишь теми сведениями о событиях в мире, происходящих за стенами Аламута, которые приближенные доставляли в его «горное гнездо». А приближенные «даиса» уже потихоньку начали делить власть. В этом дележе участвовали и сыновья Гассана ибн Саббаха, считавшие себя законными наследниками престола. Однако для «горного старца» перед лицом величия ордена не существовало отцовских (и вообще родственных) чувств, и сыновей своих он не жаловал. И если бы он узнал, что от них исходит угроза его власти над орденом, он расправился бы с сыновьями, не колеблясь ни минуты. «Шхеранул бы их со страшной силой», как выражается современная молодежь...

И этот час настал. Один из приближенных «горного старца» замыслил против него заговор. Лицемерно (что-что, а уж лицемерить-то низариты умели!) изображал из себя верного слугу и преданного друга Гассана ибн Саббаха, заговорщик ухитрился подстроить убийство старого соратника

«горного старца» — наместника Кухистана, вернейшего из верных, прозвешшее на «даиса» удручающее впечатление. Затем коварный кознодей представил одержимому манией преследования Гассану сфабрикованные им «неопровержимые доказательства», что покушением на наместника Кухистана руководил не кто иной, как сын «горного старца» Устад собственной персоной. Расчет изощренного интригана оказался безошибочным. Охваченный гневом и страхом за собственную драгоценную жизнь, Гассан ибн Саббах без долгих разбирательств приказал предать Устада лютой казни. Однако по прошествии некоторого времени Гассан ибн Саббах получил от других приближенных столь же неопровержимые доказательства того, что сын его был подло оклеветан. Тогда шейх низаритов приказал замучить подлого клеветника, а заодно и его сыновей — чтоб другим неповадно было...

С течением лет жизнь на аламутском утесе становилась все более суровой. Как-то раз «горный старец» услышал ночью из своей кельи, как кто-то в крепости играет на свирели. Гассан вызвал стражу и приказал найти нарушителя установленного в «орлином гнезде» строжайшего запрета на музыку и музыкальные инструменты. Им оказался молодой «фидаин». С тех пор его никто не видел. Незадолго до смерти Гассан ибн Саббах узнал, что его второй сын, Мухаммед, которому, подозревая его в изменнических планах, он приказал жить в Аламуте, хранит у себя в келье кувшин вина (что было также строжайше запрещено). Был произведен обыск, кувшин найден. Мухаммед клялся и божился, что кувшин ему подбросили враги. Но «горный старец», охваченный сильнейшим приступом гнева, несмотря на слезные мольбы жены, приказал тут же, у себя на глазах, отсечь голову нечестивцу Мухаммеду, нарушившему законы шариата и орденский устав. По другой версии, «даис» собственноручно столкнул своего сына с утеса в пропасть за гораздо меньшее преступление, чем тайное винопитие — молодой человек якобы прихватил с собой в «орлиное гнездо» с грешной земли цветок ромашки! Как бы то ни было, «горный старец» ради «чистоты идеологических риз», не дрогнув, погубил своих собственных сыновей.

Ц. ДЕЛА АЛАМУТСКИЕ

«Худжже» (то есть «ходже» — всякий мусульманин, совершивший паломничество в Мекку имел право на этот почетный титул, и окружающие почтительно обращались к нему: «Хаджи»; не известно, довелось ли «горному старцу» побывать в Мекке, но его называли «ходжой») Гассану ибн Саббаху шел восьмой десяток, и он по-прежнему не покидал своей крепости.

Распорядок жизни в Аламуте, завеленный раз и навсегда, никогда не менялся. В назначенное время «горный старец» отодвигал тяжелый засов, которым была закрыта на ночь его келья изнутри. Юные «фидаины», безмолвные и послушные, вносили воду для омовения и легкую пищу — «горный старец» всегда был умерен в еде и этим гордился. Он никогда не поворачивался к своим верным «фидаинам» спиной — как бы чего ни вышло... Коров, чье молоко пил «горный старец», держали в крепости — старец боялся отравы. В крепости же пекли для него лепешки-чуреки. «Даис» никогда не ел «кебаба» (жареного мяса) и, разумеется, не пил ни вина, ни других хмельных напитков.

После легкого завтрака, «горный старец» держал совет с приближенными, вызывал к себе комендантов низаритских крепостей, докладывавших ему о положении дел на местах. Порой он устраивал испытания «фидаинам» и заставлял их биться на кинжалах или других видах оружия. Фидаины должны были ничего не бояться, и менее всего — смерти.

Следует заметить, что Гассан ибн Саббах установил в Аламуте суровый образ жизни не только для себя, но и для всех без исключения. Первым делом он демонстративно, в период мусульманского поста рамадан, отменил на территории своего государства все законы шарията. За малейшее отступление от правил грозила смертная казнь. Хозяин Аламута ввел для всех членов низаритского ордена

строжайший запрет на любое проявление роскоши. Ограничения касались всего: пиров, охоты (в том числе охоты с соколами и гепардами — любимого развлечения мусульманских «фарисов»), внутреннего убранства домов, дорогих нарядов и т. п. Суть запретов сводилась к тому, что в богатстве терялся всякий смысл. Зачем оно нужно, если его нельзя использовать?

На первых этапах существования Аламутского орденового государства Гассану ибн Саббаху удалось создать нечто, похожее на средневековую утопию, которой не знал исламский мир и о которой даже не задумывались европейские мыслители того времени. Таким образом, он фактически свел на нет разницу между низшими и высшими слоями современного ему мусульманского общества. По мнению некоторых историков, орденовое государство исмаилитов-низаритов сильно напоминало коммуны, с той разницей, что власть в ней принадлежала не общему совету вольных тружеников, а все-таки авторитарному духовному лидеру-вождю.

Как уже указывалось выше, сам Гассан ибн Саббах подавал своим приближенным личный пример, до конца своих дней ведя чрезвычайно аскетичный образ жизни. В своих решениях он был последователен и, если того требовало дело ордена, бессердечно жесток. Поэтому приведенное выше сказание о том, что шейх низаритов приказал казнить одного из своих сыновей лишь по подозрению в нарушении им установленных законов, представляется вполне правдивым.

Объявив о создании орденового государства, Гассан ибн Саббах отменил все введенные в свое время Сельджукидами налоги, а вместо них приказал подданным низаритского ордена бесплатно строить дороги, рыть каналы и возводить неприступные крепости. По всему миру его агенты-проповедники скупали редкие книги и манускрипты, содержавшие различные знания. «Горный старец» приглашал или похищал в свою крепость лучших специалистов различных областей науки, начиная от инженеров-строителей, заканчивая медиками и алхимиками. В низаритском «орлином гнезде» прожил долгие годы выдающийся астроном, математик и философ Насир ад-дин ат-Туси (1201–1274), создав в Аламуте целый ряд научных трудов. По иронии судьбы, именно ат-Туси в 1256 году способствовал сдаче измаилитских крепостей монголо-татарам, а сам перешел на службу к монгольскому хану Персидской орды Хулагу, став его советником и астрологом. Но это так, к слову...

Военные инженеры низаритского ордена сумели создать систему фортификационных сооружений, не имевшую себе равных в тогдашнем мусульманском (да, пожалуй, и в христианском) мире, а разработанная ими концепция обороны вообще на несколько веков опередила свою эпоху. Сидя в своей неприступной горной крепости, Гассан ибн Саббах рассылал своих убийц-смертников по всему государству Сельджукидов.

Во всех концах исламского мира по поручению Гассана ибн Саббаха, рискуя собственными жизнями, действовали многочисленные проповедники учения низаритов.

«Горный старец» объявил себя пророком. Для низаритов он был наместником Аллаха на земле, глашатаем его священной воли (хотя и сообщаемой ему «скрытым имамом», но ведь этого «скрытого имама» никто не видел). Гассан ибн Саббах внушал своим адептам, что они могут попасть в райские сады, минуя чистилище, лишь при одном условии: приняв смерть по его непосредственному приказу. Он не переставал повторять изречение в духе пророка Мухаммеда: «Рай покоится в тени сабель». Таким образом, низариты не только не боялись смерти, но страстно ее желали, ассоциируя ее с долгожданным раем.

Вообще, Гассан ибн Саббах был непревзойденным мастером фальсификации. Иногда он использовал не менее эффективный прием убеждения или «промыывания мозгов». В одном из залов Аламутской крепости, над скрытой ямой в каменном полу, было установлено большое медное блюдо с аккуратно вырезанной по центру окружностью. По приказу Гассана ибн Саббаха, один из низаритов прятался в яме, просовывая голову через вырезанное в блюде отверстие, так, что со стороны, благодаря искусно наложенному гриму, казалось, будто бы она отсечена. В зал приглашали молодых адептов ордена и демонстрировали им «отсеченную голову». Неожиданно из темноты появлялся сам Гассан ибн Саббах и начинал совершать над «отсеченной головой» магические пассы, произнося на «непонятном», «потустороннем», «ангельском» (Джон Ди или Алистер Кроули сказали бы — «енохианском») языке таинственные, зловещие заклинания. После этого, «мертвая голова» открывала глаза и начинала говорить. Ибн Саббах и остальные присутствующие задавали вопросы относительно возможности обретения ими райского блаженства, на которые «отсеченная голова» давала более чем оптимистические ответы. После того, как приглашенные покидали зал, помощнику Гассана ибн Саббаха отрубали голову (уже по-настоящему) и на следующий день выставляли ее напоказ перед воротами Аламута.

Или другой эпизод: доподлинно известно, что у Гассана ибн Саббаха имелось несколько двойников. На глазах у сотни рядовых низаритов двойник, одурманенный наркотическим зельем, совершал показательное самосожжение. Таким способом Гассан ибн Саббах якобы возносился на небеса. Каково же было удивление непосвященных в его тайны низаритов, когда на следующий день «горный старец» предстал перед восхищенной толпой целым и невредимым.

«Фидайны» готовились к участи убийц (а точнее говоря, в большинстве случаев — самоубийц) в обширном замке Ламасар, где были разбиты сады и цветники, среди которых били фонтаны. Этот мир был отделен высокой

стенной от остальной крепости. В саду мог отдыхать лишь Кийя Бузург (Бозорг) Умид, комендант Ламасара, преданный Гассану перс, хитрый и упрямый, обладавший чудовишной физической силой. В сад отправляли «фидайнов» перед тем, как они уходили убивать — сад символизировал рай, куда они попадут, если погибнут, выполняя свой долг перед орденом. Одурманенным гашишем (или, по мнению ряда исследователей, опийным маком) молодым волкам казалось, что и в самом деле им удалось заглянуть в пределы рая. На роль райских красавиц-гурий Кийя Бузург Умид брал девушек из дейлемитских деревень (обычай дейлемитов позволяли девушкам иметь половые сношения с мужчинами до свадьбы). Подготовка фидайнов занимала долгие годы. Их выбирали из наиболее темных горцев, а сложная система обработки юного организма, пока человек не превращался в фанатичного, терпеливого и послушного убийцу, была придумана самим Гассаном ибн Саббахом и доведена до совершенства Кийя Бузург Умидом.

Кроме «идеологической подготовки», «фидайны» много времени проводили в ежедневных изнурительных тренировках. Будущий «фидайн-смертник» был обязан прекрасно владеть всеми видами оружия: метко стрелять из лука, фехтовать на саблях и мечах, биться на кинжалах, топорах и булавах, метать ножи и драться голыми руками. Он должен был превосходно разбираться во всевозможных ядах. «Курсантов» школы убийц заставляли по много часов и в зной, и в лютую стужу сидеть на корточках или неподвижно стоять, прижавшись спиной к крепостной стене, чтобы выработать у будущего «носителя возмездия» терпение и силу воли. Каждого «фидайна»-смертника готовили для «работы» в строго определенном регионе исламского (а впоследствии — и не только исламского) мира. В программу его обучения входило также изучение языка (или нескольких языков) того государства, в котором его могли задействовать.

Особое внимание уделялось актерскому мастерству — талант перевоплощения у «фидайнов» ценился не меньше, чем боевые навыки. При желании они умели изменяться до неузнаваемости. Выдавая себя за бродячую цирковую группу, монахов христианского духовного (клерикального) ордена, врачей, суфиев, дервишей, восточных торговцев или местных дружинников, «фидайны» пробирались в самое логово врага, чтобы поразить там свою жертву. Как правило, после выполнения приговора, вынесенного «горным старцем», «фидайны» (в отличие от японских ниндзя, или «воинов-теней») даже не пытались скрыться с места покушения, с готовностью принимая смерть или убивая себя самостоятельно. Саббахиты, или «люди горных крепостей», как часто называли «фидайнов», даже находясь в руках палача и подвергаясь изуверским средневековым пыткам, обжигаемые огнем и раздираемые острым железом, старались сохранять улыбку на лице.

Ч. О ГАШШИШИНАХ И ГАШИШЕ

Именно самоубийцы-«фидайны» сохранили в веках мрачное имя Гассана ибн Саббаха. От них и получили измаилиты прозвище «ассасины»: обычно считается, что так трансформировалось в устах крестоносцев слово «гашиш», которым «фидайнов» одурманивали перед тем, как отправить на боевое задание. В западных языках это слово осталось по сей день. «Ассасин» в английском и французском языках значит «убийца» (преимущественно — наемный). И, произнося это слово сегодня, англичанин и не подозревает, что имеет в виду молодого фанатика, который некогда спешил в Багдад, Каир или Триполи, чтобы выполнить волю «горного старца».

Согласно весьма распространенным представлениям, название «ассасин» («гашашим», «гашишим», «гашшишим»), произошло от обычая низаритов приводить себя в кровожадный экстаз гашишем и другими наркотиками. Если это действительно так, то речь идет о первом исторически засвидетельствованном целенаправленном использовании, с целью массового зомбирования людей, галлюциногенных препаратов, а именно (или — в первую очередь) гашиша. Сторонники данной версии считают, что именно от наркотика гашиша (ароматического смолистого вещества, выделяемого верхушками стеблей женских особей индийской конопли; разрушительно действующего на организм наркотического средства, вызывающего опьянение с галлюцинациями) соплеменники стали называть низаритов «гашишинами» («хашшашим»), а «франки»-крестоносцы — искаженным словом «ассасины».

«Википедия» утверждает, что «ассасины — наименование, под которым получили широкую известность в Средние века и в настоящее время измаилиты-низариты (шиитская ветвь ислама). Название связано с комплексом расхожих представлений о низаритах как о террористической секте,

члены которой, одурманенные наркотиком фанатики, совершают многочисленные убийства на политической и религиозной почве. Слово «ассасин» вошло во многие европейские языки и понимается как наемный убийца».

А знаменитый отечественный востоковед академик Василий Владимирович Бартольд однозначно утверждал в примечаниях к русскому изданию книги венецианского путешественника Марко Поло (М., 1955, с. 266): «Название секты было хашишин, от одуряющего напитка (именно напитка, а не курева! — В.А.) хашиш (гашиш). Убийства измаилитов получили такую известность, что от названия их секты произошло французское слово *assasin* — убийца».

Рассмотрим несколько подробнее, насколько данная версия происхождения названия «ассасин» согласуется с историческими фактами:

Употребление слова «гашишийа» («хашишийа») по отношению к низаритам прослеживается в письменных источниках с начала XII века. Именно к этому времени относится обострение полемики между двумя основными течениями измаилизма — низаритами и утвердившимися в фатимидском Египте мусталитами (о чем было упомянуто выше). В одном из сочинений, написанных в Египте в период правления фатимидского халифа Аль-Амира, в 1122 году, сирийские низариты были впервые названы «хашишийа». Этот термин был снова употреблен по отношению к сирийским низаритам в сельджукской хронике «Нусрат ал-фатра» (1183), а также в трудах историков Абу Шама (умер в 1267 году) и Ибн Муйассара (умер в 1278 году). Персидские низариты аламутского периода также именовались (в частности, во враждебных им зайдитских сочинениях) «гашиши» («хашиши»). Во всех названных источниках не содержится обвинений низаритов в употреблении ими гашиша; слово «хашишийа» (которое можно истолковать не только как «употребляющие трав(к)у», в смысле, «наркоманы», но и как «пожиратели травы», «травоеды») использовалось в уничижительных значениях — «чернь, низшие классы», «социальные маргиналы», «парии», «отбросы общества» и «неверующие». Существует широко распространенное, но не подтвержденное документально и потому, возможно, ошибочное мнение, что кандидата приглашали в келью Гассана ибн Саббаха и одурманивали гашишем, отчего и пошло название «ассасин». Как уже говорилось выше, по мнению ряда исследователей, на самом деле, в ритуальных действиях низаритов, вопреки легендам, использовался не гашиш, но опиумный мак. А приверженцев Гассана ибн Саббаха прозвали «гашишшинами», то есть «травоедами», намекая на характерную для низаритов бедность (они, мол, «от бедности пожирают траву, подобно неразумным скотам»).

К началу XII века относятся первые контакты сирийских низаритов с крестоносцами. Именно со времен главы сирийских низаритов Рашид ад-Дина Синана (1163–1193) в сочинениях «франкских» летописцев и путешественников впервые появляется термин «ассасин» (в упомянутой

выше книге венецианского путешественника Марко Поло «О разнообразии мира» — «асасин», с одним «с»), производный от «гашишин» («хашишин»).

К середине XIV века слово «ассасин», обозначавшее «член тайного общества, действующего в Сирии» (поскольку именно с сирийскими и палестинскими низаритами пришлось иметь дело «франкам»), приобрело в итальянском, французском и других европейских языках новое значение: профессиональный убийца, иногда также: злодей, разбойник, предатель; французское «асасэн», английское «асэсин»; испанское «асесино», итальянское: «асасино», португальское «асасину» и т.д.

Самое подробное — правда, относящееся уже к последним годам существования державы низаритского ордена на Ближнем и Среднем Востоке — описание того, как готовили «фидаинов» (уже не при самом Гассане ибн Саббахе, а при одном из его преемников), оставил нам Марко Поло (1254-1324). К этому времени методы низаритов и образ их жизни были уже настолько хорошо известны на Ближнем Востоке, что сведения Марко Поло, очевидно, отвечают действительности. Марко Поло (а точнее — не он сам, а его товарищ по заключению в генуэзской тюрьме, пизанец Рустичелло, или Рустичиано, которому Марко диктовал историю своих странствий) писал:

«В стране Мулект в старину жил горный старец. Мулект (Мулид, Мульхид — В.А.) значит жилище арамов (от арабского «харам» — «запрещенный, незаконный»; от этого же слова, кстати, происходит и знакомое всем нам слово «гарем», то есть «место, запретное для всех, кроме законного супруга» — В.А.). Все, что Марко рассказывал, то и вам передам: а слышал он об этом от многих людей. Старец по-ихнему назывался Ала-один (Марко Поло имел в виду предпоследнего «горного старца» и имама низаритов Алла эд-Дина Мухаммеда, о котором пойдет речь далее — В.А.). Развел он большой, отличный сад в долине, между двух гор; такого и не видано было. Были там самые лучшие в свете плоды. Настроил он там самых лучших домов, самых красивых дворцов, таких и не видано было прежде: они были золоченые и самыми лучшими в свете вещами раскрашены. Провел он там каналы; в одних было вино, в других молоко, в третьих мед, а в иных вода. Самые красивые в свете жены и девы были тут; умели они играть на всех инструментах, петь и плясать лучше других жен.

Сад этот, толковал старец своим людям, — есть рай. Развел он его таким точно, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадет, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меду и воды. Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам; и тамошние сарацины верили, что этот сад — рай. Входил в него только тот, кто пожелал сделаться асасином. При входе в сад стояла неприсутпная крепость, никто в свете не мог овладеть ею; и другого входа туда не было.

Содержал старец при своем дворе всех тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы под стражею и знали понаслышке, что Мухаммед, их пророк, описывал рай точно так, как я вам рассказывал. И чтот еще вам сказать? Приказывал старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию, по четыре, по десяти, по двадцати, и вот как: сперва их напоят (о гашише — ни слова! — В.А.); сонными брали и выводили в сад; там их и будили.

Проснется юноша, и как увидит все то, что я вам описывал, по истине уверует, что находится в раю, а жены и девы весь день с ним, играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют; все, что захочет, у него есть; и не вышел бы оттуда по своей воле. Двор свой горный старец держит отлично, богато, живет прекрасно; простых горцев уверяет, что он пророк; и они этому, по истине, верят.

Захочет старец послать куда-либо кого из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить (о гашише опять-таки ни слова! — В.А.) столько юношей, сколько пожелает; когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец. Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая по своей воле они никогда не вышли бы. Идут они к старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему кланяются; а старец их спрашивает, откуда они пришли. Из рая, отвечают юноши и описывают все, что там, словно как в раю, о котором их предкам говорил Мухаммед; а те, кто не был там, слышат все это, и им в рай хочется; готовы они и на смерть, лишь бы только попасть в рай; не дождутся дня, чтобы идти туда. Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих асасинов, посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел, тот возвращается ко двору; случается, что после смертоубийства они попадают в плен и сами убиваются.

Вернутся к своему повелителю те, что спаслись, и рассказывают в точности, как дело сделали; а старец устраивает пир да веселье великое; смельчаков он хорошо знает; за каждым из посланных он отряжает особых людей, и они ему доносят, кто смел и ловок в душегубстве. Захочет старец убить кого-либо из важных или вообще кого-нибудь, выберет он из своих асасинов и, куда пожелает, туда и шлет его. А ему говорит, что хочет послать его в рай и шел бы он поэтому туда-то и убил бы таких-то, а как сам будет убит, то тотчас тже попадает в рай. Кому старец так прикажет, охотно делал все что мог; шел и исполнял все, что старец ему приказывал. Кого горный старец порешил убить, тому не спастись. Скажу вам по правде, много царей и баронов из страха платили старцу дань и были с ним в дружбе».

В своей книге Марко Поло не конкретизирует название средства, которым опьяняли юношей; однако французские писатели-романтики се-

редины XIX века были уверены, что это гашиш. Именно в таком ключе пересказывает легенду о «горном старце» граф Монте-Кристо в одноименном романе Александра Дюма-отца. По его словам, старец «приглашал избранных и угощал их, по словам Марко Поло, некоей травой, которая переносила их в эдем (райский сад — В.А.), где их ждали вечно цветущие растения, вечно спелые плоды, вечно юные девы. То, что эти счастливые юноши принимали за действительность, была мечта, но мечта такая сладостная, такая упоительная, такая страстная, что они продавали за нее душу и тело тому, кто ее дарил им, повиновались ему, как богу, шли на край света убивать указанную им жертву и безропотно умирали мучительной смертью в надежде, что это лишь переход к той блаженной жизни, которую им сулила священная трава».

Таким образом, была создана одна из ключевых легенд о гашише, существенно повлиявшая на его восприятие в западной культуре. Вплоть до 1960-х гг. психотропные препараты конопли воспринимались массовым сознанием как снадобье, дарящее райское блаженство, убивающее страх и возбуждающее агрессию. И лишь после того как употребление этих препаратов стало массовым, романтический миф был развенчан, хотя его отголоски до сих пор кочуют по публикациям популярной прессы.

Итак, подведем необходимый итог. Существует три основные версии происхождения слова «ассасины».

Версия первая: слово «ассасины» (хашашины, хашишины, хассасины, гашишины, гашшишины) происходит от арабского слова «хашиши», множественное число: «хашишийя» или «хашишийун» — «употребляющий хашиш (гашиш)».

Версия вторая: слово «ассасины» происходит от арабского слова «хасанийун», означающего «гассаниты» («хасаниты»), то есть последователи Гассана (Хасана) ибн Саббаха.

Версия третья: название «ассасин» («гашшашин», «гашшишим», «хашшашин», «хашшишим») происходит от арабского слова «гассас» («хасас»), означающего «основа», «истина». В соответствии с этой, третьей, версией, «гассасин», или «хассасин» («ассасин» европейских языков) — означает не что иное, как «искатель истины».

Сегодня мы знаем совершенно точно, что «горные старцы» — не легендарные, а реальные исторические персонажи, что они действительно правили в XI–XIII веках своей раскинувшейся по всему мусульманскому Востоку «невидимой империей» из горной иранской крепости Аламут; они принадлежали к низаритскому толку исламской шиитской секты измаилитов и решали свои внешнеполитические проблемы с помощью террористов-смертников. Однако о том, что в их подготовке применялся наркотик гашиш, нет никаких достоверных исторических свидетельств.

Ш. ОБ «АКТАХ СПРАВЕДЛИВОГО ВОЗМЕЗДИЯ»

Слухи о «горном старце» очень быстро распространились далеко за пределы исламского мира. Многие из европейских правителей платили дань, желая избежать его гнева. Ибн Саббах рассылал по всей средневековой ойкумене своих убийц, никогда не покидая, впрочем, как и его последователи, своего горного убежища. В Европе всех предводителей гашшашингов в суеверном страхе называли «старцами горы» (на наиболее распространенном среди крестоносцев старофранцузском языке: *le Vieil de la Montaigne*, по-немецки: *der Alte vom Berge* и т.д.), часто даже не подозревая, кто именно в данный момент занимает пост Верховного Владыки низаритов. Почти сразу после образования ордена, Гассан ибн Саббах смог внушить всем правителям, что от его гнева невозможно укрыться. Осуществление «акта божьего возмездия» — это лишь вопрос времени.

Примером «отсроченного акта возмездия» может служить характерный случай, дошедший до наших дней благодаря многочисленным преданиям, передаваемым из уст в уста уцелевшими хашшашинами (со времен первого гашшишина-смертника Бу Тахира Аррани, убийцы сельджукского вазира Низам аль-Мулька, память о погибших за «святую идею» тщательно хранилась и почиталась последующими поколениями гашшишинов). «Фидайны» долго и безрезультатно охотились за одним из могущественных «франкских» князей (скорее всего, речь шла о князе Раймунде I Антиохийском, действительно убитом низаритами, но подлинная история обросла легендарными подробностями; иногда летописцы делают героем аналогичной истории графа Триполитского или даже одного из герцогов Баварских). Охрана «франкского» вельможи была организована настолько тщательно и скрупулезно, что все попытки убийц приблизиться к жертве неизменно терпели неудачу. Во избежание отравления или иных «коварных восточных

ухищений», ни один чужак не мог не только подойти к князю, но и приблизиться ко всему, чего могла коснуться его рука. Пища, которую принимал «латинский» князь, предварительно опробовалась специальным человеком — отведывателем государевых блюд («мундшенком»). День и ночь возле него находились вооруженные до зубов телохранители. Даже за большие богатства гашшишинам не удавалось подкупить кого-либо из охраны...

Тогда Гассан ибн Саббах применил иной метод. Зная, что «франкский» вельможа был ярым католиком (как и полагалось всякому уважающему себя крестоносцу), «горный старец» отправил в Европу (в действительности же — вероятно, все-таки в Антиохию, расположенную на азиатской территории близ нынешней турецко-сирийской границы), двух молодых людей, которые по его приказу обратились в христианство, благо, принятая среди шиитов практика «такийя» (о которой мы уже упоминали выше) позволяла им принимать Святое Крещение для достижения священной цели. В глазах всех окружающих они стали «истинными католиками», ревностно соблюдавшими все христианские посты. В течение двух лет они каждый день посещали местный римско-католический собор, проводя долгие часы в молитвах, стоя на коленях. Ведя строго канонический образ жизни, молодые люди регулярно отпускали собору щедрые пожертвования. Их дом был круглые сутки открыт для любого страждущего. «Фидайны» понимали, что единственную узкую брешь в охране вельможи можно найти во время воскресного посещения им местного католического собора.

Убедив всех окружающих в своей «истинной христианской добродетели», новообращенные псевдокатолики стали чем-то само собой разумеющимся, неотъемлемой частью посетителей собора. Охрана перестала обращать на них должное внимание, чем незамедлительно и воспользовались убийцы. Однажды, во время очередного воскресного богослужения, одному из «фидайнов» удалось приблизиться к «франкскому» князю и неожиданно нанести ему несколько ударов кинжалом. Охрана молниеносно среагировала, и нанесенные гашшишином удары пришлись в руку и плечо, не причинив вельможе серьезных ранений. Однако второй «фидайн», находящийся в противоположном конце собора, воспользовавшись суматохой и вызванной первым покушением всеобщей паникой, подбежал к жертве и нанес ей смертельный удар отравленным кинжалом в самое сердце. Убийца был тут же прикончен охраной, но убитого государя было уже не воскресить...

Как уже говорилось, в сохранившемся перечне жертв измаилитов фигурируют в основном султаны, амиры, вазирь, полководцы, улемы и муфтии. Мелкая сошка — чиновники, муллы, офицеры или горожане — чаще всего погибали бесследно. Никто никогда не узнает, сколько же всего

человек пало от отравленных кинжалов и других орудий убийства «фидаинов» низаритского тайного ордена.

«Фидаинами» был убит известный иранский ученый, «отец прекрасных свойств и качеств» Абу-ль-Махасин, возвысивший свой голос против учения Гассана ибн Саббаха и тем навлекший на себя неотвратимый гнев «горного старца» (не выносившего ни малейшей критики в свой адрес); они убили восемь владетельных государей, включая троих халифов (в том числе фатимидского халифа Египта Амра ибн Мустали — своего же измаилита, но, увы, не низарита, а всего лишь мусталита! -, а также аббасидских багдадских халифов Мустаршида Билл-л-лаха и его сын Рашида — ну, им, как суннитам, туда и дорога!), сельджукского султана Ирака Дауда, падишаха гурджийцев Гуршасфа, падишаха Мазандерана Горбаза ибн Али ибн Шахрияра — и это не считая сельджукского султана Малик-шаха, которого, несмотря на все подозрения, падающие на низаритов, теоретически могли отравить и не измаилиты, а кто-то еще!); низаритами были убиты сын азербайджанского атабека из рода Эльдегезидов Аксонкор Ахмедиль; сын повелителя татаро-монголов Чингиз-хана — Чагатай (Джагатай), а возможно — и другой его сын — Джучи (Зучи) -, многие более мелкие восточные владыки; шесть вазиров (в том числе неоднократно упоминавшийся нами выше злополучный главный вазир сельджукского султана Низам аль-Мульк и вазир султана Баркьярука — Абу ль-Фатх); сыновья вазира Низам аль-Мулька — Ахмед и Фахр аль-Мульк; несколько вали (наместников областей), правителей городов, начальников городской стражи, немало видных духовных лиц. Погибли от кинжалов ассасинов также два «латинских», или «франкских», государя — предводители крестоносцев князь Раймунд I Антиохийский (в 1105 году) и маркграф (маркиз) Конрад Монферратский (в 1192 году).

Воистину, не открытая война, а тайные убийства упрочили власть этой секты международных террористов, без малейших колебаний обративших свои отравленные кинжалы даже против фатимидских халифов Египта, чью династию они в свое время привели к власти. Брат Конрада Монферратского, Райнер, ухитрившийся на службе у ромейского императора Мануила I Комнина (предполагаемого адресата письма пресвитера Иоанна, о котором у нас пойдет речь далее) дослужиться до важнейшего в Ромейской василии титула кесаря и получить в жены сестру василевса — Марию -, платил «крышевавшим» его низаритам регулярную дань — плату за сохранение жизни.

Мало того! Даже в военном лагере упоминавшегося выше знаменитого предводителя крестоносцев, римско-германского императора, короля Сицилийского и Иерусалимского Фридриха II Гогенштауфена (объявившего себя заодно на православно-греческий манер «василевсом ромеев» и прозванного его заклятым врагом, папой римским, «сицилийским султаном»

за терпимость к мусульманам, составлявшим лейб-гвардию Фридриха), был схвачен посланный убить его мулид-фидайн. Сельджукский султан Санджар (по другим версиям — халиф багдадский) отказался от военного похода против ассасинов, обнаружив наутро вонзенный в свое ложе возле подушки кинжал с запиской от «горного старца», следующего содержания: «То, что вонзено в твоё ложе, может быть вонзено и в твоё сердце». Король Английский Ричард I Львиное Сердце лишь чудом избежал кинжала низаритского боевика.

Не только Райнер Монферратский, но и целый ряд ближневосточных правителей был вынужден регулярно вносить низаритам плату за сохранение собственной жизни. Как и для современных исламистских (и не только!) террористов, для низаритов были характерны величайшее презрение как к жизни других, так и к своему собственному существованию — презрение, вытекавшее из систематически проповедуемого им учителями «уничтожения всякого страха и всякой надежды». Эти свойства последовательно прививались вождями низаритов той группе их последователей, которая специально предназначалась для осуществления убийств. При этом во многих случаях использовался и самый грубый обман. Но главное значение имело постоянно и обдуманно проводившееся давление на разум («промывка мозгов»), непреодолимое для кандидатов в «фидайны» — детей и подраставших юношей, заботливо ограждаемых от других впечатлений и влияний.

Далеко не все покушения были удачными. И хотя «фидайны» были обучены принимать обличья купцов и нищих, вельмож и разносчиков воды, музыкантов, воинов и муфтиев, мусульманских дервишей и христианских монахов, хотя они умели ждать месяцами, потому что не смели вернуться в Ламасар, не выполнив приказа, все равно не обходилось без провалов.

Настоящим проклятием для измаилитских «фидайнов» стал в XII веке неоднократно упоминавшийся нами султан Салах ад-Дин, великий враг крестоносцев, кумир мусульманского мира. Множество заговоров, направленных против него, сорвалось, ибо он был разумен и осторожен, а его охрана — неподкупна. После каждого заговора очередные исполнители закалывали себя либо бестрепетно шли на плаху.

Формально «фидайны» подчинялись лишь Гассану ибн Саббаху — именно он посылал их на смерть «к вящей славе Божьей». До наших дел дошла легенда о том, как «горный старец» с одним высокопоставленным гостем стоял на балконе у своей горной кельи. И когда знатный гость вслух позволил себе усомниться в том, что «фидайны» готовы выполнить любое приказание Гассана ибн Саббаха, «даис» указал гостю на «фидайна», стоявшего на страже меж зубцов одной из крепостных башен. Затем «горный старец» взмахнул рукой, и, подчиняясь жесту Гассана ибн Саббаха, часовой кинулся с башни в пропасть.

Аналогичная история сохранилась и о другом «горном старце» — главе сирийских ассасинов Рашид ад-Дине ас-Синане (которого арабы Северного Ливана именовали «горным старцем» на своем, арабском, языке — «шейх уль-жебейль»), отделившемся от ордена по мере ослабления его внутренних структур, спаянных при Гассане ибн Саббахе железной дисциплиной. Мы еще подробнее коснемся ее несколько ниже.

«Фидаины» были послушными, фанатичными и упорными исполнителями порученных им орденским руководством кровавых миссий. А готовил их, награждал и наказывал комендант крепости Ламасар Кийя Бузург Умид. Особенно возросло значение старого перса, когда в последние годы жизни «горного старца» погибли, оклеветанные, его сыновья и были ликвидированы многие его соратники. Но передать всю власть Кийя Бузургу Умиду крайне недоверчивый и подозрительный ходжа Гассан ибн Саббах не хотел. Умирая, он завещал низаритам впредь подчиняться коллегиальному органу из четырех человек, которых назвал в завещании. И Кийя Бузург Умид был лишь одним из них, но не единственным наследником «худжжи».

«Даис» Гассан ибн Саббах перешел в мир иной в лето от Рождества Христова 1114-е (по другим данным — 1124-е) в возрасте семидесяти трех лет. После себя он оставил радикальную религиозную идеологию и тесно сплетенную сеть хорошо укрепленных горных крепостей, управляемых его фанатичными сторонниками. Орденскому государству Гассана ибн Саббаха было суждено просуществовать ещё сто тридцать два года...

Щ. О «САББАХИТАХ» ПОСЛЕ СМЕРТИ ИБН САББАХА

Пик влияния ордена низаритов пришелся на самый конец XII столетия, после чего начался его неуклонный упадок. Это начало упадка ордена, основанного Гассаном ибн Саббахом, было связано с возвышением объединенной сирийско-египетской державы во главе с уже неоднократно упоминавшимся нами выше султаном-суннитом Юсуфом ибн Айюбом (курдом по происхождению), положившим конец правлению измаилитских халифов Фатимидской династии и получившим прозвище «Салах ад-Дин» («Защитник Веры»). С легкостью захватив прогнанный Фатимидский халифат, с которым у крестоносцев был заключен длительный мирный договор, ликвидировав фатимидского халифа (поскольку сам, как правоверный суннит, признавал только суннитского халифа багдадского), искоренив в течение трех лет измаилинскую ересь (в ее мусталитской форме) на Ниле, восстановив в Египте исламское правоверие (в его суннитской форме), курдский султан Салах ад-Дин (получивший этот титул в 1175 году от халифа багдадского), основатель новой династии Айюбидов, объявил себя единственным истинным защитником ислама. Отныне ближневосточным христианским государствам крестоносцев угрожала опасность с юга. Длительные переговоры с Салах ад-Дином, который видел свое предназначение в том, чтобы изгнать христиан с мусульманского Востока, не привели к существенным результатам. С 1171 года для крестоносцев начался тяжелейший период войн с Салах ад-Дином. На этот раз над Иерусалимом, оплотом христианства на Ближнем Востоке, нависла неотвратимая угроза...

Малочисленные, фактически отрезанные от остального христианского мира, ослабленные междоусобными распрями, правители государств крестоносцев теперь даже не думали о дальнейшей экспансии на сарацинские земли. Иерусалимское королевство подвергалось одной атаке

мусульман за другой. Вполне естественно, что в такой безвыходной ситуации «франкам» не оставалось ничего иного, как заключить союз с низаритами. Поначалу вид выступающих единым строем мусульманских воинов (все-таки измаилиты формально считались мусульманами!) и крестоносцев вызывал недоуменные вопросы — как у мусульман, так и у христиан. Но к этому довольно быстро привыкли и те, и другие. По большому счету, низаритам было все равно, с кем воевать и на чьей стороне выступать. Ведь для них, верных адептов учения великого освободителя страждущего человечества Гассана ибн Саббаха, врагами — не людьми, а «видимыми бесами», «вредными демонами», «джиннами» — были все — и христиане, и мусульмане (не разделявшие их еретических, с точки зрения ортодоксального ислама, воззрений). Знатные «франкские» бароны, проживавшие в ближневосточных государствах крестоносцев, при случае щедро оплачивали услуги низаритов. Многие арабские и тюркские аристократы и военачальники пали в описываемый период от отравленных (и не отравленных) кинжалов низаритских убийц, выполнявших «франкские» заказы. Даже самому Салах ад-Дину, как уже говорилось выше, пришлось пережить несколько неудачных покушений, после которых он лишь по счастливой случайности остался жив. Однако союз крестоносцев и низаритов, оказался не слишком долговечным. Ограбив измаилитский купеческий корабль и перебив его команду, только что избранный королем Иерусалима (который, правда, еще нужно было отвоевать у мусульман!), маркиз Конрад Монферратский подписал себе смертный приговор. 28 апреля 1192 года, всего через несколько дней после избрания его королем Иерусалимским на совете «франкских» баронов Святой Земли, Конрад вздумал проехаться верхом по улицам славного города Тира. Неожиданно на него набросились два внешне ничем не приметных, скромно одетых человека, пронзившие свежее испеченного Иерусалимского короля отравленными кинжалами. Естественно, убийцы оказались низаритскими «фидаинами». Один из саббахитов был схвачен на месте преступления и сожжен на костре, другому удалось скрыться (якобы «горный старец» все — и сожжение первого, и бегство второго — так и спланировал заранее; сожжение первого террориста ему было нужно для утоления чувства мести разъяренных «франков», бегство второго — чтобы было от кого получить подробный отчет «из первых рук» о совершенном теракте). Между прочим, по одной из версий, упоминавшейся нами выше, Конрада «заказал» ассасинам не кто иной, как грозный «Мелек Рик» — знаменитый английский король-крестоносец Ричард I Львиное Сердце (недовольный тем, что Конрада Монферратского избрали королем Иерусалимским вместо лишнего короны Иерусалима друга Ричарда — Гвидона Лузиньяна, которому в результате пришлось удовольствоваться короной короля Кипра). Мало того! Другой венценосный крестоносец — король Франции

Филипп II Август — во всеуслышание утверждал, что Ричард Английский и по его душу послал ассасинов, добравшихся якобы даже до славного города Парижа, так что христианнейший король Французский спасся только чудом! Конечно, Филипп Август был известным недругом Ричарда и мог возвести на него напраслину. Теперь, со столь солидной временной дистанции, трудно разобраться во всех этих хитросплетениях европейской и левантийской политики (тем более, что и сам Ричард едва не пал жертвой ассасинского кинжала). Как бы то ни было, но после ликвидации Конрада Монферратского низариты стали отправлять убийц в оба лагеря — и в мусульманский, и в христианский.

Похоронив «горного старца», четверка назначенных основателем тайного ордена в завещании правителей принялись за дело. Им предстояло, в духе заветов своего незабвенного вождя и учителя, сражаться с врагами, защищать крепости, строить новые, и к тому же бороться с крепнущим желанием наместников и комендантов низаритских крепостей отпасть от Аламута.

Верхушка низаритов сохраняла внешнее единство. Но происходили странные события. Менее чем через год неожиданно скорострительно скончался главный соперник Кийя Бузурга Умида по «Большой Четверке» — главнокомандующий всеми вооруженными силами ордена низаритов. Еще через несколько месяцев таинственная смерть — «разлучительница собраний» (как выражались мусульманские поэты) — унесла жизнь двух других членов «Большой Четверки». Не прошло и двух лет со дня смерти Гассана ибн Саббаха, как Кийя Бузург Умид стал единственным главой низаритского ордена, приняв титулы «даиса» и «худжди» («ходжи»), которые до него носил шейх Гассан. Хитрый перс остался в крепости Лама-сар - центре подготовки «фидаинов». Источники рассказывают, что в ордене измаилитов все чаще появляются видные фигуры, носящие родовое имя Кийя Бузурга Умида — его родственники. Семья нового пророка была велика, и всем ее членам требовались высокие должности.

Кийя Бузургу Умиду, покинувшему сей бранный мир в 1138 году, наследовал его сын Мухаммед ибн Бузург Умид (правивший с 1138 по 1162 год), который, в свою очередь, провозгласил наследником собственного сына — Гассана, тезку основателя ордена низаритов. Этот молодой человек отличался завидным красноречием и немалой энергией. Гассан сделал логический шаг в дальнейшем развитии низаритской ветви измаилизма. К этому его толкали не только собственные интересы, но и забота о судьбах державы крепостей. Времена безраздельного торжества низаритского ордена прошли. Орден изживал себя, утрачивая свой авторитет буквально на глазах...

И вот молодой Гассан, чистокровный ариец (иранец) из персидского семейства, не имевшего в своих жилах ни капли арабской крови, будущий глава измаилитского ордена, объявил себя... имамом низаритов.

Талантливый оратор и проповедник, отличавшийся необыкновенным умом, Гассан смог повести за собой измаилитов Аламутской долины, которая была дана ему в удел отцом. Слухи о появлении скрытого имама взволновали всех измаилитов, к негодованию низаритской «старой гвардии». Сам Гассан ибн Саббах — и тот никогда не дерзал называть себя имамом, довольствуясь титулами «даиса» и «худжжи»! А тут какой-то зеленый юнец, у которого еще молоко на губах не обсохло, пытается уверить старых воинов и проповедников, что он и есть имам, наместник Аллаха на Земле!

Негодование «старой гвардии» разделял и отец Гассана. Он двинулся в Аламут с отрядом фидаинов и арестовал Гассана.

Гассан незамедлительно «сотворил достойный плод покаяния».

Но далеко не все жители Аламута последовали его примеру. Некоторые продолжали упорствовать. Тогда отец Гассана перешел к крайним мерам. Двести пятьдесят сторонников Гассана были уничтожены фидаи-нами, а остальным привязали трупы на спины и в таком виде выгнали из крепости.

Гассан затаился в Аламуте под надзором верных людей отца. Но смирение было лицемерным, притворство никогда не считалось у измаилитов, и в особенности — у низаритов - грехом. Как хищник, готовящийся броситься на свою жертву и вцепиться ей в горло, когда та этого не ожидает, он выжидал удобного момента. А его сторонники, оставшиеся на свободе, тоже не сидели, сложа руки. Как можно иначе объяснить то обстоятельство, что отец Гассана — в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, никогда не жаловавшийся на здоровье — в одночасье помре, сделав престол державы низаритского ордена вакантным?

Щ. О НИЗАРИТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1162 году Гассан занял место своего скоропостижно скончавшегося отца и господина, войдя в историю под именем Гассана II Мухаммеда. Феодалное наследование уже прочно утвердилось у низаритов.

Со смертью Гассана ибн Саббаха движение потеряло харизматического вождя, создателя доктрины, безгрешного и недостижимого. То, что Старец не называл себя имамом, роли не играло — он все равно таковым являлся. Теологическая разница между трансцендентным «скрытым имамом» и вполне реальным «даисом» Гассаном ибн Саббахом для рядового низарита была не более существенна, чем разница между трансцендентным Святым апостолом Петром и величаво вещавшим от его имени («Мы, Петр...») папой римским («наместником Бога на Земле», «викарием Иисуса Христа» и т.д.) — для рядового западного крестоносца описываемой эпохи (скажем, рядового члена ордена тамплиеров, который, как мы знаем, очень часто сравнивали — и продолжают сравнивать! — с орденом ассасинов, тем более, что белые, с крестами и шапочками кроваво-красного «мученического» цвета, облачения храмовников весьма напоминали белые, с кроваво-красными тюрбанами и поясами, облачения низаритов, также считавших себя «шахидами» — «мучениками за веру»). И вот «живой Бог» перешел в мир иной. Низариты остались с доктриной, но без пророка. Разумеется, коллективное руководство представителей «старой гвардии» заменить имама не могло. Попытка Кийя Бузурга Умида — функционера-интригана, поднаторевшего в «аппаратных играх», опытного политика, но не богослова! — заменить собой Гассана ибн Саббаха провалилась. «Невидимая империя» низаритского ордена держалась лишь силой инерции, на крепостях и привычной дисциплине. Никаких «перспектив дальнейшего развития» у нее не оставалось. И она непременно сошла бы со сцены

исторического развития, если бы не гениальная (по своему) идея Гассана-младшего.

С первых же месяцев после прихода к власти в ордене Гассан развил бурную деятельность, проводя все свободное от молитвенных бдений и бесед со «скрытым имамом» время в совещаниях с комендантами орденских замков и крепостей.

Прошло два долгих года, прежде чем настал великий день.

В семнадцатый день месяца рамадана 559 года мусульманского летоисчисления (или 8 августа 1164 года Христианской эры) со всех концов державы низаритского ордена в Аламут прибыли делегаты. Мулиды расположились на площади, посреди которой стояло возвышение, украшенное четырьмя знаменами разных цветов — черным, белым, зеленым и красным (эта цветовая гамма по сей день остается излюбленной в вексиллологии мусульманского мира — и в то же время на капитулах-собраниях многих ветвей нынешних тамплиеров, странным образом, непременно зажигают-ся четыре ритуальные свечи — черная, белая, красная и зеленая).

День был ясный и нежаркий. Приятный августовский ветер веял над главной крепостью низаритского ордена, шевеля полотнища знамен.

На возвышение поднялись наместники орденских провинций и коменданты орденских крепостей.

В полдень из своей кельи вышел глава ордена Гассан.

Он был облачен в длинное белое одеяние, на голове — высокий белый тюрбан (в отличие от обычного красного тюрбана ассасинов). Гассан был высок, красив и статен. Яркие краски и скопление народа были необычны. Необычна была и одежда Гассана, ибо все привыкли, что вожди низаритов не показываются простым людям и предпочитают черные и серые одежды, подчеркнуто скромные, почти нищенские, подобные смиренным облачениям неимущих суфиев-дервишей — так повелел еще основатель ордена Гассан ибн Саббах.

Гассан-младший поклонился по очереди на все четыре стороны света. Затем он произнес речь. В ней он восхвалял Бога, который открыл врата милосердия и по щедрости своей даровал всем жизнь.

Затем он объявил, что некий тайный человек доставил ему послание от «скрытого имама», которое он и намерен прочитать.

Гассан действовал крайне осмотрительно. Он не поторопился сразу объявить имамом себя, проявив в столь важном деле разумную осторожность и исподволь готовя свою паству к новости, которая должна была ее ошеломить. Мало того! Как оказалось, послание «скрытого имама» было написано по-арабски — на священном языке Корана — языке, которого, однако, не понимал никто из ираноязычных присутствующих (ведь, как нам уже известно, излишняя образованность среди низаритов не поощрялась, и рядовому члену мусульманского ордена измаилитов, не отобранному для

спецопераций, священный язык написанного по-арабски Корана был понятен не более, чем рядовому члену христианского ордена тамплиеров — священный язык написанной на латыни католической Библии). Поэтому, прочтя послание имама, Гассан затем перевел его текст на понятный всем собравшимся персидский язык. Однако непонятность послания только усиливала его правдоподобие. Даже самому непросвещенному низариту было ясно, что раз «скрытый имам» — потомок пророка Мухаммеда, чистокровного араба, то он, будучи и сам также арабом, естественно, и должен писать по-арабски. В своем послании «скрытый имам» объявил своего верного слугу Гассана повелителем всех низаритов и приказал им всем беспрекословно подчиняться ему.

После того, как послание «скрытого имама» было выслушано в благоговейном молчании, Гассан распорядился расстелить на площади скатерти-дастарханы, поставить на них еду и вино.

Это распоряжение, естественно, произвело эффект разорвавшейся бомбы (в описываемое время начиненные порохом разрывные снаряды уже давно и вовсю использовались на всем Востоке — от мусульманских земель до Китая — при обстреле городов и крепостей с помощью метательных машин, так что сказанное не является анахронизмом). В разгар рамадана, великого поста (когда есть дозволяется только ночью, начиная с того момента, когда станет так темно, что нельзя отличить черную нитку от белой) — днем! — перед собравшимися появились всевозможные яства (как говорится, «казан, баран и дастархан»!) и хмельные напитки (и это — в Аламуте, чьи стены еще помнили казнь сына Гассана ибн Саббаха, осужденного родным отцом на лютую смерть за найденный в его келье кувшин вина — если не принимать в расчет версию о цветке ромашки, разумеется!). Такого горная твердыня Аламут не видела еще никогда. Огромные блюда жирного плова и отборного, «ханского», риса, жареные цыплята и разные маринады, пиалы с простоквашей и непререкаемый спутник стола всякого уважающего себя мусульманина — свежий зеленый лук, посыпанный пряностями. Белые чуреки блестели от масла, а такой благоуханной, душистой чорбы — похлебки из молодого барашка — никому из бедных фидаинов, привычных к орденским сухим лепешкам и пресной каше из проса-джугары, еще и понюхать не доводилось, не то, что попробовать! Поверх пышущего жаром риса были уложены аппетитные ломтики куриного мяса, а сверху блестели ягодки сушеного урюка. Жареные утки пламенели, как гранат, а начинка — финики, миндаль, изюм, фисташки и орехи, так и вываливались наружу. А шербет, а посыпанный сахарной пудрой рахат-лукум, а янтарно-желтые кристаллы тростникового и виноградного сахара, а медовая пахлава, а тонкие, ароматные вина! Но и это было еще не все: из задних рядов собравшихся выступили музыканты и достали спрятанные до того инструменты (строжайше запрещенные еще

Гассаном ибн Саббахом). Заиграла веселая музыка. Гассан-младший торжественно объявил всех членов и подданных своего ордена свободными от строгих законов шариата, от поста и... от обязательных молитв!

Еще через несколько дней Гассан открылся своим верным низаритам, признавшись им, что он-таки и есть имам («скрытый» еще до недавнего времени, а теперь, в своей неизреченной милости, взявший да и «раскрывшийся»).

Ему осталось только доказать свое происхождение от пророка Мухаммеда. Для этого было необходимо ответить на вопрос, откуда в персидской крестьянской семье Кийя Умида появился тайный имам (которому ведь по определению быть арабом, да еще чистейших, корейшитско-хашимитских кровей)? Ответ был прост до гениальности. Гассан поведал своим adeptам, что малолетнего имама, пряча от врагов, вывезли из Египта и поселили с матерью в одном из сел Аламутской долины. Он вырос и, будучи красивым мужчиной, соблазнил жену перса Кийя Мухаммеда, которая и родила от этого сожителства мальчика Гассана. Поскольку скрытый имам действовал по предопределению свыше, этот грех был простителен. Но Кийя Мухаммед знал правду и потому Гассана не любил и тратил много сил, чтобы доказать всем, что тот — не имам, а его собственный сын. Иначе ему пришлось бы публично признать, что жена предпочла ему другого мужчину, а это было невыносимо для его мужской гордости.

Поистине, революция, произведенная Гассаном-младшим, спасла не только низаризм, но и измаилизм вообще. Именно благодаря гениальной выдумке Гассана (вот уж, воистину, «ложь во спасение»!) это учение сохранилось до наших дней. Сегодня отдаленный потомок Гассана — Ага-Хан — именуется себя имамом и отсчитывает рождение измаилизма с того дня, когда Гассан-младший, выйдя на крепостную площадь Аламута в белых одеждах, объявил великий праздник освобождения. Великий и суровый первый шейх низаритского тайного ордена — «худджа» Гассан ибн Саббах — был почти забыт...

Гассан-младший, отвергнув жестокость и аскетизм ордена ассасинов, открыв ворота крепостей, возродил низаризм в глазах рядовых его adeptов, не спаянных орденской дисциплиной «внутреннего круга». Но системе он сокрушить не смог и казнить противников в своих рядах не стал. Даже враги не могли упрекнуть его в репрессиях и казнях. Политические убийства прекратились. Фидайны остались без дела, и в райские сады Ламасара теперь мог зайти любой.

У имама Гассана II ибн Мухаммеда было немало врагов в его собственном ордене, в первую очередь — те коменданты мулидских крепостей, которым еретические идеи самозванного имама были противны, и которым выгоднее было поддерживать лояльные отношения с соседними мусульманскими государями.

Имам Гассан II, которому было явно неуютно в Аламуте, спустился с гор и переехал в обширный светлый Ламасар. Там он жил открыто, окруженный друзьями и, разумеется, врагами. Один из первых же заговоров оказался успешным. В начале 1166 года имама Гассана заколол отравленным кинжалом собственный шурина, брат его горячо любимой жены, который, по словам враждебного Гассану иранского писателя, переступил через клятву верности главе ордена и родственные чувства, ибо «не мог терпеть распространения того постыдного заблуждения».

Можно сказать, что в орденских владениях подняла голову самая что ни на есть оголтелая низаритская реакция. Началось методичное и понизаритски беспощадное истребление соратников, сторонников и единомышленников предательски убитого Гассана.

Однако принцип престолонаследия уже установился в низаритском орденском государстве. Коменданты согласились с тем, что престол переходит к девятнадцатилетнему Нур-ад-Дину Мухаммеду, сыну Гассана. Они полагали, что смогут надежно держать неопытного в делах управления орденским государством юношу в руках.

Но они жестоко просчитались. Юноша был верным другом и способным учеником своего гениального отца. И, подобно своему отцу, он умел лицемерить, притворяться, лгать и таить свои чувства и мысли, как и подобает истинному адепту низаритского ордена — «к вящей славе Божьей», как впоследствии у иезуитов...

Ы. «ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ» АССАСИНОВ

Сразу же после убийства имама Гассана его сын и наследник Нур ад-Дин Мухаммед переехал из Ламасара в крепость Аламут. Там он, уже облеченный формальной властью, заявил, что будет продолжать дело отца, однако же не повторит его ошибок.

Были схвачены и казнены не только убийца имама Гассана, но и все его родственники. Главари оппозиции были безжалостно перебиты. Юный «горный старец» и имам учредил жесточайшую систему контроля над разбросанными по разным государствам орденоскими крепостями, он был крайне недоверчив и предельно осторожен. Это помогло ему установить своего рода рекорд по продолжительности управления своим тайным орденом: имам и «горный старец» Нур ад-Дин Мухаммед продержался на престоле в Аламуте целых сорок четыре (!!!) года — кинжал убийцы поразил его лишь в 1210 году!

Ему наследовал имам Джелал ад-Дин Гассан III, правивший с 1210 по 1221 год.

Низариты по-прежнему владели крепостями, воевали с сельджуками, султанами и амирами, старались захватить новые крепости, порой лишались старых. Измаилиты возобновили практику политических убийств, но инициатива исходила не из Аламута и не из Ламасара, а из сирийских крепостей ордена, коменданты которых примерно с 60-х гг. XII века фактически перестали признавать над собой власть Аламутского центра (хотя дело в большинстве случаев обошлось без открытого разрыва отношений). С конца этого столетия державы измаилитского ордена как единого целого больше не существовало.

Каждая группа крепостей или наместничество проводила свою политику, вступала в союзы с сельджуками, а нередко и с врагами мусульманской веры — крестоносцами, в том числе и с военно-духовными орденами «франков»

(в первую очередь — с орденом бедных соратников Христа и Храма Соломонова). Зачастую в соседних крепостях более или менее мирно сосуществовали низаритский наместник и «франкский» барон. Более того, этот «франкский» барон мог нанять низаритских «фидаинов», дабы убрать христианского соперника. Всякое бывало...

Падение Фатимидского халифата остро отразилось на стабильности тайного ордена с центром в Аламуте. Салах ад-Дин, объединив Египет с Сирией, стал наносить сокрушительные удары не только по крестоносцам. В конце XII века армии Салах ад-Дина начали вторгаться в сирийские владения низаритов, и недалек был тот день, как на востоке появятся хорезмийцы, откатывающиеся все дальше на Запад под натиском новых завоевателей — татаро-монголов грозного «Потрясателя Вселенной» Чингиз-хана. Но, несмотря на оказываемое на них со стороны могущественного Салах ад-Дина давление, низариты все ещё продолжали действовать. Занимавший в то время пост сирийского «горного старца» Рашид ад-Дин ас-Синан был достаточно умным и сильным политиком, которому удалось за счёт ловкого лавирования между католиками и суннитами поддерживать суверенитет, по крайней мере, сирийского филиала низаритского орденового государства.

Э. Рашид ад-Дин Синан

Этот уже упоминавшийся нами выше глава сирийского филиала братства измаилитов, именовавшийся, в подражание основателю ордена Гассану ибн Саббаху, «горным старцем» («горным шейхом», по-арабски: «шейх-уль-джебейль»), также имел обширный дворец, расположенный высоко в горах, где и воспитывал похищенных у родителей юношей-«фидаинов», считавших себя его сыновьями, в слепом повиновении своей воле. В нужный момент их, по его приказу, как когда-то по приказу «худжжи» Гассана ибн Саббаха в Ламасаре, усыпляли и переносили в «сады Джиннат» («райские сады»), где они могли предаваться всевозможным наслаждениям, обещанным пророком Мухаммедом в Коране правоверным мусульманам за гробом. Дивные благовония, самые лучшие вина и яства, мелодичная музыка, красивейшие женщины под видом райских гурий опьяняли чувства юных неопитов, разжигая в их душах сильнейшие страсти.

По прошествии некоторого времени «горный старец» снова погружал их в наркотический сон, а при пробуждении вдохновенным голосом обращался к ним: «Избранники Предвечного! Вас избрал Он служить орудием Его мести! Предайте себя всецело Его воле и старайтесь заслужить те благодеяния, к которым Он вас предназначил. Его отеческая благодать уже дала вам возможность вкусить во сне от сих благодеяний. Те чистые наслаждения, которые во время сна опьяняли ваши чувства, те дивные ощущения, которые до сих пор поражают ваш дух — все это дает лишь самое несовершенное представление о том поистине невыразимом блаженстве, которое Он приготовил тем, кто умеет исполнить Его волю... Предвечный желает, чтобы люди были свободны, а они повсюду порабощены; Он желает, чтобы они были счастливы, а между тем вся земля находится во власти горстки тиранов, не признающих никаких

законов, кроме своей прихоти... Идите! И пусть нечистая кровь их, пролитая вашей рукой, откроет вам навек врата Царствия Небесного!»

Засим Рашид ад-Дин ас-Синан вручал своим «фидайнам» отравленные кинжалы и посылал их убивать. Чтобы втереться в доверие к будущим жертвам, он, как в свое время Гассан ибн Саббах, позволял своим преданным «фидайнам» для виду даже менять веру. Поступая в телохранители государя, обреченного сирийским «горным старцем» на физическое уничтожение, они, после многолетней верной службы, дослужившись до самых высоких должностей и нередко войдя в число приближенных, пользовавшихся полным доверием «предназначенного к ликвидации объекта», получив соответствующий сигнал, в нужный момент убивали своего «подопечного», не боясь при этом смерти — ведь, успев вкусить еще в этой, земной жизни «загробное блаженство», «фидайны» не сомневались в том, что рай за гробом, молитвами «горного старца», им обеспечен.

То, насколько слепо adeпты низаритского ордена, проникшие из иранских областей в Сирию и Палестину практически одновременно с первыми крестоносцами и укрепившиеся в Сирийских горах, повиновались своим начальникам, наглядно демонстрирует следующий исторический анекдот времен управления сирийского филиала низаритского ордена Рашидом ад-Дином ас-Синаном (напоминающий аналогичную историю с «худжжой» Гассаном ибн Саббахом, изложенную нами выше):

Генрих, граф Шампанский и король Иерусалимский, посетил однажды сирийского «горного старца» низаритов в одной из его крепостей, где на каждой башне нес охрану ассасин в белом одеянии. «Государь, — обратился «горный старец» к королю Иерусалимскому, — я готов побиться об заклад, что Ваши люди ни за что не сделают для Вас того, что мои люди охотно сделают для меня». Произнеся эти слова, шейх подал знак рукой, и тотчас же двое из несших караул на башнях «фидайнов» в белых одеяниях бросились вниз и разбились насмерть о камни у основания крепости. Войдя в крепость, король Иерусалимский обратил внимание на торчавшее из стены железное острие. «Я покажу Вам, Государь, как здесь исполняют мою волю, — сказал «горный старец». По его знаку несколько ассасинов один за другим бросились на это острие и погибли на глазах короля крестоносцев, который, наконец (хотя этот лихой рубака не был слабонервной барышней и в своей жизни насмотрелся всякого!), не выдержав этого зрелища, попросил «горного старца» прекратить дальнейшие «опыты». Согласитесь, уважаемые читатели, что самому насадить себя на торчащий из стены железный шип, «как на булавку стрекоза» — это «номер покруче», чем «просто» прыгнуть с башни в пропасть...

Когда орденское государство низаритов достигло пика своего могущества, оно уже сильно отличалось от того, что заложил Гассан ибн Саббах. Из своеобразной средневековой полуказарменной-полумонастырской

коммуны государство с центром в Аламуте фактически превратилось в наследственную монархию с узаконенной родовой передачей власти. Из среды высших чинов ордена низаритов выделилась своя собственная феодальная знать, которая больше тяготела к суннитским вольностям, чем к шиитскому аскетизму. Эта новая знать предпочитала общественный порядок, в котором роскошь и богатство уже не считались пороком. Разрыв между простыми слоями населения аламутского орденового государства и вышедшей из рядов низаритов новоиспеченной феодальной знатью все больше увеличивалось. По этой причине желающих жертвовать собой ради орденовых идеалов находилось все меньше и меньше.

После смерти Гассана ибн Саббаха его преемники не смогли расширить владения государства. Провозглашенные первым «горным старцем» лозунги остались не выполненными и невыполнимыми. Государство низаритов начали раздирать острые внутренние кризисы, и его былая мощь стала сходиться на нет. Хотя основанный «худжжой» Гассаном ибн Саббахом орден пережил государство Сельджукидов, возвышение и падение великой Хорезмской державы, основание и крушение ближневосточных государств крестоносцев, государство мулидов с центром в Аламуте неминуемо приближалось к своему закату.

Анонимность и неприступность орденовых крепостей ассасинов привели к тому, что низариты позже всех на Среднем и Ближнем Востоке покорились татаро-монголам.

Ю. «НЕСУЩИЕ СМЕРТЬ ЧИНГИЗ-ХАНА СЫНЫ»

Татаро-монголы, эта новая сила, совершенно неожиданно вторглась в середине XIII века Христианской эры в историю Сирии и Палестины, долго служившей яблоком раздора между христианами и мусульманами. С этой новой силой отныне пришлось иметь дело как исламскому миру, так и ближневосточным государствам крестоносцев-«франков». Предвестником появления монголов на Переднем Востоке стало упоминавшееся нами выше вторжение в Святую Землю хорезмийцев, отступавших из Центральной Азии на Запад под натиском монгольских полчищ, разгромивших государство хорезмшахов — сильнейших в то время мусульманских владык Востока.

Фактором всемирно-исторического значения монголы стали впервые при хане Темуджине (Темучжине или Темучине, умершем в 1227 году), подчинившем себе целый ряд азиатских народов (и потому принявшем титул Чингиз-хан, то есть «Хан, великий как Море-Океан»). В Европе монголов («моголов», «моолов», «мунгалов», «моалов» тогдашних русских летописей) иногда называли также «татарами», по этнониму подчиненного монголам племени «тата(б)» («дада») или «татал» (возможно, происходившему от древних хунну-сюнну-гуннов), поставлявшему в войско Великого Хана не только самых храбрых, но и самых диких и жестоких воинов, спаянных, однако, железной дисциплиной. Первоначально монгольский род Борджигин («Синеокие», «Голубоглазые» или «Сероглазые»), из которого происходил Темуджин, враждовал с татарами (именно татары отравили отца будущего повелителя Великой Монголии). Но, потерпев от него военное поражение, татары начали верно служить Чингиз-хану, играя в его завоевательных походах столь важную роль, что со временем его военные противники

и покоренные народы стали именовать монгольских завоевателей «татарами».

Изначально татары были южными соседями монголов. Между монголами и татарами долгое время шли казавшиеся нескончаемыми войны за водные источники, пастбища и табуны, пока монголы к середине XII века не добились перевеса в силах. До тех пор, пока гегемония татар была очевидной, монголы считались частью татар. Но уже в XIII веке татар стали рассматривать как часть монголов. При этом этноним «татары» в Азии исчез (хотя именно «татарами» впоследствии стали именовать себя поволжские тюрки — потомки волжских булгар и хазар, ставшие подданными созданной монголами Золотой Орды). Тот расовый тип, который ныне считается «монголоидным», был изначально свойствен именно «тата» — татарам. Древние монголы были, согласно свидетельствам летописцев и фрескам, найденным в Маньчжурии, высокорослыми, бородатыми, светловолосыми и голубоглазыми. Современный облик потомки тогдашних монголов приобрели вследствие смешанных браков с окружавшими их многочисленными низкорослыми, черноволосыми и темноглазыми племенами татар.

Кстати, и о древних тюрках китайские летописи сохранили достаточно непривычные для нас сегодня описания:

«Тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами... суть потомки усуней» (европеоидного народа арийского корня, населявшего на рубеже Христианской эры Тянь-Шань, потомками которого, согласно Л.Н. Гумилеву, китайцы XVII века считали русских землепроходцев). Впрочем, довольно об этом...

Превосходно обученные, выросшие в седле татаро-монгольские всадники, вселявшие страх во все народы средневековой Азии и Европы, на своих маленьких, мохнатых лошадаках, под белым «девятибунчужным» (то есть украшенным, по мнению одних исследователей, девятью черными хвостами яков, а по мнению других — например, Ю.Н. Рериха — девятью белыми конскими хвостами) знаменем Чингиз-хана, побеждали народ за народом, страну за страной. Наряду с тяжелой конницей, вооруженной длинными пиками, мечами и саблями, ударную силу татаро-монгольской армии составляли конные лучники, чья меткость и дальность стрельбы навела непреодолимый ужас на врагов и не раз решала в пользу монголов исход решающих сражений.

В период своего расцвета Великая Монгольская Держава (Еке Монгол Улус) Чингиз-хана и его преемников простиралась от Тихого океана до Центральной Европы. Татаро-монголам же было суждено сыграть решающую роль и на заключительном этапе истории государств крестоносцев в Земле Воплощения.

В результате развернутой Чингиз-ханом, а впоследствии — его сыновьями и внуками — политики безостановочной экспансии, завоеватели

достигли даже Восточной Европы, опустошив Русь, Венгрию, Силезию и Польшу. В оборонительном сражении с татаро-монголами при Лигнице (Легнице, Вальштатте) в 1241 году, в котором погиб весь цвет силезской народности, сложили свои головы также силезские иоанниты (госпитальеры), тамплиеры и тевтонские рыцари (кстати, в этом сражении монголо-татарами — впервые в истории военных действий на территории Европы — была применена в полевых условиях реактивная артиллерия — боевые ракеты китайского производства, включая химические; но это так, к слову)...

Как и многие другие народы, тесно связанные с природой, монголы обожествляли природу и были сильно привержены магии, однако не были чужды также почитания Единого Всевышнего Бога и неземных сил. Так, их Верховное Божество именовалось «Хурмуста», «Хормуста» или «Хормуста-тенгри» (искаженное «Ахура-Мазда», «Арамазд», «Оромазд» или «Ормузд» — уже упоминавшийся в начале нашего повествования Благой Бог зороастрийцев-маздеистов доисламского Ирана). Любопытно, что и другие народы монгольского корня почитали Ормузда под различными, но сходно звучащими именами (у маньчжур Благой Бог именовался «Хормусда», у тувинцев — «Курбусту», у алтайских племен — «Курбустан» или «Уч-Курбустан», а у бурятских племен по-разному: «Хормустахан», «Хурмас», «Хюрмас», «Хирмус», «Хирмас», «Хёрмос» или даже «Тюрмас»).

Сам же рыжебородый, сероглазый, голубоглазый или зеленоглазый (тюркско-монгольское слово «кок», «кёк» или «геок», означает все три цвета) Чингиз-хан, ведший свое происхождение от красавицы Алангоо (или Алан Гоа, что означает «Прекрасная Аланка» — следовательно, его прародительница принадлежала к иранской народности аланов, или асов) и от божественного «Солнечного Луча» в облике светло-русого белокожего юноши, оплодотворившего его прародительницу через дымовход ее юрты (налицо своего рода параллель с христианским представлением о Непорочном Зачатии), именовал незримое верховное Божество, которому поклонялся, «Вечным Голубым (Синим) Небом (Кок Тенгри)». Если верить «Столетней летописи», заключительной части средневековой грузинской хроники «Картлис-Цховреба»: «В обычае же было у них (монголо-татар — В.А.) поклонение единому Богу, которого на языке своем именовали Тенгри. И начинали писать так: «Мангу Тенгри Кучундур», то есть: «Силою бессмертного Бога». Согласно этой же грузинской летописи: Но было сказано и то, как Чингиз-каэн (Чингиз-хан — В.А.) взшел на гору высокую и явился ему владыка Иисус Христос, Бог всех, и Он научил (Чингиз-Хана — В.А.) праву, вере, невинности и истине, неприятию лжи, воровства и всякого прочего зла и говорил: «Ежели запомнишь эти заповеди, и все земли и племена будут отданы тебе. Иди

и забирай все земли, какие только тебе под силу». Правда, Л.Н. Гумилев считал, что как сам Чингиз-хан, так и весь его род «Сероглазых» исповедовал «черную веру» бон-по (то есть, разновидность древней арийской религии митраизма, принесенную в Тибет иранцем Шенрабом и распространившуюся оттуда на Монголию). Однако эта точка зрения стоит особняком.

Монголы считали голубизну глаз и русые (рыжеватые) волосы членов рода Борджигин (Борджегинь) следствием происхождения от «Солнечного Луча». Об отличии внешности Борджигинов от прочих северных кочевников китайский хронист Чжао Хун писал так:

«Татары не очень высоки ростом... Лица у них широкие, скулы большие... Борода редкая. Темуджин (Чингиз-хан — В.А.) — высокого роста и величественного сложения, с обширным лбом и длинной бородой... Этим он отличается от других». Как и у других Борджигинов, глаза у Чингиз-хана были «сине-зеленые или темно-синие... зрачок окружен бурым ободком». Короче говоря, внешность у «рыжебородого тигра» была, судя по описаниям современников, самая что ни на есть «арийская», а точнее — «нордическая». А если учесть, что Чингиз-хан носил золотой перстень со свастикой (подаренный через семь веков, в 1921 году, ургинским Богдо-Ламой, первосвященником «желтой веры» — монгольской ветви ламаистской формы буддизма — освободителю Монголии от китайской оккупации русскому генерал-лейтенанту барону Р.Ф. фон Унгерн-Штернбергу, который был, подобно Чингиз-хану, русоволосым, рыжебородым и голубоглазым, что побудило монголов считать барона перевоплощением своего знаменитого Священного Воителя), и что, по некоторым данным, в его войске имелись знамена со свастикой (называемой по-монгольски «суувастик»), то... выводы можно сделать самые далеко идущие. Не случайно Адольф Гитлер как-то заметил, что «Чингиз-хан, несомненно, был арийцем, иначе он не был бы таким победоносным»! Но это так, к слову...

В эпоху разгара религиозных войн между христианами и мусульманами монголы выгодно выделялись на общем фоне отсутствием у них религиозного фанатизма (что, возможно, облегчало Чингиз-хану задачу покорения новых земель). Их третий Великий хан (каан, каган, каэн) — Менгу, Мунгкэ, Монкэ, Мунгкэ или Мункэ (1251–1259) — с одинаковой терпимостью и благосклонностью принимал участие в христианских, буддийских и магометанских празднествах. С христианством монголы впервые познакомились через секту несториан, распространившихся, через Персию, по всей Азии и проникших таким образом и в великое монгольское содружество народов. Еще до монголов христианство проникло в среду соседствовавших с ними народов Восточного Туркестана — тюркоязычных уйгуров, онгутов, чигилей. Еще в середине X века арабский ученый

и путешественник Абу Дулаф упоминал о христианах, живших в районе нынешней китайской провинции Ганьсу и, в основном, в Турфанском оазисе, в районе Аксу, Карашар и Кочо. Пришедшие туда со своих исконных территорий, расположенных на берегах рек Толы и Селенги, и основавшие княжество со столицей в Бешбалыке, ставшее впоследствии известным под названием «государства Кочо», уйгуры смешались с коренным населением (уже отчасти христианским). Известно, что еще в VIII–IX веках в Кочо действовал храм христианской (несторианской) Церкви Востока (сосуществовавший с комплексом буддийских святынь).

В 1209 году уйгурское государство восточных христиан Кочо подчинилось Чингиз-хану, став его вассалом и военным союзником (в частности, в борьбе монголов против государства хорезмшаха Мухаммеда, являвшегося, как уже упоминалось выше, одним из сильнейших владык мусульманского мира). В 1275 году уйгурское государство вошло в состав улуса (удела) Чагатай (Джагатай), сына Чингиз-хана (убитого впоследствии низаритским террористом). Из путевых записок францисканского монаха-минорита Иоанна (Джованни) ди Плано Карпини, направленного папским престолом ко двору Великого хана всех монголов в Каракорум (Харахорин), явствует, что страна уйгуров воспринималась как страна христиан. Папский посол писал о них: «Эти люди суть христиане из секты несториан».

Христианство несторианского толка не позднее начала XIII века уже пользовалось широчайшим распространением, по крайней мере, среди двух монгольских народностей — карaitов (на востоке Центральной Азии) и найманов (в ее западной части). Временами влияние несториан, активно использовавших в своей символике кресты «мальтийской» («иоаннитской») формы, а также уширенные кресты со свастикой-«суувастиком» в перекрестье, предвосхищающие форму будущих Железных и Рыцарских крестов гитлеровского «Третьего рейха» (что, при желании, может побудить пытливых исследователей к еще более далеко идущим выводам, чем история с передачей свастичного перстня Темуджина барону Унгерну), становилось настолько значительным, что проникало даже в правящее великоханское семейство, определявшее все и вся в Великомонгольской империи потомков Чингиз-хана. Так, христианкой несторианского толка была сноха самого Чингиз-хана, Сорхатани-беги — старшая и самая влиятельная жена Тулуя (Тули) — любимого четвертого сына Чингиз-хана, мать будущих монгольских Великих ханов — Менгу и Хубилая (Кубилая, Кубла-хана), также доброжелательно относившихся к христианам (причем не только из уважения к матери).

Как писал в своей книге Марко Поло, утверждавший, что Хубилай «почитает христианскую веру за истинную и лучшую, потому что, как он говорил, эта вера приказывает только доброе и святое»:

«Одержав победу, великий хан с великою пышностью и с торжеством вступил в главный город, называемый Камбалу (Ханбалык, Пекин — В.А.). Было это в ноябре. Прожил он там февраль, до марта, когда была наша пасха. Зная, что это один из наших главных праздников, созвал всех христиан и пожелал, чтобы они принесли ту книгу, где четыре евангелия. Много раз с великим торжеством воскурил ей, благоговейно целовал ее и приказывал всем баронам и князьям, бывшим там, делать то же. И то же он делал в главные праздники христиан, как в Пасху и в Рождество...». Впрочем, правдивый венецианец Марко (очевидно, не желающий создать у читателей и слушателей чтения своей книги ложного впечатления, будто каан Хубилай был чуть ли не христианином) тут же добавляет:

«...а также в главные праздники сарацин, иудеев и идолопоклонников. А когда его спрашивали, зачем он это делает, хан отвечал:

«Четыре пророка, которым молятся и которых почитают в мире. Христиане говорят, что бог их Иисус Христос, сарадины — Мухаммед, иудеи — Моисей, идолопоклонники — Согомом-баркан (Шакьямуни-бурхан, то есть Будда Гаутама — В.А.), первый бог идолов (буддистов — В.А.). Я молюсь, и почитаю всех четырех, дабы тот из них, кто на небе старший воистину, помогал мне».

И сокрушенно добавляет:

«Если бы папа (римский — В.А.)...прислал сюда (в Ханбалык — В.А.) способных проповедников, великий хан обратился бы в христианство, потому что, несомненно, он этого желал».

Тем не менее, Хубилай-хан, вне всякого сомнения, откровенно благоволил христианам, пользовавшимся при его дворе большим влиянием. Так, например, секретарем монгольского посольства, направленного в 1280 году Хубилаем (ставшим к тому времени не только кааном Великого Монгольского Улуса, но и императором Китая, основав новую китайскую династию Юань) в Чипангу, или Чипунгу (Японию), с целью привести это островное государство к покорности своей власти, был христианин-уйгур, казненный, вместе со своими спутниками, японскими самураями свирепого сиккэна (регента при сёгуне, являвшемся, в свою очередь, официальным регентом при практически лишенном политической власти тэнно, или микадо — японском императоре) Токимунэ. Среди останков воинов экспедиционного корпуса, направленного Хубилай-ханом, разгневанным убийством своих послов, в 1281 году на остров Кюсю и разбитого японцами (не без помощи «божественного ветра» Камикадзе, потопившего корабли татаро-монгольско-китайско-корейского десанта и отрезавшего их тем самым от материка — именно в честь этого «божественного ветра», спасшего, по воле небес, Японию, от иноземного вторжения получили почетное прозвище «камикадзе» знамени-

тые японские летчики-смертники последних месяцев Второй Мировой войны!), был найден стальной, украшенный серебряным крестом, шлем монгольского военачальника (очевидно, христианина). Плано Карпини упоминает трех высокопоставленных чиновников («ханских нотариев») при дворе Великого хана, являвшихся уйгурами-христианами. А в записках другого «франка» — фламандского монаха-минорита Вильгельма Рубруквиса (Рубрука или Рюисбрэка), направленного в ставку Великого хана, но уже не папским престолом, а королем Франции Людовиком IX (об этом посольстве у нас еще пойдет речь далее), указывается, что хан Сартак (сын Бату-хана, или, по-русски, Батые), и секретарь хана Койяк, были христианами, принадлежавшими к Церкви Востока (то есть несторианами).

Несторианами именовались последователи особого восточно-христианского вероучения, основанного Константинопольским Патриархом Несторием (умершим в 450 году Христианской эры), отлученным от православной Церкви за ересь на Третьем Вселенском Эфесском соборе 431 года. По учению Нестория, «во Христе следовало разделять человеческую и Божественную природу», ибо он считал Иисуса «лишь человеком, ставшим Богом»; вследствие этого Несторий дерзал отказывать Пресвятой Деве Марии в наименовании Богородицы, именуя ее лишь «Христородицей». В настоящее время последователями несторианского вероучения, некогда весьма широко распространенного, являются малочисленные сирийцы-айсоры, безо всяких оснований считающие себя потомками древних ассирийцев, являющиеся в действительности потомками древних арамейев и проживающие, главным образом, в Северном Ираке.

На христианском Западе сразу же осознали значение татаро-монгольского фактора для развития событий в тогдашнем мире. Римские папы пытались через миссионеров оказывать влияние на завоевателей мира. Но и светские христианские государи стремились, путем заключения союза с татаро-монголами против исламских государств, добиться облегчения положения Святой Земли, которую все еще надеялись отвоевать у сарацин. Именно поэтому и папа римский Иннокентий IV и король Людовик IX Французский, начиная с 1245 года, несколько раз пытались через миссионеров из монашеских орденов доминиканцев и миноритов установить контакты с повелителем монголов. При этом послы, помимо дипломатических и религиозных поручений, естественно, получали и специальные задания в области разведки.

Почему же «франкские» крестоносцы, короли и папы связывали с пришельцами из далекой Центральной Азии надежды на возможность сокрушить в союзе с ними мусульман?

Поводом к этим (как вскоре оказалось, тщетным) надеждам послужило событие, происшедшее в Средней Азии еще в середине XII века.

В 1141 году войска самого могущественного из тогдашних среднеазиатских мусульманских правителей, турка-сельджука, султана Санджара (1118–1157), вошедшего в историю под именем «последнего Великого Сельджука» и похороненного в городе Мерве (Афганистан), были разгромлены севернее Самарканда кара-китаи (именуемыми также кара-киданими, или просто киданими).

Кара-китаи, выходцы из Южной Маньчжурии, родственные по языку современным тунгусам (эвенам или эвенкам), а также нанайцам, еще в VIII-X веках основали в Восточной Азии обширное государство, именовавшееся в китайских летописях «империей Ляо» или «Великим Ляо», которое подчинило себе к концу X века всю Маньчжурию, Северный и Центральный Китай до реки Янцзы и монгольские степи Центральной Азии. В начале XII века Империя Ляо была разгромлена китайцами, вступившими для этого в союз с чжурчжэнями, другой народностью тунгусско- (эвено-) маньчжурского корня.

Вытесненные китайцами и чжурчжэнями из Восточной Азии и Монголии, кара-китаи захватили территорию между Монгольским Алтаем и хребтом Алтын-Таг, проникли через горные проходы в Центральный и Западный Тянь-Шань, в прибалхашские степи, в бассейн Сырдарьи, и, разбив, как говорилось выше, в 1141 году мусульманские войска «последнего Великого Сельджука», раздвинули свои владения до Амударьи. Так к середине XII века в Средней Азии и на западе Центральной Азии возникло огромное кара-китайское государство Китань или Кара-Кидань (Кара-Китайская империя) во главе с «гурханами», слухи о котором распространились по всей Азии.

Кара-китаи не были мусульманами. В то же время не существует никаких достоверных доказательств того, что они были христианами, что среди них имелись более-менее многочисленные или влиятельные группы христиан, или, что хотя бы один из киданьских правителей-гурханов в середине XII века принял христианство. Во всяком случае, Елю(й)-Чуцай, потомок киданьской династии Великого Ляо, знаменитый «премьер-министр» Чингиз-хана, судя по описаниям, был полностью китаизированным конфуцианцем, не сохранившим в себе ничего специфически кара-киданьского. Но западно-азиатские христиане смешивали кара-китаев с караитами (кераитами) — монгольским племенем, чьи правители за несколько десятков лет до победы кара-китаев над сельджуками под Самаркандом действительно приняли христианство несторианского толка. Сходство между ними и, соответственно, путаница, усугублялись еще и тем, что христиане-караиты в XIII веке покорили кара-китаев и основали на кара-китайской территории свое собственное государство, в свою очередь, покоренное Чингиз-ханом (так что — увы! — ошибался любимый военный историк наших детских лет генерал-майор Е.И.

Разин, утверждавший во втором томе своей «Истории военного искусства», что монголы Чингиз-хана до начала похода на империю Нючжей, то есть Северную Китайскую, а точнее — чжурчжэньскую — империю Цзинь-Кинь, покорили Кара-Китайскую империю; в действительности последняя к моменту монгольского нашествия уже давно была покорена несторианами-караитами).

В середине XII века христианский правитель карaitов именовался китайским титулом Ван-хан (по-китайски слово «ван», созвучное христианскому имени Иван-Иоанн, означало «царь», «король» или «князь царствующего дома»). Известие о том, что после разгрома мусульман-сельджуков под Самаркандом в Средней Азии немусульманами возникло новое обширное, и притом не мусульманское, а враждебное мусульманам государство во главе с Ван-ханом, было воспринято в христианской западно-азиатской среде как известие о победе, одержанной над мусульманами могущественным христианским «царем (царем-попом, попом) Иваном» (которого крестоносцы французского происхождения — «франки» — именовали «Жан» или «Жеан», крестоносцы германского происхождения — «Иоанн» или «Иоганн», а крестоносцы английского происхождения — «прест Джон»).

Чуть позднее это путаное известие было приукрашено дополнительной легендой о том, что победоносный среднеазиатский царь-христианин был в то же время и священником (первосвященником или пресвитером). Такой «царь-священник» весьма напоминал упоминавшегося в Библии святого праведного «царя-священника» Мелхиседека, «царя Салимского» (Иерусалимского), считавшегося прообразом самого Господа Иисуса Христа и причастившего ветхозаветного патриарха Авраама хлебом и вином после победы над пришедшими в Землю Обетованную с Востока царями язычников, что как бы вводило его в орбиту вооруженной борьбы между христианами и мусульманами за Иерусалим и всю Святую Землю. В первой же дошедшей до нас (датированной 1145 годом) записи о «царе Иване» германского епископа Оттона Фрейзингенского (канцлера императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы — прославленного деда упоминавшегося нами выше не менее знаменитого «сицилийского султана» Фридриха II Гогенштауфена), среднеазиатский победитель мусульман был назван «царем-священником Иоанном». Летописец при этом добавил, со ссылкой на письмо некоего сирийского католического епископа в Рим, что «царь-священник Иоанн» после победы над мусульманами якобы двинулся из Средней Азии на Запад с намерением оказать помощь христианскому Иерусалимскому королевству, дошел до реки Тигр, но там остановился, не имея судов для переправы через реку.

По прошествии нескольких лет большой популярностью среди крестоносцев и даже в самом Риме пользовалось таинственное «письмо

пресвитера Иоанна», якобы отправленное им ромейскому императору Мануилу I Комнину (вольное переложение его содержания вошло в золотой фонд древнерусской литературы под названием «Повести об Индейском Царстве»). Когда же, в результате монгольских походов, были разгромлены в Средней и Западной Азии мусульманские государства и в Западную Европу проникли достоверные сведения о наличии среди татаро-монголов христиан и об охотном зачислении монгольскими ханами христиан к себе на службу, «франки» вспомнили о «царстве Пресвитера Иоанна» (или «попа Ивана») далеко на Востоке» и решили всерьез попытаться разыграть «монгольскую карту». Тем более, что татаро-монголы еще в 1242 году наголову разгромили в битве при горе Кесе-Даг семидесятитысячное мусульманское войско султана турок-сельджуков Кей-Хосрова II (которым, как это ни странно, командовал православный христианин — грузинский князь Шервашидзе, абхаз по происхождению, из рода Чачба, доблестно павший под монгольскими мечами)! После разгрома турок монголо-татарами при Кесе-Даге земли сельджуков были настолько опустошены пришедшими из Центральной Азии «несущими смерть Чингиз-хана сынами», что к 1307 году Иконийский султанат турок-сельджуков — этот столь грозный еще недавно враг ближневосточных «франков» и ромеев, православных «византийских» греков, «с треском» рассыпался на части.

На фоне перечисленных военных катаклизмов оказалось почти немеченным современниками возникновение на обломках сельджукского султаната независимого княжества (бейлика) турок-османов (названных так по имени своего предводителя Османа — вождя маленького кочевого рода, выделившегося из состава большого огузского племени Кайы). Впрочем, история возникновения Османской державы, которой было суждено в 1453 году, взяв Константинополь, покончить с Ромейской василией, выходит за рамки нашего повествования.

Как уже упоминалось выше, король-крестоносец Людовик IX Французский направил в качестве посла к враждебного мусульманам монголам монаха-минорита Вильгельма Рубруквиса, прибывшего, после полного опасных приключений и лишений путешествия, в 1254 году ко двору Великого хана и принятого самим кааном Менгу. Он застал монгольского владыку пребывавшим в готовности напасть на мусульманские государства Западной Азии, не изъявившие желания добровольно признать себя вассалами монголов, и уничтожить их. Друзья Менгу-хана уже были его вассалами, своих врагов он намеревался истребить или превратить в своих вассалов.

В 1256 году многочисленное, состоявшее в значительной степени из восточных христиан преимущественно несторианского вероисповедания, оснащенное китайской, среднеазиатской и иранской осадной техникой, та-

таро-монгольское войско под командованием правителя Персидской орды и вассала верховного повелителя — Каана, или Великого хана — всей Монгольской державы Хулагу, брата Великого хана (сына христианки и женатого на христианке) перешло в наступление на Запад. Первоочередной целью и задачей похода монголов был разгром опорных баз ордена низаритов (не без оснований подозревавшихся татаро-монголами в убийстве Джучи, старшего сына Чингиз-хана, и в скором времени действительно убивших, как мы увидим, другого сына Чингиз-хана, Чагатая-Джагатая), расположенных в Персии, и, прежде всего, их главных крепостей Аламут и Меймундуз. Татаро-монгольские авангарды начали военные действия против низаритов на три года раньше, с марта 1253 года.

Я. ЗАКАТ В КРОВИ

Порой бывает легче сломить большое государство: есть войско, которое можно разгромить, и столица, которую можно занять. Иное дело штурмовать неприступные горные цитадели низаритов. Против десятков крепостей надо посылать отряды, снабженные осадными машинами, терять время и людей — результат же не стоил усилий.

Но в середине XIII века монголы твердо решили покончить с низаритами. Эта задача облегчалась тем, что очередной имам низаритов, сын «горного старца» и имама Рукн-эд Дина Хуршах (пришедший к власти в 1255 году, перешагнув через труп родного отца, устранившего им имама Алла ад-Дина III Мухаммеда), был человеком на редкость трусливым и подлым (хотя и на редкость жестоким). Как затравленный зверь, он буквально метался между желанием сохранить жизнь и богатство и страхом перед монголо-татарами. Пользуясь его непоследовательностью, татаро-монголы силой, обманом, уговорами брали крепость за крепостью, пока имам не был осажден в Аламуте.

Как говорится в грузинской «Столетней летописи:

«Итак... поделив Грузию, татары отправились в поход на Алмут (Аламут — В.А.) и забрали с собой грузин, коих разделили надвое. Половина их была в походе на Алмут один год, а (другая — В.А.) половина — в другой год, ибо семь лет продлилась война с алмутцами, которые суть вероломные человекоубийцы и коих именуют мулидами. И неустанно воевали с ними татары Чармаган, Чагата (сын Чингизхана Чагатай — В.А.), Иосур и Бичо — и летом и зимой. А грузины, разделенные и распределенные по годам своим, сопровождали их и пребывали в алмутском походе... Таким образом, в течение семи лет продлилось пребывание их на Алмутской войне. В один день снарядили алмутцы искусного мулида. Ночью он воровато проник в охрану ноинов (нойонов-князей — В.А.) Чагаты, прокрался в шатер его

и спящему всадил ему в сердце нож и убил его...». Когда насмерть перепуганная стража кинулась на поиски убийцы, тот вдруг сам предстал перед монголами, потрясая обнаженным клинком, покрытым кровью сына Чингиз-хана, воскликнул на своем родном персидском языке: «Ман куштем Чагата!» («Я убил Чагата!»), после чего был сам убит на месте разъяренными татарами. Судя по всему, убийца твердо верил в то, что по молитвам шейха своего тайного ордена будет перенесен в райские сады с приуготованными там отважным «фидаинам» наслаждениями.

В конце концов, Рукн-эд Дин Хуршах был вынужден сдаться. Взяв Аламут измором, татаро-монголы (и поддерживавшие их вспомогательные грузинские православные войска) согнали мулидов-низаритов, под предлогом переписи, в кучу и всех перерезали. Говорят, что при этом погибли тысячи ассасинов. Явившись с повинной головой в ставку хана татаро-монголов, имам Рукн-эд-Дин повел себя крайне недостойно и малодушно. Он слезно клялся, что якобы хотел сдаться «несущим смерть Чингиз-хана сынам» уже давно, но опасался... фанатизма своих собственных подданных. То есть, иначе говоря, недостойный преемник «худжжи» Гассана ибн Саббаха совершил очередную подлость, дойдя при этом до предела падения — он фактически надругался над верностью и предал память членов собственного ордена, не щадивших за него своих жизней в боях с жестоким врагом. Изощренный в тонкостях восточного дипломатического этикета, монгольский хан притворился, что поверил «горному старцу», и обанкротившийся имам некоторое время прожил в почетном плену в ставке Хулагу, пока монголо-татары, силой или хитростью (а также, вероятно, пользуясь именем как бы перешедшего под их покровительство имама, как приманкой), не завладели остальными ассасинскими твердынями в Иране, Ираке и Сирии.

Процитируем в данной связи еще раз отважного венецианского путешественника Марко Поло:

«Рассказал я вам о делах горного старца и его асасинов, а теперь опишу, как и кем он был уничтожен.

Но вот что я позабыл, и теперь доскажу: у старца таких, что повиновались ему и по его обычаю жили, было во всей стране, от Дамаска в одну сторону, до Курдистана в другую (в действительности низариты, подчиненные «горному старцу», были распространены гораздо дальше на восток, чем сказано в тексте книги Марко Поло; согласно Рашид ад-Дину Фазлуллаху Хамадани — между прочим, всеми фибрами души ненавидевшему вероотступников-измаилитов, как подобало всякому уважающему себя правоверному сунниту-шафииту; впрочем, в 1318 году почтенный летописец был обезглавлен по обвинению в... тайном исповедании иудаизма! -, ряд «крепостей еретиков» располагался в Кухистане, в том числе — в восточной его части, например, крепость Туй, и даже в центральном Хорасане — например, крепость Торшиз — В.А.).

Довольно об этом, расскажем об его гибели.

Это было в 1262 году. Алау (Хулагу — В.А.), царь восточных тартар (так у Марко Поло — В.А.), узнал обо всех злых делах, что творил старец, и решил уничтожить его. Набрал он из своих князей и послал их с большой ратью к той крепости; три года осаждали они ее и не могли взять; будь там продовольствие, никогда бы не взять ее, но через три года нечего было там есть. Так-то был взят и убит старец Ала-один вместе со всеми своими; с тех пор и поныне нет более ни старца, ни асасинов. Кончилось и владычество старца, и злые дела, что творил он в старину».

Понятно, что Марко Поло, не являвшийся непосредственным свидетелем и очевидцем событий, не во всем был точен. Монголо-татары хана Хулагу не могли держать в осаде три года (1262-1265), а затем убить «горного старца» и имама Алла ад-Дина Мухаммеда III (убитого еще в 1255 году в Ширкухе к юго-западу от города Йезда). В осаде сидел его сын (по указанию которого Алла ад-Дин Мухаммед III и был убит!), последний «горный старец» и имам — Рукн ад-Дин Хуршах, и сдался он хану Хулагу не в 1265, а в 1256 году.

Как писал цитируемый нами выше иранский историк Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани:

«Когда Хулагу-хан увидел Хуршаха, он понял, что (тот) юн, неопытен и неразумен (заметим в этой связи, что сей якобы юный и неопытный Хуршах, после убийства своего отца, и глазом не моргнув, приказал одному из своих «фидайнов» заколоть убийцу — тоже, между прочим, низарита!, а сыновей убийцы повелел сжечь на площади на глазах у всего «честного народа»! — В.А.). Он обласкал его и обнадежил посулами (чтобы с его помощью скорее сломить сопротивление измаилитов — В.А.)».

Пребывавший в почетном плену у Хулагу низаритский имам влюбился в монголку-служанку и попросил разрешения на ней жениться. Разрешение было дано. Тем временем почти все крепости низаритов уже сдались татаро-монголам, и теперь был нужен только повод, чтобы каким-то образом отделаться от их назойливого и не в меру услужливого имама. Рукн ад-Дин Хуршах сам подсказал «степным батырам» такой повод. Он изъявил горячее желание съездить в ставку Великого хана Менгу, дабы лично засвидетельствовать свое нижайшее почтение «Джихангиру — Повелителю Вселенной».

«Несущие смерть Чингиз-хана сыны», которым экс-имам разгромленных низаритов к тому времени успел до смерти надоесть, с готовностью снарядили небольшой караван для спустившегося с гор «горного старца» и его новой жены. Почтовое дело в татаро-монгольской державе было поставлено образцово, ямская служба, несмотря на боевые действия, продолжавшиеся в разных частях еще далеко не замиренной евразийской империи Чингизидов, работала бесперебойно, и через несколько месяцев

имам мулидов оказался в Каракоруме. Относительно дальнейшего хода событий существуют различные версии. Многие историки считают, что Великий хан Менгу наотрез отказался принять низаритского имама и прогнал его обратно. В пути последний «горный старец» и имам ассасинов пропал без вести. Судя по всему, он был ликвидирован монголами за ненужностью.

Как писал Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани: «Затем он (Хулагу-хан — В.А.) отправил его (Хуршаха — В.А.) на служение каану (Великому хану монголов Менгу — В.А.). О смерти его рассказы различны (есть среди этих рассказов и такой, согласно которому низаритского имама, из уважения к его высокому, хотя и в прошлом, сану, казнили без пролития крови, насмерть затоптав сапогами, а не зарубили, как всю его свиту — В.А.). Подлинно то, что когда до каана дошло известие, что едет Хуршах, он... послал гонцов, чтобы его по дороге убили (согласно этой версии, получается, что последний имам измаилитов даже не доехал до великоханской ставки! — В.А.). Так проходит слава мира...

Следующей целью повелителя монголо-татарских завоевателей, принявшего, после разгрома низаритов, титул ильхана (вассала Великого хана), была столица аббасидских халифов — сказочно богатый город Багдад (название которого означает, в переводе с персидского языка, «Богом данный» или «Дар Бога»). Монголо-татары уже пытались овладеть Багдадом в 1238 году, но безуспешно. К описываемому времени халифы багдадские практически утратили всякую реальную власть, кроме духовной, над мусульманским (а фактически — суннитским) миром, выполняя (сначала при сельджукских султанах и азербайджанских атабеках, а позднее — при египетских султанах) роль, сравнимую с ролью средневековых японских микадо (тэнно) при воинственных сёгунах — носителях реальной власти (а впоследствии — с ролью лишенных реальной власти сёгунов при ставших носителями этой реальной власти сиккэнах).

Тем не менее, халиф багдадский Мустасим (подобно папе римскому в Италии) по-прежнему владел своей собственной территорией, защищать которую от монголо-татар он вознамерился во главе своего собственного войска, попавшего в искусно расставленную монголами ловушку и практически уничтоженного до последнего человека. Сам халиф был, по приказанию ильхана Хулагу, по одной версии, зашит в мешок и забит до смерти палками; по другой версии — плотно завернут в ковер и затоптан до смерти монгольскими лошадьми; по третьей — привязан к хвостам четырех диких коней и разорван ими на части; по четвертой — брошен живым в огромную полую башню, доверху заполненную пеплом, в котором задохнулся; по пятой (приведенной в уже цитировавшейся нами выше книге венецианского купца и путешественника Марко Поло — между прочим, много лет служившего Великому хану монголов Хубилаю в далеком

Китае, центре Великого Монгольского Государства — и обездившего все татаро-монгольские владения) — заточен ханом Хулагу в своей собственной сокровищнице, богатства которой пожалел потратить на наемное войско, достаточное для отражения монгольского нашествия, и уморен голодом среди бесчисленных сокровищ — и все это лишь для того, «чтобы не проливать публично кровь владыки правоверных»! Истреблены были также сыновья и прочие сородичи халифа. Правоверные мусульмане-сунниты остались без своего верховного владыки (впрочем, шиитам и, в том числе низаритам, до этого не было никакого дела).

В 1261 году мамелюкский султан Египта Бейбарс (куман, то есть кипчак, или, по-нашему, половец, по происхождению, а по другой версии — черкес) пригласил единственного уцелевшего после разорения Багдада монголами Аббасида — дядю (по другой версии — брата) убитого монголо-татарами халифа Мустасима — к себе в Каир, где и провозгласил его халифом всех правоверных. С тех пор мамелюкские султаны Египта рассматривали присутствие в египетской столице Каире аббасидских халифов как гарантию легитимности своей собственной власти. После разгрома мамелюков и завоевания Египта турками-османами в 1517 году последний аббасидский халиф был вывезен в Стамбул (так османы называли захваченный ими в 1453 году Константинополь), где и отказался от своего халифского титула в пользу турецкого султана-падишаха Селима I, считавшегося с тех пор (по крайней мере, формально) не только светским, но и духовным владыкой почти всех мусульман мира (придерживающихся суннитского толка ислама). Его власть не признавали только шииты, считавшие своим главой персидского шаха, да уцелевшие измаилиты-низариты, считавшие (да и по сей день продолжающие считать) таковым Ага-хана, потомка последнего «горного старца» и имама (о нем у нас еще пойдет речь далее).

Разрушение столицы багдадских халифов татаро-монголами вселило страх в сердца всех магометан мира (кроме, разве что, измаилитов и других шиитов) и радость — в сердца азиатских христиан. Торжествуя, они неустанно восхваляли падение «Второго Вавилона» (так христиане именовали Багдад, в отличие от «Первого Вавилона» — Каира), и даже величали татарского хана Хулагу «Вторым Константином», отомстившим врагам Христовым за унижения и слезы христиан.

Первым среди государств, расположенных на Восточном побережье Средиземного моря, в полной мере осознало важность вторжения монголо-татар на Передний Восток для борьбы с исламом армянское христианское царство (королевство), расположенное в Киликии, давно тесно связанное с левантийскими государствами крестоносцев. Царь (король) Хетум Армянский по собственной инициативе отправился со щедрыми дарами ко двору Великого Хана (каана) монголов Менгу. Хетум получил от Менгу-Хана

ярлык (жалованную грамоту), утвердивший его во владении Киликийским королевством и одновременно провозгласивший его главным представителем христиан всей Западной Азии. Наряду с гарантией неприкосновенности жизни и имущества населения Киликийского царства, армянскому царю были выданы монголо-татарами тарханные (охранные) грамоты для церквей и монастырей, освобождавшие их от уплаты налогов и податей.

Попытка армяно-килийского царя Хетума заключить союз с монголо-татарами, с целью окончательного предотвращения исламской угрозы христианским государствам Переднего Востока, нашла положительный отклик у всех тамошних христиан. Зять царя Хетума, «франкский» князь Боэмунд Антиохийский, первым из правителей «латинских» государств Леванта присоединился к армяно-монголо-татарскому военному союзу. Оба христианских государя (римо-католик и армяно-григорианский монофизит) со своими войсками (а также православные грузинские воинские контингенты) влились в ряды монголо-татарской армии вторжения (включавшей в себя множество христиан преимущественно несторианского толка) и приняли участие в походе ильхана Хулагу на недобитых мусульман. В качестве награды за верность монголо-татары возвратили князю Боэмунду Антиохийскому целый ряд отнятых у него прежде сарацинами городов, крепостей и замков, в том числе Латакию-Лаодикею, со времен султана Салах ад-Дина пребывавшую под властью мусульман.

Совместный поход христиан и монголо-татар против мусульманской Северной Сирии начался в сентябре 1259 года. После недолгого сопротивления ими был взят город Халеб, бывший некогда цитаделью покровителя низаритов — кровожадного султана Ридвана. В соответствии с монголо-татарской практикой, весь гарнизон и мусульманское население города были вырезаны. После алеппской резни по всей магометанской Сирии распространились страх и ужас. Султан Дамаска даже не осмелился защищать свой город от монголо-татар и в панике бежал в Египет, а перепуганные горожане 1 марта 1260 года без боя (а по утверждению Л.Н. Гумилева — после короткой осады) открыли ворота и сдали столицу мусульманской Сирии завоевателям. Начиная с достопамятного 635 года Христианской эры, когда халиф Омар, друг пророка Мухаммеда (тот самый, павший при входе в мечеть от кинжала перса Абу Лаулу Пероза), отвоевал этот город у православной Восточной Римской империи для мусульман, прошло ни много, ни мало — шесть веков (!), в течение которых ни один христианский государь еще не вступал в Дамаск победителем. С падением Дамаска, казалось, наступил конец господству ислама в Азии. В Дамаске, как и повсюду в Западной Азии, монгольское завоевание ознаменовало собой начало восстановления позиций местного христианства. Начавшийся процесс возрождения был, однако, прерван и обращен вспять тремя событиями чрезвычайной важности.

Первым из них была последовавшая в 1259 году внезапная смерть Великого хана монголов Менгу, вторым — военное столкновение между монголо-татарами и мамелюкским Египтом, неудачное для монголо-татар, третьим — головокружительный взлет египетского военачальника-мамелюка Бейбарса, ставшего новым султаном страны пирамид. После падения Дамаска монголо-татары направили в Каир посланника с требованием беспрекословно подчиниться власти Великого хана, правящего миром из далекого Каракорума. Однако султан мамелюков Кутуз, выслушав монгольского посланника, велел обезглавить его вместе со свитой. Незадолго перед тем аналогичный поступок с монголо-татарским посольством стоил царства и головы куда более могущественному мусульманскому государю, окончательно сломившему власть сельджуков над Средней Азией — хорезмшаху Мухаммеду (знакомому людям моего поколения, прежде всего, по одной из любимых книг нашего детства — историческому роману Василия Григорьевича Яна о Чингиз-хане). Отныне война монголо-татар с последней еще не покорившейся им великой исламской державой стала совершенно неизбежной.

Если бы не внезапная смерть каана Менгу, монголо-татарская конница, насчитывавшая (по сведениям современников, как всегда, несколько преувеличенным) не меньше ста тысяч сабель, при поддержке крестоносцев, армянского войска, грузинских отрядов и практически всех христиан Востока, воспрянувших духом в ожидании скорого крушения господства исламского Полумесяца, в короткий срок захватила бы Египет и подавила там всякое сопротивление власти монголов. Однако смерть Великого хана в корне изменила ситуацию, и ильхан Хулагу отреагировал на нее, как в свое время Бату-хан, полководец бывшего Великого хана Угедея и покоритель Восточной Европы. Когда Бату-хан в 1241 году, опустошив Польшу и Нижнюю Силезию, получил известие о смерти Великого хана и о созыве курултая, он немедленно повернул со своим войском назад в Монголию, чтобы успеть на совете ханов закрепить за свои завоевания за собой и своим родом в качестве удела. Так и Хулагу-хан после смерти Менгу-хана, также опасаясь за свою власть, с большей частью своих войск отступил на Восток.

Оставшаяся в Сирии часть монголо-татар, во главе с отважным полководцем Китбугой, исповедовавшим христианство, сражавшимся под знаменем с изображением Святого Креста (который многие монгольские и татарские христиане носили и на шлемах) и повсюду возившим за собой несторианских священников, выступив в так называемый «Желтый Крестовый поход» для освобождения от мусульман Иерусалима, сошлась с войском египетских мамелюков в битве при Айн-Джалуте (этот топоним означает буквально «Источник Голиафа» — именно там, по легенде, исполин-филистимлянин Голиаф-Джалут был сражен камнем из пращи

Давида-Дауда), неподалеку от библейского города Сихема (Шхема), именного греками Неаполем, «франками» — Наплюзой, а арабами и турками — Наблусом (в 1260 году). Численное превосходство мусульман, которыми командовали султан Кутуз и эмир Бейбарс, сыграло на руку мамелюкам. Бейбарс ложным отступлением завлек Китбугу в засаду, где на него с трех сторон ударили мамлюки. Монгольская армия потерпела поражение.

Монголо-татарский военачальник Китбуга был взят мусульманами в плен и, после категорического отказа отречься от Христа, обезглавлен. Вторая битва с мамелюками, также окончившаяся поражением монголо-татар, лишила их власти над Сирией. Из отсеченных мамелюками голов монгольских и татарских степных батыров Бейбарс (устранивший Кутуза и ставший султаном Египта и Сирии) велел сложить высокую пирамиду.

У древнего города Мегиддо (а затем — у его руин), в прилежащей долине Изреельской, где были впервые разбиты монголо-татары, на протяжении человеческой истории произошло немало кровавых сражений. В течение столетий Мегиддо и долина Изреельская служили местом военных действий, определявших ход истории. Сражения, происходившие близ Мегиддо, нередко имели решающее значение для судеб целых стран и народов. Именно здесь, «в месте, называемом Армагеддон» (от древнееврейского «гора близ Мегиддо»), произошла в XV веке до Р.Х. первая документально зафиксированная битва в истории человечества, в которой древнеегипетский воитель-фараон Тутмос III наголову разбил военную коалицию ханаанских (сирийских) царей. Христиане всех толков по сей день верят, что именно здесь должна произойти и последняя битва в человеческой истории — Армагеддон. Видимо, далеко не случайно, победоносные до той поры монгольские войска, покорители большей части Азии, своё первое поражение потерпели именно в этой роковой долине. Через много столетий, во время Первой мировой войны, недалеко от Мегиддо британская армия под командованием генерала Эдмунда Алленби одержала победу над турками-османами. Важнейшие сражения ветхозветных библейских времен тоже происходили близ Мегиддо. Именно здесь израильский судья Варак разгромил войско ханаанского военачальника Сисары (Суд. 4:14—16, Суд. 5:19—21). Здесь же небольшое израильское войско во главе с судьей Гедеоном одержало победу над многочисленным войском мадианитян (Суд. 7:19—22). Царь Израиля Саул и его сын Ионафан погибли на расположенной близ Мегиддо горе Гелвуйской, где филистимляне разгромили израильское войско (1Цар. 31:1—7). Благодаря своему стратегическому положению Мегиддо и близлежащая долина за последние сорок столетий стали свидетелями десятков сражений. История и стратегическое положение Мегиддо раскрывает символический смысл слова «Армагеддон». Хотя это слово встречается в Библии всего один раз, из

контекста, в котором оно употребляется в новозаветной книге «Откровение (Апокалипсис)», явствует, что Армагеддон коснется жизни каждого живущего на Земле. В «Откровении» сказано, что цари всей земли будут собраны на войну, которая произойдет в великий день Всемогущего Бога: «...это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей Вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его. И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон...» (Откр. 16:14—16). Но это так, к слову...

Нанесшие поражение «несущим смерть Чингиз-хана сынам» победоносные египетские мамелюки, триумфу которых способствовали и происходившие во многих случаях нападения рыцарей ордена Храма на отдельные монголо-татарские отряды (чем при этом руководствовались ближневосточные тамплиеры, нам неизвестно — возможно, желанием отомстить за гибель своих центральноевропейских братьев по ордену в битве с монголами под силезским городом Лигницей-Вальштаттом в 1241 году?), окончательно присоединили Сирию к Египту, что ознаменовало начало конца существования христианских государств на Переднем Востоке (заодно свирепый султан Бейбарс уничтожил в 1273 года последние «орлиные гнезда» низаритов в Сирийских горах). Впрочем, некоторые современники событий и позднейшие историки высказывали сомнения в справедливости выдвигавшихся против сирийских тамплиеров обвинений в нападении на монголо-татарских крестоносцев (в общем контексте приписывания рыцарям ордена Храма тайного сговора с мусульманами и измене делу Креста), поскольку как король Иерусалимский, так и папский престол, которому подчинялся орден тамплиеров, был жизненно заинтересован как раз в скорейшем установлении военно-политического союза с татаро-монголами. А может, тамплиеры мстили монголам за низаритов?

В 1287 году Аргун, монгольский хан Персидской Орды (потомок Чингиз-хана и Хулагу-хана), предпринял еще одну попытку заключить военный союз с «франками» против мусульман. Крещеный уйгур (или онгут) Бар Савма, наместник католика (патриарха) несторианской Церкви Востока, снабженный ярлыком (грамотой) ильхана Аргуна как его полномочный представитель, был направлен в «земли ромеев», на деле же не к «ромеям» — православным «византийским» грекам —, а к самым что ни на есть «латинянам» — католическим государям, французскому королю Филиппу IV Красивому, английскому королю Эдуарду I и к папе римскому Николаю IV — с поручением договориться о новом Крестовом походе, с целью окончательного вытеснения мусульман из Палестины и Сирии.

Попытки создания антимусульманской коалиции между католическим западноевропейским «Христианским миром» и монголо-татарами,

известными своим сочувствием христианам, и угроза нового «Желтого Крестового похода» не замедлили вызвать реакцию со стороны «ордынских» мусульман. Еще в 1281 году, после смерти хана Абагана, право его сына Аргуна на престол ильханов было оспорено братом покойного Абагана, ханом Тегудером, ставшим орудием в руках «ордынских» мусульман. Тегудер принял ислам под именем Ахмеда и воцарился в 1281 году. Он сразу же обрушил репрессии на своих подданных-христиан, как сторонников Аргуна. А в 1291 году, после смерти Аргуна, в Персидской Орде разгорелась новая междоусобица, в ходе которой погибли ханы Гейхату и Байду. Особенно враждебен христианам был эмир Навруз. Несториан грабили и всячески притесняли, превратив немало христианских храмов в мечети. В 1295 году воцарился сын Аргуна, Газан-хан (бывший монголо-татарский правитель Хорасана), безуспешно пытавшийся нормализовать ситуацию, но вынужденный, в конце концов, принять ислам.

Христианская Церковь Востока, пользовавшаяся дотоле покровительством монголо-татар, известных своей враждебностью к мусульманам, сама стала объектом их вражды (хотя окончательно уничтожил несториан во владениях Чингизидов Тимур, или Тамерлан, отличавшийся крайним мусульманским фанатизмом). Так оказался упущенным уникальный исторический шанс...

Если бы монголо-татарам удалось прорваться в Египет, то восточнее Марокко очень скоро не осталось бы крупных исламских государств. Мусульмане Азии были слишком многочисленны, чтобы, при тогдашнем уровне развития техники массового уничтожения (несмотря на имевшийся, в частности, у татаро-монголов, хотя и не только у них, богатый опыт в этой области!), быть истребленными поголовно, но, потерпев поражение от монголо-татар, они наверняка утратили бы свое господствующее положение на Востоке навсегда (или, во всяком случае, надолго). Победа христианина Китбуги послужила бы мощным стимулом развития симпатий всех монголов к христианству. Победа мамелюков над монгольско-христианским войском при Айн-Джалуте превратила их Египетский султанат, распространивший свою власть на Сирию, в сильнейшую державу Ближнего Востока на целых два столетия, вплоть до нашествия Тимура и возникновения турецкой Османской (Оттоманской) империи. Она положила конец влиянию местных азиатских христиан, усилила позиции мусульманской части населения, ослабила позиции его христианской части, и тем самым побудила осевших в Западной Азии монголо-татар к принятию ислама.

Последняя крепость ордена низаритов держалась еще много лет и пала лишь в конце XIII века. Все ее защитники были пепребиты монголо-татарами безо всякой пощады.

Как писал уже цитируемый нами неоднократно Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани:

«А в здешнем краю, после того как (Рукн ад-Дина) Хуршаха отправили (к Великому хану Менгу — В.А.), всех его родичей и приверженцев, от женщин и мужчин до младенцев в колыбели перебили между Абхаром (Абхер) и Казвином, так что от них не осталось и следа (расстояние между городами Абхаром и Казвином составляет не более семидесяти пяти километров; в других районах от монгольского меча уцелели большие группы измаилитов — В.А.)».

До сих пор археологи находят в глухих ущельях развалины твердынь некогда грозного ордена измаилитов. Но еще далеко не все крепости ассасинов обнаружены.

Официально орден низаритов-ассасинов прекратил свое существование в 1256 году, после того, как пали крепости Аламут и Меймундуз (Меймундиз). Мулиды, как и прежде, в первые годы существования своего тайного братства, были вынуждены рассеяться по безлюдным горам или уйти в глубокое подполье. Хотя египетский султан Бейбарс I в конце концов сумел остановить монголо-татар и изгнать их с Ближнего (но не Среднего) Востока, низариты так и не сумели восстановить свое могущество в этих краях. Однако исмаилитское движение не прекратило своего существования. В XVIII веке иранский шах (наконец, после стольких столетий свирепых гонений!) официально признал измаилизм не «ересью», а вполне легитимным течением шиизма, имеющим право на существование.

Впоследствии шах Персии (Ирана) Фетх Али присвоил своему зятю Абу-аль-Хасану, правителю Кермана (1800—1881), считавшемуся потомком пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы, титул Ага-хан (перс. «ага» — «господин» от пратюрк. «ака» — старший и тюрк. «хан» — «властитель»), ставший наследственным титулом главы религиозной общины измаилитов-низаритов. Но в 1838 году Ага-хан I возглавил неудачное восстание низаритов против шаха, после чего бежал в Афганистан, а оттуда — в Синд (нынешний Пакистан) на территории Британской Индии. Главе низаритов удалось заручиться поддержкой Великобритании и обосноваться в Бомбее.

Внук Абу-аль-Хасана, Султан Мухаммад-шах (1877—1957), Ага-хан III, играл важную роль в политической жизни Индии, пытаясь добиться поддержки британского колониального правления мусульманским населением, особенно на посту Президента Всеиндийской мусульманской лиги.

Нынешний прямой потомок последнего «горного старца» и имама — князь (принц) Карим-шах Ага-Хан IV, Сорок Девятый Имам, выпускник Гарвардского университета, в 1957 году официально принял главенство над измаилитами.

Измаилиты по сей день проживают по всей Азии, главным образом — в Индии, Пакистане, Сирии, Таджикистане (где составляют большинство населения Горно-Бадахшанской области), Ираке, Омане и в восточноафриканском государстве Танзания (на входящем в его состав острове Занзибар) —, воюя и торгуя (в том числе — оружием и, по старой памяти, наркотиками), и платят дань упомянутому выше Ага-Хану, потомку некогда грозных, но впоследствии впавших в ничтожество, столь наглядно продемонстрировав бренность всякой мирской славы, низаритских имамов, считающемуся одним из богатейших людей на Земле. Говорят, принц Карим-шах Ага-Хан IV (имеющий высокие степени масонского посвящения и принадлежащий к числу богатейших людей мира) ежегодно получает в подарок от благоговейно почитающих его подданных груды уже не золота, как прежде, а брильянтов, вес которой равно весу его тела.

О СУФИЗМЕ

А. ЧТО ТАКОЕ СУФИЗМ

«Вся религия подчинена идее развития. Суфии считают, что эволюция суфия осуществляется внутри него самого, а также в его взаимоотношениях с обществом. Развитие общества и конечная цель всего творения, включая сюда и даже номинально неодушевленные вещи, неотделима от конечной цели суфия».

Идрис Шах

Однажды у суфия спросили: «Как можно распознать духовного человека?» И суфий ответил: «Не по тому, что он говорит, и не по тому, каким он кажется, а по той атмосфере, которая создаётся в его присутствии. Вот что является свидетельством. Ибо никто не в состоянии создать атмосферу, не принадлежащую его духу».

Суфизм — религиозная философия весьма глубокого идеалистического содержания.

Цель суфизма — создание всесторонне развитого человека.

Главная задача суфизма — наделение человека знаниями, обеспечивающее приоритет общественных интересов перед частными, что предполагает гармонизацию взаимодействия личности с обществом и с природой.

Суфии представляют собой конгломерат древних духовных братств (орденов), происхождение которого не может быть точно установлено или датировано. Сами суфии не проявляют особого интереса к подобным исследованиям, довольствуясь ссылками на проявление их образа мышления в различных странах в разные периоды времени. Историческая деятельность суфиев протекала, главным образом, в русле ислама. Однако (вопреки широко распространенному, но от того не менее ложному

мнению) не следует считать суфиев исключительно «исламским явлением» или «мусульманской сектой». Суфии можно встретить среди исповедников любой религии, и этим они похожи на «вольных каменщиков» (франкмасонов, или просто масонов), которые, в зависимости от конкретной ситуации, могут положить перед собой в ложе христианскую Библию, мусульманский Коран или иудейскую Тору. Сами суфии именуют ислам «оболочкой» суфизма только потому, что считают суфизм тайным учением всех религий. Среди суфиев были великие богословы (теологи), поэты, ученые. Суфии с даних времен придерживались атомистической теории и сформировали учение о происхождении видов и эволюции за 1000 лет до Чарльза Дарвина. Суфии разрабатывали диалектику за 500 лет до Гегеля (не говоря уже о Карле Марксе и прочих «младогегельянцах»).

Огромный вклад в развитие суфизма внесли египтянин Зу-н-Нун аль-Мисри и багдадец (или, говоря по-современному, иракец) Абу Абдуллах аль-Мухабиси (живший в IX веке Христианской эры). Они создали теорию самонаблюдения над соотношением поступков человека и его сокровенных намерений с целью достижения наивысшей искренности человека перед Богом (что противопоставлялось лицемерию и показному, ханжескому, с точки зрения истинных суфиев, благочестию официального исламского духовенства). Плодом их творчества стало также учение о «Хал» — мгновенном озарении (символика суфизма), экстатическом состоянии суфия на пути к Богу.

Суфий Джунайд создал учение о «Фана» — мистическом растворении суфия в Боге, ведущем к Сверхбытию (подобному Нирване у буддистов) — Вечности в Абсолюте, основанное на базе эзотерической символики, разработанной упомянутыми выше суфийскими мудрецами. Как и в основе всякой другой мистики, в основе мистики суфиев лежали заветные мечты и стремление человеческой души к совершенству. Джунайд предложил считать первым этапом мистического пути шариат (логический путь сознания) — общемусульманский путь, соответствующий религиозному закону, вторым — суфийский путь тарикат (психологическую устойчивую переориентацию), а третьим — хакикат, то есть мистическое постижение истины в Боге (в соответствии с символикой суфизма).

Для Джунайда одна из основ ислама — таухид — заключалась не в словесном доказательстве единственности Бога, как в официальном исламском богословии, а в самой аскетической жизни суфия, в трансцендентальном (потустороннем) единении с Богом.

Суфий Абу Язид создал учение о тройной градации сознания бытия (Я, Ты, Он — самость).

Суфий Абу Абдаллах Хусейн ибн Мансур аль-Халлодж утверждал возможность реального единения суфия с Богом и в моменты экстаза

воскликнул: «Я есмь Истинный!». За это он был объявлен еретиком и казнен в 922 году п. Р.Х..

В X–XI веках суфийское учение о тарикате приобрело законченную форму, появилось положение о «стоянках» на мистическом пути, о тройной традиции истинного знания, завершающегося слиянием познающего с познаваемым.

В результате реформаторской деятельности суфия Аль-Газали, известного в средневековой Европе под именем «Альгазель» (1058–1111) и признанного высшим авторитетом мусульманского мира в вопросах теории, суфизм получил известное признание со стороны правоверного мусульманского духовенства (которое до конца XI — начала XII века преследовало суфиев как опасных вольнодумцев). Аль-Газали примирил религиозные мифы Корана с рационалистической философией, заслужив тем самым почетный титул «Опора Корана». Несмотря на это, суфии по-прежнему нередко становились жертвами погромов в менее культурных районах и были вынуждены применять в общении с единомышленниками секретные пароли, особые рукопожатия и другие средства самозащиты (подобно вышеупомянутым франкмасонам). На Западе ни один христианский суфий (даже обладающий большим авторитетом в церковных кругах) не смог бы защитить своих друзей перед церковным судом, и, тем не менее, суфийская мысль продолжала оставаться тайной силой, развивающейся параллельно с официальным, ортодоксальным христианством. Отсюда и восхищение (смешанное с подозрительностью), с которым относились современники и более поздние христианские богословы Запада к монаху Роджеру Бэкону, блаженному Раймунду Луллию (ожидавшему своей беатификации римско-католической Церковью ни много, ни мало — 700 лет!) и другим европейским суфиям, которым приписывали обладание «паранормальными» способностями и знание неведомых учений. На суфийские труды Аль-Газали ссылались Ибн-Рушд (известный на христианском Западе под именем «Аверроэс») и Абу Бакр, или Абу Бекр (известный на Западе как «Абубацер»), пользовавшийся почти непререкаемым авторитетом в христианских университетах (прежде всего, расположенных в королевствах Иберийского полуострова, наиболее близко граничивших с исламским миром).

Суфий Сухраварди развивает учение об «ишран» (мистическом озарении), Ахмед аль-Газали, Айн аль-Кузат Хаммадани и Ибн аль-Араби развивают учение о «вахдат» (единстве бытия): дух суфия должен был, по их мысли, «сбросить цепи множественности», присущей материи, и прийти к единению с Абсолютом.

Суфизм проник в христианскую Европу сразу же после завоевания ее значительной части (прежде всего — Испании) арабами-мусульманами. Об этом красноречиво свидетельствует книга Ибн Туфейля «Повесть о Хайе, сыне Якзака».

Б. Суфии и ФРАНКМАСОНЫ

Во введении к книге Идрис Шаха «Суфизм» Роберт Грейвс приводит данные о том, что «Суфии — это древнее духовное масонское братство...». В действительности же дело обстоит совсем наоборот. Именно масоны первоначально были членами тайных суфийских обществ, перенесших свою деятельность с территории мусульманских государств на территорию государств христианских. В Англии такие тайные общества появились еще в годы царствования англосаксонского короля Ательстана (924–939). Впоследствии они, под видом профессиональных гильдий (цехов) каменщиков (строителей), появились и в Шотландии, что, несомненно, было связано с деятельностью рыцарей военно-монашеского ордена Христа и Храма Соломонова (известных нам храмовников, или тамплиеров). Следует отметить, что у самих масонов традиционно существуют весьма расплывчатые и туманные представления о происхождении их «царственной науки», или «ремесла». В «Словаре дат» Гайдна приведены слова масонских историков по этому поводу: «...говорят, что архитекторы-мусульмане с африканского побережья завезли его в Испанию в начале IX века».

То, что последовательный переход из одной степени («градуса») масонского посвящения в другую в действительности отмечает прохождение посвящаемого через некоторые определенные духовные переживания, аллегорически выраженные в их ритуалах, понималось далеко не всеми европейскими масонами. Но таковы были неизбежные издержки эзотерического учения, становящегося достоянием все большего числа людей, далеко не все из которых были в достаточной степени духовно подготовлены к тому, чтобы это учение «вместить».

Реформация масонского «братства», осуществленная в начале XVIII века в Лондоне группой протестантских

ученых, ошибочно принявших мусульманские термины за древнееврейские, привела к тому, что многие ранние традиции масонов, перенятые ими от суфиев, оказались отодвинутыми на второй план. Так, например, переводчик сборника сказок «Тысяча и одна ночь» с арабского языка на английский Ричард Бартон (который был и масоном, и суфием), первым указал на тесную связь между этими двумя тайными обществами «любомудров», но оказался не настолько «просвещенным», чтобы осознать, что масоны когда-то начинали свои «работы» как суфийская группа.

В своей книге «Суфизм» Идрис Шах указывал на то, что проповедуемая масонами высшая цель их деятельности — «восстановление (или строительство) Соломонова Храма» была в действительности метафорой, подразумевающей собой «восстановление» или перестройку разрушенного духовного состояния человека, и что три масонских инструмента, выставленные в современных масонских ложах, символизируют собой 3 суфийские молитвенные позы. «Буиз», или «Боаз», в честь которого был назван один из столпов (колонн), стоящих по бокам от входа в иерусалимский Храм Соломонов, а также «Соломон, сын Давида», которые почитаются масонами как строители Соломонова Храма в Иерусалиме, отнюдь не были (как это принято считать) израильянами (подданными царя Соломона) или финикийцами, приглашенными им из города Тира.

В действительности это были, как считает Идрис Шах, суфийские архитекторы халифа Абд аль-Малика, построившие в завоеванном арабами-мусульманами Иерусалиме, на развалинах древнего Храма Соломона (а точнее — Храма Ирода), мечеть Купол Скалы, и их последователи. Настоящими именами этих архитекторов-суфиев были Тубан Абд аль-Фаиз (Изз) и его «великий внук» Маруф, сын (ученик) Дауда Таджа («Дауд» — арабо-исламский эквивалент древнееврейско-иудейского имени «Давид»; Тай, или Тадж, по-персидски означает «араб», хотя со временем это слово стало этнонимом современных таджиков, народа иранской языковой группы; любопытно, что в современном армянском языке слово «тачик», то есть «таджик», означает «турок»), суфийское имя которого было «Сулейман» (арабо-исламский эквивалент древнееврейско-иудейского имени Соломон) — суфии именовали его «Соломоном», поскольку его отца звали «Давидом». Архитектурные принципы, избранные для иерусалимского «Храма Соломонова» (то есть для мечети Купол Скалы), как и для Каабы в Мекке — главной святыни мусульман всего мира -, соответствовали эквивалентам определенных арабских языковых корней, передающих священные послания. При этом каждая часть здания храма-мечети соотносилась с любой другой его частью в строго определенной пропорции (что соответствовало символике гармонизированного внутреннего мира человека).

Мусульманские источники говорят, что суфии — эти мудрецы, имевшие широкий кругозор и внешнее понятие об истине —, скрывали свои верования от непосвященного большинства людей (традиционно именуемых в масонстве «профанами») и углублялись в духовную жизнь для внешнего достижения неземной радости и покоя, начиная с тех пор, как появились люди на Земле. Хотя суфии жили в разных частях света, говорили на разных языках и с самого рождения своего исповедовали разные веры и придерживались разных религиозных учений, они любили и узнавали друг друга вследствие общности их понятий. Слово «суфи(й)» происходит от «суфа» (тот есть «чистый», по-гречески «катарос» (имеется в виду человек, чистый, то есть — свободный от греха невежества, ханжества, догматизма, эгоизма и фанатизма, равно как и от кастовой, вероисповедной, расовой, национальной или религиозной нетерпимости). Всех суфиев объединяла общая им вера в Бога как в Единое Существо и Абсолютное проявление Его природы.

Суфии как таковые и под тем же названием существовали и до появления ислама. Но при этом, хотя было название для последователей объединявшего их учения, для самого учения названия не было. Название «суфизм» (на латыни — языке всех средневековых европейских ученых — оно звучит как «суфизмус» или «суфисмус») было дано ему на христианском Западе. До этого европейцы использовали для обозначения учения суфиев бытовавшее на Востоке и Западе ранее слово «тасаввуф», обозначающее состояние, практику или положение суфи(я).

В. Влияние СУФИЕВ НА НАШУ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ

Считается, что схоластика и мистицизм противоречат друг другу. Тем не менее, суфии развивали оба этих направления человеческой мысли, как и многие другие. Были ли эти два направления мусульманскими? Нет. Как установили профессор Паласиос и другие исследователи суфизма, представители этих направлений были христианами, сотрудничавшими с августинцами и с последователями Святого Иоанна Крестителя. Итак, из чисто восточных мистиков суфии постепенно превратились в предшественников католических мистиков и философов. Кофе, который мы пьем, согласно традиции, впервые стали употреблять суфии для большей ясности сознания. Мы носим одежду, принятую у суфиев (рубашки, пояса и брюки), слушаем их музыку (андалузские мелодии, ритмическая музыка, любовные песни), танцуем их танцы (например, вальс), читаем произведения, проникнутые суфийскими по происхождению идеями (такие, как «Божественная комедия» Данте Алигьери, «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера, «Робинзон Крузо» Дэниэла Дефо, «Вильгельм Телль» Фридриха Шиллера и др.), используем их эзотерические выражения и словосочетания («момент истины», «человеческий дух», «идеальный человек»), играем в их игры — например, в карты.

Игральные (а также гадательные) карты (колода Таро) появились на христианском Западе в 1379 году. Феличиано Бузи цитирует слова одного летописца: «В 1379 году в Витербо были завезены игральные карты. В сарацинских (арабских, мусульманских — В.А.) землях, в которых они появились, игру в карты называют Наиб». В своей книге «Суфизм» Идрис Шах указывает на то, что до сих пор еще сохранились материалы, послужившие ее основой — карточки Таро (Тарот или Тарок), а слово «Наиб» означает по-арабски «наместник», «заместитель» или «заменяющий материал».

Карты представляют собой аллереорию учения суфийских мастеров об определенных космических влияниях на человечество. Этот материал делится на четыре части, обозначаемые общим наименованием «турук» («четыре пути»). Слово «Таро» («Тарок», «Тарот») образовано от этого названия (а вовсе не является анаграммой названия древнееврейского Священного писания — «Тора», как ошибочно пишут и думают многие). Хотя, с другой стороны, не подлежит сомнению, что на известную в настоящее время на Западе систему гадания по картам Таро (Тарот, Тарок) оказали немалое влияние иудаизм и каббала (предполагалось привести ее в соответствие с определенными учениями, не нашедшими непосредственного отражения в первоисточниках). Предпринимавшиеся неоднократно поверхностные попытки связать «западные» игральные и гадательные карты с картами, использующимися в Персии и Китае, не увенчались успехом, поскольку до сих пор одним лишь суфиям известен основной элемент шифра (кода), содержащегося в карточных мастях и козырях. Знакомая всем нам карточная колода может считаться правильной лишь частично, ибо с течением времени произошло искажение некоторых символических значений входящих в колоду карт. Эта ошибка была следствием неправильного перевода некоторых арабских слов, которые были чисто формально перенесены из восточной суфийской в иную, западно-европейскую, культурную среду. Нередко наши современники принадлежат к ответвлениям суфийских обществ — таким, как масонство, розенкрейцерство, или к некоторым военно-монашеским или рыцарским орденам, таким, как ордены храмовников-тамплиеров (включая происходящие от тамплиеров ордены Христа, Святого Андрея или Чертополоха, Эворы, Монтезы и проч.), иоаннитов-госпитальеров, сепулькриеров (рыцарей Святого Гроба Господня), орден Золотого Руна, орден Подвязки и т.д., — даже не догадываясь и не задумываясь об их изначально суфийском происхождении.

Современная психология показывает, что стремление человека к обогащению может быть признаком его внутренней неуверенности в себе. Но это стремление не является единственным, с исторической точки зрения оно все еще идет против течения. Суфийское отношение к жизни начинает действовать на иной основе. Суфии утверждают, что вся жизнь есть борьба, но эта борьба должна быть логически последовательной. Обычный человек борется против слишком многих вещей сразу. Если запутавшийся и несовершенный человек (именуемый в масонстве, в соответствии с «каменщицкой» терминологией последнего, «нео(б)тесанным камнем» — от этого, изначально масонского понятия, между прочим, происходит наше, давно уже вошедшее в общее употребление обозначение грубого, не умеющего вести себя человека как «неотесанного») заработает денег или добьется каких-либо профессиональных успехов, он все равно так и останется запутавшимся и несовершенным.

Психологи изучают этот процесс, в то время как суфии давно уже осознали его. Суфизм уничтожает в человеке обычную врожденную или привитую ему непоследовательность, превращая его в инструмент, при помощи которого достоинство и предназначение человека смогут подняться на более высокую ступень.

Для суфиев нет ничего нового в том, что дали Западу психоаналитическая теория Фрейда и глубинно-психологическая теория Юнга. Суфийский шейх Аль-Газали в своем труде «Алхимия счастья», написанном более девяти столетий тому назад, указывал на то, что выводы относительно основ сексуальной жизни человека, к которым гораздо позднее пришел Зигмунд Фрейд, уже в то далекое от нас время вовсе не являлись откровением, но были хорошо известны мусульманским богословам.

Как отмечал профессор Ром Ландау в своем исследовании «Философия Ибн аль-Араби», профессора Карла-Густава Юнга ни в коем случае нельзя считать первооткрывателем теории архетипов, которая была задолго до него сформулирована суфийским мастером Ибн аль-Араби.

Суфизм невозможно изучать с помощью психологии по нескольким причинам. Самой интересной из этих причин для западного человека будет, вероятно, та, что суфизм сам по себе является психологической системой, причем намного более развитой, чем любая психологическая система, получившая доселе развитие на Западе. Эту психологию нельзя назвать восточной. Это — общечеловеческая психология. Нет необходимости утверждать это бездоказательно. Мы можем привести высказывания Юнга, в которых он признает, что западный психоанализ находится в зачаточном состоянии по сравнению с восточным.

Западный психоанализ как таковой и те направления мышления, которые он порождает, являются не более чем попытками новичка по сравнению с древним искусством Востока.

Суфии утверждают, что учение или, точнее, комплекс воззрений, именуемый обычно «суфизмом», представляет собой непосредственный эволюционный опыт, являющийся определяющим фактором всех великих школ мистицизма, как на Востоке, так и на Западе.

Г. Сунниты, шииты и суфии

Н.А. Смирнов в своем исследовании «Мюридизм на Кавказе» указывает на то, что мистицизм составляет как бы корень суфизма и играет большую роль в учении многих дервишских орденов и мусульманских сект, возникающих вокруг догматических споров о Боге и Его пророке, божественном предопределении и ответственности человека за свои поступки. Догмы официально-правоверного ислама о всемогуществе Аллаха, славе Его пророка и силе Его святых, о загробном суде, райском блаженстве праведников и адских мучениях грешников привело к возникновению целого ряда богословских систем, которые в большей степени, чем ортодоксальное вероучение, отвечали интересам социальной и политической борьбы в Арабском халифате, а также национально-освободительной борьбы покоренных и исламизированных арабами народов против арабских завоевателей, оправдывавших свое господство авторитетом официального ортодоксального ислама, известного под названием «суннизма» (от арабского слова «сунна» (буквально: «дорога», «путь»), означающего священное предание — первоначально устное — о высказываниях и действиях пророка Магомета, то есть его жизненном пути, с тех пор, как он стал пророком, авторитет которого сунниты признают наряду с Кораном — книгой, священной для всех мусульман; сунна является вторым источником шариата после Корана).

Так возник шиизм — течение в исламе, оппозиционное к его главному направлению — суннизму (безоговорочно поддерживавшему арабских халифов и их завоевательную политику). Шиизм (от арабского слова «шиа» (то есть «партия», «факция», «секта»), являвшийся первоначально знаменем религиозной борьбы внутриарабской оппозиции, объединившейся вокруг имени 4-го халифа Али, со временем распространился среди покоренных и насильственно

исламизированных арабскими завоевателями народов Ирана и прилегающих краев.

Как шиизм, так и суннизм, в свою очередь, породили множество вероисповедных течений и сект, в которых религиозный момент неизменно сочетается с политическим. Секты усиленно развивали эсхатологические и мессианистские представления. В шиизме и образовавшихся в недрах шиизма со временем сектах Али постепенно становится не только выше первых 3 халифов, но и занимает одинаковое место с самим пророком Магомедом, а некоторыми сектами даже был обожествлен. Более поздние секты служили проводниками модернистских учений мусульманских реформаторов.

В интересах той же борьбы против господствующего направления в исламе — суннизма — оппозиционная религиозная исламская мысль выдвинула идею, согласно которой, хотя Коран (что означает по-арабски «Чтение») и является Предвечным и Истинным Словом Божиим, записанным до начала времен (не случайно архангел Джебраил, соответствующий христианскому архангелу Гавриилу, говорит пророку Мухаммеду не: «Записывай за мной Слово Божие!», а: «Читай!», как если бы перед Мухаммедом была раскрыта уже написанная кем-то Священная Книга), но пророк скрыл сокровенный смысл Корана от своих сподвижников (как недостойных и неспособных к восприятию этого сокровенного смысла; масоны называли бы их «нео(б)тесанными камнями» или «дикими камнями»). Сокровенный смысл Корана пророк счел возможным передать только действительно достойным последователям ислама — своей семье, и в том числе Али, от которого это тайное знание (по-гречески — «гносис» или «гнозис») перешло к его прямым потомкам. Так развивалось учение о сокровенном знании, о единственно правильном истолковании исламского учения, пребывающего в роду единственных законных халифов — преемников пророка Мухаммеда — из рода Али, который один хранит Истину. Так зародился призыв возвратиться к первоначальной чистоте ислама, для чего необходима борьба с неверием. Тут мистические представления нашли самое широкое применение. Не случайно уже упоминавшийся нами выше крупнейший измаилитский проповедник XI века Насир Хосроу (Хосров) — тот самый, что посетил и описал карматское «коммунистическое» государство Аль-Ахсу — сказал: «Жемчужины знания истинной веры нанизаны на нить аллегорий и скрыты в ларцах тайн, к ним прикасаются только чистые (суфии — В.А.)». Этот тезис об аллегорическом характере содержания исламского вероучения давал пищу для самых различных религиозно-философских трактатов, направленных как против суннитского, так и против шиитского течений ислама — прежде всего, в части толкования (тавил) текста Корана, критики традиционных источников ислама, таких как Коран (Священное Писание), сунна (Свя-

щенное Предание), хадисы, а также в части признания так называемых божественных атрибутов (речь, сила, могущество, всезнание и др.).

Характерные для мусульманского законоведения бесконечные споры по догматическим вопросам, в сущности, остановили развитие мусульманского права, запутали и усложнили понимание морально-этических норм.

Вместе с тем, они способствовали возникновению новых учений и новых форм религиозно-обрядовой практики, удовлетворявших потребности тех, кто ищет истинную веру и стремится к внутреннему духовному общению с Аллахом.

Шариат готовы признавать и выполнять все мусульмане, в то время как духовное совершенствование и проникновение в его внутренний смысл, требуемые тарикатом, доступны лишь избранным, «чистым». Они должны отречься от многих мирских дел, воспитывать в себе посредством особых молитв, поста и чтения священных книг волю и религиозное рвение, но самое главное — оказывать беспрекословное повиновение, послушание и преданность шейху, муршиду (совсем как члены монашеских и духовно-рыцарских орденов христианской Европы — своему ректору или магистру), как наставникам или учителям, обладающим особым даром благодати, полученной свыше.

Всякий желающий посвятить себя Богу и удалиться от мирских забот, может обратиться к муршиду с просьбой принять его в ученики или послушники (мюриды). Муршид учит мюрида тайнам тариката и тайным приемам созерцания Божества. После этого ученику предлагается углубиться в самого себя, чтобы в его помыслах осталась только мысль о Боге, а в памяти — только слово «Аллах» («Алла»). Далее от него потребуются, чтобы это слово произносилось сердцем; так сердце мюрида подчиняется духовному влиянию учителя-муршида. Затем идет нравственное совершенствование.

Суфизм, вне всякого сомнения, включает в себя все ответвления мистицизма (первым мистиком у суфиев считается, между прочим, не мужчина, а женщина — Рабия Эль-Адавийэ) — такие, как психология, оккультизм, спиритизм, ясновидение, ясновыслушивание, интуиция, инспирация (вдохновение) и т.д. Однако самое главное из того, чего стремятся достигнуть суфии, не есть какая-либо из упомянутых выше областей, ибо цели всех их ведут к усилению самости, а самость, сама по себе, является лишь препятствием на пути к достижению наивысшего совершенства. Кроме того, специальное изучение этих областей не всегда безопасно, ибо грозит привести к религиозным суевериям. Поэтому главная цель вступления в суфийский орден — это совершенствование сердца при помощи самоочищения и смирения, дабы оно могло быть достаточно чистым для посева в нем семян Божественной любви и для реализации высшей Исти-

ны в теоретическом и практическом плане, без чего немислимо выработать в себе лучшее свойство человеческого характера.

Самопостижение есть высшее и наиболее трудное достижение. Невозможно получить его, как знания или искусство, нельзя добиться его известными способами, как можно добиться, например, здоровья, богатства, почета и власти. Для достижения этого самопостижения многие цари в древние времена оставляли свои царства; множество людей отказывались от своих семейств, имущества и всего того, что им принадлежало, шли в пустыни, в леса и горы, и проводило свою жизнь аскетами, стремясь лишь к одному блаженному состоянию.

Шейхи ломали волю своих учеников, подчиняя ее своей воле, точно стирали неразборчиво нанесенные жизнью записи с листов их душ. А затем, когда души учеников уподоблялись белой самаркандской бумаге, наносили на нее свои письма. И дабы ничто более не могло совратить учеников с пути Истины, сызнава закаляли их волю в пламени искусов и подвигов самоотвержения (активно используя такие педагогические методы как внушение и убеждение).

Д. Суфий Джелал эд-Дин Руми

Исходя из неортодоксального, «еретического» толкования известного хадиса «Кто познает себя, тот познает Бога», суфии разрабатывали тончайшую систему организации внутренней жизни, необходимую для достижения «благодати». Они обожествляли Любовь как единственный способ познания Истины и создали сложную философскую систему для обоснования своей практики. Именно суфии породили воспевающую любовь поэзию, которая на протяжении столетий оказывала (и продолжает оказывать ныне) влияние на развитие всей мировой литературы. Наконец, суфии построили систему диалектики. По признанию Гегеля, суфий Джелал-эд-Дин Руми и его предшественники, включая великих мыслителей Древней Греции и Древнего Рима, Аравии, Индии и Китая (но в особенности — именно Джелал-эд-Дин Руми) помогли ему построить свой диалектический метод.

Наиболее характерным выражением мусульманского мистицизма является персидский суфизм. Это не точное определение. Далее мы увидим, что понятие «суфизм» выходит за рамки понятия «персидский суфизм». Суфизм (по П.Д. Успенскому) — это одновременно религиозная секта и философская школа очень высокого идеалистического характера, боровшаяся одновременно против материализма и против узколого фанатизма и понимания только буквы Корана. Суфии толковали Коран мистически. Суфизм — это философское свободомыслие мусульманства, соединенное с совершенно своеобразной и ярко чувственной поэзией, всегда имеющей скрытый мистический смысл. Расцвет суфизма приходится на первые столетия второго тысячелетия Христианской эры.

Суфий Джелал-эд-Дин, прозванный «Руми» (ибо большую часть жизни он провел в «Руме», то есть, «Риме» — так тогда именовали мусульмане Малую Азию, долгое время принадлежавшую Римской, а затем Восточной Римской,

Ромейской, или Византийской империи), был сыном своего века и облакал свою мысль в богословские одежды.

Как и других суфиев, его влекла мечта о достижении единства мира, всемогуществе, всеведении и единении рода человеческого. Жизнь и смерть, сознание и материя, человек и человечество, пространство и время — по-разному назывались и ставились эти проблемы на протяжении истории. И покуда существует само человечество, они снова и снова, всякий раз в ином ии новом обличье, будут вставать перед ним, и каждая попытка их решения будет, как и прежде, лишь приближением к истине...

Пожалуй, самое главное, к чему пришел Джелал-эд-Дин Руми — это убеждение в убожестве разделения людей на секты, касты, религии, убеждение в том, что род человеческий един, как Истина.

«Познать мир своей души и овладеть им, пожалуй, труднее, чем овладеть миром земным, как некогда овладел им Искандер Двурогий (Александр Македонский — В.А.). Но самое трудное ждет потом: все знать и понимать и, глядя на безумство мира, не быть в силах что-либо изменить! Вот тягчайшее из испытаний».

Беспрестанно углубляясь в тайны человеческой психики (а ведь нам известно, что сознание есть отражение объективных закономерностей действительности), Джелал-эд-Дин Руми убедился, что «мир есть война противоположностей» в их единстве, что мир не создан однажды и навсегда, а «заново создается каждый миг».

Джелал эд-Дин Руми, сын своего времени, в отличие от Гегеля, изложил свои мысли не в отвлеченно-логических категориях, а в пламенных поэтических образах-аналогиях.

В эпоху татаро-монгольского нашествия с Востока и походов крестоносцев с Запада, религиозных войн и фанатизма он призывал к терпимости: все монотеистические (единобожные) религии в его глазах были едины по сути. В эпоху угнетения, насилия и рабства он проповедовал равенство всех людей, независимо от материального благосостояния, расы, национальности, религии, происхождения, чина. Люди разнились для него лишь тем, насколько приблизились они к Совершенному Человеку, а приблизиться к нему мог любой, в меру своего труда и способностей.

Обращаясь к жаждущим Истины, он произнес в одной из своих газелей знаменитые слова:

«О те, кто взыскивает Бога!

Нет нужды искать его, Бог — это вы!»

Так он раскрыл в своей поэзии реальное содержание, которое вкладывал в метафору «Бог».

Джелал эд-Дин Руми говорил: «Слово — одежда. Смысл — скрывающаяся под ней тайна».

«В мире нет ничего, что было бы вне,
Все, чего ты взыскиваешь, найдешь в себе».

Суфии всегда подчеркивали практическую применимость своих взглядов. Метафизика для них совершенно бесполезна, если она не сопровождается примерами разумного человеческого поведения, подкрепленными народными легендами и баснями. Поскольку папы римские отлучали от Церкви донатистов (утверждавших, что благословение ведущего дурную жизнь священника не равно благословию святого праведника Божия), положение: «Не делай то, что делает дурной священник, но делай то, что он учит тебя делать» стало общим для всего католического мира. При этом ссылались на главу 23 Евангелия от Матфея, в которой Иисус призывает своих учеников точно следовать учению (закону) фарисеев, но не подражать при этом самим фарисеям (как бездушным формалистам, лицемерам и ханжам). Христиане всегда приводили поведение Иисуса Христа в Его земной жизни в качестве примера совершенного и безупречного поведения человека. Суфии же (как и вообще мусульмане) считали Его не Богом, а пророком, вдохновленным свыше. Цитируют слова из Евангелия от Иоанна: «Разве не записано в вашем Законе, сказал я, что вы боги?» Это означает, что судьям и пророкам дано толковать закон Божий, но, несмотря на то, что такой мнимой «божественностью» может обладать всякий человек, не существует иных богов, кроме Бога. Подобным же образом они отвергли тибетский ламаизм и индийские учения о воплощении божества. Хотя правочестные мусульмане обвиняют суфиев в приверженности христианским влияниям, суфии относятся к божеству только как к притче о скрытых возможностях человека, которые могут выделить его из среды его непросвещенных или менее просвещенных собратьев. Так, например, суфии заявляют, что рая не видел никто из живых, а райские «гурии» («создания из света») не похожи ни на одно человеческое существо и поэтому им нельзя придавать какие бы то ни было физические атрибуты, и тем более — облик вечно юных и вечно девственных красавиц, предназначенных Аллахом для посмертного услаждения в райских кушах (садах Джиннат) мусульман, ведущих на Земле праведную жизнь, как это делается в вульгарных баснях, рассчитанных на неотесанный, непросвещенный люд — «профанов» (но также и на «шахидов» тайного низаритского ордена ассасинов, о котором у нас шла речь выше).

Е. Суфии, четки, РОЗАРИЙ

Как показали труды известного исследователя суфизма Гарсии де Тасси, романтические произведения суфийского мудреца и поэта Аттара весьма напоминают западноевропейский средневековый «Роман о Розе» и, без сомнения, относятся к числу суфийских произведений романтического характера, предшествовавших появлению аналогичных литературных произведений в Европе. В данной связи представляется важным подчеркнуть, что сам термин «Роза», как и производные от него, требует пояснения.

Во многих религиях мира широко распространены четки (вошедшие в употребление и на Руси с момента введения там христианства; у старообрядцев они именуются «лестовкой»). В католицизме четки (розарий) символизируют венок из роз, который во время молитвы символически преподносится молящимся в дар Пресвятой Богородице Деве Марии и Господу Иисусу Христу. Первые упоминания об использовании четок-розария в монастырях Западной Европы (еще до разделения Вселенской Христианской Церкви на западную, римско-католическую, и восточную, греко-кафолическую, или православную, начавшегося взаимным отлучением папы римского и патриарха Константинопольского в 1054 году), датируются IX веком. Первоначально по 159 бусинам розария читали 150 псалмов христианской Псалтири, но впоследствии розарий был разбит на десятки, разделенные большими бусинами, и вместо псалмов по нему стали читать главные христианские молитвы «Отче наш» и «Песнь Пресвятой Богородице» («Богородице Дево радуйся», у католиков — «Аве Мария»). Современный вид четки-розарий приобрели в XIII веке. С тех пор они состоят из заключенных в кольцо 5 наборов из 10 малых бусин и 1 большой, а также 3 малых и 1 большой бусины, распятия (креста) и медальона с образом Пресвятой Богородицы. Молитвы Розария, читаемые по четкам, представляют

собой чередование молитв «Отче наш», «Аве Мария» и «Малое славословие» («Слава Отцу и сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь»). Католическая традиция официально связывает появление розария с явлением Пресвятой Богородицы Девы Марии борцу с альбигойской (катарской) ересью монаху Доминику де Гусману (причисленному римско-католической церковью к лику святых) в 1214 году. Особую роль в распространении молитвы Розария сыграл основанный им доминиканский монашеский орден. Именно с молитвой Розария западноевропейская традиция связывает победу объединенного флота католической Европы («Священной Лиги», в которую входили Испания, Неаполь, папский престол, духовно-рыцарский орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Венецианская республика, герцогство Савойское и несколько более мелких итальянских государств) над флотом турок-османов в морском сражении при Лепанто (Навпактосе) в 1571 году в память о победе над исламом при Лепанто папой римским был установлен праздник Девы Марии Царицы Розария (7 октября).

Так гласит официальная традиция Западной церкви. Между тем, существует и иная точка зрения на значение терминов «Роза» и «Розарий», согласно которой христиане заимствовали четки у мусульман. При этом они, переводя с арабского, перепутали слово «аль-вардия» (означающего «декламирование вслух»), со сходным по звучанию словом, означающим «веночек из роз» (по-латыни — «розарий»). Полное название четок по-арабски — «аль-мисбат аль-вирдийят», то есть «Восхваляющий Декламирующего (или Приближающего)». Этот термин, образованный от арабского корня «УРД (ВРД)», является специальным техническим обозначением особых упражнений суфиев или дервишей. Подобный перевод, сделанный католическими монахами с арабского (при том, что арабский алфавит, как и другие семитские алфавиты, состоит только из согласных букв и слова могут произноситься по-разному, в зависимости от огласовок) на латынь, является не столько неправильной передачей смысла, сколько заимствованием суфийского поэтического метода исследования сходно звучащих слов для создания определенного представления о чем-либо. Именно поэтому слово «УиРД», обозначающее дервишское упражнение, в суфийской поэзии превратилось в «УаРД» («роза»). Примерно то же самое произошло и с термином «Розенкрейцер». Этот термин появился в результате буквального перевода одного из значений арабского корня «УРД» и слова «Крест», которое в арабском языке образовано от корня «СЛБ» («извлекать сущность» — западноевропейские алхимики в таких случаях говорили об «извлечении квинтэссенции» — именно «извлекателем квинтэссенции» Франсуа Рабле назвал фиктивного автора своей бессмертной книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» — «мастера Алькофрибаса Нозье», имя и фамилия которого являются не чем иным, как анаграммой имени

и фамилии подлинного автора — «Франсуа Рабле», также являвшегося «посвященным»). В первоначальном смысле это двусоставное слово передавало значение корня «УРД» («упражнение») и слова «СЛБ» («извлекать сущность»). Следовательно, значение корня «СЛБ» (который также означает и «Крест»), нашло свое отражение в слове «Розенкрейцер» в результате случайного совпадения. Используя это совпадение (или поэтическое сопоставление), суфии говорят: «Мы обладаем сущностью Креста, а христиане — всего лишь Распятием» и употребляют также иные подобные изречения, утрачивающие смысл при буквальном переводе, ибо они построены на игре слов. Деятельность целого дервишского ордена (основанного Абд-ль-Кадиром аль-Гилани) сосредоточена вокруг первоначального смысла идеи Розы, а самого основателя этого ордена именуют «Розой Багдада». Незнанием европейцами (а уж тем более американцами) всех этих обстоятельств и объясняются в большинстве случаев необоснованные предположения и представления о деятельности таких объединений, как орден розенкрейцеров, и аналогичные организации, неоднократно заявлявшие, будто обладают древней сокровенной мудростью и являются хранителями древнего учения.

В действительности древнее учение хранится в другом течении, условно именуемом алхимией. О нем же говорит и Фрэнсис Бэкон, которого называли и розенкрейцером, и алхимиком, и посвященным. Суфийское происхождение всех этих организаций является ответом на вопрос, к какой же из них принадлежал Бэкон, и что в действительности представляло собой это древнее тайное учение. Суфийское происхождение имеют также и многие другие символы розенкрейцеров. Отец антикатолической Реформации в Германии доктор Мартин Лютер также включил в свой герб (именуемый часто «розой Лютера») Розу, Крест и Круг (являющиеся символами суфийского братства, или ордена, Халака). Скорее всего, избрать эти символы в качестве своего герба Мартину Лютеру подсказал некий посвященный суфий. Маджрити из Кордовы написал романтическое произведение, ставшее первым из целого ряда произведений, посвященных той же суфийской теме. Вероятнее всего, эти произведения пришли в Европу через Испанию и Южную Францию, но возможно, и через Сирию, где суфийские проповедники этого жанра были также весьма распространены. Западные ученые, придерживающиеся мнения, что легенду о Граале привезли с собой в христианскую (Западную) Европу крестоносцы, опираются на сирийские источники. В то же время следует отметить, что Сирия и испано-арабская Андалузия («страна Аль-Андалус») были тесно связаны между собой. Де Тасси отмечает, что в «Романе о Розе» заметно влияние 2 направлений суфийской литературы, представленные произведениями о птицах и цветах (в том числе — о соловьях и розах), а кроме того — поэмой «Парламент (Разговор) птиц» (Мантук-ут-Тайюр) упоми-

нашегося выше поэта-суфия Фарид-ад-Дина Аттару (учителя Джелал эд-Дина Руми). Конечно, точно не известно, какое именно произведение послужило основой для «Романа о Розе», известного в западной Европе, но есть все же основания предполагать, что это произведение существовало в устном виде и передавалось из уст в уста в процессе суфийской подготовки в суфийских общинах, широко распространенных в Испании.

В суфийском ордене Хызра (Хызр, Хыр или Хидр, отождествляемый со Святым Георгием, а иногда — и со Святым пророком Илией христиан, считается святым покровителем суфиев и их тайным руководителем), существующим по сей день, используются отрывки из «Парламента птиц» Аттару.

Суфийский орден, основание и усовершенствование которого приписывают Аттару, несомненно, поддерживает традицию разработанных им способов концентрации. Этот орден во многом напоминает другие суфийские ордены и практикует упражнения, рассчитанные на то, чтобы их участники достигали гармонии со всем сотворенным и поддерживали эту гармонию. В «парламенте птиц» описаны стадии развития суфия, через которые разные люди проходят в разной последовательности.

Суфизм является формой мышления, практиковавшейся Аттаром и его последователями (включая и его ученика Джелал эд-Дина Руми) в условиях религиозного контекста. Он связан с ростом и органическим развитием человечества. Постигание этой формы мышления уподобляют наступлению дня после ночи, ломтю хлеба после долгого поста, неожиданной и интенсивной психической и ментальной деятельности, вызванной интенсивной потребностью человека.

Традиция приписывает Аттару изобретение особого суфийского упражнения, получившего название «Стой» — упражнения для Остановки Времени. Это происходит, когда учитель в определенный момент приказывает ученикам прекратить всякое движение. Во время этой «остановки времени» он передает ученикам свою «бараку» («барака» — единство и энергия, а также субстанция объективной реальности; «благодать»; суфии считают, что человек, наделенный «баракой», или любая вещь, содержащая «бараку», сохраняет ее, независимо от воздействия на них людей неразвитых, нео(б)тесанных, профанов). Внезапное прекращение всех физических действий помогает сознанию человека сделать определенные шаги в своем интеллектуальном развитии за счет той энергии, которую раньше расходовали его мышцы.

Члены итальянского тайного общества карбонариев, которые первоначально представляли собой мистическое братство и лишь впоследствии перешли к политической борьбе за освобождение и объединение Италии, использовали сходство между арабским словом «барака» и итальянским словом «баракка». Последнее означает «укрытие без стен, барак, склад,

депо, казарма». Термином «баракка» карбонарии обозначали место своих собраний — «венту» или (соответствующую «ложе» франкмасонов). Данного вопроса мы еще коснемся далее.

Использование системы Абджат в присущем ей языковом контексте раскрывает даже более глубокие значения, знакомые любому суфию-практику. Ни один человек не может быть суфийским учителем, не пройдя предварительно через целый ряд важных переживаний. Человек, обладающий подобным образом, полностью изменяется, и обычным человеком он продолжает оставаться только внешне. Теперь у него другие функции — он стал «пастырем» («пастухом»). Что же сделало его таким? Его сделало таким знание, которое называют «уверенностью» и которого достигает одаренный суфий («достигший» или же «целостный»), и этим он отличается от обычного человека, являющегося жертвой собственной нестабильности, неустойчивости.

Идеал, к которому стремится суфизм — «совершенство» («Бак»), имеемое в исламе «надхат», в буддизме — «нирвана», в Христианстве — «спасение», в индуизме — «мукти». Речь идет о наивысшем состоянии, которого может достичь человек. Все древние пророки и мудрецы испытывали его лично и поведали о нем миру. Это наивысшее состояние — «бак» — есть естественное состояние Бога. Со временем «совершенства» может достичь каждое существо, сознательно или бессознательно, до или после смерти. Сказанное означает, что начало и конец всего живого суть одно и то же, а разница между началом и концом существует лишь во время пути.

Ж. О ТРЕХ ПУТЯХ, ВЕДУЩИХ К БОГУ

Есть 3 пути, которыми человек идет к Богу. Таково состояние человека, который путем мудрости достигает духовного блаженства независимо от преходящих жизненных условий, который освобождается от всех земных уз и обращает взоры свои к Богу, вдохновляемый Божественной Мудростью.

Первый путь — «путь неведения», которым может идти всякий. Идущего по пути неведения можно уподобить человеку, несущему тяжелый груз на плечах. Пройдя много верст под жгучим солнцем и утомившись, он сбрасывает свое бремя и погружается в глубокий сон под тенью деревьев. Таково состояние заурядного человека, который проходит свой жизненный путь слепо, следуя влечениям чувств и не ведая о высшей нравственности. Он возлагает себе на плечи бремя злых дел своих, создавая из агоний земного томления ад для себя, через который он же и должен пройти, чтобы достичь места своего назначения. О таких людях Коран говорит: «Тот, кто слеп в этой жизни, останется слепым и после смерти».

Второй путь — «путь благочестия», предназначенный для истинно любящих. Идущего по нему можно уподобить любителю вина, который пьет столько, что совершенно лишается чувств и погружается в глубокий сон. Таково состояние благочестивого человека. Джелал эд-Дин Руми говорил: «Можно быть любящим человеком или любить Бога; достигнувший совершенства в той или другой любви — такой любящий будет взят к престолу царя любви». Благочестие — это небесное вино, которое опьяняет поклонника до тех пор, пока сердце его не исцелится от всех недугов, и пока не останется в нем лишь блаженство от созерцания возлюбленного, которое и продолжается до конца пути его. Относительно этого Коран говорит: «Смерть — это мост, соединяющий друг с другом».

Третий путь — «путь мудрости». По нему идут очень немногие. Их можно уподобить человеку, который, имея все жизненные блага, достаток во всем и спокойствие духа, засыпает глубоким сном, чуждый забот и совершенно удовлетворенный. Таково состояние человека, который путем мудрости достигает духовного блаженства независимо от преходящих жизненных условий, который освобождается от всех земных уз и обращает свои взоры к Богу, вдохновляемый Божественной Мудростью. Он достигает власти над своим телом, мыслями и чувствами, что дает ему возможность создавать в себе свой рай, в котором он может испытывать блаженство до тех пор, пока не погрузится в океан вечности. О таком человеке в Коране сказано: «Мы сняли повязку с глаз твоих, и зрение твое остро сегодня».

Каждый должен пройти по одному из этих 3 путей туда, где все они сходятся, наконец, у одной и той же цели, как сказано в Коране: «Все сущее исходит от Бога и к Нему же все возвращается».

Отец Джелал эд-Дина Руми, Баха-ад-Дин Велед из Балха (прозванный почитателями за свои огромные знания «султаном улемов») на вопрос: «Откуда и куда вы идете?» отвечал так: «От Бога идем мы и к Богу придем. Нет власти иной, кроме власти Аллаха. Мы идем ниоткуда и придем в никуда!»

3. О КРУПНЕЙШИХ СОВРЕМЕННЫХ СУФИЙСКИХ ОРДЕНАХ

Крупнейшими современными суфийскими орденами являются ордены (тарикаты) Айссаа, Бекташи, Кадырийа, Кубравийа, Мевлеви, Накшбанди, Ниматуллахи, Рифайа, Сенусийа, Сухравардийа, Тиджанийа, Чишти, Шазимийа, Ясавийа. Об этих суфийских братствах и образе жизни их членов будет подробнее рассказано далее.

И. О ТРЕХ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУФИЯ

Суфийская традиция разделяла путь самосовершенствования и самопознания на три основных этапа.

Первый этап — шариат, то есть буквальное выполнение откровенного закона, запечатленного в Коране и преданиях о пророке Мухаммеде («сунне», или хади-сах). Это подготовительный этап. Он не является вступлением на путь, так как является обязательным для каждого мусульманина. Но обязателен он и для каждого суфия, ибо только освоив положения и догматы ислама, можно идти дальше, вступив во второй этап — тарикат, что и означает, собственно, путь (познания Бога). Конечной целью тариката считается познание Истины, то есть духовное слияние с Божественностью, Божеством. В отличие от шариата, тарикат — это учение тех, кто не хочет ограничиваться соблюдением установлений Корана и шариата, а стремится к нравственному самосовершенствованию и самоуглублению. Но, согласно учению тариката, этого нельзя добиться самостоятельно, без руководителя и наставника. Духовный наставник — это шейх, который один способен повести последователей тариката по пути Истины, то есть по пути мистического познания Божественной Истины. Шейх — собеседник Бога, и общение с ним все равно, что общение с Богом.

Суфии считали, что за восприятием рассудка есть другая форма восприятия, называемая откровением. Только откровением постигается скрытое. Такое знание называется сокровенным. То, что постигается откровением, логике недоступно, как внешним чувствам недоступно постижение логических категорий.

По сути дела, суфийские шейхи всегда занимались экспериментальной психологией. Тарикат позволял суфиям,

говоря современным научным языком, овладеть методикой психоанализа и управлять подсознательным в себе и в других.

Суфии экспериментально занимались проблемой, которую впоследствии Иммануил Кант поставил теоретически: если пространство с его характеристиками есть свойство нашего сознания, а не внешнего мира — то трехмерность мира должна, так или иначе, зависеть от настоящего устройства нашего психического аппарата.

Или, иначе говоря: в каком отношении к трехмерной протяженности мира стоит тот факт, что в нашем психическом аппарате имеются и именно в указанном отношении — ощущения, представления и понятия?

Несомненно доказать или опровергнуть это можно было только при помощи опыта.

Если бы мы могли изменить свой психический аппарат и увидели бы при этом, что изменился мир вокруг нас, то это было бы для нас доказательством зависимости свойств пространства от свойств нашего сознания.

О третьем этапе будет сказано далее.

К О СУФИЙСКИХ «СТОЯНКАХ»

Образ жизни суфиев, по мнению академика Е.А. Бартельса (Избранные труды. «Суфизм и суфийская литература». М., 1965), породил и важнейший для суфийского учения и мировоззрения образ «стоянки» (или «остановки») — «макамы», каждая из которых представляла собой устойчивое психическое состояние, свойственное путнику на данном этапе пути.

Стоянка первая — «покаяние» («тауба»), полностью меняющая психологическую ориентацию обращенного, который отныне устремлял все свои помыслы к Истине и Абсолюту.

Стоянка вторая — «осмотрительность» («вара») отражается в строжайшем различии между дозволенным и запретным.

Стоянка третья — «воздержанность» («зухд»), вытекает из осмотрительности; начиная воздерживаться от запретного, путник все последовательнее проводил этот принцип, воздерживаясь от излишка — от хорошего платья, пищи, от всего, что удаляет его помыслы от истины, от всего переходящего, невечного, расширяя воздержание до отказа от всякого желания.

Стоянка четвертая — «нищета» («факр»; от этого происходит понятие нищенствующего мудреца — «факиха», и хорошо знакомое всем нам слово «факир»). Нищета, как отказ от земных благ, вытекала из последовательно проводимого воздержания. Но в дальнейшем под нищетой понималась не столько материальная бедность, сколько сознание, что все без исключения, вплоть до психического состояния, не является принадлежностью личности ученика.

Стоянка пятая — «терпение» («сабр»). Сабр следует за воздержанием и нищетой, поскольку они связаны с неприятными переживаниями. Здесь суфий учится покорно принимать все, что трудно перенести. Как выразился один

из столпов суфизма, Джунайд: «Терпение есть проглатывание горечи без выражения недовольства».

Стоянка шестая — «упование» («таваккуль»). Здесь представление о жизни связывается с единым днем, даже мигом, и отбрасывается всякая забота о завтрашнем дне. Вот почему суфии часто называют себя «людьми времени», то есть людьми, живущими нынешним мигом. То, что минуло, уже не существует, а то, что грядет, еще не существует. Здесь высвечивается связь с представлением о том, что мир творится и уничтожается каждый миг.

Стоянка седьмая — «приятие» или «покорность» («рида»), то есть «спокойствие сердца в отношении предопределения». К этой, последней стоянке ученика приводят пятая и шестая стоянки. Это такое состояние психики, когда любой удар или любая удача не только переносятся спокойно, но даже представить себе нельзя, чтобы они вызывали огорчение или радость. Личная судьба, да и вся окружающая действительность перестают иметь для него какое-либо значение. Состояние, весьма близкое к тому, которое древние греки именовали «непоколебимость».

Здесь, по мнению теоретиков суфизма, заканчивается путь тарикат и начинается последняя стадия совершенствования (трети этап).

Дело в том, что выше тариката существуют еще две ступени совершенствования — «маарафат» и «хакикат», объединяемые большинством суфийских орденов и школ в одну.

«Маарафат» — ступень, как бы предшествующая «хакикату». Она заключается в достижении суфиями мудрости, позволяющей познать сущность (суть) вещей.

Ступень третья — «хакикат» — «познание истины», соединение с Богом или растворение в Нем. Это самая высокая ступень или, как иногда говорят, степень. Она доступна, как правило, немногим. Хакикат — это реальное, подлинное бытие. Достигнув этой третьей ступени, суфий именуется «ариф», «познавший». И постигает, конечно, интуитивно, самую суть истины. Отсюда и еще одно самоназвание суфиев — «люди истинного бытия», то есть способные к интуитивному познанию истины. Следовательно, традиционная суфийская доктрина, как доктрина идеалистическая, считала возможным пусть интуитивное, но познание абсолютной истины и здесь изменяла диалектике. Практически же суфии приводили свою психику в такое состояние, при котором их сознание как бы растворялось в объекте созерцания.

Н.А. Смирнов в книге «Мюридизм на Кавказе» говорит, что суфизмом установлен ряд признаков, позволяющих судить о достижении маарафата и хакиката: это, в частности, происходит, когда суфий достиг такой степени совершенствования или богопознания и богосозерцания (инсан), что сознает себя как бы находящимся перед лицом Аллаха. Это не совсем верное

представление. Суфии отождествляют себя с Богом, сливаясь с ним. Выработанные ими ряды устойчивых психических состояний позволяли в религиозном экстазе достигать реального единения духа суфия с Абсолютом. Именно в эти моменты многие суфии восклицали: «Я есмь Истинный!», За это они подвергались гонениям со стороны ортодоксального ислама вплоть до середины XII века.

К категории лиц, достигших этих ступеней, кроме святых, принадлежат почитаемые шейхи, пир-о-муршиды — наставники и учителя дервишей, факиров и мюридов.

Три ступени — шариат, тарикат и хакикат, — как прослеживается, соответствовали трем ступеням познания у суфиев.

Первая ступень познания — «уверенное знание» — сравнима с таким утверждением: «Мне не раз доказывали, я твердо знаю, что яд отравляет, огонь жжет, хотя и не испытывал этого на собственном опыте». Это ступень обычного логического познания.

Вторая ступень познания — «полная уверенность»: «Я сам своими глазами видел, что яд отравляет, огонь сжигает». Это опытное знание.

Третья ступень познания — «истинная уверенность»: «Я сам, приняв яд, испытал на себе его отравляющее действие; я сам горел в огне и убедился в способности яда отравлять, а огня — жечь».

На этой ступени познания (хакикат), по мысли суфиев, происходит полное слияние субъекта с объектом, наблюдающего с наблюдаемым, и идентификация, растворение первого в последнем.

Все три ступени познания лаконично передавались триадой глаголов: «Знать, видеть, быть». Следует обратить внимание на связь между крайними членами триады — «знать» и «быть». Совершенный человек, по мнению суфиев, овладев знаниями, должен был привести в соответствие с ними свой нравственный и житейский опыт. Знание, отделенное от личной нравственности познавшего, не только бесполезно, но и губительно. Оно ведет к тому самому лицемерию, в котором погрязло казенное мусульманское богословие.

Так суфии установили зависимость между наукой и этикой, между «правдой-истиной» и «правдой-справедливостью».

Прохождение тариката требовало огромных специальных знаний. Тот, кто самостоятельно, на свой страх и риск, пытался проникнуть в тайны подсознания, или, как говорят суфии, овладеть сокровенным знанием, рисковал поплатиться здоровьем, разумом и самой жизнью. «Кто не имеет шейха, у того наставник — шайтан (дьявол, сатана)». А дьявол, по суфийскому учению — это обратная сторона Бога.

Подобно современным психоаналитикам, опирающимся в исследовании подсознательного на сферу сексуальности как на одну из основ эмоциональной жизни, суфийские шейхи полагали, что, в отличие от ша-

риата, где человека ведет рассудок, во время прохождения тариката его поводырем является любовь. Если помнить, что истину суфии символически именовали «любимым», «возлюбленным», то можно сказать, что они в совершенстве использовали такое психофизиологическое явление, как сублимацию, т.е. возможность переключения чувственности в область духовности.

Суфии полагали чувственно-интуитивное познание высшей формой познания вообще. И потому каждый суфийский шейх считал необходимым развивать в своих учениках способности к метафизическому мышлению.

Метафизическое, образное мышление, будучи областью искусства, закономерно привело к тому, что суфийские идеи нашли свое высшее и наиболее полное выражение в поэзии.

Поэтическая речь для видных суфийских шейхов была так же естественна, как естественно для философа изложение своих мыслей в абстрактно-логических категориях.

Конечно, не каждый, кто вступал на путь, мог пройти его до конца. Суфии говорили: «Благодать (барака) дается поровну каждому, но каждый воспринимает ее в меру своих способностей». В результате одного и того же пути — тариката — вырабатывались различные характеры.

Одни шейхи были более ограничены, другие менее. Так, например, некоторые суфийские шейхи считали, подобно казенным исламским богословам, употребление вина категорически запретным для всякого мусульманина, в том числе и для всякого суфия. Они говорили: «Вино превращает человека в похотливого пса, в грязную свинью». Другие же говорили: «Тем, кого превращает, конечно, запретно, но тем, кого не превращает, дозволено».

На протяжении истории суфизма мы видим шейхов яростных и умиротворенных, суровых и благодатных, неистовых и рассудительных, занятых лишь своими собственными отношениями с Богом и ораторов, проповедников, воителей.

Здесь, конечно, сказывалось время, среда, а также психофизические свойства и направленность как самого суфия, так и его наставника.

Л. КАРБОНАРИИ КАК ОТВЕТВЛЕНИЕ СУФИЙСКОГО ОРДЕНА

В условиях организации суфийская система Абджад находит себе гораздо более широкое применение, чем в случаях отдельно взятых людей-индивидуумов. Для того, чтобы ввести непосвященных в заблуждение относительно символики или ритуала, в суфийских кругах используют стихи или омонимы. Некоторые тайные общества современного «христианского» (к сожалению, мы вынуждены брать это определение в кавычки) Запада являются ответвлениями суфийских орденов, и путь их исторического развития можно проследить, зная принципы суфийской организации, историческую возможность или же факт использования тайного языка. Одной из таких организаций являются упоминавшиеся нами выше франксамоны («вольные каменщики»), или, сокращенно, масоны («каменщики»), другой — карбонарии («угольщики»).

Суфийский орден, известный под названием «Фахмийа» («Воспринимающие»), ведет свою философскую родословную от шейха Баязида Бистами. В арабском языке есть 3 буквы «Х». Слово, в котором пишется одна из этих «Х», произносится почти так же, как «фоХМ», что означает «угольщик», «углекоп» или «кочагар».

Для того, чтобы подчеркнуть это, члены ордена действительно кладут себе уголь на лицо во время орденских ритуалов. В некоторых арабских словарях масонов и являющихся ответвлением масонов карбонариев («карбонарии») означает по-итальянски «угольщики», «углежоги») называют «угольщиками» или «углекопами».

Тайное итальянское общество, первоначально имевшее целью творить добро и обеспечивать взаимовыручку среди своих членов, было названо «карбонарии», то есть «угольщики». Анализ исторических, географических и лингвистических данных не оставляют никаких сомнений в том, что «угольщики» представляли собой искаженную копию

«Воспринимающих» — суфиев из ордена «Факхийя». Суфийская традиция говорит о том, что когда учитель покидает орден, тот становится подражательным и теряет свою внутреннюю ценность. И «карбонарии» являются тому наглядным примером.

Легенда об основании ордена карбонариев («Карбонады» или, по-французски. «Шарбонри», Charbonnerie) гласит, будто король Франции Франциск I Валуа, будучи на охоте, заблудился и попал в Шотландию, граничившую с его владениями. Так его нашли угольщики и оказали ему помощь. Однако это были не простые люди, а группа мистиков, которой руководил древний мудрец. Франциск присоединился к «угольщикам» и стал их покровителем. Однако Франция в действительности граничит вовсе не с Шотландией, а с Испанией. А в Испании, сотни лет пребывавшей под мусульманским владычеством (окончательное массовое изгнание мусульман из уже христианизированной Испании произошло в 1609 году, когда оттуда было выселено около миллиона так называемых «морисков», то есть мавров-мусульман, не пожелавших принять христианство), было множество суфиев. Во времена Франциска I представления о суфиях, обитающих в лесах и обучаемых «старцами», были широко распространены, и здесь мы можем увидеть еще одну линию связи с суфийскими «угольщиками». Очевидно, «Шотландия», упоминаемая в карбонарской легенде, является отнюдь не ошибкой (как долгое время считалось), а специально закодированным обозначением Испании. Это подтверждается и тем фактом, что и масоны некоторых орденов также утверждают, что их первые тайные организации («ложи», соответствующие карбонарским «вентам») также были основаны в «Шотландии» и говорят о «шотландских» обрядах.

Начав с мистики, карбонарии затем склонились к этике, а впоследствии (как уже указывалось выше) превратились в политическую организацию. В Италии, как и во Франции, к ним с течением времени присоединились многие масоны. Существуют сведения о том, что уже после падения режима императора Наполеона I (Первой империи), в период кратковременной реставрации на французском престоле королей из династии Бурбонов — Людовика XVIII, а затем его брата Карла X, в одном только Париже более 12 000 масонов являлись одновременно карбонариями. Можно считать, что тайные значения ритуалов и идей, распространившихся из Испании, во многих современных масонских системах продолжают существовать «во взвешенном состоянии» или в застывшей форме, но их первоначальный смысл уже утерян. Есть много других факторов, говорящих о связях суфийских орденов с итальянским сообществом карбонариев. Рисунки, запечатлевшие встречи общества карбонариев, говорят о том, что его члены размещались так же, как размещаются на своих собраниях суфии.

Первичное, самое маленькое звено карбонариев называлось «баракка», то есть «барак» в значении «хижина (угольщика)». Однако среди суфиев-

«угольщики» словом «барака» (означающим, как мы помним, «благодать»), называли встречу, поскольку это слово первоначально использовали как сигнал к созыву собрания. Не менее интересным представляется тот факт, что в сельской местности суфии-«угольщики» считались способными наделять невест «баракой» («благодатью» в значении «счастье»). В Англии, Дании, Голландии, Эстонии и в некоторых других странах до сих пор невесты часто просят трубочистов с испачканными сажей лицами («черных людей») поцеловать их сразу же после брачной церемонии (да и вообще считается, что встреча с трубочистом «к счастью»). В описаниях колдовских обрядов (сохранившихся во многих странах Европы), содержащихся как в испано-арабских, так и в североевропейских документах, Черный Человек (по-арабски: Аль-Асвад) характеризуется как одна из наиболее важных и таинственных фигур.

В своих официальных документах, а также в обращении друг к другу, карбонарии всегда употребляли выражение «дорогие сородичи». Это интересный пример перевода с арабского и переноса семитских корней из одного языка в другой (в данном случае — из арабского в итальянский) при помощи аллитерации. «Дорогими сородичами» в Коране именуют суфиев. По-арабски это слово звучит как «мукарибин» и переводится как «ближние, близкие, близкие родственники». Семитский корень «КРБ», от которого образовано слово «мукарибин», ясно различается в первом слоге итальянского слова «карбонарии» (КРБ).

П.Д. Успенский подчеркивал, что для европейской мысли суфизм долго оставался непонятным. С точки зрения христианского богословия и христианской морали смешение чувственности и религиозного экстаза недопустимо, но на Востоке они прекрасно уживались вместе. В христианском мире «плотское» всегда считалось враждебным «духовному». В мусульманском мире плотское и чувственное не отвергалось, а принималось, как символ духовного.

Выражение религиозных и философских истин «на языке любви» было на Востоке общераспространенным обычаем. Это и есть восточные «цветы красноречия». Все аллегории, все метафоры брались «из любви». «Мухаммед влюбился в Бога» — говорят арабы, желая передать яркость религиозного пыла пророка Мухаммеда. «Выбирай себе новую жену каждую весну на Новый Год, потому что прошлогодний календарь уже никуда не годится» — говорит персидский поэт и философ-суфий Саади. И в такой курьезной форме Саади выражает мысль, которую классик норвежской литературы Генрик Ибсен высказал во второй половине XIX века устами главного героя своей знаменитой пьесы «Враг народа» доктора Стокмана: «...истины не походят на долговечных Мафусаилов, как полагают многие. При нормальных условиях истина может просуществовать лет семнадцать-восемнадцать, редко дольше...»

Один из ранних авторитетных суфийских авторов — Али аль-Худжвири — приписывает самому пророку Мухаммеду такие слова: «Тот, кто услышит голос суфиев и не скажет при этом „Аминь“, будет записан перед Господом как неосторожный». Так, например, можно считать вполне суфийским по духу приказание, отданное Мухаммедом своим последователям, смысл которого сводится к тому, что необходимо уважать всех Людей Книги. Здесь имеются в виду все, имеющие свои собственные священные писания (первоначально — христиане и иудеи; впоследствии в число Людей Книги суфиями были включены также зороастрийцы-маздеисты).

Индийский суфий Инайят-хан (проживавший в начале XX века некоторое время в Москве) утверждал: мудрец знает, что главной основой всех религий и верований является одно — «Хакк» («Истина»). Истина всегда была закрыта 2 частями одежды: тюрбаном закрыта ее голова, а плащом — все ее тело. Тюрбан сделан из тайны, известной под названием мистицизма, а плащ — из морали, которая называется религией. Большая часть пророков и святых одело Истину так для того, чтобы скрыть ее от глаз невежд («профанов») до тех пор, пока они не разовьются настолько, чтобы видеть Истину во всей ее ослепительной наготе. Но те, кто видел ее безо всяких покровов, не знают больше разума и логики, добра и зла, высокого и низкого, нового и старого, короче говоря — перестают различать все имена и образы. Весь мир для них — только Истина. В их понимании Истина едина, но, представляясь человеческим взорам, принимает множество форм, причем разница в образах ее возникает благодаря ее проявлению в различных условиях места и времени.

Истину можно уподобить воде фонтана, который бьет вверх одной струей, а вниз падает многими каплями в разное время и на разные места. Не всякий может согласиться с мнением, что различные истины произошли от одной Истины, ибо слишком трудно понять это, и нужно великое просветление, дабы это постичь. Посредственный ум ограничен столь узкими рамками в мире многообразных форм, что, естественно, не может видеть существования и глубокого значения этого явления, выходящего далеко за пределы его ограниченной рассудочной деятельности. Ум есть сознание, отраженное от имен и форм знанием, а мудрость есть сознание в чистейшем его виде, не зависящее обязательно от знания имен и форм. При помощи мудрости можно прозреть действительное состояние вещей совершенно так же, как при помощи рентгеновских лучей можно видеть сквозь непрозрачные тела. Мудрость может видеть больше, чем интеллект. Она — великое благословение (барака), ниспосланное человеку в большей или меньшей степени.

Некоторым людям мудрость была дарована в особо высшей степени, и в этих редких случаях люди, получившие ее, не должны называться просто мудрецами. Их следует рассматривать как истинное проявление

самой мудрости. Это были пророки. Предвидение, вдохновение, интуиция, ясновидение, яснослышание и т.д. были их природными свойствами. Они могли видеть и слышать многое, чего другие не могли бы понять или даже представить себе. Если кто-либо спросит: «Почему же не каждый мудрец бывает пророком?», ему можно ответить: «В мировой истории было много славных людей. Почему же только Искандер Зуль Карнайн (Александр Македонский — В.А.) был так велик, и почему же из всех царей выделялись лишь немногие, признанные впоследствии за великих? Да потому, что сами они и были теми свойствами, которыми обладали. То же самое можно сказать и о пророках».

Суфий смотрит на всех пророков и мудрецов не как на многих отдельных людей, но как на единое воплощение чистого сознания Божества или как на проявление Божественной Мудрости в многообразных именах и образах, сошедших на землю затем, чтобы пробудить человека от глубокого сна неведения.

Миссии пророков имели цель ввести мир постепенно, в соответствии с его духовным состоянием, в Божественную Мудрость, сообщать ее человечеству в соответствии с его пониманием и соответственно особенностям разных стран и исторических периодов. Поэтому и существует столь много религий, и в то время, как моральные принципы их одинаковы, сами они отличаются одна от другой. На самом же деле каждый пророк имел миссию — подготовить этот мир к принятию учения следующего за ним пророка, ибо каждый пророк предвещал приход следующего. И эта работа совершалась всеми пророками до тех пор, пока не пришел со своей миссией Мухаммед — Хатималь Мурсалин (последний посланник Божественной Мудрости) — и не дал, в свою очередь, завершающее изложение Божественной Мудрости. Оно гласило: «Ля-Илляга-илля-Илагу» («Нет Бога, кроме Бога»). Им была, по мнению суфиев, исчерпана цель пророческой миссии.

Суфии не имеют предубеждения против каких-либо пророков и учителей, как это делают некоторые, обнаруживающие пристрастие к одним и нелюбовь к другим. Они смотрят на них как на Божественную Мудрость (высшее свойство Бога), которая сама являлась под разными именами в разных формах.

Ортодоксально верующие мусульмане усваивают учение Мухаммеда и следуют ему как религии, а глубокие мыслители-суфии следуют ему же, как философии.

Суфии, получившие духовное учение от всех пророков и учителей в их время, так же получили и учение Мухаммеда — в его время. Они называли себя «Сахаба и Сафа», что означает «Рыцари Чистоты». Постижение сущности учения Мухаммеда проложило суфиям путь и поставило их во главе всего мира.

М. Алхимики и суфии

В 1144 году англичанин Роберт Честерский, обучавшийся в мусульманской Испании, написал книгу, ознакомившую средневековый христианский мир с алхимией. Он категорически заявлял, что до него эта наука была неизвестна «латинскому миру».

Уже тогда мнения об этом «царственном (королевском) искусстве» резко разделились. Следовало ли понимать ее буквально — как науку о трансмутации (превращениях) металлов, или же алхимия представляет собой духовную или интеллектуальную систему развития? Исследователи почти всегда упускали из виду то обстоятельство, что алхимия решала не только химические, но и духовные проблемы. В результате одни стали называть алхимию предшественницей химии, чья цель состоит исключительно в поисках философского камня; другие утверждали, что алхимия родилась из первых попыток покрывать простые (неблагородные) металлы золотом или серебром и выдавать их за настоящее золото или серебро (считающиеся и называющиеся благородными металлами); третьи же говорили о том, что алхимия является утонченным искусством выявления потенциальных возможностей человеческого сознания.

В действительности же все обстоит несколько проще, чем это кажется людям, не связывающим суфийскую аллегоричность с тем, что зачастую является только ее литературной производной. Прежде всего, нужно помнить о том, что люди, которых без разбору причисляли к «алхимикам» и деятельность которых воспринималось как одно целое, в действительности представляли собой несколько групп, работавших в различных (или в одних и тех же) направлениях.

Рецепты древних ювелиров и златокузнецов еще не доказывают того, что мистики не использовали алхимиче-

скую терминологию в совершенно иных целях. Если считалось, что 2 раз-ных человека сумели «получить эликсир», то вполне вероятно, что один из них был шарлатаном-алхимиком, а другой — мистическим учителем. Средневековая литература изобилует примерами, свидетельствующими о постоянных усилиях, целью которых была одна из форм интеллектуального развития, лишь выраженная в терминах алхимии, но ничего общего не имевшая с попытками превратить реальный свинец в золото.

Тщательный анализ документов по алхимии показывает, что самым древним из них около 2000 лет. Исследователями были также обнаружены книги, содержащие металлургические рецепты по обработке и окраске металлов и представляющие собой своеобразные наставления мастеров, тексты которых в определенной степени носят духовный характер. Было сделано ошибочное заключение о том, что алхимия представляет собой некое заблуждение, выродившуюся форму металлургии и одну из древнейших форм химии, которой древние греки занимались в покоренном Александром Македонским Египте («Кеми» или «Хеми», что означает буквально «Черная (Земля)»; так древние египтяне называли свои плодородные черноземные земли, удобряемые нильским илом, в отличие от красных земель окружающих Египет пустынь; «аль» — арабский определенный артикль).

Между тем, при изучении этих материалов исследователи упустили из виду, что алхимия была системой терминов, использовавшейся одной из обучающих школ с целью передачи в аллегорической форме знаний, не имевших ничего общего с металлургией.

Предположения, что поиски ключа к трансмутации обусловлены неправильным пониманием произведений древних мастеров, никак не может объяснить того, что алхимики постоянно использовали их терминологию. Рассматривая арабские слова, к которым переводчики подбирали латинские эквиваленты, и исходя из того, что эти термины широко употреблялись, мы можем судить о том, действительно ли западные алхимики пытались добиться трансмутации металлов, или же их цель была иной.

Следует начать с раннего этапа, связанного с деятельностью отца известной нам алхимии Джабира ибн аль-Хайама (именуемого в средневековой христианской Европе «Гебером»). С тех пор все известные нам алхимические трактаты излагают учение о 3 элементах — соли, сере, ртути. Для получения философского камня (камня мудрецов) их необходимо смешивать в правильной пропорции. Алхимики подчеркивают, что эти элементы отличаются от известных нам соли, серы и ртути.

Начиная с VIII века, вся алхимия носила на себе отпечаток деятельности Джабира Ибн аль-Хайама. Кем он был, и что он имел в виду, говоря о «соли», «сере» и «ртути»? И арабские, и латинские книги говорят о том, что Джабира называли «Ас-Суфи», то есть «суфием» (между прочим,

в Средние века алхимию в христианской Европе называли также «софистикой» — от греческих слов «софия», то есть «мудрость», и «софист», то есть «мудрец», но также и от слова «суфий»).

В своих трудах Джабир называет своим учителем имама Джафара ас-Садика (700-765), употребляя по отношению к нему самые почтительные выражения. Джафар ас-Садик (Садык) был одним из величайших суфийских учителей, имя которого можно встретить в каждой «золотой цепи передачи» (традиции) суфийского учения, именуемого «алхимией», такими авторитетами как Руми и Аль-Газали. Одно из своих главных сочинений Аль-Газали даже назвал «Алхимией счастья». Ибн аль-Араби подчеркивал, что «великие имена называют золотом и серебром».

Н. О СУФИЙСКОМ (ФИЛОСОФСКОМ) КАМНЕ

Что же такое философский или софистский (то есть суфийский) камень (камень мудрецов), который может превращать так называемые простые металлы в благородные? Мы поймем, о чем говорил Джабир, сделав обратный перевод некоторых слов на арабский язык и рассмотрим роль, которую они играли в технической терминологии суфиев.

Суфии считают, что предназначение людей состоит в обновлении важнейшей части их существа. Причина дисгармонии и незавершенности человека заключается в том, что он отделен от своей сущности. Его цель — очищение от шлака и активизация золота. Средства для достижения этой цели скрыты в самом человеке — они и есть философский камень, камень мудрецов. Арабское слово «зат», означающее «камень», ассоциируется со словом, означающим «скрытое», «запретное». Таким образом, камень был избран суфиями в качестве символа на основе звуковой ассоциации, что практикуется суфиями очень часто.

Этот могущественный камень, это Скрытое, западные алхимики и розенкрейцеры именовали «азотом». Востоковедами было установлено, что слово «азот» происходит от арабского слова «аз-зат», означающего «сущность», «внутренняя реальность». Суфии считают, что «камень» — это и есть «зат», то есть «сущность», которая является столь могущественной, что может преобразовывать (превращать, трансмутировать) все, что с ней соприкасается. Речь идет о сущности человека, являющегося частью того, что люди называют Божественным. Это «свет солнца», который может поднять человека на новую ступень.

3 элемента образуют «зат» только после того, как с ними будет проделана определенная работа (перевод арабского слова «амаль»). В число этих 3 элементов входит сера (по-арабски «кибрит», что является омонимом слова «кебират», означающего «благородство, величие»),

соль («милх», омоним одинаково звучащего слова «милх», означающего «доброта» и «ученость») и ртуть («зибак» — корень, от которого образовано это слово, может означать также «ломать», «взламывать», «открывать замок»). Известный европейский розенкрейцер и алхимик, врач Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм по прозвищу Парацельс (1493-1541) подчеркивал: «Ртуть — это дух, сера — душа, а соль — тело».

Ибн аль-Араби поясняет 2 значения, говоря о том, что сера олицетворяет божественность, а ртуть — сущность. Взаимодействие определенных частей этих элементов создает «азот», «облагороженную сущность». В переводах с арабского на латынь исчезают созвучия, которые используются в суфийских произведениях, но их толкования (не к пользе арабов) содержатся и в суфийских книгах, написанных на персидском языке (фарси), например, в «Алхимии счастья» Аль-Газали.

О. О ГЕРМЕСЕ ТРИСМЕГИСТЕ

Считаются, что передачей алхимических знаний занимались древние мастера. Как восточные, так и западные авторы включают в число этих мастеров Гермеса (которого арабы именуют Идрисом). Западные авторы и adeпты тайных обществ и учений считают Гермеса реально существовавшим в прошлом историческим персонажем (чаще всего его ассоциируют с древнеегипетским ученым, архитектором и жрецом Имхотепом, обожествленным египтянами под именем бога знаний, науки, письма, медицины и музыки Тота) и поэтому часто называют алхимию Наукой Гермеса, а связанные с ней знания и учения — «герметическими». Слово «герметический» со временем стало означать «скрытый от непосвященных», «недоступный» (для профанов). Это название появилось как раз в те времена, когда христианский Запад заимствовал алхимию у арабов через Испанию (являвшуюся «пограничной зоной» между мирами христианства и ислама и в то же время «мостом» между этими двумя мирами).

Арабо-испанский историк Саид из Толедо (умерший в 1069 году, за 30 лет до завершения 1-го Крестового похода «франков» в Землю Воплощения) приводит следующее предание о Тоте-Гермесе: «Мудрецы утверждают, что все древние науки пошли от Гермеса, жившего в Саиде в Верхнем Египте. Иудеи называют его Енохом, а мусульмане — Идрисом. Гермес был первым, кто говорил о веществе внешнего мира и движении планет. Он строил храмы для поклонения Богу...и занимался медициной и поэзией... Еще до Потопа он предупреждал о наводнении и огненной катастрофе...После Потопа науками, включая алхимию и магию, стали заниматься в Мемфисе под руководством более известного Гермеса Второго...»

Этот Гермес именовался по-гречески «Трисмегистом», то есть «Триждывеликим» или «Триждевеличайшим» (хотя

его именовали и «Триединым» — возможно, что под этим именем действовали три разных учителя мудрости, жившие в разное время), считается не только отцом алхимии.

Он был одним из древних учителей того, что называют сейчас «путем суфиев». Иначе говоря, и суфии, и алхимики считают его одним из своих Великих Посвященных. Так и восточные, и западные алхимики называют суфия Джафара ас-Садика, суфия Джабира-Гебера и считающегося суфием Гермеса своим учителем.

Методы концентрации, очищения и смешивания, выраженные в (ал)химических терминах, суть не что иное, как попытки организации ума и тела с целью оказать влияние на человека, а не на металлы (или вообще химические элементы). Впрочем, никто не сомневается в том, что были и подражатели, пытавшиеся добиться чего-либо и настоящими химическими опытами. Но в равной степени верным является и то, что вплоть до самого недавнего времени находились люди (а порой такие находятся и сейчас), верившие, что духовные явления имеют определенные эквиваленты в физическом мире.

Кем же был суфий Джафар ас-Садик, мастер и учитель Джабира? Он был не кем иным, как шестым имамом и потомком пророка Мухаммеда по линии дочери последнего — Фатимы, которого многие шииты считают одним из хранителей и передатчиков тайного учения ислама, шедшего от самого Мухаммеда и называемого суфизмом.

Джабир ибн аль-Хайям долгое время поддерживал близкие отношения с Бармакидами (Бармахадами) — вазирами (премьер-министрами) суннитского халифа багдадского Гаруна ар-Рашида (упоминаемого в «Жизни Карла Великого» Эгинхарда под именем «царя персов Аарона», установившего дипломатические отношения с основателем «Священной Римской империи» и передавшего Карлу Великому ключи от иерусалимского Гроба Господня). Бармакиды (в частности, знаменитый Джафар, вошедший в мусульманский фольклор, в том числе в сборник сказок «Тысяча и одна ночь», как злой кознодей и колдун, обманывающий доброго халифа), были (как и шейхи низаритов-ассасинов) иранского происхождения и вели свой род от священнослужителей древних буддийских храмов Афганистана, считаясь адептами древнего учения, переданного им из этого исконно арийского региона. Сам багдадский халиф-Аббасид Гарун ар-Рашид, несмотря на свою официальную приверженность ортодоксальной суннитской ветви ислама, постоянно общался с суфиями, и есть свидетельства, что он специально предпринимал из Багдада далекие путешествия для тайных встреч с суфийскими мастерами.

Предположения, что алхимическая традиция пришла из Египта и что начало ей положил именно труды Тота-Гермеса, равно как и другие подобные предположения, не имеют никакого отношения к данному тезису.

Суфийская традиция гласит, что это знание было передано через Зу-н-Нуна Мисри (то есть, по-арабски, «Египтянина») — «Царя (Господина) Рыбы» — одного из самых знаменитых, «классических» суфийских учителей.

Теперь присмотримся повнимательней к образу Гермеса (или, как его именовали в Средневековье на Руси, «Ермия»). Кем был Гермес в представлении древних греков? Подобно своему римскому аналогу Меркурию, Гермес был богом, отводившим (проводившим, провожавшим) души умерших людей в подземный (загробный) мир, поэтому эллины именовали его «Психопомпом» («Проводником душ»). Кроме того, Гермес-Меркурий был божественным гонцом, разносившим по миру послания богов. Он был связующим звеном между миром земным и миром сверхъестественным, трансцендентальным или потусторонним. Гермес мог передвигаться с огромной скоростью вне времени и пространства (что характерно и для внутреннего опыта). Гермес изображался в виде атлетически сложенного, физически развитого молодого человека, поэтому считается, что своим внешним видом он олицетворял «совершенного человека» суфиев. В самых древних статуях — гермах — Гермес предстает перед нами зрелым и мудрым мужем, являясь, по мысли создателей этих произведений, результатом правильного, совершенного развития. Он изобрел лиру и с помощью музыки мог изменять состояние своих слушателей, как это делают, в частности, суфии. Звуками своей флейты Гермес усыпил 100-глазого исполина Аргоса, что можно рассматривать как указание на гипнотические свойства Гермеса как суфийского типа. Связь гипнотизма и мистицизма не требует доказательств.

Сохранение и передача древнего знания хорошо вяжутся с образом Гермеса. В синкретических культах эллинистического Египта у него имела и женская ипостась — Сехета, которая считалась покровительницей строящихся храмов и хранительницей книг, содержащих древнюю мудрость. Подобно «ищущему человеку» суфиев, а также образам суфийской мистики (Симург, Симорг, Сенмурв, взятые из древнего, доисламского, иранского фольклора), Гермес часто изображался в виде птицы. Иногда (причем еще с доэллинистических, древнеегипетских времен) Гермес-Тот изображается с головой ибиса, что указывает на стремления или достижения ума, заключенного в нем.

Мир был сотворен по слову Тота — один произнесенный им звук воздал восемь первоэлементов (половину из которых символизировали боги, а другую половину — богини). Восьмичленный характер суфийского учения символизируется восьмиугольником, олицетворяющим суфийское слово «гуу» («хуу»).

Какие бы другие божества или элементы ни смешивались с Гермесом, Меркурием или Тотом, они сохраняют основные элементы посредни-

чества между человеком и Божеством, мудростью и музыкой, письмом и медициной. В тройственном образе (египетском, греческом и римском) подобное приравнивалось к подобному. Он продолжает ассоциироваться с формой мудрости, передававшейся человеку свыше. Все это, вне всякого сомнения, происходило всеобъемлющим образом, далеко выходя из пределов тех алхимических рамок, в которые был впоследствии заключен Гермес-Идрис.

П. Об Изумрудной Скрижали

Людей веками сбивало с толку учение, приписываемое Гермесу Трисмегисту и изложенное в так называемой «Изумрудной Скрижали» (якобы найденной в I веке п. Р.Х. философом и теургом неопифагорейско-неоплатонического толка Аполлоном Тианским «в гробнице Гермеса»), которую арабы называли «Великим Тайным Принципом Великого Делания (Великой Работы)». Текст «Изумрудной Скрижали» (в Европе известен его перевод на латынь — «Табула Смарагдина» -, а оригинал — предположительно написанный на греческом языке, утерян), являвшийся главным руководством алхимиков на протяжении долгих веков, звучит, в одном из вариантов, следующим образом:

«Истина, уверенность, наивернейшее, лишенное лжи. Что вверх, то и вниз. Что внизу, то и наверху. Необходимо добиться чуда единства. Все было создано созерцанием единства, все порождается единством, претерпев определенные изменения. Водителями являются Луна и Солнце. Оно было перенесено ветром и вскормлено землею. Всякое чудо вызывается им, могущество его беспредельно. Брось его на землю, и оно отделится от огня. Неосоздаемое отделилось от грубого. С помощью мудрости оно медленно поднимается от мира к небесам. Затем оно снова снизойдет в мир, соединив в себе могущество высшего и низшего. Так ты постигнешь мир, а тьма исчезнет. Это самая могучая сила — она превосходит тонкое и проникает в грубое. С его помощью был создан мир, а в будущем будут сотворены удивительные превращения, ибо оно может сделать это. Я — Гермес, Тринединь Мудрец, меня называют так потому, что я соединил в себе три элемента высшей мудрости. Так кончается откровение о работе Солнца».

Для сравнения — другой вариант перевода «Изумрудной Скрижали» (а таких переводов немало — существу-

ют, например, 2 варианта перевода текста «Скрижали» на арабский язык, и они значительно отличаются друг от друга):

1. Истинно — без всякой лжи, достоверно и в высшей степени истинно.

2. То, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху; и то, что пребывает сверху, соответствует тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи.

3. И так все вещи произошли от Одного посредством Единого: так все вещи произошли от этой одной сущности через приспособление.

4. Отец ее есть Солнце, мать ее есть Луна. (5) Ветер ее в своем чреве носил. (6) Кормилица ее есть Земля.

5 (7). Сущность сия есть отец всяческого совершенства во всей Вселенной.

6 (8). Сила ее остается цельной, когда она превращается в землю.

7 (9). Ты отделишь землю от огня, тонкое от грубого нежно, с большим искусством.

8 (10). Эта сущность восходит от земли к небу и вновь нисходит на землю, воспринимая силу выших и низших (областей мира).

(11) Так ты обретаешь славу всего мира. Поэтому от тебя отойдет всякая тьма.

9. Эта сущность есть сила всех сил: ибо она победит всякую тонкую вещь и проникнет всякую твердую вещь.

10 (12). Так сотворен мир.

11 (13). Отсюда возникнут всякие приспособления, способ которых таков (как изложено выше).

12 (14). Поэтому я назван Триждывеличайшим, ибо владею тремя частями вселенской Философии.

13 (15). Полно то, что я сказал о работе произведения Солнца.

В предисловии к «Восприятию» суфия Джафара ас-Садика содержатся те же мысли: «Человек — это микрокосм, а Вселенная — макрокосм, единство. Все порождается единым. Всего можно достичь могуществом созерцания. Сначала эту сущность нужно отделить от тела, а потом соединить с ним. Это — Работа (Делание). Ты начинаешь с себя, кончаешь всем. Преображение — прежде человека, превыше его».

Следовательно, комментаторы алхимических трактатов упустили из виду еще одно обстоятельство, суть которого заключается в следующем. Наряду с металлургией, напоминавшей собой алхимию (на уровне терминологии), существовала духовная алхимия, не имевшая ничего общего с (ал)химическими опытами. Джабир (или его последователи, в число которых, несомненно, входили и суфии) действительно занимался химическими исследованиями. Эти люди сделали немало открытий, ставших, по общему признанию, основой современной химии. Для современного человека это означает, что они пытались получить философский камень,

то есть добиться превращения металлов. Но разве могли бы они годами заниматься экспериментами и терпеливо сносить неудачи, являющиеся уделом всех алхимиков, если бы не были убеждены в теоретической возможности успеха?

Разве стали бы они ставить столь серьезные опыты вслепую, в условиях отрицательного отношения общества к индивидуальной религиозной практике, действительно пытаясь добиться трансмутации только в целях наилучшей маскировки?

Понять истинное положение вещей в данной области нам мешают понять два изъяна современного мышления. Во-первых, наши современники пытаются судить о людях прошлого по себе. Во-вторых, обычная трудность, с которой сталкиваются поверхностные теоретики, заключается в том, что они никогда не пытаются понять суфизм изнутри. Суфийская традиция имеет многовековую историю. Ее можно охарактеризовать как «делание». С точки зрения современных стандартов, суфийское «делание» может показаться не имеющим ничего общего с наукой (понимаемой в сегодняшнем смысле этого слова). Тем не менее, оно находит широкое применение. Ищущему предлагают завершить какую-нибудь работу. Она может иметь отношение к алхимии или же являться заданием добиться успеха в каком-либо теоретически невозможном деле. Для достижения определенного прогресса в своем развитии ищущий должен отнестись к полученному заданию с полной верой в возможность его осуществления. В процессе его разработки и исполнения он приобретает духовный опыт. Задания, имеющие отношения к алхимии или к другим вещам, могут быть невыполнимыми, но они образуют те рамки, в пределах которых совершенствуются его постоянство и прилежание, интеллектуальные и духовные качества. В этом смысле само задание становится второстепенным, но его нельзя считать второстепенным, если человек занимается им, скажем, всю свою жизнь, так как в этом случае оно становится постоянным кругом его полномочий. Это чем-то напоминает дух соперничества, свойственный спорту, альпинизму, физкультуре и т.д., распространенным в других обществах. Подъем на вершину горы или развитие мускулатуры являются фиксированными намерениями, но подлинной трансформации их благодаря усилиям добиться невозможно: это средство, а не цель. В целом данная концепция может показаться странной, но все же она обладает своей логикой. При помощи приложения усилий можно изменить не внешнее, а самого человека. Значение имеет только развитие человека, и ничто иное.

Существует суфийская аллегория об алхимии, интересная своей связью с западной мыслью: «У одного человека было несколько ленивых сыновей. Умирая, он сказал им, что на своем поле он спрятал золото, и они могут найти его там. Они перекопали все поле, но ничего не нашли. Тогда они засеяли поле пшеницей, которая дала богатый урожай. Так продолжа-

лось несколько лет. Они не нашли золота, но, тем не менее, разбогатели и привыкли к полезному труду. В конце концов, они стали настоящими рачительными хозяевами и забыли о поисках золота».

Таким образом, попытки получить золото с помощью химических опытов привели к результатам, ничего общего не имеющим с формальной (буквальной) целью этих попыток. Эта история была, безусловно, известна и на христианском Западе, так как ее приводили и Бэкон, и химик XVII века Борхав. Смысл ее в том, что работа, направленная на достижение ее предполагаемой цели, важнее достижения этой цели как таковой. Бэкон писал: «Алхимия подобна человеку, сказавшему своим сыновьям, что он спрятал золото на винограднике. Перекопав землю, они не нашли золота, но зато подготовили почву для винограда и получили богатый урожай».

Бэкон дает представление об эволюционной теории алхимии: «Я должен сказать вам, что природа всегда стремится к совершенству золота, но многие обстоятельства изменяют металлы».

Функции философского камня как универсального медицинского средства (лекарства от всех болезней, панацеи) и источника долголетия (эликсир бессмертия, эликсир вечной молодости) освещают еще один аспект духовной алхимии, который совершенно точно совпадает с суфийскими методами. Интересно отметить, что в суфийской традиции термины «камень» или «эликсир» означают «философский камень», то есть определенное состояние ума, на котором концентрируется врач, передавая его затем пациенту и используя для этого его ум. Если связать это с некоторыми западными описаниями излечения больных при помощи камня, нетрудно догадаться, о каком камне идет речь. Результатом определенных методов концентрации и трансформации ума (соединение соли, серы и ртути) будет камень — определенная сила. Этот камень передается больному, и больной выздоравливает.

Тайный (в силу того, что он скрыт в уме) камень (сила) является источником и сущностью самой жизни.

Когда суфийская концепция сознательной эволюции уже освоена, человек начинает постигать другие элементы учения. Точно так же в некоторых учебных заведениях изучают латынь или греческий — прежде всего, с целью развития определенной части ума.

То, что алхимики Запада стремились именно к внутренней целиподтверждается и их собственными словами и бесчисленными тайными пояснениями, содержащимися в их трудах. Алхимические аллегории можно понять, зная суфийскую символику. В XVII веке, то есть через 1000 лет после смерти создателя алхимии Джабира-Гебера, родившегося около 721 года п. Р.Х., алхимики христианской Европы располагали хронологическими списками мастеров, весьма напоминающими суфийскую «генеалогию духовного преемства», известную, как «золотая цепь». Причем

эта преемственность имеет отношение к людям, связанным между собой только суфийской и мусульманской традициями и не имеющими других внешних точек соприкосновения. В этих списках — имена Мухаммеда, Джабира-Гебера, Гермеса, Данте, Роджера Бэкона.

Исследователи сравнительно недавно показали, что источниками «Божественной клмедии» Данте послужили суфийские материалы, но о связи Данте с суфиями было известно всегда. На мистика с острова Майорка Раймонда Луллия, коадьютора военно-духовного ордена Калатравы (Сальватьерры) на Балеарских островах, ставшего проповедником христианства среди мусульман, ссылаются как на адепта алхимии, однако в своих трудах он писал о том, что обряды были заимствованы им у суфиев, которых он так и называет.

Арабские и иудейские «просветленные» суфии включают в цепь преемственности (передачи) имена Гермеса (символизирующего древнейшую мудрость неземного происхождения), пророка Мухаммеда (а также некоторых членов его семьи и друзей), Джабира или одного из его партнеров и т.д., вплоть до наставников-магистров и учителей современных тайных орденов, братств и обществ. Латинские западные алхимики прослеживают генеалогию своего учения от Гермеса, Гебера и последующих «просвещенных» («иллюминатов»). В число последних входили Бэкон, Луллий и многие другие деятели культуры и науки христианского Запада.

Только то, что алхимия была выражена в химических терминах, ограждало ее от нападков, как самостоятельную попытку духовного развития вне официальной церкви. Типичной в данной связи представляется следующая подпись под алхимической диаграммой, символизирующей Работу (Делание), из большого сборника, опубликованного в 1624 году:

«Действие философии в целом. То, что ранее заключалось во многих формах, стало единой формой. Толчок дает учитель (дословно: «старший»), приносящий ключ. Сера, Соль и Ртуть принесут богатство».

Это зашифрованное послание было символическим и имело отношение к тайному учению о самосовершенствовании и алхимизации человека, что доказывается его последними строками, в которых автор предостерегает от буквального понимания алхимии:

«Если ты ничего не увидишь здесь, то не сможешь искать дальше. Ты останешься слепым, даже если ты будешь окружен светом».

В наш век гипертрофированного рассудка цивилизация приучила нас к сдержанности в выражении чувств. Однако форма неотделима от содержания. Мы неизмеримо больше знаем, чем люди XIII века, в массе, вероятно, мыслим логичнее и стройнее, чем они, но чувствуем ли мы с той же силой, что и эти люди?

«Всякая потеря есть приобретение, всякое приобретение есть потеря», как писал великий суфий Джелал эд-Дин Руми...

Р. О НЕКОТОРЫХ СУФИЙСКИХ (ДЕРВИШСКИХ) ОРДЕНАХ

«Суть суфизма, то есть цель всякого суфия, все-таки не в полном слиянии со Всевышним, Свят Он и Велик, но, скорее, в познании своего трансцендентального «Я» в его сути, отвечающей за справедливость суждений моих об окружающем мире, и уже через познание Справедливости — пусть неполное, но познание Воли Всевышнего, как истока всякой подлинной Справедливости в мире».

Марат Зуфарович Салихов,
современный суфий.

Зачин

Прежде всего, необходимо определиться с терминами. Для того, чтобы говорить о суфийских, или дервишских, орденах, необходимо знать, кто такие дервиши.

1. Кто такой дервиш

Дервиш (персидск.: dervis — «бедняк», «нищий») то же, что и «каландар» или «календер» — мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

2. Разновидности дервишей

Дервиши обычно подразделяются на странствующих и на живущие в обителях («текие», «ханака») под началом шейха — старейшины, блюстителя порядка и устава общины (братства, ордена). Живущие в обителях дервиши часто бродяжничали, питаясь мирским подаянием, но периодически возвращаясь для совместных постов и молитв.

В некоторых городах Средней Азии (например, в Самарканде и др.) для проживания дервишей городские власти на казённые средства или частные пожертвования строили ханаку.

Отличительной особенностью дервиша было принятие на себя обета бедности (нестяжания) и, соответственно, отсутствие собственности. Дервишу не подобало говорить, например, «моя обувь» или «мое то-то и то-то» — у него не должно было иметься собственности, поскольку всё принадлежит Богу. Если же дервиш чем-то и владел, то он этим был обязан делиться с другими. Если дервиш не жил в нищете, то компенсировал это щедростью и гостеприимством, был готов все отдать своему гостю, не оставляя ничего ни для себя, ни даже для своей семьи (у некоторых из дервишей имелась семья).

Иногда всех дервишей именуют «мусульманскими монахами». Но это утверждение представляется не только упрощенным, но и спорным, так как сходство между дервишем и монахом было чисто внешним. Дервиши могли жениться, иметь собственные дома и жить своей собственной жизнью.

При вступлении в суфийский орден (именовавшееся у дервишей «вступлением на путь») в некоторых орденах проводился обряд инициации (примем в члены братства в соответствии с установленным ритуалом). Адепт, вступающий в орден, должен был произнести клятву верности («байа»), после чему ему вручалось суфийское облачение («хирка»). Ученик вкладывал свою руку в руку шейха — таким образом происходила передача «благодати» («барака») от шейха ученику. Другой важной частью обряда инициации было вручение вступившему в орден дервишского колпака (высокой шапки, именовавшейся по-персидски «тадж», что означает «венец» или «корона»).

I. Суфийский орден Айс(с)ауа

Айс(с)ауа — суфийский орден, братство заклинателей змей. Его последователи распространены в Марокко, Алжире, Тунисе (Магриб).

Братство Айссауа было основано Эль-Хади ибн-Айсом, родившемся в 1465 году в городе Сус (Тунис) и умершем около 1526 года в Мекнесе. Впоследствии потомки стали называть этого святого — шейхом Эль-Камелем (совершенным). Согласно преданию, шейх исходил всю страну, проповедуя учение ислама, имел множество учеников. Он был основателем духовного центра — завийа — в Мекнесе. Легенда повествует, что, когда шейх был при смерти, один из его учеников от горя разорвал в состоянии экстаза на себе одежды и проглотил барана в сыром виде. Эта легенда стала основой для двух ритуалов, один из которых — хадра — доведение себя до состояния экстаза, а другой — фрисса — пожирание животного живьем. В канун дня рождения пророка, группа членов братства, изображая учеников шейха Эль-Камеля, собирается недалеко от мавзолея святого, который находится в квартале Баб-Сибя в Мекнесе. Они входят в дом, восхваляют пророка, а затем берут свои музыкальные инструменты и в песнях возносят хвалу Аллаху, пророку Мухаммеду и святому Эль-Хади ибн Айсе. Через несколько

часов начинается представление, которое, по обычаю, открывает женщина в белом одеянии. Ритуал (хадра) приводит женщину в состояние экстаза: теперь она кажется окружающим волевой и полной жизненной силы молодой девушкой, способной вызвать дух святого Эль-Хади ибн Айса. «Он здесь, он нас слышит», — беспрерывно повторяет она, показывая всем своим видом, что прислушивается к каким-то звукам. Вся последующая церемония сопровождается ритуальными танцами, воскурением благовоний, криками и причитаниями под звуки бубнов и песнопений. Коллективное вхождение в экстаз часто сопровождается такими болезненными манипуляциями, как игра с огнем и кипящей водой. При этом последователи Айсы — факихи — режут себя ножом, дрожа всем телом, словно в них вселился злой дух, и босиком ходят по раскаленным углям. Женщины стоят в центре ритуального круга, освобождая душу от страданий и бесов криками, жалобными причитаниями, покачиванием головой с распущенными волосами. Если среди участников действия находятся больные люди, то их помещают в центр другого круга, образованного славословящими Аллаха, пророка и Айсу (муддахинами), после чего начинается процесс очищения души от вселившегося в нее беса. Примечательно, что пришедшее из глубины веков и продолжающееся всю ночь торжество у гробницы шейха Эль-Камеля привлекает к себе внимание молодежи. В ночной темноте юноши выстраиваются у куббы с зажженными свечами, в то время как девушки с торжественным видом ходят вокруг покрытого шелком гроба святого и вполголоса читают молитвы.

Некоторые путешественники, в том числе Филипп де Фелис, были поражены странным поведением представителей африканского племени айссауа (Магриб). Под действием кифа (разновидность гашиша), который они принимали во время ритуальных церемоний, люди начинали совершать конвульсивные движения, приходили в состояние ярости, резали на себе кожу ножами и пожирали живых скорпионов и змей. Некоторые из них ели кактусы с колючками и плясали на раскаленных углях. Такие необычные ритуалы просуществовали в странах Северной Африки до 1930-х годов.

Филипп де Фелис писал о них, в частности, следующее:

«Мужчины и многочисленные дети образуют большой круг, в середине которого под звуки райты (духовой музыкальный инструмент) и ритмичные удары двух барабанов танцует несколько человек... Они топают в такт ногами и при этом откидывают голову то вперед, то назад. Все более дикими становятся танцы, все более возбуждающим отбиваемый барабанщиками ритм. Танцоры, явно принадлежащие к секте Айссауа, приходят в состояние экстаза. Один высоко подпрыгивает, звонко ударяет себя при этом по лицу и, растянувшись во весь рост, падает на землю. Но на нас это зрелище производит жуткое и отталкивающее впечатление».

В секте Айссауа, многие представители которой находятся в Алжире, эти явления (эффект обезболивания) проявляются с наибольшей интенсивностью.

Люди, имевшие редкое счастье присутствовать на одной из их церемоний, были поражены степенью анестезии, достигаемой этими фанатиками. Дело происходит ночью, на какой-нибудь уединенной поляне, тамбурины издают свой однообразный звук. Сектанты сидят вокруг большого костра и постепенно впадают в экстаз. Некоторые из них приходят в судорожное состояние и издают продолжительные крики. Анестезия становится полной, и можно наблюдать, как одни из них лижут докрасна накалившую железную полосу, в то время как другие жуют варварийские фиги, длинные шипы которых прокалывают им щеки и выходят наружу. Многие из них проглатывают живых пауков и скорпионов, что может вызвать весьма серьезные последствия».

«Но из всех алжирских религиозных братств более всего, конечно, привлекает любопытство иностранцев братство Айсауа. Всем известны отвратительные приемы этих истерических жонглеров, которые, придя в состояние иступления, образуют некую магнетическую цепь и, читая свои молитвы, поедают колючие листья кактуса, гвозди, толченное стекло, скорпионов и змей. Нередко эти безумцы пожирают в ужасных конвульсиях живого барана, шерсть, кожу и кровавое мясо, оставляя на земле лишь несколько костей. Они вонзают себе в щеки и живот железные спицы; после смерти, при вскрытии, в стенках их желудков находят самые разнообразные предметы. И что же, из всех мусульманских братств самые поэтические молитвы и самые поэтические нравоучения встречаются в текстах Айсауа. Прочитируем из книги г-на майора Ринна всего несколько фраз: «Однажды пророк сказал Абу-Дирр-эль-Р'ифари: «О Абу-Дирр! смех бедных — это молитва; их игры — хвала Богу; их сон — милостыня». Шейх говорит еще: «Молиться и поститься в пустыне и не иметь сострадания в сердце — это на истинном пути называется лицемерием». «Любовь — высшая ступень совершенства. Тот, кто не любит, ничего не достиг на пути к совершенству. Существует четыре рода любви: любовь разумная, любовь сердечная, любовь душевная, любовь таинственная...» «Была ли когда-либо определена любовь более полно, более тонко, более прекрасно? Можно было бы приводить такие цитаты до бесконечности».

II. Суфийский орден Бекташи

Бекташи — суфийский орден, основанный хаджи (ходжой) Бекташи в XIII веке. Близок к шиизму (за почитание Али) и содержит элементы христианства (крещение). Распространён был в Турции, Албании и Боснии, в основном в среде перешедших в ислам бывших христиан (в первую очередь — среди янычар, гвардейцев турецких султанов). Члены ордена Бекташи воспринимали мир посредством триад: Аллаха, Мухаммеда и Али, имели ритуальную пищу, состоявшую из вина (употребление

которого вообще-то запрещено всем правоверным мусульманам), хлеба и сыра. В фольклоре дервиши-бекташи всегда выступают в виде вольнодумцев, живущих за пределами норм традиционного исламского права.

Все турецкие янычары (турецк.: «ени чери» — «новое войско») были приписаны к суфийскому ордену Бекташи, и шейх (настоятель) дервишей этого ордена был почетным командиром 99-й орты янычарского корпуса. После расформирования корпуса султанских янычар в 1826 году орден Бекташи лишился привилегированного статуса, а после революции под руководством масона-дёнмэ Мустафы Кемаля (Ататюрка), свергнувшей власть султанов и ликвидировавшей Османский халифат, бекташи в 1925 году покинули пределы Турции и осели в Албании, где с орденом было связано до двадцати процентов местного населения. В 1967 году все монастыри бекташей были закрыты коммунистическим правительством, но в 1990 году началось их возрождение. В 1954 году первая община адептов суфийского ордена Бекташи появилась на территории США.

Доктрина ордена Бекташи:

Основатель ордена Бекташи, по словам турецкого историка Эфлаки, не соблюдал правил шариата и никогда не молился (!!!). Основные идеи ордена заключались в уважении к другим и терпимости. Деятельность ордена Бекташи способствовала обращению в ислам подавляющего большинства христианского населения завоеванных турками-османами ромейской («византийской») Малой Азии (Анатолии) и Балкан. Бекташи разделяют общесуфийскую доктрину вахдад ал-вуджуд и аллегорическое понимание Корана и шариата. Они празднуют Навруз (Ноуруз) — Новый Год, праздник доисламского, иранского происхождения — как день рождения четвертого (праведного) халифа «хызрата» Али и практикуют ежегодную исповедь наставнику.

Иерархия суфийского ордена Бекташи:

- Дедебаба — высший ранг в иерархии.
- Халиф-баба
- Баба — глава общины.
- Дервиш — самостоятельный бекташ-одиночка.
- Мухип — вторая ступень посвящения
- Ашик — первая ступень посвящения

III. Суфийский орден Кадирийа (Кадырия)

Кадирийа — суфийский орден (тарикат), основанный персом Абд ал-Кадиром ал-Джилани (1077—1166). Отличительной особенностью тариката Кадирийа является трактовка суфизма как морально-этического

учения, очищенного от экстатических и теософско-спекулятивных элементов. Орден Кадирийя организационно оформился к концу XIII века. Мемориальный комплекс при могиле Абд ал-Кадира в городе Багдаде (столице нынешнего государства Ирак) считается центральной обителью и резиденцией наследственного главы братства. В братстве строго запрещено нищенство. Эмблема ордена Кадирийя — зеленая роза с тремя рядами лепестков (пять-шесть-семь, соответственно означающих: пять столпов ислама, шесть основ веры и семь слов в формуле зикра). Суфийское братство Кадирийя знаменито ритуалом так называемого «громкого зикра» (в связи с этим на Северном Кавказе их часто именуют «зикристами»). Громкий зикр состоит из трех частей: чтения касиды ал-Барзанджи в прославление Пророка Мухаммеда, рецитации обязательных молитв и хорового прославления («мадаих») патрона (святого покровителя) братства, завершающегося наставлениями членам обители дервишей.

Демократическая направленность и терпимость учения суфиев ордена Кадирийя выражается, в частности, в том, что в их круговые моления — «зикры» — допускаются иногда женщины и даже иноверцы.

IV. Суфийский орден Кубравийя (Кубравия)

Кубравийя — суфийский орден (тарикат), получивший широкое распространение в Средней Азии. Орден был назван по имени своего основателя — суфия Наджмад-Дина Кубра из Ургенча (1145—1221).

Доктрина ордена Кубравийя:

- Согласно доктрине ордена Кубравийя, человек есть микрокосм, потенциально содержащий в себе все божественные свойства, за исключением качества «Аллах милостивый, милосердный». Мистик, идя по пути совершенствования, адаптирует божественные имена вплоть до полного растворения в Боге. Для этого необходим суровый пост и полное подчинение своей воли воле шейха. Приближение к конечному состоянию знаменуется видением зелёного света. Основатель ордена Наджмад-Дин-Кубра считал, что только мюршид (или муршид — учитель и наставник адептов-мюридов) может привести к познанию истины, так как идеи-образы («хаватир»), появляющиеся в подсознании суфия во время медитаций в затворничестве, могут исходить как от Бога, так и от сатаны (шайтана), как от сердца, так и от нафса, как от ангелов, так и от джиннов (нечистых духов, бесов, демонов).

- Наджмад-Дин Кубра (Аль-Кубра) также разработал собственную теорию о неуловимых духовных центрах человеческого сознания и духа («лата'иф»). Для своего пути, который он не отделял от «пути Аль-Джунайда», Аль-Кубра разработал 10 принципов — основ братства Кубравийя и правила поведения мюрида («сифат ал-адаб»).

• «Единство свидетельства» («вахдат аш-шухуд») — концепция, разработанная в начале XIV века членом братства Кубравийа 'Ала ад-Даула ас-Симнани (1261—1336). Бог абсолютно трансцендентен, и в силу этого обстоятельства мистик не может получить доказательств существования божественного бытия. Последнее является не столько сущностью Бога, сколько есть «действие, создающее существование»; само бытие есть атрибут, абсолютно свойственный богу, но отделенный от его сущности. Цель мистика, идущего по мистическому пути познания, состоит не в том, чтобы добиться «соединения» («таухид») с Божеством, а в том, чтобы понять, в чем состоит истинное «поклонение» («ибадат») Богу. Поэтому ас-Симнани изменил обычную формулу триады мистического «пути» («сулук»), поменяв местами третий и первый его этапы, на хакикат — тарикат — ша-риат, поскольку истинное знание постигается только благодаря неукоснительному и строгому соблюдению норм и предписаний священного закона («шар'»), ниспосланного людям в откровении.

10 принципов суфийского ордена Кубравийа:

1. Тауба (раскаяние). Возвращение к Богу; вступление на путь служения Аллаху как мюриду суфийского пути.

2. Зухд (аскеза). Отречение от всего бренного, земного; принятие аскетического образа жизни.

3. Таввакуль (упование на Бога). Отказ от своей воли, положиться на Аллаха.

4. Канаат (ограничение). Довольство своей долей; не желать ничего излишнего.

5. Узлат (уход). Уединение в келью; избегать общения с кем-то кроме Аллаха.

6. Зикр (поминание). Постоянно думать о Всевышнем и отвлекать все мысли о земном.

7. Таваджух (созерцание). Отвращение взора от всего земного и стремление раба Божего всецело к Аллаху.

8. Сабр (терпеливость). Объявление войны (джихада) всяким проявлениям низменной человеческой натуры; полный отказ от страстей и желаний.

9. Мураккаба (созерцание). Концентрация мысли на образе Бога, Пророка, святого или же на стихе Корана.

10. Риза (довольство).

V. Суфийский орден Мевлеви

Мевлеви — суфийский орден (тарикат), основанный в XIII веке в Турции Джелал ад-Дином Руми. Отличительной особенностью ордена Мевлеви является практика ритуальных танцев с целью достижения единства с Богом.

Обрядовая практика ордена Мевлеви:

- Обряды суфийского ордена Мевлеви представляют собой довольно сложный ритуал. Он состоит из декламации стиха во славу пророка Мухаммеда, музыкальных импровизаций и исполнения «вертящегося» танца, за этим идет 2-я часть из 4 музыкальных и танцевальных разделов, именуемых селам, которые завершаются инструментальной музыкой и рецитацией Корана вместе с творением молитв. Дервиши ордена Мевлеви («танцующие дервиши» или «кружащиеся дервиши») появляются в белых продолговатых колпаках из войлока, имеющих среднеазиатское происхождение, и с черными накидками; эти накидки сбрасываются во время танца, и дервиши предстают в белых одеяниях (любопытно, что черный и белый — цвета ордена храмовников-тамплиеров — в частности, их щитов и орденского знамени «Босеан»). Такая смена одежд истолковывается как смерть и воскресение. При вращении (кручении) дервиш держит правую руку обращенной к небу, а левую — к земле. Движения поначалу медленные и величавые с постепенным ускорением в такт музыке, но никогда они не становятся бесконтрольными.

- Дервиши кружатся отдельно, не касаясь друг друга плечами, каждый вокруг своей оси и вокруг шейха и других дервишей. Они не произносят ни звука, не производят никаких движений ладонями или головой. Послушники ордена Мевлеви подвергаются долголетнему самоотречению и тренировке в сама. Суфии ордена Бекташи осмеивали танец Мевлеви как ненужный придаток к поклонению Богу. Сам Джелал ад Дин Руми верил, что дух освобождается от тяжести плоти в процессе ритуала «сама», и что ликование человеческого существования, как чувств и мыслей, может быть достигнуто только мастерством в ритуале «сама».

Правильная «сама» может быть проведена только с разрешения и в присутствии шейха.

Дервиши, ответственные за исполнение ритуала «сама», покрывают пол в предназначенном для его проведения помещении — «семахане» — овечьими шкурами, символизирующими обряд шейха. Одетые в белые одежды с широкими юбками, называемыми «теннуре», и в высокие шапки («тадж», что по-персидски означает буквально «венец», «корона»), дервиши совершают свои молитвы после того, как получают знак в виде появления шейха в зеленом головном уборе. После чтений из Месневи и Корана, один из дервишей начинает играть на нэе (нае), старинной камышовой флейте.

VI. Суфийский орден Накшбанди

Накшбанди — один из двенадцати суфийских орденов (тарикатов), названный в честь одного из своих знаменитых шейхов — Бахауддина Накшбанда (Шейха Накшбанда), мавзолей которого находится в Бухаре

(расположенном на территории современного Узбекистана) и является местом активного паломничества. Духовная генеалогия шейхов ордена Накшбанди восходит не к четвертому (праведному) халифу «хызрату» Али, как у большинства тарикатов, а к (праведному) халифу Абу Бакру. По учению накшбандийцев, существует несколько макам (остановок, стоянок) — ступеней суфийского пути, на которых человек сначала просто читает молитву, потом начинает контролировать свое дыхание, поведение, учится рационально распределять время. Высшая ступень — открытие сердца Всевышнему, допущение туда Его ради состояния фана.

Одиннадцать основ тариката Накшбанди от Гиждувани:

Абдулхалик Гиждувани, будучи заочным (увейси) муршидом (мюршидом) Шейха Накшбанди, занимает в Накшбандийском тарикате особое место. «Одиннадцать основ», которые он выдвинул как основные принципы тариката, внесены во все первоисточники тасаввуфа. И эти основы следующие:

1. «Вукуф замани» («остановка времени») это давать себе отчет о каждом проведенном мгновении и о каждом состоянии («халь»). Благодарить Аллаха за время и состояние, проведенное в поминании Аллаха, раскаиваться за время, растраченное в небрежении об Аллахе. Другими словами, в состоянии «кабз» продолжать просить прощения у Аллаха, в состоянии «баст» продолжать благодарить Аллаха. Салик должен понимать ценность времени, должен обращать внимание на каждый вдох и выдох, сохранять чувство муракаба. Понятия часа и времени сходны с верстовыми столбами на пути духовного развития.

2. «Вукуф адади» («ведение исчисления») во время зикра нужно уделять внимание счету, избегать рассеянности сознания и добиваться концентрации его на одной точке, концентрировать внимание. Наряду с тем, что контроль количества зикра имеет большое значение, главное — не количество, а качество зикра. Даже если количество зикра мало, сердце должно быть в присутствии Того, Кого оно поминает. Осознание ценности контроля количества зикра, считающееся первой ступенью тайного знания, препятствует проникновению в сердце брэнного и преходящего.

3. «Вукуф кальби» — бывает двух типов: а) совершающий зикр каждую секунду думает об Аллахе, не дает возможности проникнуть в сердце чему-либо, кроме Аллаха; б) направленность совершающего зикр к своему сердцу. То есть, обращаясь во время зикра к участку своего сердца, расположенному под левым соском и напоминающему стеклянный эллипсоид (шишку), обеспечить присутствие в этом кусочке сердца поминания об Аллахе. Так же, как мы, направляясь к Каабе, обращаемся к Вездесущему Аллаху и открываем свои руки перед Ним с мольбой, так и, обращаясь во время зикра к своему сердцу, мы способствуем наполнению его проявлениями Господа.

4. «Хуш дар-дам» (перс.: «ум в сердце, дыхании»; «хуш»: ум, «дам»: дыхание) сохранять присутствие Аллаха в каждом вдохе-выдохе, не позволять себе даже ни одного вздоха в небрежении к Аллаху. Потому что дыхание без небрежности наполняет сердце присутствием Аллаха. В ордене Накшибандийа основой развития является дыхание. Остерегаться небрежности в отношении Аллаха во время вдоха-выдоха и промежутка между ними означает оживить в себе имя Аллаха аль-Хаййи. Тот, кто защитит свое дыхание подобным образом, избавляется от беспокойства по поводу земного и приобретает уверенность в будущем, став своего рода «Ибн аль-Вакт» или «Человеком времени».

5. «Назар бер-кадам» (перс.: «взгляд на шаг») подразумевает направление взгляда на кончики пальцев ног. Если ходить, глядя по сторонам влево и вправо, внимание рассеивается, сердце наполняется мирским. Тот, кто концентрирует свой взгляд на кончиках пальцев своих ног, сохраняет себя и от взглядов на запретное, и от занятости преходящим, потому что завеса в сердце возникает от внимания к окружающему без необходимости. Глаз является соглядатаем (шпионом) сердца. То, что видит глаз, занимает сердце. Те кадры, которые снимает камера глаза, откладываются в сердце. Хранящиеся в сердце, они занимают у сердца большую часть времени без необходимости. Направленность взгляда на кончики пальцев ног есть проявление скромности, адаба, норм шариата. Это соответствует сунне Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям).

6. «Сафар дер-ватан» (перс.: «путешествие по Родине») движение от сотворенного мира к Творцу. Избавление салика от дурного характера, человеческих свойств и обретение прекрасной нравственности, свойств ангелов есть путешествие к своей истинной родине. Сюда же относится и странствие человека, ищущего наставника, с целью найти себе шейха. Досточтимый Ибрагим (праотец Авраам) сказал: «Я иду к моему Господу, который наставит меня на прямой путь» (ас-Саффат, 37/99) именно о внутреннем духовном путешествии такого рода. В тасаввуфе к такому духовному путешествию относятся все действия, направляющие человека от сотворенного мира к Творцу.

7. «Халвет дер-анджуман» (персидск.: «находясь среди людей, быть в уединении») состояние одиночества, несмотря на общение с людьми. Одиночество среди толпы, пребывание с Господом, находясь в обществе людей. Этот принцип можно описать как: «Руки направляются за прибылью, душа направляется к Любимому». Занятость души и сердца Истинно Сущим, в то время как тело и внешние действия обращены к сотворенному миру. Для осуществления этого состояния салик должен посвятить себя полностью зикру в истинном значении этого слова, чтобы даже среди большого скопления людей он не слышал ничего, кроме поминания Всевышнего Господа, чтобы ничто не могло отстранить его от зикруллах. Таким образом, перед

саликом (духовным путником) открывается истина аята: «Поминай имя Господа твоего и всецело посвети себя Ему» (аль-Музаммил, 73/8).

8. «Йад-кард» — зикр языка вместе с сердцем. Означает совершение зикра языком салика, достигшего степени муракаба. Так как сердце связано с материальными объектами, от нечистоты этих вещей загрязняется сердце. При совершении зикра языком сначала очищается от грязи язык, затем — сердце. Таким образом, салик поднимается от степени муракаба к степени мушахада. Во время зикра, называемого «нафи-исбат», а также во время урока муракаба закрываются глаза, язык прижимается к нёбу, и на задержке дыхания произносится формула таухида.

9. «Баз-гешт» (перс.: «возвращение») этот принцип означает прогонять все посторонние мысли, негативные или позитивные, которые непроизвольно приходят на ум во время зикра. Особенно, при зикре «нафи-исбат» после возобновления дыхания, при произнесении словестной формулы: «Илахи анта максуди ва ридака матлуби» («О Аллах! Только Ты — моя желанная цель, и только Твоего довольства взыскую и ничего другого»).

10. «Нигаш-дашт» (перс.: «сохранение»). Этот принцип осуществляется через препятствование проникновению всего бренного и воспоминаний о прошлом в дом сердца, являющийся местом божественных проявлений. Другими словами, это отключение воображения. Нет необходимости говорить, насколько это трудная задача.

11. «Йад-дашт» (перс.: «вспоминание») это понятие, которое можно еще описать как удержание взора, глубокое понимание, означает пребывание с Аллахом, не говоря это вслух, и удержание этого состояния. Достижение высшего предела в зикре, пребывание в состоянии хузур и степени «шухуд».

Наш путь — через сохбет.

В уединении есть слава. В славе таится погибель.

Добро и успех — в джамаате (братстве — В.А.), и то, и другое кроется в людях

Постоянное присутствие на сохбетах сохраняет истинный иман.

В нашем тарикате малыми поступками можно достичь великих побед

Так как следовать сунне не легко, а наш путь — это путь сунны.

(Шейх Бахауддин Накшибанд)

Знаменитый узбекский поэт и адепт ордена Накшбанди Алишер Навои (Мелодичный) назвал основы Накшбандия «путём довольствия малым».

Известные адепты ордена Накшбанди:

Тарикат Накшбанди получил широчайшее распространение в Средней Азии, на территории бывшего Османского халифата (турецкой Оттоманской империи), и в Индии (главным образом, на территории нынешнего Пакистана).

- Алишер Навои — знаменитый поэт.
- Джами — знаменитый поэт.
- Имам Шамиль — основатель кавказского мюридизма, создатель государства-имамата кавказских горцев, боровшихся с местной родоплеменной знатью и войсками царской России, при поддержке султанской Турции.

- Имам Раббани — Обновитель Второго Тысячелетия.
- Ибни Абидин — великий муфтий Османского халифата.
- Султан турок-османов Мехмед II Завоеватель (Фатих), захвативший в 1453 г. Константинополь-Царьград (по-турецки: Стамбул, точнее — Истанбул) и тем самым положивший конец существованию Восточной Римской (Ромейской, Греческой, «Византийской») империи. Адепты ордена Накшбанди считают, что именно о Мехмеде (получившем также прозвище Гази, что означает «Воитель за веру») пророк Мухаммед изрек в свое время знаменитое пророчество: «Константинополь обязательно будет завоеван, и как прекрасен тот амир, и как прекрасно то войско, что завоюет его».

- Шейх Акшамсуддин — духовный наставник султана Мехмеда II Фатиха.
- Султаны Оттоманской империи (почти все из них являлись халифами Османского халифата, то есть не только светскими, но и духовными владыками всех правоверных мусульман), были «представителями Накшбандийского пути», то есть адептами ордена Накшбанди.

Современные шейхи ордена Накшбанди:

- Махмуд Устаосманоглу аль-Уфи
- Саид-Афанди аль-Чиркави
- Абдужалил Афанди
- Осман Нури Топбаш
- Мулла Исхак

Известные башкиры-адепты Накшбанди:

- Зайнулла Расулев

Известные татары-адепты Накшбанди:

- Утыз Имяни
- Шигабутдин Марджани
- Габденнасыр Курсави
- Галимжан Баруди
- Шейх Баязит
- Багаутдин Ваисов

Известные дагестанцы-адепты Накшбанди:

- Махмуд-афанди Алмало
- Джабраил-афанди Лакити

- Хасан Хилми Афанди
- Хумайд Афанди
- Хусенил Мухаммад Афанди
- Мухаммад-Ариф Афанди
- Абдулхамид Афанди
- Хамзат Афанди
- Мухамад Афанди Хучади
- Саид Афанди аль-Чиркави
- Абдужалил Афанди

«Золотая цепь преемственности» Накшбандийского тариката до Махмуда Устаосманоглу аль-Уфи:

- 1) Пророк Мухаммед
- 2) Халиф Абу Бакр Ас-Садик (Сыддик, то есть «Праведный»)
- 3) Салман Аль-Фариси бин Муса
- 4) Касим бин Мухаммад бин Абу Бакр
- 5) Джафар Ас-Садик
- 6) Абу Язид Аль-Бастами
- 7) Абульхасан Аль-Харкани
- 8) Сайид Абу Али Аль-Фармади
- 9) Юсуф Хамдани
- 10) Абдулхалик Гиждувани
- 11) Ходжа Ариф Ревгари
- 12) Махмуд Инджир Фагнави
- 13) Али Рамитани
- 14) Мухаммад Баба Ас-Симаси
- 15) Сайид Амир Кулаль
- 16) Бахауддин Мухаммад Накшбанди Аль-Бухари
- 17) Аляуддин ибн Мухаммад Атари Мухаммад ибн Мухаммад Аль-Бухари
- 18) Сайид Якуб Аль-Чарахи
- 19) Ходжа Ахрар
- 20) Мухаммад Захид Ас-Самарканди
- 21) Дервиш Мухаммад
- 22) Хаваджа Мухаммад Аль-Амканаки
- 23) Мухаммад Аль-Бакий
- 24) Ахмад Ас-Серхинди Аль-Фаруки
- 25) Мухаммад Масум
- 26) Сайфуддин Аубаракат Ахмад
- 27) Мухаммад Бадавини Сайид Нур
- 28) Хабибуллах Джан Джанан аль-Мазхар
- 29) Абдуллах Дахляви
- 30) Мухаммад Халид Зияуддин Багдади

- 31) Абдуллах Муджавиру фи баядилЛях (аль-Макки)
- 32) Мухаммад Мустафа Исмет ГарибулЛях
- 33) Халиль НурулЛях Заграви
- 34) Али Риза аль-Баззаз
- 35) Али Хайдар Ахисхави
- 36) Махмуд Устаосманоглу аль-Уфи

**«Золотая цепь преемственности» Накшбандийского тариката
до Абдужалила Афанди:**

- 1) Пророк Мухаммад
- 2) Халиф Абу Бакр (Абу-Бекр) Ас-Садик (Сыддик, то есть «Праведный»)
- 3) Салман Аль-Фариси бин Муса
- 4) Касим бин Мухаммад бин Абу Бакр
- 5) Джафар Ас-Садик
- 6) Абу Язид Аль-Бастами
- 7) Абульхасан Аль-Харкани
- 8) Саййид Абу Али Аль-Фармади
- 9) Юсуф Хамдани
- 10) Абдулхалик Гиджувани
- 11) Ходжа Ариф Ревгари
- 12) Махмуд Инджир Фагнави
- 13) Али Рамитани
- 14) Мухаммад Баба Ас-Симаси
- 15) Сайид Амир Кулаль
- 16) Бахауддин Мухаммад Накшбанди Аль-Бухари
- 17) Аляуддин ибн Мухаммад Атари Мухаммад ибн Мухаммад Аль-Бухари
- 18) Сайид Якуб Аль-Чарахи
- 19) Ходжа Ахрар
- 20) Мухаммад Захид Ас-Самарканди
- 21) Дервиш Мухаммад
- 22) Хаваджа Мухаммад Аль-Амканаки
- 23) Мухаммад Аль-Бакий
- 24) Ахмад Ас-Серхинди Аль-Фаруки
- 25) Мухаммад Масум
- 26) Сайфуддин Абубаракат Ахмад
- 27) Мухаммад Бадавани Сайид Нур
- 28) Хабибуллах Джан Джанан аль-Мазхар
- 29) Абдуллах Дахляви
- 30) Мухаммад Халид Зияуддин Багдади
- 31) Исмаил аль-Курдумири
- 32) Мухаммад Салих Ширвани
- 33) Ибрагим Кудкашани

- 34) Хаджи Юнус Афанди Лалали
- 35) Махмуд Афанди
- 36) Жабраиль (Джебраил) Афанди
- 37) Абдуррахман Хаджи
- 38) Хасан Хилми Афанди
- 39) Мухаммад Ягсуб
- 40) Хумайд Афанди
- 41) Хусенил Мухаммад Афанди
- 42) Мухаммад-Ариф Афанди
- 43) Саадухажиясул Мухаммад Афанди
- 44) Абдулхамид Афанди
- 45) Хамзат Афанди
- 46) Мухаммад Афанди Хучади
- 47) Саид Афанди аль-Чиркави
- 48) Абдужалил Афанди

VII. Суфийский орден Ниматуллахи

Ниматуллахи — суфийский орден (тарикат), основанный шахом (шейхом) Ниматуллою Вали в XIV веке. Духовная методика братства Ниматуллахи основывается на зывании к Господу и воспоминании Господа (зикр), размышлении (фекр), самоанализе (мохасеба), медитации (моракеба) и литании (вирд). Адепты тариката порицают отшельничество и ношение особых одежд. Для данного тариката также характерно сверхтерпимое отношение к неисламским конфессиям. Тарикат разделен на ханаки (общины), во главе которых стоят шейхи.

История ордена Ниматуллахи:

Основатель тариката шах (шейх) Ниматулла (1330 — 1431) — большую часть жизни провел в странствиях, встречаясь с суфийскими учителями. Его странствия подошли к концу только в самом начале XV века, когда он обосновался в Кермане, где и провел последние двадцать пять лет своей жизни. Во время его пребывания в Механе слава о нем распространяется по всем областям Ирана и Индии благодаря паломникам, отовсюду приходящим посетить его. Шах Ниматулла умер в 1431 году Христианской эры (834 году Хиджры) и был погребен в Механе.

Примерно через семьдесят лет после смерти шаха Ниматуллы в Иране пришла к власти династия Сефевидов. В результате разногласий с новой властью глава ордена Ниматуллахи был вынужден покинуть пределы Ирана и обосноваться в индийской Империи Великих Моголов (потомков среднеазиатского завоевателя Бабура из рода Тимуридов), где цепь духовной

преемственности продолжала существовать до конца XVIII века (XII века Хиджры), тогда как само братство Ниматуллахи осталось в Иране под властью шахов из династии Сефевидов. Лишь в 1775 году (1190 году Хиджры) центр братства Ниматуллахи был перенесен обратно в Иран, в результате возвращения на родину одного из мастеров братства — Масум Али Шаха Деккани.

До недавнего времени братство Ниматуллахи существовало только в Иране, подавляющее большинство суфиев — членов ордена Ниматуллахи — были иранцами и жили в Иране.

С 1953 по 2008 год главой тариката Ниматуллахи был доктор Джавад Нурбахш (Нур Али Шах II). При нем ханаки (ложи монастырского типа) братства появились на Западе. Первая ханака вне Ирана была основана в 1975 году в Сан-Франциско (США). В настоящее время ханаки ордена Ниматуллахи существуют в Северной Америке, Европе, Африке, Австралии. В 2004 году была открыта ханака в Москве, в 2006 году — в Санкт-Петербурге.

С 2008 года главой братства Ниматуллахи является Алиреза Нурбахш (Реза Али Шах).

Научная деятельность братства Ниматуллахи:

Братство Ниматуллахи организовало 3 международные конференции по суфизму, в которых приняли участие наиболее видные ученые в этой области, а также дервиши самого братства. Две из них прошли в Лондоне, а одна в Вашингтоне.

По итогам конференций опубликованы сборники статей:

1. Наследие средневекового персидского суфизма. Под ред. С. Х. Насра. Предисловие Дж. Нурбахша.
2. Классический персидский суфизм от своего зарождения до Руми. Предисловие Дж. Нурбахша.

Издательская деятельность братства Ниматуллахи:

Издательство Khaniqahi Nimatullahi Publications много лет издает книги по суфизму на персидском и многих европейских языках, включая русский. Большая часть книг написана д-ром Дж. Нурбахшем, включая много томную энциклопедию суфийских символов.

Орден Ниматуллахи издает периодический журнал «SUFİ» («Суфи») на английском, персидском, русском и испанском языках.

Книги братства, опубликованные на русском языке:

1. Нурбахш, Джавад. Беседы о суфийском Пути /Пер. Л. М. Тирапольского. — М.: «Ризлетивеб», 2009. — 224 с.

2. Нурбахш, Джавад. Путь. Духовная практика суфизма. / Пер. Л. М. Тираспольского. — М.: «Риэлетивеб», 2007, — 267 с.
3. Нурбахш, Джавад. Психология суфизма. Дел ва нафс (Сердце и Душа) / Пер. Л. М. Тираспольского. — М.: «Амрита-Русь», 2004, — 160 с.
4. Нурбахш, Джавад. Рай суфиев. / Пер. Л. М. Тираспольского, пер. стихов Б. М. Тираспольского. — М.: «Прогресс», 1995, 1998. — 112 с.
5. Нурбахш, Джавад. Таверна среди руин. Семь эссе о суфизме. / Пер. с англ. Л. М. Тираспольского. — М.: «Прогресс». Четыре издания — 1992, 1993, 1996, 1997, — 136 с.
6. Нурбахш, Джавад. Духовная нищета в суфизме. Великий демон Иблис / М.: «Оптимус Лайт», 2000, 266 с.
7. Нурбахш, Джавад. Беседы о суфийском пути. / Пер. с англ. Л. Тираспольского и др. — М.: «Присцельс», 1998, — 164 с.
8. Нурбахш, Джавад. Иисус глазами суфиев / М.: «Когелет», 1999, — 130 с.
9. Из реки речений. Сборник / Составитель и переводчик: Леонид Тираспольский / М.: «Амрита-Русь», 2004, — 160 с.
10. Услышь флейтиста. Суфии о суфизме. Суфийская проза и поэзия. Сборник. — М.: «Присцельс», 1997, — 200 с.
11. Руми, Джалал ад-Дин. Сокровища воспоминания / Пер. Л. М. Тираспольского. — М.: «Риэлетивеб», 2010. — 208 с.

Источники информации об ордене Ниматуллахи:

На русском языке имеются два основных источника по истории суфийских братств. Это «Ислам. Энциклопедический словарь» (М., Наука, 1991) и ставшая классической книга Дж. С. Тримингэма «Суфийские ордены в исламе» (М.: Наука, 1989).

В Энциклопедическом словаре братству Ниматуллахи отведена большая статья. Цитата: «Самое распространенное и значительное по числу членов — братство в Иране (где оно функционирует повсеместно), сохранившее до наших дней свое влияние в стране и авторитет среди шиитского духовенства». Согласно словарю, численность дервишей Ниматуллахи составляет от ста до трехсот тысяч.

В другой статье словаря, «ат-Тасаввуф» (то есть «суфизм»), приведена схема «Основные суфийские братства» (стр. 226). Среди шестнадцати основных суфийских братств (орденов) упоминается и орден Ниматуллахи.

Отдельная статья словаря посвящена основателю тариката Шаху Ниматуллаху Вали.

В книге Дж. С. Тримингэма «Суфийские ордены в исламе» братство упоминается многократно. Цитата: «Еще при жизни основателя орден проник в Индию, где бахманидский правитель Декана Ахмад Шах Вали (ум. 1436) поощрял его деятельность в своих владениях» (стр. 89). «...в

настоящее время это самый активно действующий орден на территории Ирана» (стр. 90). Ссылаясь на В. Иванова, Тримингэм указывает, что эта тарика «всегда отличалась большой разборчивостью при приеме новых членов, занимая положение „аристократической“ организации». (стр. 89).

Братство упоминается также в переводе книги Аннемари Шиммель «Мир исламского мистицизма» (М.: Алетейя, 2000). Шиммель является крупнейшей современной исследовательницей суфизма. Помимо упоминания в тексте книги, в библиографии можно найти следующую информацию: «Nurbakhsh, Javad. Sufism. Translated by William Chittic. New York, 1982. A long list of publications by Dr. Nurbakhsh, published by the Khanaqa-Nimatullahi (New York and London) contains very useful information about Sufi terminology, historical questions, etc. A Sufi encyclopedia in many volumes is currently being translated from Persian into English» (стр. 384).

На европейских языках существуют десятки, если не сотни книг о братстве Ниматуллахи. На английском языке, в частности, вышли две книги, посвященные подробному изложению истории братства. Одна из них (авторы: Н. Поурджавади и П. Л. Уилсон) называется: «Цари Любви. Поэзия и история братства Ниматуллахи» (Тегеран, 1978).

Другая книга написана Дж. Нурбахшем и называется «Masters of the Path. A History of the Masters of the Nimatullahi Order». NY, 1980.

VIII. Суфийский орден Сенусийа

Сенусийа (Синусийя или Сенусси) — мусульманский суфийский религиозно-политический орден (братство, тарикат) в Ливии и Судане, основанный в Мекке в 1837 году Великим Сенусси, Мухаммедом ибн Али ас-Сенусси, и нацеленный на преодоление упадка исламской мысли и духовности и ослабления мусульманского политического единства. Он оказался под влиянием движения Салафи (салафитов), к которому он присоединил учения, перенятые от различных других суфийских орденов. В романе-утопии известного французского писателя-фантаста Жюль Верна «Матиас Шандор» члены ордена сенус(с)итов выведены, как зловещая, темная, реакционная сила, безуспешно пытающаяся уничтожить созданную главным героем на территории Северной Африки — борцом за независимость Венгрии от власти австрийских Габсбургов и революционером-утопистом Матиасом Шандором своеобразную коммунистическую общину. С 1902 по 1913 год орден сенуситов вел вооруженную борьбу против французской колониальной экспансии в Сахаре и против итальянской колонизации Ливии, начавшейся в 1911 году (после того, как Италия отвоевала у турецкой Османской империи Триполитанию). Внук Великого Сенусси, Идрис I, в 1951 году стал королем Ливии. В 1969 году король

Идрис I был свергнут в ходе военного переворота во главе с полковником Муаммаром Каддафи. По некоторым данным треть населения Ливии связана с орденом Сенусси, чем и объясняется активное участие сенуситов в свержении режима Муаммара Каддафи в 2012 году.

Краткая история ордена Сенусийа:

Этот суфийский орден получил название Сенусийа по имени своего основателя, Мухаммеда ибн Али ас-Сенус(с)и (1787 или 1791—1859). Орден сенуситов был основан им в 1837 году в священном городе всех мусульман — Мекке, а в 1843 году перенес свою деятельность в Киренаику (Северная Африка, Триполитания), где центром ордена сенуситов стал оазис Джарабуб, а позже — оазис Куфра (Ливия). Суфийский религиозный орден Сенуссийа противостоит суфийскому религиозному ордену Тиджанийа. Данное противостояние происходит на протяжении последних 50 лет. При Мухаммеде аль-Махди орден Сенусийа сумел распространить своё влияние на значительную часть Северной и Центральной Африки, населенной мусульманами. Сенуситы активно боролись против французских колонизаторов в Центральной Африке и в Алжире, но также и против господства турок-османов в Киренаике. В 1911—1932 годах орден Сенусийа возглавлял борьбу арабов Ливии с итальянскими (сначала — королевскими, а впоследствии — фашистскими) войсками. В 1951 году, после ухода итальянских колонизаторов из Ливии и обретения Ливией независимости, глава ордена Сенусийа — Мухаммед Идрис стал королём Ливии под именем Идриса I ас-Сенус(с)и Сануси (Сенусси, Синусси). Фактически учрежденная в 1951 году ливийская монархия, во главе которой стоял суфийский орден Сенусийа, носила не светский характер.

В 1966 году орден Сенусийа насчитывал в своих рядах около 6 000 000 членов, проживавших в Ливии, Египте (прежде всего в оазисе Сива), Алжире, Нигере, Чаде, Нигерии, Судане, Камеруне. Как уже упоминалось выше, в настоящее время 1/3 населения Ливии принадлежит к числу адептов ордена Сенусийа.

Придя к власти в Ливии в результате вооруженного переворота в 1969 году, полковник ливийской армии Муммар Каддафи сразу же принялся преследовать сенуситов, справедливо видя в них опору прежнего, монархического режима.

В настоящее время сенуситы ориентируются на радикальные исламистские организации — такие, как ваххабитская террористическая «Аль-Каида» и ультра-шиитская проиранская «Хезболла» («Партия Аллаха»). Глава ордена сенуситов шейх Юсуф аль-Кардави издал фетву на убийство Муаммара Каддафи в ходе вооруженного государственного переворота 2011 года в Ливийской Джамахирии, поддержанного извне вооруженными силами некоторых западных стран-членов НАТО.

Многие современные суфии — например, Марат Зуфарович Салихов (которого мы далее цитируем), сурово осуждают сотрудничество ливийского тариката Сенусийа с ваххабитами, полагая, что, «даже если еретик и анархо-синдикалист Каддафи и притеснял всячески суфиев, то притеснял-то он их не по всему миру, но в пределах лишь своего государства, тогда как ваххабиты убивают всех подряд с особой жестокостью и цинизмом по всей нашей и без того многострадальной планете...», считая недопустимым для суфия «сотрудничество с живодерами планетарного масштаба ради мести сугубо местному тирану...»

XI. Суфийский орден Рифайа (Рифайя, Рифайия, Рифайя, Рифайи)

Рифайя (арабск.: «завывающие») — суфийский орден (тарикат), основанный Ахмадом ар-Рифай в XII веке. Орден получил наибольшую известность на арабском Ближнем и Среднем Востоке благодаря экзорцистским практикам изгнания злых духов посредством зикра. Среди адептов суфийского ордена Рифайя традиционно было очень велико число искусных заклинателей змей (в том числе — самых ядовитых, включая египетскую, или африканскую, кобру). Это обстоятельство даже служило для некоторых исследователей основанием для неосновательного утверждения, что орден Рифайя — тайное общество заклинателей змей, деятельность которого носит религиозную направленность (ставя при этом на первое место в деятельности членов этого суфийского тариката именно ремесло заклинания змей, а не духовные практики).

X. Суфийский орден Сухравардийа (Сухравардия)

Сухравардийа — суфийский орден (тарикат), основанный Шихабедином Абухафсом Омаром Сухраварди — учеником Аль-Газали. Особое внимание участники тариката уделяли экстатическому постижению Бога. Наибольшее распространение тарикат получил в Индии.

XI. Суфийский орден Тиджанийа (Тиджания)

Тиджанийа — суфийский орден (тарикат), основанный в Северной Африке алжирцем Ахметом Тиджаном в 1781 году. Одним из известных шейхов этого тариката является бывший иудей Фреди Боллаг (Али Абд

Уссамад), обратившийся из иудаизма в ислам, который учит о трех степенях посвящения: шариат, тарикат и хакикат.

XII. Суфийский орден Чишти

Чишти — суфийский орден (тарикат), основанный сирийцем Абу Исааком в городке Чиште на территории Афганистана в X веке и получивший распространение в Индии.

Выдающимся представителем ордена Чишти был ходжа Муинуддин Чишти (1141—1230), именно с его деятельностью связывают широкое распространение суфизма в Индии. Его гробница в городе Аджмер (Индия) является местом паломничества верующих Индостана, как мусульман, так и представителей других конфессий. Участники этого тариката одними из первых начали устраивать музыкальные радения (сама), как средство для медитации и для привлечения людей к своим проповедям.

Среди шейхов ордена Чишти особенно почитаются «5 великих» духовных наставников ордена, составляющих цепь духовной преемственности («силсила»):

1. Ходжа Муинуддин,
2. Кутбуддин Бахтияр Каки,
3. Фаридуддин Гандж-и-шакар (он же Баба Фарид),
4. Низамуддин Аулия,
5. Насируддин Чираг-и-Дехли.

Доктрина и практики суфийского ордена Чишти изложены не в трактатах, а в письменно зафиксированных речениях (малфузат) его шейхов.

За долгую историю существования в Индии суфии ордена Чишти впитали в свою традицию многие практики, присущие индийским мистикам сантам, натхам и йогам. Идеология ордена опиралась на доктрину Ибн аль-Араби «Вахдат-ал Вуджуд» («Единство Сущего») с ее концепцией всепроникающей Божественной Любви.

Последователем ордена Чишти был известный индийский музыкант и мистик Хазрат Инайят Хан (1882—1927), живший в Москве в 1913—1914 г.г.

Его отпрыском был Нусрат Фатех Али Хан (1948-1997), ставший величайшим в мире исполнителем суфийской музыки «кавалли». Благодаря ему, весь мир был ознакомлен с этой музыкой. Сейчас наследник — Рахат Нусрат Фатех Али Хан — племянник Нусрата. Нусрат был признан национальным героем Пакистана. Суть системы «кавалли»: двенадцатинотная октава и необычайная гармония музыки, играющейся всегда в живом исполнении, а не в записи, и часто экспромтом. Адепты ордена Чишти

создали систему, способную затронуть все глубинные ноты человека. Кто слышал музыку «кавалли», особенно в живом исполнении, не останется равнодушным.

XIII. Суфийский орден Шазилия (Шазилия)

Шазилия — суфийский орден (тарикат), основанный шейхом Абу аль-Гассан (Хасан) Али аш-Шазили в XIII веке. Основной акцент делается на борьбе с нафсом и внутреннем самосовершенствовании, важную роль в котором играет «халва» — практика уединения, отшельничества, которой каждый адепт с разрешения наставника должен посвятить не менее одного дня в квартал. Уединение сопровождается постом от рассвета до заката. Еще есть различные виды зикра, в которых либо просто поминается имя Аллаха, либо на разный мотив читается шахада.

Отличительной чертой шазилитов была вера, что их принадлежность к этому тарикату предопределена от вечности, что «кутб», глава духовной иерархии, всегда будет членом их ордена. Одним из адептов ордена был Рене Генон.

XIV. Суфийский орден Яссавийа (Ясавия)

Яссавийа — суфийский орден (тарикат), основанный ходжой (хаджи) Ахмедом Яссаи. Получил распространение у тюркских народов Центральной Азии.

Доктрина ордена Яссавийа:

Ясавийский путь совершенствования состоял из 4 основных этапов:

1. Шариат
2. Тарикат
3. Хакикат
4. Маурифат (маарафат), то есть полное и абсолютное знание Сущего и постижение тайн божественного мира, исчезновение в Боге.

Прохождение Пути у дервишей ордена Яссавийа было одним из самых сложных среди суфийских тарикатов других регионов. Например, каждый из упомянутых четырех этапов делился еще на десять отдельных «стоянок» — уже известных нам «макам» -, причем их преодоление было чрезвычайно трудным. Ходжа Ахмед предупреждал шейхов, что «не познавшие в конечном итоге семьдесят наук и не прошедшие семьдесят стоянок, стоят не больше идола (болвана)».

Здесь конец и Господу нашему слава!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Список глав ордена низаритов (саббахитов, батинитов, ассасинов)

- I. С титулом «даис» («даи») или «худжжа» («ходжа»):
 - 1. Гассан (Гасан, Хассан, Хасан) I ибн Саббах (1090–1124)
 - 2. Кийя Бузург (Бозорг) Умид (1124–1138)
 - 3. Мухаммед ибн Бузург (Бозорг) Умид (1138–1162)
- II. С титулом «имам»:
 - 4. Гассан (Гасан, Хассан, Хасан) II ибн Мухаммед (1162–1166)
 - 5. Нур ад-Дин Мухаммед II (1166–1210)
 - 6. Джелал ад-Дин Гассан (Гасан, Хассан, Хасан) III (1210–1221)
 - 7. Алла ад-Дин Мухаммед III (1221–1255)
 - 8. Рукн ад-Дин Хуршах (1255–1256)

Приложение 2

Степени (ступени) посвящения ордена низаритов (саббахитов, батинитов, ассасинов)

1. Фидаин, фидаи или фидай («жертвующий собой»)
2. Рефик. или рафик («товарищ», «старший рядовой», «единомыслящий», «рядовой проповедник», «рядовой миссионер»)
3. Ласик («причастный к тайне»)
4. Даис, даи или дай («старший проповедник», «старший миссионер»)
5. Даис (даи, дай) аль-кирбаль
6. Худжжа (ходжа), «горный старец», «старец горы»
7. («Скрытый») имам

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Филипп Паруа.

ПУТЕШЕСТВИЕ СЕМЬИ ПОЛО И ЦАРСТВО ПРЕСВИТЕРА ИОАННА

В большинстве последних работ царство пресвитера Иоанна и личность самого пресвитера Иоанна нередко сводят к некоему мифу или легенде, или к простой выдумке. Однако вопрос об этом царстве и его царе-первосвященнике куда важнее, чем это представляется отдельными исследователями. С традиционной точки зрения он обретает еще большую значимость, поскольку связан с проблемой Верховного Центра, о котором говорит (Рене — В.А.) Генон в своей книге «Царь Мира». Царство пресвитера Иоанна — это идея, которая владела средневековым Западом на протяжении XII и XIII вв. и сохранялась в умах вплоть до XVII века. Она получает распространение благодаря одному сочинению — «Письму пресвитера Иоанна», известному во многих версиях на различных языках. Но прислушаемся к летописцу Обри де Труа Фонтену, который датирует появление этого текста 1166 годом:

«В те времена Иоанн, царь Индии, обратился к нескольким христианским государям, к Мануилу, императору Константинополя (василевсу ромеев — В.А.), и императору Фридриху (Фридриху I Ротбарту, то есть, по-немецки, Рыжебородому, или, по-итальянски, Барбароссе, из династии Гогенштауфенов — В.А.), с совершенно удивительными посланиями».

Попробуем, на основании нескольких известных нам версий этого письма, дать характеристику царю-первосвященнику и его царству. Прежде всего, пресвитер Иоанн был священником и царем, то есть объединял в одних руках две функции, маященническую и царскую. Вдобавок, его царство по описанию напоминает Рай, поскольку в нем течет райская река. Там имеется бесчисленное множество различных животных, съедобных растений, целебных

источников, драгоценных камней. Население царства живет в богатстве и процветании, в гармонии и совершенной чистоте. Пресвитер Иоанн превосходит всех владык мира добродетелью и могуществом, и его величают «*potentia e virtute Dei et Domini nostri Jesus Christus dominus dominantium*» (искаж. лат.: «Всемогуществом Божиим и властью Господа нашего Иисуса Христа повелитель повелителей»).

В XIII веке было предпринято связанное с этим царством путешествие, которое заслуживает того, чтобы взглянуть на него по-новому.

Речь идет о путешествиях Марко Поло, его отца и дяди. Поначалу именно Николо-отец и его брат Маттео (или Маффео) отправились в путешествие в далекую Азию. Это первое путешествие состоялось в 1261 году. В 1271 году к ним присоединился молодой Марко. В 1295 году, спустя приблизительно двадцать четыре года, все трое целыми и невредимыми вернулись в Венецию. В 1271 году, когда Поло отправились в свое путешествие, бескрайняя Монгольская империя («Великое Монгольское Государство» — «Еке Монгол Улус» — В.А.) простиралась от границ Руси до китайского моря. Эта империя делилась на четыре царства или ханства: Персидское ханство, ханство Золотой Орды (юг Руси; следует заметить, что название «Золотая Орда» возникло в среде русских книжников не ранее начала XVI века; сами же монголо-татары именовали это государство «улусом Джучи» — В.А.), Туркестанское ханство и Китайское ханство. Владыкой последнего ханства, которому подчинялись все остальные, был Великий хан Пекина (имеется в виду каан всего «Великого Монгольского Государства» — «Еке Монгол Улус» — В.А.) Хубилай (или Кублай-хан).

Первое путешествие Маттео и Николо Поло (1261–1265) представляет для нас особый интерес. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что избранный ими маршрут пролегал далеко на север от китайского торгового пути. Поначалу они направились в сторону Булгара на Волге, в новый город Сарай, основанный монгольским ханом Берке, затем двинулись на юг в персидскую Бухару, принадлежащую сегодня Узбекистану. Там они оставались три года, занимаясь неизвестно чем. И, наконец, объявились у Великого хана!

Удивительной кажется и продолжительность этого путешествия — целых пять лет, затраченных ими на путь, который, согласно торговым путеводителям того времени, караван с вьючными повозками и животными преодолевал самое большее за десять месяцев. Имеет смысл упомянуть и необычную просьбу, с которой хан Хубилай обратился к братьям Поло, попросив их привезти ему лампадное масло с Гроба Господня.

Верные взятым на себя обязательствам, братья, по возвращении на Запад, встретившись с папским легатом Гильомом д' Ажаном в Акре и узнав о кончине папы Климента, отправились сначала в Венецию, а затем в паломничество в Иерусалим, откуда вернулись с маслом от лампы.

Перейдем теперь к великому путешествию, совершенному Марко, Николо и Маттео (1271-1295), которое привело их в Пекин (Ханбалык, Кабалык, Гамалекко — В.А.), ко двору хана Хубилая. И в этом случае они избрали сложный маршрут, пролежавший через горы и пустыни; причины этого выбора так и остались неизвестными.

Прибыв в Пекин, Марко и его родственники на протяжении почти двадцати лет служили крупными чиновниками империи (Хубилая — В.А.), «*missi dominici*», в обязанности которых входил надзор за администрацией. Новая миссия, доверенная им Хубилаем, заставила их вновь отправиться на Запад. Им было поручено сопровождать шестнадцатилетнюю принцессу (Кокачин — В.А.) ко двору персидского хана (вассала каана Хубилая, хулагуида Аргуна — В.А.) для заключения брака. Они отправились морским путем из Индии в Ормуз. Выполнив задание, они двинулись в Трапезунд, расположенный на южном берегу Черного моря, затем в Константинополь и, наконец, в 1295 году прибыли в Венецию. Пока они путешествовали, скончался хан Хубилай. Здесь важно подчеркнуть, что обратное путешествие на Запад, предпринятое братьями Поло через Азию, также отклонялось от Шелкового пути, которым обычно двигались итальянские купцы.

Книга Марко Поло «О разнообразии мира» представляет собой нечто большее, нежели простой сборник воспоминаний путешественника. Действительно, речь идет о сочинении, написанном в соавторстве со специалистом по рыцарским романам Рустичелло ди Пиза (или Рустичиано Пизанским). Довольно сложно разобраться, что в этой книге принадлежит перу одного автора, а что — другого. Рустичелло жил при дворе английского короля Эдуарда I (— В.А.). Предполагается, что вместе с другими, англо-нормандскими, рыцарями он сопровождал короля в его (Крестовом — В.А.) походе в Святую Землю, который продлился с 1271 по 1273 год. Несмотря на некоторую неправдоподобность этой гипотезы, историки в целом допускают, что встреча Марко и Рустичелло была случайной и произошла в результате пребывания их обоих в генуэзском плену в 1298 году.

Как бы то ни было, с уверенностью можно утверждать, что книга была написана не в 1295 году, сразу же по возвращении Марко в Венецию, но после его знакомства с Рустичелло, которое состоялось около 1299 года. В более поздней традиции обнаруживается третья, также крайне любопытная фигура генуэзского математика, астронома, астролога, космографа, великого путешественника, долгое время прожившего в Неаполе среди приближенных Робера д' Анжу (Роберта Анжуйского), Андало ди Негро, который участвовал вместе с Марко в переиздании его книги. После возвращения Поло в Европу и окончания написания книги «О разнообразии мира», мы практически больше ничего не слышим о Марко вплоть до его

смерти в Венеции в 1324 году, в возрасте семидесяти лет. Так в общих чертах выглядит путешествие Марко Поло.

Итак, учитывая обстановку конца XIII века, когда одновременно происходит утрата Святой Земли и вторжение монголов в исламский мир; когда Халифат, Византия (Ромейская василия — В.А.) и «Священная Римская империя германской нации» клонятся к закату; когда исчезает орден храмовников, можно сказать, что путешествие Поло занимает особое, центральное положение как во времени (между Средневековьем и Возрождением), так и в пространстве (между Западом и Востоком). Существует множество вопросов, связанных с этим путешествием, и одним из наиболее интересных для нас является вопрос о его причинах. Почему они путешествовали втроем? Почему, занимая крупные должности при дворе хана Хубилая, они предпочли вернуться в Венецию и вести там довольно скромную жизнь? Что заставило их выбрать столь странный маршрут, в обход Шелкового пути? Почему Марко взял в соавторы Рустичелло? Почему было столь велико влияние тибетцев в окружении Хубилая? Какую роль играли несториане, также входившие в окружение этого хана? В чем причины интереса Хубилая к Святой Земле и Иерусалиму? Почему в «Божественной Комедии» Данте мы находим намек на этого Великого хана? Почему (поэт-миннезингер — В.А.) Вольфрам фон Эшенбах в «Титуреле» помещает Грааль рядом с царством пресвитера Иоанна, в некоей части Индии?

На все эти вопросы можно найти ответ, если мы рассмотрим следующую гипотезу. Похоже, одновременно с исчезновением Иерусалимского королевства «франков» зарождается другой великий проект создания величайшей империи мира — монгольской империи хана Хубилая. В этом замысле можно увидеть попытку создания Всемирной империи по образцу «Синархии», описанной Сент-Ивом д'Альвейдром в его сочинениях. Помимо ее всемирного характера, имеет смысл обратить внимание на ее подчиненность единому верховному принципу, исходящему от Верховного Центра, как незыблемого гаранта Изначальной Традиции. Можно предположить, что исчезновение Иерусалимского центра сопровождалось физическим исчезновением тамплиеров — хранителей Святой Земли — и, следовательно, свидетельствовало о деятельности представителей связанной с тамплиерами Западной Традиции. Если мы последуем за тамплиерами Вольфрама фон Эшенбаха в поэме «Титурель» и в «Новом Титуреле» его последователя Альбрехта фон Шар(п)фенберга, то окажется, что Грааль нашел прибежище где-то в Индии, рядом с царством пресвитера Иоанна. Следовательно, происходит перемещение из Иерусалимского центра в центр, расположенный в Азии, элементов, необходимых для функционирования Верховного Центра.

Таким образом, мы можем выдвинуть следующую гипотезу: представители Западной Традиции дали троим Поло двойное задание. Во-первых, пе-

ревезти «Грааль» из Иерусалима в Азию, и, во-вторых, стать помощниками и наставниками Хубилая в деле создания его Всемирной империи. В этом случае путешествие Поло следует трактовать следующим образом: начиная с 1260 года, высшие иерархи ордена тамплиеров поняли, что Святая Земля и Иерусалимское королевство «франков» обречены на исчезновение, и что они должны способствовать возникновению нового Центра в Азии. Этот новый Центр должен был оказать влияние на формирование новой Азиатской империи. Новый Центр располагался отчасти на территории Монголии, отчасти — на территории Тибета. Целью первого путешествия, предпринятого Маттео и Николо, было установление связей с Азиатским Центром и с ханом Хубилаем. Заключительная миссия началась в 1271 году, когда они снова отправились в путешествие из Иерусалима в Азию. Около 1290 года, по неизвестным причинам, возможно, связанным с деградацией хана Хубилая, произошел разрыв между ним и этим Центром, что привело к краху его империи. Трое Поло, чья миссия была завершена, вернулись на Запад, где жили в тени, с целью сохранения тайны. Марко с помощью Рустичелло — сочинителя романов, связанных с циклом легенд о Граале — изложил свои воспоминания в книге «О разнообразии мира или книга чудес света» (по-русски: «Книга» или «Книга Марко Поло», от более полного названия «Книга чудес света» — В.А.), ставшей в некотором смысле его духовным завещанием, в котором он в скрытой, зашифрованной форме оставил отчет о своем оккультном путешествии.

Приведем в поддержку этой гипотезы несколько фактов, подтверждающих вселенский характер империи хана Хубилая. В 1257 году империя Великого хана, в силу своей истории и бескрайних размеров, представляла собой своего рода плавильный тигель, в котором сосуществовали почти все религии того времени — монгольский шаманизм, несторианство (мать Хубилая была христианкой несторианского толка), монофизитство, армянский вариант христианства, Православие, маздеизм (зороастризм), манихейство, ислам, конфуцианство, даосизм, китайский и тибетский буддизм.

В окружении Великого хана входило около сорока китайских, буддистских, тибетских, мусульманских и христианских советников, типа того же Поло. Имя, которое Хубилай-хан намеревался дать своей династии, звучало как «Юань», что означает «корень». В «Ицзин» («Книге Перемен») это 59-я гексаграмма, имеющая следующее значение: «За раздроблением следует собирание рассеянного». Но есть и другой, крайне интересный факт, до некоторой степени подтверждающий связь империи Хубилая с Традицией. Мы имеем в виду одну из глав книги Поло «О разнообразии мира», которая озаглавлена: «Двенадцать баронов, управляющих делами Великого хана». Таким образом, во главе империи стоял совет из Двенадцати Великих (как у Сент-Ива д' Альвейдра — В.А.)!

Отметим также, что монгольский алфавит был создан неким тибетским ламой (по другой версии — не тибетским ламой, а христианином-уйгуром несторианской конфессии, на основе сирийского алфавита — В.А.), как будто до начала этой вселенской миссии монголы не нуждались в письменности! Итак, вселенский характер этого проекта и гипотеза о Поло как о посланниках Западной Традиции позволяет нам сделать довольно любопытные выводы, а также дать более логичное объяснение их действиям. Во-первых, члены семьи Поло должны были обладать определенной «квалификацией» для исполнения своей задачи. Во-вторых, перед нами встает вопрос о типе полученного ими «посвящения». Не имея возможности ответить на этот вопрос, отметим лишь, что для венецианца того времени имелось немало возможностей установить связи с тамплиерами и с Тевтонским орденом (в 1291 году, после падения Акры, орден храмовников и орден госпитальеров перебрались на Кипр, а Тевтонский орден — в Венецию). Кроме того, укажем на их связи с папой римским, а также на их частые сношения с францисканцами (двое братьев-францисканцев сопровождали их в начале великого путешествия и расстались с ними в Акре, пересев на личный корабль магистра ордена Храма).

Возможно также, что в XIII веке на Западе существовали и другие инициатические пути, отличные как от ремесленных (цеховых), так и от внешних рыцарских посвящений. Как бы то ни было, Марко и его родственники, скорее всего, проникли в царство пресвитера Иоанна и встретились с самим Иоанном. Этим мы хотим сказать, что они установили связи с Верховным Центром. Мы думаем, что, если Марко в своей книге превращает пресвитера Иоанна в монгола-христианина, вассала Чингизхана, то он, тем самым, хочет показать, что Хубилай пошел против своего предназначения, совершив некую инверсию доверенной ему миссии. Другие сюжеты, затронутые в книге «О разнообразии мира...» — такие, как упоминание мощей святого Фомы; глава, посвященная святым царям-волхвам; описание Сухого Древа, знаменующего границу между земным и потусторонним миром, также напрямую связаны с царством пресвитера Иоанна. Еще более удивительным представляется тот факт, что в конце XIII века это царство является, так сказать, реально действующим в человеческой истории. Теперь, с учетом сказанного, необходимо попытаться определить эту реальность — царство пресвитера Иоанна есть не что иное, как видение и восприятие Центра Мира, свойственное христианской традиции. Другим примером аналогичного восприятия этой реальности в описываемую эпоху была империя Грааля (и короля Артура), которую также уподобляли земному Раю... Означает ли это, что разные традиции воспринимали одну и ту же фундаментальную реальность аналогичным, но различным образом? Ответ: да. Многие традиции — такие, как иудаизм, ислам, тибетский буддизм, также ставили вопрос о Верховном

Центре. Следует сказать, что эта идея Центра, временного и вневременного, материального и духовного одновременно, на вершине которого стоит одновременно единый и троичный принцип, образующий вселенский инициатический Полюс, представляет собой крайне сложную идею. Представление об этом царстве существует и в иудаизме, и в исламе, где этот Полюс ассоциируется с Метатроном-Енохом (в иудаизме)-Идрисом (в исламе). В христианской традиции данная идея получила иное развитие, что привело, например, к уподоблению пресвитера Иоанна Царю Мира (царю Салима; «Салим» означает по-древнееврейски «Мир») Мелхиседеку. Таким образом, можно сказать, что царство пресвитера Иоанна вечно присутствует в мире, здесь и сейчас, не как феномен средневекового воображения, но как реальность, ставшая незримой для наших современных глаз, которую предстоит завоевать тем, кто достаточно отважен, чтобы отправиться на его поиски.

(Эссе Филиппа Паруа было впервые опубликовано в журнале «La Regle d' Abraham» №1, Avril 1996. Перевод с французского Виктории Ванюшкиной, уточненный и исправленный Вольфгангом Акуновым, был впервые опубликован в альманахе «Волшебная Гора» № IX, М., 2004).

Приложение 4.

Вольфганг Акунов.

ПАРТНЕРЫ НИЗАРИТОВ — ТАМПЛИЕРЫ, КАК ВСЕМИРНЫЙ БАНК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Альбигойцев развеяли в пепел и прах.
Следом — рыцарям Храма гореть на кострах.
Дело ль Божией церкви гадать на костях:
Кто святее — Христос или папа?
И Петра ли апостола в этом вина
Что за гибелью рыцарства ясно видна
Вельзевула когтистая лапа?

Кирилл Ривель.

Чтобы хоть в какой-то мере осознать, что за силы, не описанные на страницах школьных и университетских учебников, оказывали решающее влияние на ход мировой истории, нам никак не обойтись без изучения истории ордена рыцарей Храма (храмовников или тамплиеров). Даже не вдаваясь в подробности вопроса эзотерической «традиции мудрости» нашего времени, ведущей, как с достаточным на то основанием утверждали основательница современной теософии Елена Петровна Блаватская, основатель антропософии Рудольф Штейнер и многие другие, через розенкрейцеров («рыцарей Розы и Креста»), к катарам и храмовникам, следует признать, что рыцари Храма, благодаря своему влиянию и своей деятельности, несомненно, оказали на историю Запада куда большее воздействие, и сформировали облик современного Западного мира в куда большей степени, чем многие прославленные императоры и короли, знаменитые битвы и войны — причем не только в период официального существования ордена Храма. Их воздействие является определяющим для нашей повседневной жизни (причем не в каком-то там эзотерическом, а в самом что ни на есть экзо-

терическом смысле). Именно орден Храма стал первой в истории транснациональной корпорацией. Именно рыцари Храма были первыми в истории Европы международными банкирами и крупными капиталистами, первыми кредиторами и займодавцами всеевропейского масштаба, хотя мало кто из современных европейцев, выписывая банковский чек, осознает, что чек — изобретение рыцарей Храма.

История рыцарей Храма, и прежде всего — их тесные связи с исламскими тайными обществами, в первую очередь — с Каирской ложей измаилитов, иными словами, с основанной халифом Хакимом Александрийской школой — первой в истории Великой ложи — и с тайным орденом низаритов-гашшишимов (ассасинов), невольно заставляют нас провести параллели со многими весьма актуальными процессами современности.

И, размышляя сегодня о феномене храмовников, невольно задаешься вопросом — не стояло ли за всем этим нечто иное, более могущественное и опасное для официальных устоев тогдашнего «Христианского мира» (в его традиционном для описываемого времени понимании), чем обычно принято считать?

Небезынтересной представляется, к примеру, склонность тамплиеров к восточно-христианской (греко-православной) литургии. Молитва Господня («Отче наш») также произносилась тамплиерами согласно канонам не католической, а православной церкви, то есть с сохранением заключительных слов: «Яко Твое есть Царство и сила и слава, во веки веков, аминь». В латинском переводе Библии (сделанном с греческого блаженным Иеронимом Стридонским — так называемой «Вульгате») и в римско-католическом богослужении эти заключительные слова опускались. Ведь папы римские настаивали на том, что и Царство, и сила и слава якобы переданы папе, как наследнику Святого Петра — «первоапостолу», «князю апостолов» и «наместнику» («викарию», то есть — ни много, ни мало! — «заместителю» или «местоблюстителю») Бога на земле. Произнесение тамплиерами заключительных слов молитвы Господней означало отрицание этих притязаний римских пап, оставляя Царство, силу и славу во веки веков одному только Богу. Уже одно только это должно было сделать храмовников, как минимум, подозрительными в глазах римской инквизиции...

Само начало истории храмовников представляется весьма загадочным и таинственным, причем происхождение их ордена кажется (вопреки широко распространенным традиционным представлениям) весьма слабо связанным с Крестовыми походами, хотя пропагандисты ордена Воинства Храмового Креста (*Ordo Militiae Crucis Templi*) и многих иных хранителей тамплиерских традиций утверждают обратное.

Как известно, в 1095 году папа римский Урбан II призвал к Крестовому походу во имя освобождения Иерусалима от мусульманского ига и его

возвращения христианам. Через четыре года, в 1099 году, Святой Град был освобожден в результате кровопролитной войны.

И тогда в Иерусалиме внезапно, как бы из ничего, появились девять бедных рыцарей, якобы направленных в Святой Град Бернаром Клервоским, аббатом (настоятелем) монастыря монашеского ордена цистерцианцев (известного также как «орден Сито»). Предводителем бедных рыцарей был Гуго (Юг) де Пайен, его заместителем — Бизоль де Сент-Омер, остальных звали: Юг I Шампанский (между прочим, сеньор Гуго де Пайена, являвшегося его ленником и вассалом), Андре де Монбар, Арчимбо де Сент-Эньон, Нивар де Мондидье, Годемар и Россаль. Они именовали себя «бедными рыцарями (воинами) во Христе», «бедным рыцарством (воинством) Христа и Храма Соломонова», «бедными соратниками Христа и Храма Соломонова», а также «орденом в защиту паломников к Святому Гробу Господнему».

«Бедные соратники Христа» без приглашения явились во дворец первого короля Иерусалимского Балдуина (Бодуэна) I (потомка франкского короля и основателя «Священной Римской империи» Карла Великого), старший брат которого, герцог Нижней Лотарингии Готфрид (Годфруа, Годефруа, Жоффруа, Жоффрей) Бульонский, двадцатью годами ранее освободил Иерусалим от мусульманского ига (но не пожелал возложить на себя корону нового королевства, дабы не царствовать в золотом венце там, где сам Царь Небесный — Иисус Христос — носил венец терновый). Король Святого Града принял их так же сердечно, как и Патриарх Иерусалимский — наместник папы римского в Земле Воплощения. Бедные рыцари были расквартированы в одном из флигелей королевского дворца, причем (вероятно, не в силу простой случайности) именно в том флигеле, который стоял на освященной издревле земле, а именно — на фундаменте стен ветхо- и новозаветного Храма Соломонова (хотя в действительности первоначальный, построенный действительно при царе объединенного иудейско-израильского царства Соломоне бен Давиде, так называемый Первый, Иерусалимский Храм был в 586 году до Р.Х. разрушен войсками нововавилонского царя Навуходоносора из Халдейской династии, а построенный на его месте после возвращения части ветхозаветных иудеев из вавилонского пленения под руководством Ездры, Неемии и Зоровавеля Второй Храм, расширенный и перестроенный при иудейском царе Ироде Великом, разрушенный римлянами при взятии Иерусалима в 70 году п.Р.Х. может называться «Храмом Соломоновым» лишь условно).

В этом флигеле храмовники, согласно утверждениям позднейших летописцев братства Храма, прожили десять лет, занимаясь своей главной задачей — охраной паломников — и не принимая больше никого в ряды своего эксклюзивного карликового братства. От внимания современников не укрылись проводимые ими раскопки и активная строительная деятель-

ность, развернутая бедными рыцарями среди развалин Храма, от которого к тому времени сохранилось немногим больше древнего, выложенного каменными плитами пола. Согласно позднейшим источникам, храмовники построили там конюшню на две тысячи лошадей. Никому не пришло в голову, что девять рыцарей искали в руинах какую-то тайну, ради раскрытия которой их и направили в Святую Землю. Никто особенно не удивился, когда храмовники по прошествии нескольких лет открыли в своем флигеле... меняльную контору (или, говоря по-нашему, пункт обмена валюты), проявив в этом деле такие способности и сноровку, каких никто не ожидал от христианских монахов и воинов и которые не слишком-то вязались с первоначальным обетом нестяжания (то есть бедности), принятым бедными рыцарями Храма.

В-общем, ранний период истории ордена Храма и их странная деятельность окутаны пеленой красноречивого молчания. Так, известный хронист Фульшер (Фульхерий) Шартрский, записывавший по повелению короля важнейшие события тех лет, на которые приходится основание ордена Храма, не посвятил Гуго де Пайену и его девяти рыцарям ни единой строчки своей летописи. Не сохранилось до наших дней и подтверждений каких бы то ни было действий храмовников этого первоначального периода, направленных на охрану паломников. Лишь по прошествии полувека хронист Вильгельм (Гильом) Тирский начал писать историю «*raupereg commilitones Christi templique Salomoni(a)ci*», но и он в ней больше умалчивал, чем повествовал об их первоначальной деятельности. Тем не менее, известия о храбрых рыцарях Храма очень скоро дошли до Европы, князья Церкви стали возносить им хвалу, а один из них — упомянутый выше аббат Бернар Клервоский (причисленный впоследствии римско-католической Церковью к лику святых) — объявил цели храмовников, вернувшихся в 1128 году с богатой добычей во Францию через Рим, квинтэссенцией всех христианских ценностей и устремлений.

При поддержке аббата Бернара на Соборе в Труа братство девяти рыцарей было официально узаконено в качестве ордена храмовников, воинства (рыцарства) Христова, *militia Christi*, призванного объединить в своем уставе монастырскую дисциплину (включая обеты нестяжания, безбрачия и послушания), с фанатичной готовностью бороться с врагами Христа силой оружия. Согласно некоторым источникам, именно в Труа для них в качестве орденского облачения были введены белый плащ, белая ряса-туника и льняной веревочный пояс, снимать который храмовникам запрещалось (в знак постоянно соблюдения ими обета безбрачия). Впрочем, согласно другим источникам, они официально получили эту «униформу» позднее, в 1153 году. Учрежденный на Соборе в Труа орден получил неслыханные до того привилегии: храмовники были освобождены от уплаты налогов и сборов (получив в то же время право собирать их в пользу своего братства).

Мало того! Они получили право выступать в качестве независимых заимодавцев. В своих имениях бедные рыцари пользовались всеми ленными правами. Они не подчинялись ни светскому, ни церковному правосудию, папской буллой им была гарантирована независимость от всех князей, королей и аббатов. Кроме того, им было дозволено иметь свои собственных духовников и, тем самым, сохранять в полной тайны все свои секреты. Результаты избрания ими главы ордена — Великого магистра — не нуждались ни в чьем утверждении. Таким образом, духовное главенство папы римского над орденом Храма существовало только на бумаге (или, говоря точнее, на пергамене). Освобожденный от каких либо региональных ограничений, контроля и надзора, орден Храма стал первой наднациональной, сверхгосударственной и совершенно автономной (прежде всего, в экономическом отношении) организацией в истории христианского Запада.

В течение очень короткого времени орден Храма превратился в политическую, экономическую и финансовую силу высшего разряда. Храмовники стали банкирами всего Заморья (Переднего и Ближнего Востока) и всех правящих домов Европы, занимавших у тамплиеров порой колоссальные суммы (естественно, под проценты). Кроме того, филиалы ордена Храма в Европе и на Ближнем Востоке осуществляли (разумеется, не бесплатно) денежные переводы для купцов — сословия, попадавшего от храмовников во все большую зависимость. Парижская штаб-квартира храмовников — знаменитый замок «Тампл» («Храм») — стал центром общеевропейской финансовой жизни, куда стекались все денежные потоки.

Пожалуй, наиболее значительным финансовым достижением храмовников являлся их вклад в изменение отношения римско-католической Церкви к ростовщичеству. Ни одно из средневековых учреждений не способствовало становлению капитализма в большей степени чем орден тамплиеров. Но, разумеется, достижения рыцарей Храма не ограничивались этими чисто экономическими аспектами, выходя далеко за их рамки (особенно если рассматривать тамплиеров в качестве хранителей древнейших традиций, зашифрованных, по мнению ряда исследователей, в барельефах кафедральных соборов французской провинции Иль-де-Франс).

Кроме того, орден Храма превратился в центр обмена новыми идеями, новыми измерениями познаниями и новыми науками. Он обладал монополией на лучшую и наиболее прогрессивную технологию и технику своего времени, стимулировал развитие землеустройства и землемерия, картографии, дорожного строительства, судостроения и мореплавания. Он обладал собственными портами и верфями, а также собственным флотом, чьи корабли принадлежали к числу первых в Европе, оснащенных магнитными компасами.

Кроме того, храмовники содержали собственные больницы с собственными врачами, в том числе искусными хирургами. Очевидно, они уже в то

далекое время обладали знаниями о целебных свойствах антибиотиков, поскольку использовали в своей врачебной практике экстракты плесени.

Авторитет тамплиеров казался порой абсолютно непререкаемым, а их политическое влияние почти безграничным. Практически на всех политических уровнях храмовники выступали в качестве общепризнанных официальных арбитров, играя роль дипломатов высшего ранга. В Англии магистра храмовников, рассматривавшегося в качестве главы всех тамошних филиалов церковных орденов, регулярно приглашали на заседания парламента. Нередко английские короли размещали свою резиденцию в лондонском доме ордена Храма. При подписании королем Иоанном Безземельным «Великой Хартии вольностей» (*Magna Carta Libertatis*) рядом с монархом стоял магистр тамплиеров Англии. Когда же Генрих III Английский осмелился в 1252 году пригрозить конфискацией владений тамплиеров в своем королевстве, магистр ордена Храма в Англии заявил ему: «Что Вы говорите, о король? Да не произнесут Ваши уста столь недружелюбные и безумные слова. До тех пор, пока Вы творите дела справедливости, Вы будете править. Но если Вы будете попираť справедливость, то не будете долее королем».

Иными словами, храмовники присвоили себе и своему ордену право, открыто заявить о котором не осмеливался тогда даже сам папа римский — по своему усмотрению возводить монархов на трон и свергать их с трона!

Поэтому не удивительно, что исключительные привилегии ордена Храма, его огромное богатство и — прежде всего — могущество создали ему немало врагов — в первую очередь, среди тех, кто во все большей степени попадал в зависимость от ордена (как, например, французский король Филипп IV Красивый из дома Капетингов). Он задолжал тамплиерам громадные суммы. Значительная часть французской территории была охвачена владениями ордена Храма (полученными им на правах лена или в качестве земельных пожалований). В конце концов, король Филипп был вынужден даже предоставить тамплиерам право контроля над финансами своего королевства.

Прямо напротив королевского дворца и Лувра гордо возвышались мощные башни Тампля, над которым Филипп не имел никакой власти. Именно за стенами Тампля гордый король Франции был вынужден укрыться от восстания парижан в 1305 году. Похоже, он не простил приютившим его тамплиерам этого неслыханного унижения.

Именно перечисленные выше обстоятельства (лежащие, так сказать, на поверхности) и могли стать побудительными мотивами для Филиппа IV, которому, в конце концов, удалось разгромить орден Храма с помощью инквизиции и покорного французской монархии, переменчивого в своих решениях римского папы-француза, официально упразднившего

орден в 1312 году. Два года спустя были поджарены на медленном огне инквизиционного костра Великий магистр тамплиеров Жак де Молэ и Великий прецептор орденской провинции Нормандии Жоффрей (Жоффруа) де Шарне.

Но действительно ли только сребролюбие сделало короля Филиппа столь фанатичным врагом и гонителем тамплиеров? Факт отклонения тамплиерами просьбы Филиппа IV о приеме его в члены ордена Храма заставляет нас взглянуть на описанные выше события в несколько ином свете. Возможно, король Филипп стремился овладеть не только (и не столько) казной тамплиеров, но теми тайнами, которые были найдены Гуго де Пайеном и его восемью спутниками в руинах Иерусалимского храма Соломона?

Да и загадочное поведение самих храмовников накануне и в ходе их ареста наводит на определенные размышления. Невольно создается впечатление, что рыцари Храма были явно озабочены чем-то гораздо более важным для них, чем их собственная жизнь и чем сохранение существования и казны их ордена. Как будто они стремились при всех обстоятельствах не допустить, чтобы стал достоянием гласности некий факт, тщательно скрываемый от непосвященных. Очевидно, храмовники были заранее осведомлены о запланированной королем Филиппом акции. Им было бы совсем нетрудно в кратчайший срок поднять на ноги целое войско, что заставило бы короля крепко призадуматься, или принять какие-либо иные контрмеры. Но произошло нечто прямо противоположное. При аресте тамплиеры не оказали воинам короля ни малейшего сопротивления. За несколько дней до начала арестов Великий магистр де Молэ приказал сжечь множество книг и документов ордена Храма. Кроме того, незадолго до ареста из Парижа был вывезен архив ордена храмовников, возможно, с целью переправить их в порт Ла Рошель, а оттуда — в Англию. По другим сведениям, архив был спрятан в подземной часовне в городке Жизор.

Эта часовня была обнаружена в 1946 году французским рабочим по имени Роже Ломуа. Он сообщил мэру Жизора, что в этой часовне находилось девятнадцать каменных саркофагов и тридцать металлических сундуков. Ломуа пришлось ждать шестнадцать долгих лет, прежде чем он получил разрешение продолжать свои раскопки (под бдительным надзором тогдашнего французского министра культуры Андре Мальро). Однако, как Ломуа и опасался, саркофаги и сундуки к тому времени бесследно исчезли. Не случайным представляется также факт присылки в Жизор в начале 1944 года, в период германской оккупации, из Берлина спецподразделения, получившего задание провести там раскопки.

В данной связи представляется достойным упоминания и еще одно обстоятельство. В то время как повсюду во Франции 13 октября 1307 года и в последующие дни были арестованы все храмовники без исключения,

тамплиерам орденового дома Безю близ селения Ренн-ле-Шато, родового гнезда одного из Великих магистров ордена Храма — Бертрана де Бланшфора, удалось каким-то образом избежать этой участи. Эта загадка осталась по сей день не разгаданной. Тем не менее, безошибочный инстинкт рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, очевидно, не подвел его, когда он направил своего «охотника за Граалем» оберштурмфюрера Отто Рана именно в район Ренн-де-Шато.

13 октября 1307 года в Тампле не было обнаружено ни малейших следов не только легендарных сокровищ храмовников, но и ни одного документа, ни одного манускрипта. Даже пытки, стоившие жизни многим храмовникам, не исторгли из их уст ни одного признания, способного пролить свет на тайну ордена. Правда, они, включая даже Великого магистра Жака де Моле, признались почти во всех грехах, непотребствах, богохульствах и кощунствах, в которых их обвиняли — поклонении дьяволу, гомосексуализме, колдовстве, тайном мусульманстве, оплевывании Святого Креста в ходе тайных ритуалов и проч. Большинство этих обвинений представляются совершенно вздорными, хотя многие до сих пор считают, что «не бывает дыма без огня».

Представляется вполне вероятным, что внутри ордена Храма существовала группа, стремившаяся к тайным, основанным на строгой эзотерике целям, и история ордена Храма демонстрирует нам, что за всеми этими интригами, борьбой за власть, идеологическими конфликтами и религиозными распрями скрывались политические представления и цели — мечта о духовном объединении и единстве во имя господства и завоевания власти. Или, выражаясь современным языком — об установлении транснационального, сверхгосударственного капиталистического режима, которому не смогли бы противостоять никакие тормозящие или сдерживающие его социальные законы и никакие религиозные барьеры.

Однако время для того, что «папа» масонского «тамплиерства» генерал Альберт Пайк позднее именовал «чистым и истинным учением», еще не настало. Не в последнюю очередь потому, что цели храмовников противоречили исторически неизбежной тенденции политики централизации, проводимой отдельными государями тогдашнего мира и их отказа от идеалов христианского сообщества во имя построения собственных, национальных государств. Существовало немало причин, по которым орден Храма еще в те времена поневоле окутывали аурой таинственности и делали его подозрительным в глазах слишком многих. То, что храмовников порой считали колдунами, алхимиками и сатанистами, представляется вполне понятным, ибо высокопоставленные члены ордена, несомненно, обладали глубокими познаниями в области таких эзотерических (то есть скрытых от «профанов», непосвященных, к которым относилось абсолютное большинство тогдашнего населения христианского мира!) наук, как

астрология, евклидова геометрия, алхимия, нумерология, астрономия и т.д., с которыми они впервые соприкоснулись на Востоке (в том числе и при посредстве своих партнеров из тайного измаилитского ордена низаритов-ассасинов) и которые в тогдашней христианской Европе считались связанными с «чертовщиной».

Кроме того, храмовников постоянно обвиняли в том, что они больше думали о поддержании хороших отношений с мусульманскими властями во имя своих собственных интересов, чем заботились об (узко понимаемых) интересах Христианского мира или боролись силой оружия с исламом и его приверженцами. Это стремление рыцарей Храма, в конце концов, завело их так далеко, что они не стеснялись даже на поле боя вступать в переговоры с мусульманами, а порой поднимали меч на членов других христианских военно-духовных орденов — например, госпитальеров-иоаннитов, и даже (якобы) принимали иногда в свой собственный орден рыцарей-мусульман (преимущественно — измаилитов-низаритов, но не только их)!

Естественно, можно было бы отчасти объяснить все это, с учетом достаточно низкого культурного уровня тогдашней христианской Европы, мистической и интеллектуальной притягательностью духовной и материальной культуры Азии для рыцарей Запада. Ибо именно мусульмане (в первую очередь, арабы, но также персы, другие иранцы — например, курды, таджики, хорезмийцы — и турки) обладали в то время духовным наследием Античности — утонченной философией, и вообще культурой, более высокой и развитой во всех отношениях. Поэтому совершенно не удивительно, если тот или иной храмовник усваивал те или иные идеи, представлявшиеся совершенно чуждыми верным чадам тогдашней христианской Церкви Запада. Что, однако, ни в коем случае не означает отречения рыцарей в белом облачении с красным «мученическим» крестом от Христианской веры.

Критика, которой постоянно подвергаются орден Храма и его члены в связи с обвинениями в вероотступничестве и сатанизма, ни в коей мере не может быть признана добросовестной.

Так, из книги в книгу (начиная с изданных еще в начале прошлого века трудов Сергея Нилуса и Ипполита Лютостанского) кочует изображение «Бафомета» — идола, которому якобы тайно поклонялись тамплиеры. Он изображается в виде двуполого чудовища-андрогина с бычьей головой, козлиными рогами, крыльями, женской грудью, оплетенным двумя змеями кадуцеем вместо фаллоса, пылающим факелом на макушке и с пятиконечной звездой-пентаграммой во лбу. Между тем, сие козлобородое чудовище является плодом больного воображения французского масона-каббалиста Элифаса Леви (католического монаха-расстриги Альфонса Констана), жившего в середине XIX века и не имевшего к историческому

ордену Храма, основанному Гуго де Пайеном и его восемью соратниками, никакого отношения. Не вдаваясь в эти «детали» и «не мудрствуя лукаво», последующие «конспирологи» (если не сказать «конспиролухи») тиражируют фальшивку, хотя из протоколов французских инквизиторов известно, что идол «Бафомета» представлял собой мужскую голову с длинной бородой (а не козла-андрогина со звездой во лбу; впрочем, эту пентаграмму иные «борцы с тамплиерством», не удосужившиеся ознакомиться даже с трудом Леви, Нилуса и Лютостанского, стали помещать «Бафомету» не на лоб, а на грудь) .

Утверждают, что Великий магистр храмовников Жак де Молэ взшел на костер и умер «нераскаянным грешником». Между тем, его последнее желание заключалось в том, чтобы его привязали к столбу лицом к Собору Парижской Богоматери, чтобы он до последнего мгновения своей земной жизни мог лицезреть Небесную Заступницу ордена Храма и Мать Спасителя Христа.

Утверждают также, что де Молэ перед смертью «проклял» короля и папу, осудивших его на смерть. В действительности же он их не «проклял», а призвал на Божий суд (и они действительно в течение года последовали вслед за невинно осужденным в мир иной, к Престолу Всевышнего).

Vincit veritas, как говорили древние римляне. Истина побеждает. Король французских давно уже нет, а орден тамплиеров, в лице его законного преемника — Суверенного (Верховного) Военного (Рыцарского) ордена Иерусалимского Храма (Ordo Supremus Militaris Templi Hierosolymitani) во главе с Великим магистром Дэвидом Эплби — существует, по милости Божьей, имея представительство при Организации Объединенных Наций, других международных организациях, и отделения во многих странах мира, включая Российскую Федерацию (Великий Приорат России).

Здесь конец и Господу нашему слава!

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Вольфганг Акунов.

ТАМПИЕРЫ, НИЗАРИТЫ И ЭНИГМА ГРААЛЯ

И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар, преизбыток земного блаженства,
Воплощение совершенства,
Вожделеннейший камень Грааль...
Вольфрам фон Эшенбах,
«Парцифаль».

В краю святом, в далеком горнем царстве,
Замок стоит — твердыня Монсальват.
Там Храм сияет в украшеньях чудных,
Что ярче звезд, как солнце дня, горят.
А в Храме том сосуд есть силы дивной,
Как высший неба дар он там храним.
Его туда для душ блаженных, чистых
Давно принес крылатый серафим.
И каждый год слетает с неба голубь,
Чтоб новой силой чашу укрепить.
Святой там Грааль — источник веры чистой,
Блаженны те, кто мог ее вкусить.
Кто быть слугой Грааля удостоен,
Тому дарит он неземную власть.
Тому не страшны вражеские козни,
Открыто ими зло, враг черный должен пасть.
И если рыцарь послан в край далекий,
За верность, честь и правду в бой вступить,
Он и там силы дивной не теряет,
Лишь имя в тайне должен он хранить.
Так чист и свят источник благодатный,
Что верить должен слепо человек,
А если в ком сомненье зародилось,
Небес посол тотчас уйдет навек.

Итак, вы тайну знать мою хотели;
Я Грааля волей к вам сюда пришел.
Отец мой — Парсифаль, Боговенчанный,
Я — Лоэнгрин, святыни той посол.
Рихард Вагнер, «Лоэнгрин», III, 3.

«И вот в наивысшем исходном пункте вечно духовно-сущностного находится Хрустальный Дворец, духовно-зримый и доступный — но лишь такому же духовно-сущностному виду. Этот Хрустальный Дворец заключает в себе некое пространство, находящееся на внешней грани с Божественным, то есть пространство, еще более эфирное, чем все иное духовно-сущностное. В этом пространстве, как залог вечной Божественной Благодати, Символ Его Чистейшей Божественной Любви и Исток Его Божественной Силы, находится Святой Граль.

Это Чаша, в которой непрестанно, не переливаясь, бурлит и клокочет подобие красной крови. Чаша эта омывается Лучами Светлейшего Света; и только чистейшим из духовно-сущностных дано заглянуть в этот Свет. Таковыми являются Стражи Святого Граля! Когда в поэтических сказаниях повествуется о том, что только чистейшим из людей предназначено быть стражами Граля, это — момент, который талантливый поэт слишком приземлил, ибо иначе он и не мог это выразить.

Никакой человеческий дух не может ступить в эту священную обитель. Даже в совершеннейшей своей духовной сущности, пройдя уже через все вещественное, он — по возвращении своем — не является еще достаточно эфирным для того, чтобы переступить этот порог, то есть этот предел. Даже в высочайшей своей завершенности он еще слишком для этого плотен.

А дальнейшая его эфиризация была бы для него равносильна полнейшему распаду или сгоранию, ибо виду его не дано стать еще более лучистым, более светлым, то есть — еще более эфирным. Его вид этого не выдержал бы.

Стражами Граля являются вечные Прадухи, которые никогда не были людьми; они — вершина всего духовно-сущностного. Но они нуждаются в божественно-бестелесной силе, зависят от нее так же, как зависит все от божественно-бестелесного источника всей силы — Бога-Отца».

Абд Ру Шин. «В свете Истины».

С орденом бедных рыцрей Христа и Храма Соломонова (тамплиерами), с которым постоянно ассоциируется измаилитский орден низаритов-ассасинов, всегда вольно или невольно связывают загадку Святого Грааля...

Порой людей с неудержимой силой охватывает страсть к непостижимому. В порыве пассионарности, как сказал бы покойный Лев Гумилев, народы снимаются с насиженных мест, устремляются на подвиги или на гибель за тридевять земель.

Смутные видения влекут рыцарей на поединки за честь прекрасной дамы, в Крестовые походы, отвоевание у неверных Святого Живоносного Гроба Господня, либо в походы в Индию... А иногда цель становится и совсем туманной — например, просвещение всего мира светом истинной веры, уничтожение угнетения человека человеком, построение на Земле свободного от всякой эксплуатации справедливого общества, спасение арийской расы от вырождения, приобщение к Братству Святого Грааля, служение Граалю, лицезрение и защита Грааля от врагов, которым несть числа.

В самом деле, что такое «Святой Грааль», который неразрывно связан со сказаниями о рыцарях Христа и Храма (тамплиерах) и которому посвящено столько древних мифов, средневековых легенд и современных исследований? Начать с того, что, хотя у нас принято именовать обозначаемую этим смутным понятием некую в высшей степени таинственную сущность существительным мужского рода «Грааль — он», само это слово — южнофранцузского (провансальского) происхождения — отнюдь не мужского, а женского рода. Так что правильнее было бы по-русски именовать эту загадочную сущность «Святая Грааль» (во всяком случае, если под ним понимается некая «Святая Чаша»). Так считал, к примеру, глубокий знаток вопроса Владимир Игоревич Карпец. Но мы не будем нарушать устоявшуюся, хотя и неверную, русскоязычную традицию.

Еще в XI–XIII веках западноевропейские трубадуры, труверы и менестрели (Робер де Борон, Кретьен де Труа, Гийо де Провэн), миннезингеры (Вольфрам фон Эшенбах, Альберт фон Шарфенберг) и романисты (сэр Томас Мэлори) создали в своих поэтических творениях целую генеалогию королей и хранителей Грааля. Много позже «сумрачный германский гений» — Рихард Вагнер — посвятил таинственной теме Святой Чаши две из своих «музыкальных драм» — оперы «Лоэнгрин» и «Парсифаль». Но никто так и не удосужился заняться анатомией таинственного образа этого волшебного и необычного во всех отношениях предмета — настолько возвышенного, что, например, миннезингер Рейнмар фон Цветтер называл чистую женщину «молодым Граалем», поэт именвал свою возлюбленную «Граалем сердца», а монах сравнивал с Граалем даже самую Пречистую Деву Марию! — словом, сокровища, способного будоражить человеческую фантазию вот уже столько веков.

Все сходятся лишь в одном — Грааль служит источником чудес. Он дарует людям необычайное обилие разнообразнейших благ. В том числе даже чисто гастрономических:

Грааль в своей великой силе
Мог дать, чего б вы ни просили,
Вмиг угостив вас (это было чудом)
Любым горячим иль холодным блюдом,

Заморским или местным,
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью -
Предела нет его величью.
Ведь Грааль был воплощением совершенства
И преизбытком земного блаженства.
И был основой основ
Ему пресветлый рай Христов.
О, сколько в чашах золоченых
Вареных, жареных, печеных
Яств у Грааля! Он готов
К раздаче мяса всех сортов.
Он разливал супы на диво,
К жаркому предлагал подливы
И перец, обжигавший рты,
Набив обжорам животы.
Он кубки наполнял искристым
Вином, и терпким и игристым,
Он, тот, пред кем склонялся мир,
Справлял гостеприимства пир...

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л.В. Гинзбурга, с. 138).

Однако не только гастрономических, но и медицинских, врачующих все болезни, дарующих человеку здоровье и вторую молодость. Даже смертельно раненый, взглянув на Грааль (выступающий в данном случае своеобразным эквивалентом «панацеи», то есть чудодейственного «лекарства от всех болезней» средневековых алхимиков и розенкрейцеров), мог оставаться в живых еще целую неделю, обычные же раны при виде Грааля затягивались невероятно быстро. Дряхлый старец, удостоившийся счастья лицезреть Грааль, вновь становился цветущим юношей.

Грааль, он тем и знаменит,
Что человечью жизнь хранит.
Тот, кто на камень глянет,
Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
Семь дней уж точно не умрет!
Это известно наперед,
Достаточно лишь посмотреть, -
И невозможно умереть
В течение недели!
Диво, в самом деле!..

Исполнен к людям доброты,
Грааль сохраняет их черты
До самой старости молодыми,
Вот только делает седыми
С течением лет их волоса -
Знать, здесь бессильны все чудеса!..

Согласно описанию, пожалуй, самого знаменитого средневекового певца Грааля — немецкого миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха — Святой Грааль излучает
...волшебный свет,

Пламя, в котором, раскинув крыла,
Птица Феникс сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,
Ущерба не претерпев никакого,
А только прекраснее становясь...
Вот она — взаимосвязь
Меж умираньем и обновлением!

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л. В. Гинзбурга, с. 232).

При чтении этих строк наш современник поневоле вспоминает Феникса профессора Дамблдора, Гарри Поттера и Кубок Огня! Но что же это за таинственный предмет, обладающий таким поистине уникальным набором ценнейших свойств? Для большинства соперников Вольфрама фон Эшенбаха на певческих турнирах Святой Грааль был неким культовым предметом, связанным с мученической смертью Господа нашего Иисуса Христа на Голгофе.

Так, Робер де Борон, автор одной из поэм о Святом Граале (предположительно 1190-1199 гг.), подразумевал под Граалем чашу (кубок), из которой Сам Спаситель пил вино на Тайной Вечере и из которой он давал пить вино Своим апостолам в знак заключения Нового Завета. Как сказано в Евангелии: «И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца моего» (Мф.26, 27-28).

Согласно Роберу де Борону, опиравшемуся на более древние сказания, Святой Иосиф Аримафейский собрал кровь Иисуса Христа, истекшую из ран на руках и ногах Спасителя, прибитых к Кресту гвоздями, и из Его ребра, прободенного копьем римского сотника Гая Кассия Лонгина, на Гол-

гофе, в эту чашу (в некоторых вариантах легенд — не в чашу, а в блюдо, с которого Спаситель и апостолы вкушали на Тайной Вечере пасхального агнца) и, скрываясь от преследований иерусалимского первосвященника, ветхозаветных книжников и фарисеев, тайно привез ее в Британию, ко двору легендарного короля Артура Пендрагона в Камулодунуме (Камелоте), куда, после завершения земной жизни, воскресения и вознесения на небеса Сына Божия, будто бы переместилась из Палестины заветная земля (у Кретьена де Труа Иосифу Аримафейскому эту Чашу вручает Сам воскресший Спаситель Иисус Христос, явившийся ему в сиянии неземного света).

При этом сказителя несколько не смущало то, что Иосиф Аримафейский жил в I веке, а исторический «король Артур», в действительности же — «военный вождь» (лат.: «дукс беллорум») романизированных бриттов Аврелий Амвросий по прозвищу «Медведь» («Урсус» по-латыни и «Артур» или «Арту» по-кельтски — хотя, по другой версии, прообразом «короля Артура» являлся некий римский военачальник Арторий!) — на рубеже V и VI веков п.Р.Х.!

Иные трубадуры уверяли, что не Иосиф Аримафейский, а Святая Мария Магдалина доставила чашу в Массилию (Марсель), а уж оттуда она попала в Британию. В любом случае следует отметить содержащийся в данных вариантах легенды явный пробританский (или проанглийский) «патриотический» контекст — Британия-Англия, благодаря переносу туда Святого Грааля, превращается во «вторую Святую Землю, Вторую Палестину» (хотя по иным версиям, Грааль хранится не в Британии, а в Ирландии — другом осколке древнего кельтского мира).

Сами описания Святого Грааля также весьма разнились. Для одних это была простая скромная чаша со стола дома Симона Прокаженного, где Спаситель с апостолами собрались на последнюю пасхальную трапезу. Для других это была дорогая, из чистого золота, чаша, украшенная драгоценными камнями. В этом втором варианте Грааль уже является неким подобием церковного потира — чаши для причастия, употребляемой при Божественной Литургии в Христианской Церкви (где во время Таинства Причащения, как во время Тайной Вечери, происходит таинство превращения, или пресуществления, вина в Божественную Кровь Христову).

Соответственно, в варианте, когда под Граалем подразумевается не Чаша Евхаристии, а блюдо с пасхальным агнцем, он предстает подобием другого важнейшего атрибута христианской Божественной Литургии — дискаса, на котором происходит разделение Хлеба — Просфоры, также условно именуемого «агнцем» (в свою очередь, являющегося символом Самого Христа, как «агнца Божия, взявшего на себя грехи мира» и добровольно принесшего Себя в жертву во искупление грехов погрязшего в грехах рода человеческого!) и пресуществляющегося в Тело Христово

(не случайно просфора также разделяется так называемым «копием» — в память о прободении ребра Спасителя копьем римского центуриона-солдата Лонгина на Голгофском Кресте!).

Для третьих трубадуров или романистов Грааль — это драгоценный кубок, выточенный из цельного изумруда (венетианцы при взятии Константинополя западными крестоносцами в 1204 году якобы захватили этот изумрудный кубок — впрочем, в одном из вариантов данной истории говорится не о кубке, а о «чудесной вазе из зеленого камня»! — при разграблении цареградского Собора Святой Софии и даже демонстрировали его долгое время в своем Соборе Святого Марка как «подлинный Святой Грааль», пока он не исчез без следа при захвате Венеции Итальянской армией французского революционного генерала Наполеона Буонапарте, будущего душителя революции, пытавшегося восстановить трон франкских царей из дома Меровингов под именем императора французов Наполеона I Бонапарта, признавшего в 1808 году вышедший из подполья во Франции орден храмовников-тамплиеров во главе с Великим магистром Бернаром Раймоном Фабре-Палапра).

Многие исследователи, не связанные в своих трудах христианской традицией, считают очевидным наличие связи «священного кубка» с легендами о жертвенной крови еще дохристианских времен — в частности, со сказаниями о ритуальном кубке (круговой чаше), который, наподобие братины, выпивали десять царей-богов платоновской Атлантиды; о волшебном жертвенном котле древних кельтов — своеобразном аналоге античного Рога изобилия; или о Золотом кубке древнегерманских племен; либо же о связи сказания о Граале с мифами эллинистического Египта, в которых кубок, наполненный водой из «адской», подземной реки Стикса, обладал особыми свойствами и мог считаться вместилищем неких древних священных знаний («гнозиса»), утерянных по мере все большей профанации человечества.

Кто-то вообще толкует легенды о поисках Святого Грааля символически, как выражение тоски западных христиан-католиков «по чаше» (то есть, по причащению под обоими видами, хлебом и вином, *Плотью и Кровью Христовой*, которого христиане-католики, в отличие от православных, оказались лишенными после раскола Христианской Церкви на Западную, Римско-Католическую и Восточную, Греко-Кафолическую, в результате взаимного отлучения папы римского и Патриарха Константинопольского в 1054 году; с тех пор у католиков, в отличие от православных, миряне причащаются только хлебом, то есть облатками-гостиями, и лишь клирики — и хлебом, и вином).

Не зря на Западе неоднократно вспыхивали восстания и даже религиозные войны, ведшиеся под лозунгом и с требованиями причастия под обоими видами (лат.: «суб утравке спечие») и для мирян. Достаточно вспомнить Гуситские войны, вспыхнувшие в первой половине XV века и распространившиеся с территории средневековой Чехии почти на всю

Европу. На боевых знаменах, щитах и одежде гуситов был изображен как раз потир — церковная чаша для причастия; одна из «партий» в лагере гуситов («утраквистов») так и называлась — «чашники», или «каликстинцы» (от латинского слова «каликс»=«чаша»).

В продолжение традиции, воспевающей Грааль, начатой Робером де Бороном или Кретьеном де Труа, посвятившим свои творения, соответственно, графине Марии Шампанской и графу Фландрскому (поэма о Персифале, «сыне вдовы» — любопытно, что «сыном вдовы» франкмасоны именуют своего «прародителя» — легендарного зодчего Соломонова храма в Иерусалиме — Хирама Абиффа, Хирама Авия или Адонирама!), а также таинственным Киотом (Гийо) из города Провэна (а не «из Прованса», как часто неправильно пишут и думают!), баварский миннезингер Вольфрам фон Эшенбах (родившийся около 1170 года) описывает и оценивает «свой» Грааль несколько иначе, чем его предшественники на поэтической ниве. Он чрезвычайно глубоко разработал тему этой чудесной реликвии, посвятив Граалю двадцать пять тысяч (!) стихотворных строк. Над главным трудом своей жизни — знаменитой поэмой «Парцифаль» — Вольфрам трудился с 1195 по 1216 год. Как и Киот Провэнский, на которого ссылается немецкий миннезингер, именуя его «великим мастером», Вольфрам фон Эшенбах, совершил паломничество в Святую Землю, посетил Святой Град Иерусалим. Поскольку в христианстве Вольфрама не может быть никаких сомнений, можно предположить, что его толкование Грааля уходит своими корнями в иную легендарную традицию, наложившуюся, с течением времени, на сказание о чудодейственной Чаше с кровью Спасителя.

От Киота Вольфрам воспринял версию, переданную неким Флегетанисом, перешедшим в христианство иудеем, а по другой версии — «язычником из рода Соломонова» (?). Флегетанис сообщил обоим менестрелям, что «есть такая вещь — Грааль (по-немецки с одним «а»: «Граль»=Gral), название которой он прочел по созвездиям (или «в звездах» — В.А.). «Сонм ангелов оставил его на земле», и он является в таком сиянии, «перед которым меркнет весь блеск земной». А тот из крещеных, кто станет охранять эту вещь на земле, всегда будет оставаться в кругу знатных людей и будет отличен перед всеми прочими. То, что Флегетанис, по Вольфраму, прочел имя Грааля «в звездах», может означать, что Грааль — нечто вроде метеорита, явившегося из иных — возможно, более высоких, миров, насыщенных некой высшей, «Божественной» или «Космической», энергией. К тому же Флегетанис дал понять, что Грааль принадлежит не только прошлому, но и будущему. «Ибо ни один человек не достигнет Грааля, пока о нем не узнают на небесах и не назовут его по имени и не призовут в общество Грааля»:

Лишь в небесах определяли,
Кто смеет ведать о Граале.

«Сын вдовы» Парцифаль (Парсифаль, Персеваль, Перлесваус, Перлесвос, Перлесво) оказался родственником Святого Иосифа Аримафейского и удостоился чести быть сопричисленным к хранителям Грааля при дворе больного «короля Грааля» — Анфортаса. Генеалогию хранителей Грааля и его Братства продолжили сын Парцифалья — «рыцарь Лебеда» Лознгрин — и другие герои. Что же касается самого Грааля, то Вольфрам фон Эшенбах описывает его отнюдь не как чашу, кубок или блюдо, а как некий «камень особой породы», именуемый «лапсит эксиллис», что созвучно латинскому словосочетанию «лапис (ляпис) экс целис» (*lapis ex coelis*), то есть, «камень с небес», или же «лапсит экс целис» (*lapsit ex coelis*), то есть «упавший с небес» или «камень света». Согласно иным, «апокрифическим» версиям сказаний о Граале, Грааль являлся драгоценным камнем-самоцветом — карбункулом, смарагдом (изумрудом), рубином или даже ясписом (яшмой), выпавшим из венца вождя восставших на Бога мятежных ангелов — Люцифера (Светоносса или Светозара), низвергнутого в ад предводителем небесного воинства Архангелом Михаилом и превратившегося в дьявола-сатану.

Как бы то ни было, Вольфрамом фон Эшенбахом были изменены как традиционное, окрашенное в христианско-легендарные тона толкование Грааля как сосуда, содержащего Кровь Христову, так и его географическое местоположение. Фон Эшенбах поместил свой «лапсит эксиллис» не в артуровскую Британию, а в замок Мунсальвеш (*Munsalvaesche*) страдающего от неизлечимой раны короля Анфортаса. В этом замке Мунсальвеш, центре культа и хранилище Святого Грааля, охрану последнего несло братство «рыцарей Грааля», одетых во все белое.

Вольфрам фон Эшенбах именует рыцарей Грааля словом «темплеизы» (*Templeisen, Tempeleisen, Templeizen*). В этом слове ясно прослеживается корень «Темпл» или «тампл» (*Templ, Tempel, temple*), происходящий от латинского «темплум» (*templum*), что означает «храм». Таким образом, рыцари-темплеизы — это рыцари Храма, храмовники. В описываемую эпоху существовал вполне реальный духовно-рыцарский орден Храма, или храмовников-тамплиеров, пользовавшийся всеобщим уважением и даже почитанием за свое беззаветное служение защите христианской веры и владений крестоносцев на переднем крае обороны от мусульманских полчищ — в Святой Земле и на Иберийском полуострове. Подобно «темплеизам» Святого Грааля, исторические тамплиеры были «братией белого облачения». Подобно «темплеизам», они жили в крепостях монастырского типа, именуемых «Храмами». Главная резиденция ордена тамплиеров именовалась «Храмом Соломоновым» (а ведь Храм Соломонов построил Адонирам — «сын вдовы», как и «храмовник» Грааля — Парцифаль — неужели все это простые совпадения?). Поэтому Л.В. Гинзбург, автор неоднократно цитируемого нами сокращенного перевода «Парцифа-

ля» Вольфрама фон Эшенбаха на русский язык (полного перевода пока что не существует, да и сделать его представляется весьма затруднительным, учитывая огромный объем оригинала), «не мудрствуя лукаво», так и перевел слово Templeisen на русский язык как «тамплиеры»:

Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры –
Рыцари Христовой веры –
И ночью стерегут и днем,
Святой Грааль хранится в нем!
и т.д.

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л.В. Гинзбурга, с. 232).

Хотя в действительности далеко не все так просто. Исторические рыцари-тамплиеры были хорошо известны повсюду в Европе, в том числе и в Германии. И называли их, хоть и похоже, но все-таки иначе. Не «темплеизы» (Templeisen), а «темпларии» (Templarii) по-латыни, «темплер» (Templer), «темпельриттер» (Tempelritter) или «темпельгеррен» (Tempelherren) по-немецки, Templiers или Chevaliers du Temple по-французски, Templars или Knights Templars по-английски, Templarios по-испански и т.д.

К тому же у исторических рыцарей-храмовников имелся неоднократно засвидетельствованный хронистами герб в виде щита с черной (или, выражаясь нашим современным геральдическим языком, «диамантовой») главой и красным (червлёным) лапчатым крестом в серебряном поле. Имелось у подлинных тамплиеров и знамя под названием «Босеан» (белое полотнище с широкой черной полосой у верхнего края; впрочем, соотношение черной и белой полос могло меняться, а иногда приходится читать и о тамплиерском знамени в черно-белую клетку — по принципу «шахматной доски!»), которое в походах водружалось у шатра магистра их ордена и которое в боях нес орденский маршал (как у тамплиеров именовался главнокомандующий вооруженными силами ордена Храма). Ничего подобного у описанных Вольфрамом фон Эшенбахом в «Парцифале» мунсальвешских «храмовников» не было. Их гербом являлось изображение белого голубя (вышитое, в частности, на седлах их боевых коней).

И еще одна неувязка — не сохранилось никаких достоверных исторических сведений, свидетельствовавших в пользу того, что «Храм» исторических тамплиеров был как-то связан с культом Святого Грааля. Да и находился он в Святой Земле, и даже в самом ее центре, рядом с дворцом королей Иерусалимских. А Мунсальвеш «темплеизов»? Где мог находиться замок с таким названием, звучащим как-то очень «по-португальски»? Может быть, в Португалии? Но трубадуры и миннезингеры, как правило,

владели всеми важнейшими европейскими языками (главным было знание провансальского и французского) и могли маскировать, скажем, подлинное, французское, название названием на другом языке, имеющим аналогичное значение. А по-французски названию замка, где жили и действовали многие трубадуры, соответствовал Монсегюр — пятиугольной формы крепость в Пиренеях, твердыня катаров-манихеев, основателей так называемого альбигойского движения, направленного против французских королей, издавна зарившихся на богатые южнофранцузские земли, подчинявшиеся не им, а графам Тулузским, и против папского Рима. В данной версии подкупает большое сходство названий. Название «Мунсалвеш» вероятнее всего, восходит к латинскому словосочетанию «монс сальватис» или «монс сальватионис» («гора спасения»). В арии служителя Грааля — «рыцаря Лебеда» Лоэнгрин, сына Парцифалья (в поэме Вольфрама его зовут Лоэрангрин) из одноименной вагнеровской оперы — поется именно о «твердыне Монсальвата».

Название же «Монсегюр» восходит к очень сходному по звучанию, а, самое главное, по смыслу — латинскому же словосочетанию «монс секурис» («гора безопасности», «гора помощи»). Именно там, в Монсегюре, многочисленные легенды определяли истинное местонахождение Святого Грааля. И именно туда в 1240 году по призыву короля Франции и римского папы был направлен Крестовый поход против еретиков-катаров, противопоставивших себя и свое учение официальной римско-католической Церкви и короне Капетингов. Пятиугольная пиренейская крепость с белоснежными стенами была осаждена и взята измором. Оставшиеся в живых после осады защитники Монсегюра предпочли раскаянию и отступничеству жертвенную смерть на костре. Впрочем, сожжение пиренейских манихеев крестоносцами папы римского произошло уже после смерти Вольфрама фон Эшенбаха.

В Монсегюре катары хранили какую-то тщательно оберегаемую реликвию. Многие считают, что это и был Святой Грааль. Защитники манихейской крепости уделяли святыне особое внимание и, по легенде, сдались папским крестоносцам лишь после того, как четверо рыцарей сумели вынести из осажденного Монсегюра священную реликвию и надежно укрыть ее, как считают, в одной из пещер у подножия горы Пог, возле которой были сожжены «совершенные» катары («перфекты»), чьи имена до сих пор почитаются в движении франкмасонов («детей вдовы»), многие из которых связывают свое происхождение с Граалем и ... с тамплиерами-храмовниками.

Но вот вопрос — с какими именно? С историческими храмовниками — «бедными рыцарями Христа и Храма Соломонова», верными слугами римского папы, по чьему приказанию были разгромлены катары (хотя и сам орден Храма, несмотря на участие его рыцарей в объявленных папским

престолом — «римской курией» — Крестовых походах против катаров, позднее также был разгромлен с согласия того же папского престола, и тамплиеры, включая их Великого магистра Жака де Молэ, были сожжены на костре по обвинению в «ереси» — совсем как монсегюрские катары шестьюдесятью годами ранее!)? Или с «храмовниками»-альбигойцами из Монсегюра? Но ведь есть и версии, не связывающие Монсегюр с Граалем, а говорящие, что в манихейской крепости находился не храм Грааля, а совсем другой храм — храм Солнца!

И вообще — как Святой Грааль мог попасть к катарам в Монсегюр? На этот счет существует, в частности, следующая версия. Местная аристократия (вестготского происхождения) покровительствовала катарскому движению, как средству сохранить свою независимость от французских королей, тесно связанных с папским Римом, якобы хранила у себя Грааль, как трофей, захваченный legionерами римского императора Тита при взятии римлянами Иерусалима в 66 году п. Р.Х. среди сокровищ Иерусалимского Храма Соломонова (по этой версии Иосифу Аримафейскому не удалось спасти Священную Чашу, и она попала в руки злейших врагов Имени Христова — иерусалимского храмового жречества, хранившего ее в ларце для драгоценностей). В 410 году п. Р.Х. вестготский царь Аларих, по преданию, вывез трофей из разграбленного им Рима на юг Галлии, в Каркассон. Когда образовавшееся на территории части бывших римских провинций Галлии и Испании Вестготское королевство было разгромлено арабами-мусульманами, истребившими войско последнего вестготского короля Родерика (дона Родриго испанских сказаний) в трехдневной битве на реке Гвадалете южнее Аркоса-де-ла-Фронтера (в 711 году п. Р.Х.), сокровища Соломонова храма были перевезены в Толедо. И лишь позднее удалось отыскать среди них Святой Грааль и спрятать его в Монсегюре, после падения которого Грааль будто бы хранился в подземных гротах пещеры Сабарешт (Сабарте).

Справедливости ради, следует указать, что данная версия плохо стыкуется с сообщениями многих античных хронистов и восточно-римского (ромейского) историка Прокопия Кесарийского, согласно которым сокровища, в свое время награбленные римлянами в Иерусалимском Храме Соломоновом, были вывезены из Рима отнюдь не вестготами Алариха, а другими германскими грабителями — вандалами Гейзериха (Гензериха). Согласно этой версии, вандалы вывезли иерусалимские сокровища (в том числе, вероятно, и Грааль) из разоренного Рима на Тибре в свою столицу Карфаген. Когда же восточно-римский («византийский») полководец Императора Юстиниана I Великого, Велизарий, в свою очередь, покорил вандалское королевство в Северной Африке и разграбил Карфаген, он, в числе прочей добычи, вывез во «Второй (Новый) Рим» (Константинополь) также и сокровища Иерусалимского Храма. Если принять эту

версию, становится понятно, как «изумрудная чаша (ваза) Грааль» могла оказаться в константинопольском Софийском Соборе, откуда ее в 1204 году похитили венецианские крестоносцы, о чем мы сообщали выше.

Крестоносцы, захватившие Монсегюр в 1244 году, не преуспели в поисках таинственного сокровища. Поэтому трудно судить, что реально скрывалось под именем Грааля. Филологи неустанно состязались в попытках дешифровки этого названия, находя в нем созвучие с провансальским словом «гразаль» (grazal, то есть «ваза» — вспомним «изумрудную вазу», похищенную венецианцами в 1204 году из цареградской Святой Софии!), или же с латинским словом «градуалис», «градуале» (что может означать чашу или иной сосуд с дном, сужающимся как бы «уступами», но в то же время и церковную книгу-требник). Известные оккультисты, эзотерики, историософы и традиционалисты, вроде знаменитого французского толкователя символов Рене Генона, полагали, что Грааль являлся не чашей и не драгоценным камнем, а именно книгой, раскрывающей «примордиальную» (первоначальную) традицию, древнейший Символ Веры.

Любопытно, что весьма близкое по смыслу значение заключено и в толковании русских сектантов-духоборов, у которых «голубиная» (или «глубинная») книга (подобно Граалю Вольфрама фон Эшенбаха, «упавшая с неба»!), также включает в себе утраченное знание, ключ к тайнам мироздания, Начала Начал. Кстати, как мы увидим далее, Грааль Вольфрама фон Эшенбаха также связан с голубем (голубкой), как и «Голубиная книга»! Последняя именуется еще «Животной книгой» (то есть «книгой жизни»). Как писал наш поэт Николай Заболоцкий:

Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Та книга выпала из некой грозной тучи —
Все буквы в ней цветами проросли...
И в ней записана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.

Поражает совпадение этой легенды русских духоборов с повествованием Вольфрама фон Эшенбаха о Граале!

Французский исследователь Мишель Анжебер в своей книге «Гитлер и традиции катаров» поведал миру о том, что и германские национал-социалисты также охотились за секретом Святого Грааля. Нацисты предполагали, что под развалинами Монсегюра в Пиренеях хранились древнейшие рунические записи о «допотопной» истории человечества, связанные, по их предположениям, с гибелью Атлантиды, Арктогеи, Туле и Гипербореи (а также исходом потомков погибших древних племен в Азию, где образо-

вались Ариана, родились «Ранняя Авеста», «Веды» и ряд других священных книг арийской расы), и позднее попавшие в руки библейского царя Соломона, что и было причиной присущих ему величайшей мудрости, знаний и «сверхъестественных» (сегодня мы сказали бы «паранормальных» — так как-то «научнее» звучит!) способностей (например, упорно приписываемых ему способности летать, вызывать стихийных и прочих духов и т.п.).

Немецкий ученый Отто Ран, являвшийся - по совместительству! — фюрером (офицером) СС и даже отслуживший положенный срок в частях СС «Тотенкопф» («Мертвая Голова»), периодически проводил раскопки и научные изыскания в районе Монсегиора, стремясь найти утерянный Грааль.

В замке Вевельсбург, задуманным имперским руководителем СС Генрихом Гиммлером как духовный центр (и тоже своего рода «Храм») СС («черного ордена» или «военного ордена нордических мужей», по выражению Гиммлера; впрочем, товарищ Сталин тоже мечтал в описываемую эпоху о превращении возглавляемой им коммунистической партии в некий новый «орден меченосцев»!), имелся особый «зал Грааля», где высился сооруженный из черного мрамора алтарь для Грааля — в ожидании дня, когда тот будет доставлен в «Третью Империю»). Гиммлер и Гитлер, по мнению Мишеля Анжебера, полагали, что ученым из подчиненного СС института «Аненэрбэ» (Наследие Предков), удастся расшифровать «скрижали Соломоновы».

Даже незадолго перед проигрышем мировой войны, германские нацисты в марте 1944 года лихорадочно проводили в Монсегиоре какие-то работы, чертили выхлопными газами из самолета в небе над руинами «кельтские кресты». Над развалинами древнего катарского замка было поднято огромное знамя, также с «кельтским крестом» (одним из видов коловрата-свастики). К берегам Южной Франции была направлена германская подводная лодка, в надежде, что Грааль все же удастся обрести. Об этом, в частности, писал в октябре 1982 года французский исторический журнал «Истуар» («История»). Анжебер не исключает, что гитлеровцам перед самым концом войны все-таки удалось извлечь нечто из сердца бывших вестготских владений во Франции...

Конечно, все это может быть воспринято, как очередные досужие домыслы. Но, при всех допусках и скептицизме, вполне обоснованно вызываемых мифологизированными представлениями, в них порой — пусть в фантастических одеждах! — могут проскальзывать и правдивые исторические детали. Вспомним хотя бы, как описания Троянской войны в «сказочной», «мифологической» поэме Гомера помогли Генриху Шлиману отыскать реальные Трою, Пилос и Микены. А в середине XX века «мифологические» сведения, почерпнутые из «Энеиды» Вергилия, помогли археологам найти

предполагаемую могилу легендарного троянского героя и прародителя римлян Энея близ древнего Лавиниума (ныне Лавинио) в Италии.

Еще более близкий пример — из отечественной истории — наши знаменитые былинные «три богатыря», при ближайшем рассмотрении оказавшиеся отнюдь не мифическими, а вполне историческими личностями. Родословную Добрыни Никитича (крестившего Новгород «огнем» вая, то есть дяди, Великого Князя Стольно-Киевского Владимира Красного Солнышка) — удалось проследить на протяжении более чем двух столетий.

Илья Муромец, как оказалось, закончил свой богатырский век иноком Киево-Печерской Лавры и даже был причислен Православной Церковью к лику святых. Ростовский витязь Алеша (Александр) Попович, по прозвищу Золотой Пояс, геройски погиб в битве с монголо-татарами на Калке. Да и западноевропейские сказания о «легендарном» короле Артуре Пендрагоне и его рыцарях Круглого Стола, скорее всего, вполне отвечают реалиям VI века н. э. Почему бы не предположить, что и в эпической поэме о Граале отразились какие-то реальные факты, поражавшие ум и воображение трубадуров одного из наиболее пассионарных периодов в истории Европы, Азии и Африки?

Сделав подобное допущение, имеет смысл приглядеться чуть пристальнее к системе образов главного и наиболее известного, вдохновившего Вагнера, певца Грааля — Вольфрама фон Эшенбаха. Ведь, по крайней мере, в одном отношении его «Парцифаль» оказался пророческим. Прототипом описанного миннезингером замка Грааля Мунсальвеш (он же Монсальват) фактически явился замок катаров Монсегюр, где — вскоре после смерти Эшенбаха! — разыгралась реальная драма, послужившая как бы реальным продолжением стихотворных откровений миннезингера, казавшихся сначала столь фантастическими и эзотерическими. С падением Монсегюра сюжет, впрочем, не был завершен. В осаде Монсегюра участвовали, наряду с другими крестоносцами, исторические рыцари Храма (католики-тамплиеры — члены ордена бедных соратников Христа и Храма Соломонова).

Существует версия, согласно которой именно храмовникам удалось овладеть Граалем после падения катарской крепости. Когда же французский король Филипп IV Красивый в 1307-1314 гг. разгромил орден тамплиеров, отправив на костер его Великого магистра Жака де Молэ, он вскоре сам... вдруг скорострительно скончался (как и одобивший его действия папа римский Климент VI!) — в полном соответствии с пророчеством Великого магистра Храма, уже сгоравшего в пламени костра! Но и король Филипп Красивый, неустанно охотившийся за несметными сокровищами тамплиеров, не обнаружил среди них таинственной реликвии (о которой, разумеется, не мог не знать!).

Наряду с упомянутой выше южнофранцузской версией происхождения и значения слова «Гра(а)ль», существует немало иных версий. Согласно одной из них, которой придерживаются adeпты гностических обществ, ведущих свою родословную от средневековых тамплиеров (или претендующие на тамплиерское преемство), слово «Граль» («Грааль») возникло на основе искаженного произношения этого слова, записанного буквами арабского алфавита (в котором, как и в древнееврейском алфавите, отсутствуют гласные) — слова, первоначально встречающегося в клинописном, т.е. слоговом, тексте, попавшего впоследствии, в арабском переводе, в средневековую Европу и переведенного там на южнофранцузский (провансальский) язык «ок». Аноним, переведший это слово с арабского на южнофранцузский язык, истолковал и озвучил написанное без гласных, одними согласными, слово «ГРЛ» как «Граль». Однако, по мнению специалистов в области изучения и расшифровки клинописных надписей, правильно было бы произносить данное слово иначе: «ГАРИЛ» («ГАРИЛЬ»). Это было известно тамплиерам, посвященным в тайные науки, еще в эпоху Средневековья. Возможно, они узнали подлинную огласовку, т.е. правильное звучание и значение этого слова от поддерживавшего с ними тесные (хотя и не афишируемые обеими сторонами) связи Гассана ибн Саббаха, «Горного Старца (главы) измаилитского ордена мусульманских гностиков-низаритов (известных в Европе под именем ассасинов). Согласно этой версии, слово «Гар-Ил» («Гар-Иль») имеет аккадско-вавилонское происхождение и означает «Тепло Бога» («Божественная Теплота»).

Но вернемся снова к тексту «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха:

Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры –
Рыцари Христовой веры –
И ночью стерегут и днем,
Святой Грааль хранится в нем!
Грааль — это камень особой породы:
Lapsit exillis — перевода
На наш язык пока что нет...
Он излучает волшебный свет!

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л.В. Гинзбурга, с. 232).

Далее мы узнаем из поэмы фон Эшенбаха, что именно этот особый камень (именно камень, а не кубок, и не чаша, и не блюдо — «...Когда небеса сотрясались войною / Меж Господом Богом и сатаной, / Сей камень ангелы сберегли / Для лучших, избранных чад земли...») сам определяет, кто из людей должен быть к нему приближен.

Но как же попасть в Граалево братство
И как о том, что ты избран, узнать?
Надпись на камне умей прочитать!
Она появляется время от времени,
С указанием имени, рода, племени
А также пола того лица,
Что призвано Граалю служить до конца...
Служение это и есть испытание!
Зато уготовано место заранее,
Вернейшее место в Господнем раю,
Тому, кто жизнь отдаст свою,
Но верность Граалю сберечь старается!..
...Чудесная надпись никем не стирается,
А по прочтении, за словом слово
Гаснет, чтобы появился снова
Дальнейший список в урочный час
И также, прочитанный, погас...

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л.В. Гинзбурга, с. 233).

Скажите честно, на что это похоже — светящаяся надпись на зеленоватом камне, которая возникает, гаснет, затем снова возникает, затем дает свое продолжение... Причем указывает все анаграфические данные тех, кто удостоивается чести быть «избранным» в Граалево Братство — включая имя, род, племя (национальность) и пол — все как в самом подробном научном справочнике! Да ведь это...компьютер! Причем обладающий особой системой защиты доступа к данным — так у Кретьена де Труа Грааль парит в воздухе, незримо поддерживаемый ангелами, и наполняет «святостью» (духовной энергией) лишь чистые сердца. Для неверующих и грешных он остается незримым — лишь чистые сердцем, лишь избранные достойны лицезреть его. Они-то и видят появляющиеся на нем порой письмена, возвещающие «волю Божью». Компьютер с системой защиты доступа к данным... в XII веке? Невероятно! А вдруг вероятно?

Что, если «сонм ангелов», оставшихся на Земле, являлся частью космической экспедиции, изучавшей земное общество, отбиравшей себе помощников, сообщавшейся с ними через это «чудесное» устройство? Ведь не случайно Лоэнгрин у Вагнера поет о «крылатом серафиме», доставившем Грааль на Землю. «Серафим» означает, в переводе с древнееврейского, «огненный» или «пламенный». «Огненный ангел (посланец)» — не есть ли это символическое описание неземного летательного аппарата пришельцев из иных миров? Что, если через доставленное ими устройство, которое земляне окрестили «Граалем», эти пришельцы оказывали зем-

лянам некую помощь — в частности, медицинскую? Или же это были не «пришельцы-инопланетяне», а потомки «атлантов» или «лемурийцев» — древних учителей человечества? «Махатм»? «Шамбалы»? «Агарты»? «Белого Братства»?

Что касается «гастрономических» способностей Грааля, то их описание можно отнести к порождениям буйной фантазии современников — хотя и здесь можно, при желании, найти зерна или отголоски реальных фактов. Конечно, фантазия может завести нас слишком далеко. Но если представить себе, какое впечатление подобный прибор с двусторонней связью мог произвести на средневекового человека? Чудо! Иного определения и не следует ждать! И любые технологические манипуляции с ним «сонма ангелов» также автоматически подпадали под понятие «сверхъестественного». Например, такая операция, как подзарядка аккумуляторов. Ведь не мог же «Грааль» работать бесконечно долго без подпитки! Но ведь и эта операция также была описана Вольфрамом фон Эшенбахом! Естественно, у него она связана с христианской Страстной Пятницей (нем.: Karfreitag), последней пятницей перед Пасхой (в этот день был распят на Голгофе наш Господь и Спаситель Иисус Христос).

В ночь на пятницу страстную
Грааль, о коем повествую,
Из-под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждет.
По заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь¹ сей кладет.
Так повторяется из года в год...

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л.В. Гинзбурга, с. 233).

Или, в переводе В.Б. Микушевича:
Сей камень в пятницу страстную
Приемлет силу неземную
И, тайнодейственная птица,
Слетает с неба голубица,
Облатку белую неся,
В которой сила камня вся.

Приведем для сравнения буквальный подстрочный перевод данного фрагмента оригинального немецкого текста поэмы Вольфрама фон Эшенбаха:

1 по-немецки: Taube — «голубь» или «голубка» — В.А.

«В тот же день к Граалю приходит известие, в котором заложена огромнейшая сила. Сегодня Страстная Пятница, и все ждут, когда с небес спустится голубь. Он приносит маленькую белую облатку и оставляет ее на Камне. Затем, сверкая белизной, голубка вновь взмывает в небеса. Всегда в Страстную Пятницу она приносит к Камню то, о чем я говорил, и от чего Камень приобретает нежное благоухание напитков и кушаний, лучших, которые только могут быть на земле, как совершенство Рая».

Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Несметны у Грааля богатства...

(Вольфрам фон Эшенбах «Парцифаль», М., «Русский путь», 2004, сокращенный перевод со средневерхненемецкого Л.В. Гинзбурга, с. 233).

«Белая облатка с небес», положенная голубем на «камень» (то есть Грааль) и возвращавшая ему чудесные свойства, функционально вызывает мысль о ...батарейке или ином устройстве, питающем прибор. Что же касается сверкающего белизной голубя (изображенного на гербе рыцарей — хранителей Грааля), то в состоянии экстаза, близкого к религиозному, у всех, кто наблюдал снисхождение с небес чего-то сверкающего, «оно» могло ассоциироваться с традиционным для христианского восприятия образом третьей Божественной Ипостаси — Духа Святого (голубем, или голубкой). Информация, недоступная пониманию, могла доводиться до современников лишь в форме понятных им образов (вспомним аналогичную ситуацию с апокалиптической «железной саранчой»!). Короче, история Грааля неожиданно выводит нас на гипотезу о посещении Земли космическими пришельцами или о патронаже «Великих Гималайских Учителей» над человечеством, «постоянно сбивающимся с верного пути»!

Ведь не случайно и во многих древних легендах Руси («бел горюч камень», «камень Алатырь»), Священного Писания («белый камень» пророка Даниила и Апокалипсиса) и Востока («Сокровище Ориона», «Чинта-Мани») идет речь о некоем «чудесном камне», обладающем целым набором таинственных и волшебных свойств (кстати, универсальное лекарство от всех болезней — «панацея» алхимиков — также нередко ассоциировалось с «философским камнем»!). Упоминание этого «драгоценного камня» (на санскрите: «мани») входит даже в наиболее известную мантру призывания Будды, способную, по мнению верующих буддистов, творить чудеса:

«Ом мани падме хум», буквально означающую: «О, сокровище (буквально «драгоценный камень») в сердцевине лотоса»!

А если вспомнить происхождение названия «манихеи» (религиозного течения, от которого происходили и катары Монсегюра, якобы хранившие Грааль!), то и в нем явно прослеживается корень «мани» — ведь именно под именем «Сокровенного Камня» — «Мани» (в эллинизированной форме: «Манес») — вошел в историю их первый пророк, распятый персидскими магами на вратах Ктесифона! Само же слово «манихеи» можно расшифровать как «Мани-Хайя», то есть «(драгоценный) камень (вечной) жизни» («хайя» по-арамейски и на некоторых других семитских языках значит «жизнь»).

Естественно, письма на Камне ассоциировались со Знанием, вселяли надежды, которые каждая группа лиц, занятая поисками Грааля, как ключа к Утерянной Традиции, к Золотому Веку Человечества, утраченному вследствие «первородного греха», или — как в сказаниях об Атлантиде, Лемурии, «земле Му», Гиперборее, Гиперботиконе, Арктогее и пр. — от того, что «боги смешались с простыми смертными» и нарушили «чистоту крови», могла интерпретировать по-своему.

Легенда о Граале питала (и питает по сей день!) самые полярно противоположные по направленности эзотерические поиски и оккультистские течения. Она могла давать обильную пищу и для арийских толкований. Впрочем, немало искателей Грааля было не только в окружении Гитлера, но и в окружении Муссолини. Рене Генон считал, что Грааль мог быть священной книгой древних арийцев, потерянной, а затем найденной катарами и хранившейся ими в Монсегюре. Так и специалисты из «Аненэробэ» охотились за Граалем, полагая, что им удастся расшифровать древние языческие записи и раскрыть секрет генезиса мира в своем, истинно-арийском (а точнее говоря — ариософском) ключе.

Упомянутый выше Мишель Анжебер идет в своих утверждениях еще дальше, уверяя, что Отто Рану и другим ученым из «Аненэробэ» удалось что-то найти близ Монсегюра и вывезти в Германию в час, когда судьба «Третьего Рейха» была уже предрешена. (Истины ради, заметим, что Отто Рана к тому времени в действительности уже не было в живых — он был найден мертвым в горах еще в 1939 году). Зона раскопок на юге Франции была объявлена гитлеровцами запретной. В марте 1944 года там состоялась загадочная церемония, посвященная семисотлетию сожжения крестоносцами предводителей катаров на костре. В небе над развалинами Монсегюра появился германский военный самолет, нарисовавший в небе «кельтский крест». По слухам, на борту самолета находились имперский министр Альфред Розенберг или кто-то еще из высших чинов партийного руководства НСДАП. Согласно предположениям Анжебера, после этой церемонии в вевельсбургском «храме» или «святилище» СС были

ускорены приготовления к установке Грааля в центральном ритуальном зале со свастикой на куполе (считавшемся якобы «центром мира», или даже «центром Вселенной»!).

Но конец «Третьего Рейха» был уже не за горами. Грааль — если только речь шла о нем, ведь другая реликвия нацистов — знаменитое «копье Лонгина» — находилась в Нюрнберге (куда оно было вывезено из сокровищницы венского музея Гофбург, где, между прочим, веками хранилась рядом с так называемым «Граалем Габсбургов» — ониксовой вазой, на которой безо всякого постороннего вмешательства периодически возникали письма, складывавшиеся в Имя Христово!) — могли перевезти в «Орлиное Гнездо» Адольфа Гитлера в Берггофе. Сам Гитлер находился в осажденном Берлине. В ночь падения рейхстага группа офицеров СС перекрыла шоссе Инсбрук-Зальцбург, чтобы обеспечить беспрепятственное прохождение особой автоколонны из почти полностью разрушенного к тому времени англосаксонской бомбардировочной авиацией Берггофа. Мишель Анжебер описывает это событие в следующих выражениях:

«Вобрав в себя фланговые прикрытия, колонна двинулась к высокой горе. Прибыв к подножию Циллертальского горного массива, маленькая группа офицеров СС после короткой факельной церемонии подняла на плечи тяжелый свинцовый ящик. После того, как таинственный груз был поручен их заботам, они направились по тропе, ведущей к леднику Шлейгейс у подножия горы Гохфелс (3000 м). Именно там, на краю снежного обрыва, и был зарыт объект. Скорее всего это был Грааль из Монсеюра».

Что же хранит в себе в действительности этот таинственный свинцовый ящик, погребенный в снегах среди вечных льдов? Каменные скрижали с языческими надписями, содержащие вечные законы арийцев, аналогичные десяти заповедям Моисеевым?

Если это так, то эти новые скрижали законов, предназначенные служить руководством для тех, кому суждено пережить катаклизмы нашей ракетно-атомной цивилизации, могут быть обнаружены при сползании ледниковой морены, ожидаемом предположительно в середине XXI века. И, если Альпы наконец вернут свой клад, мы, вероятно, сможем убедиться в том, какой из гипотез о происхождении и предназначении Грааля (включая гипотезу космического компьютера) нужно будет отдать предпочтение...

Как говорится, проживем-увидим...

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Вольфганг Акунов.

ЗАПОРОЖСКОЕ КОЗАЧЕСТВО [1] КАК ПРАВОСЛАВНЫЙ ДУХОВНО-РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН

Ой, на гори та жныци жнуть,
Ой, на гори та жныци жнуть.
А по-пид горою,
Яром-долюною
Козаки йдуть.
Гей, долиною, гей,
Широкою
Козаки йдуть.

(Из старинной козачьей
песни, которую моя бабушка
Лиза часто пела мне в раннем
детстве вместо колыбельной).

Обычно в сознании православного (да и не только православного) человека феномен военно-монашеских или, как их еще называют, духовно-рыцарских орденов [2] связывается с римско-католической верой или, во всяком случае, с западноевропейской культурно-исторической традицией. У всех обычно «на слуху» возникшие в эпоху Крестовых походов ордены странноприимцев-иоаннитов, храмовников-тамплиеров, кавалеров Святого Лазаря, Святого Фомы из Акры, немецких (или тевтонских) рыцарей. Несколько меньшей известностью пользуются аналогичные духовно-рыцарские братства Иберийского полуострова — ордены Святого Иакова и Меча (Сантьяго), Сальватьерры (Калатравы), Алькоантары, Пресвятой Девы Монтезской, португальские ордены Эворы (Святого Бенедикта Авишского), рыцарей Христа и т.п.

Совсем мало, но все же известны созданные после 1-го Крестового похода в Палестине и прекратившие свое

существование после утраты крестоносцами Святой Земли военно-монашеские ордены рыцарей Благой Смерти, Крыла Святого Архангела Михаила или Богородицы Монжуа. Между тем, остается как будто совершенно не замеченным тот несомненный факт, что столь широко известный феномен православного мира (хотя, как следует указать справедливости ради, и возникший на его периферии — на территории средневековой Речи Посполитой — то есть как бы на стыке западного христианского мира с восточным), как запорожское козачество [3], как это ни может показаться парадоксальным на первый взгляд, совершенно однозначно подходит под определение духовно-рыцарского братства, или ордена (кстати, в эпоху Средневековья граница между этими двумя понятиями была весьма зыбкой, и оба термина употреблялись зачастую как синонимы) [4].

В самом деле — Запорожская Сечь [5] (или, как говорили сами козаки — Сичь), расположенная в классический период ее существования на днепровском острове Хортица, и, тем более, Запорожский Кош [6], были ни чем иным, как огромным мужским монастырем, куда вход женщинам любого возраста был категорически запрещен [7] — точно так же, как мужскими монастырями, запретными для любых особ женского пола, являлись крепости военно-монашеских орденов римско-католического мира — прецептории-«храмы» тамплиеров, странноприимницы-«госпитали» иоаннитов, комтурии (командории) Тевтонского (Немецкого) ордена. Для сечевых козаков степь заменяла командорию, «радуги» [8] и «могилы» [9] — сторожевые замки, острова и днепровские лиманы — скиты и монастыри.

Француз Пьер Шевалье сообщал в 1663 году: «Чтобы кандидату быть признану за истинного козака, должно было переплыть Днепровские пороги и следственно побывать на Черном море, подобно тому, как Мальтийские кавалеры для достижения высшего звания в своем ордене обязаны участвовать в их «караванах», то есть сражаться на их галерах против неверных». [10] Западноевропейские рыцари, вступая в военно-монашеский орден, принимали постриг, приносили обеты целомудрия, послушания и нестяжания, отказывались от своего имущества и родового герба и принимали монашеское имя, иными словами, «умирали для мира».

Запорожские козаки, при вступлении в сечевое «товарищество», точно так же «умирали для мира» [11], приобщались к рыцарскому братству, отказываясь от своего прежнего имени (принимая вместо него нарочито уничижительное прозвище — Бородавка, Вовк, Ворона, Гнида, Голота, Держихвист-Пистолем, Задерихвист, Кирдяга, Корж, Кривonos, Лысыця, Лупынос, Малюта, Махина, Не-Рыдай-Мене-Маты, Непийпиво, Неижмак, Пивторакожуха, Пидкова, Рогозяный-Дид, Свербыгуз, Святоша, Семи-Палка, Сиромаха, Шкода, Шмат, Часнык и проч [12].), обязывались, как и подобает монахам, не иметь никакого имущества (все добытое в по-

ходах незамедлительно пропивалось), беспрекословно слушались своих «отаманов [13]», которые избирались из членов братства, подобно тому, как избирались «магистры» — главы духовно-монашеских орденов католического Запада. В обоих случаях (в отличие о современных европейских монархий с передачей власти по наследству или, во всяком случае, по ближайшей родственной линии), передача власти как в военно-духовных орденах христианского Запада, так и в Запорожском Коше, зависела от авторитета кандидата на должность главы Братства, а подчинение ему — от признания.

Выбор кошевого отамана определялся преимущественно его превосходством в воинских науках и авторитетом, но не давал ему, как и магистру военно-монашеского ордена, права распоряжаться судьбой братства-войска единолично. Во всех важнейших вопросах отаман и подчиненные непосредственно ему высшие должностные лица (старшина) обязаны были советоваться с «товариством [14]» (Войском). Решение принимало прежде всего Войско, и лишь затем — отаман и старшина, что явствует и из запорожских грамот. Таким образом, если для войска средневековой монархии авторитет венценосца — как помазанника Божия! — являлся объектом веры, то для запорожского войска, как и для всякого духовно-рыцарского ордена, могущество выборного (а не помазанного Церковью на Царство!) отамана (магистра) — очевидной реальностью, не требовавшей религиозного поклонения, но от этого отнюдь не утрачивавшей своего сакрального характера.

Подобно тому, как Святой Архистратиг Божий Архангел Михаил [15] и возглавляемое им Воинство Небесное в строгом соответствии с иерархией ангельских чинов, окружали Престол Господень, так и запорожцы при избрании кошевого отамана охватывали выстроенным по «военным степням» (ср. псаломские степени Царя и Пророка Божьего Давида) кругом главный сечевой Храм — Покрова Пресвятой Богородицы [16] — превращая тем самым церковный алтарь в духовное средоточие своего упования.

Так православное «степное лыцарство (рыцарство)» зримо воспроизводило предвечное (и в то же время всякий раз новое) рождение Христа-Еммануила, окруженного воинством Архистратига и как бы благодатно воплощавшегося в кошевом отамане. Дистанция, разделявшая Войско и кандидата в «кошечные отаманы», набравшего наибольшее число голосов (в буквальном смысле слова, ибо собравшиеся голосовали криком), подчеркивалась не возвышением его, а, напротив, ритуальным унижением (Лк 14,11). Упиравшегося (по обычаю, с целью подчеркнуть свою скромность) избранника «товариства» выталкивали на площадь со словами: «Иди, скурвий сину, бо тебе нам треба, ти тепер наш батько, ти будешь у нас паном». [17] Ритуал поставления кошевого отамана напоминал ритуал помазания на Царство, однако, вместо святого мира, выбриту (как

тонзура рыцарей-монахов!) макушку новоизбранного батька седоусые «диды» [18] мазали площадной грязью. Причем речь шла явно не о наглядной иллюстрации к пословице «из грязи в князи», а скорее о реминисценции последования панихиды: «...земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдем». [19]

Чин кошевого «пана-отца» соответствовал чину Великого, или Верховного, магистра (Гран-Мэтра или Гроссмейстера) западных военно-монашеских орденов, совмещавшего в одном лице высшую гражданскую, военную и духовную судебную инстанции. Во время богослужений кошевой отаман пользовался в храме особым местом, наподобие Царского («бокуном» или «стасидией»). На имя «Его Вельможности Кошевого Отамана» адресовались не только монархии, но и церковные грамоты. Ему присягало не только козачье «арматное стадо», но и духовные пастыри этого «стада» — служившее на Сечи священство. Будучи выборным главой монашеско-рыцарского братства, кошевой обладал верховной духовной властью. Любой священнослужитель, начиная с настоятеля сечевого Храма, мог быть по требованию кошевого немедленно удален из Коша и заменен иереем, более подходящим, с точки зрения магистра «степного рыцарства».

Тростниковая булава-насека кошевого служила явным указанием на «трость», которую «не преломит» Возлюбленный Отрок (Ис. 42:63; Мф 12:20) и которая затем, во время Страстей Господних, появляется в деснице Христа (Мф. 27,29), дабы стать золотым модулем Небесного Града (Откр. 21, 15) [20]. В период пребывания кошевого отамана в Сечи над его ставкой поднимался белый прапор (стяг). В период отсутствия кошевого этот прапор опускался. Над свежей могилой усопшего «сечевика» также устанавливался стяг белого цвета — между прочим, имевшего первостепенное значение и для всех военно-монашеских орденов христианского Запада — кроме, разве что, рыцарей Благой Смерти, кавалеров Святого Лазаря и госпитальеров [21]. Такой же прочный симбиоз, как существовавший на Западе между монашескими и рыцарскими орденами (бенедиктинцы-госпитальеры, цистерцианцы-тамплиеры и т.д.), существовал между запорожцами и старцами Святой горы Афон. Многие козаки заканчивали дни своей земной жизни подвижничеством на этом «православном Олимпе».

Что касается общего для всех духовно-рыцарских орденов обета нестяжания, то общепринятым самоназванием запорожских козаков было «сиромахи», «сиром», «сиромашня», то есть «сироты», «бобыли», «бесприютные», одним словом — сырые (убогие, нищие, бедняки), а в более широком контексте — бедное рыцарство, сознательно расточающее отнятое у врагов Христианства богатство во исполнение обета нестяжания. Подобная, непосредственно связанная с обетом нестяжания, установка

и самооценка имела место и в военно-монашеских орденах Западной Европы. Не случайно, например, Гроссмейстер (Великий магистр) ордена госпитальеров-иоаннитов именовался «попечителем нищенствующей братии Христовой» [22], а убогих и больных иоанниты именовали «своими господами».

О фактическом принятии козаками на себя обета целомудрия говорилось выше [23]. Следует лишь добавить, что запорожцы, уклоняясь от связей с женщинами, в то же время, подобно рыцарям-монахам Запада, горячо почитали Пресвятую Богородицу. Главным храмом Сечи был собор Покрова Пресвятой Богородицы, чей праздник имел для «степных рыцарей» двойное значение. Под омофором Богоматери они не боялись ни вражеского оружия, ни грозной морской стихии; под покровительством Приснодевы они сохраняли девственность и исполняли принесенные обеты. [24]

Но самое главное, что роднило православных «степных рыцарей» с их западноевропейскими собратьями по духу, заключалось в их основном жизненном предназначении — защите Христианства от натиска исламских орд [25]. Связанные, подобно членам католических духовно-рыцарских орденов, тройными узами общины (*societas*), веры (*religio*) и призвания (*vocatio*), заключавшегося в вечной, духовной и телесной «брани против мира сего [26]», они являлись рыцарями-крестоносцами в полном смысле этого слова — «по гроб жизни».

Характерным представляется в данной связи обычное воззвание, с которым запорожцы обращались перед походом на татар или турок к рассеянным по расположенным вокруг Сечи селам женатым козакам-«гнездюкам» («вассалам» Запорожского ордена [27]): «Кто хочет за Христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов принять всякие муки за Святой Крест, кто не боится смерти, приставай к нам!». Как видим, это не сборы корсаров, а прежде всего поход в защиту Веры. [28] Те немногие, кому выпадало редкое счастье не «сложить буйную голову на копье бусурманское» в «Диком поле», «земле незнаемой» нашего славного «Слова о полку Игореве», и впрямь уходили в монастырь, в «святую брану», как об этом повествуется в многочисленных козацких «думах» [29]. Так и престарелые рыцари-монахи Запада доживали свой век в инфермериях (богадельнях) своих крепостей-монастырей.

Как известно, католические рыцари-монахи отважно ратоборствовали с врагами Христианства не только на суше, но и на море. Флот военно-духовного Тевтонского ордена очистил Балтийское море от пиратских шаек «виталийских братьев» («витальеров») и в 1396 году уничтожил главное разбойничье гнездо — г. Висби на о. Готланд. Флот рыцарей-иоаннитов, именовавшихся в разные периоды своей истории также «кипрскими», «родосскими» и «мальтийскими рыцарями», был грозой мусульманских

корсаров Средиземноморья, главным образом турок-османов, отправив на дно морское за несколько столетий бесчисленное множество турецких кораблей и покрыв себя неувядаемой славой в грандиозной морской битве при Лепанто [30], где был сломан становой хребет турецкого могущества в Средиземноморье.

Запорожские козаки также отважно бились с турками на море. На своих юрких многовесельных лодках-«чайках» [31], прямых преемницах однодеревек-«моноксиллов» древнерусских князей Олега Вещего, Игоря Старого, Святослава Игоревича и Владимира Святого, запорожцы захватывали многопушечные турецкие корабли-«катарги» [32] и не раз, по выражению Н.В. Гоголя, «шарпали» берега захваченной пришедшими из глубин Азии турками древней христианской земли Анатолии, являвшейся некогда сердцем православной Восточной Римской (Ромейской, Греческой, «Византийской») империи. Примечательно, что сами запорожцы, по описаниям современников-западноевропейцев, охотно называли себя «мальтийскими кавалерами» и носили на шее восьмиугольные мальтийские крестики, символизировавшими восемь категорий блаженных из Нагорной проповеди Спасителя [33].

Разумеется, запорожцы могли заимствовать мальтийские кресты не только напрямую у рыцарей Мальтийского ордена, но и опосредованно, через воинов польско-русско-литовской Речи Посполитой. Дело в том, что отборные войска этого государства, чьими подданными, а вернее — союзниками, на протяжении столетий являлись козаки, тяжеловооруженные гусарские и панцирные хоругви, состояли из рыцарей, украшавших свои кирасы и флаггера (флажки) на копьях «кавалерскими» мальтийскими крестами [34].

Сходство с символикой военно-духовного Мальтийского ордена усиливалось еще и за счет одинаковой — красно-белой — цветовой гаммы. Не случайным в данной связи представляется и тот факт, что все основные ордена Речи Посполитой — Святого Станислава, Белого Орла и «За военные заслуги» («Виртути милитари») представляют собой в основе «кавалерские» мальтийские кресты. Данное обстоятельство говорит о том, что все воинское сословие этого пограничного с миром воинствующего ислама христианского славянского государства, в котором находилось крупнейшее в Европе Приорство Державного ордена рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты (Мальтийского ордена) — Острожский майорат — в целом воспринимало себя в качестве братства рыцарей-крестоносцев, «поборающих на поганных» и служащих щитом Европы от воинствующего ислама. Поэтому не удивительно, что и запорожское козачество, православное «лыцарство», на протяжении столетий являвшееся неотъемлемой составной частью воинского сословия Речи Посполитой, привыкло считать эти «крестоносные» духовные ценности своими [35].

Положение изменилось лишь в начале XVII века, при польском короле Сигизмунде III Вазе [36] — фанатичном католике и выученике иезуитов, заклятых врагов Православия (и Мальтийского ордена!), вознамерившихся помочь Ватикану (между прочим, всегда стремившемуся подчинить своему влиянию козаков и мальтийских рыцарей — причем эти попытки долго оставались безуспешными!) насильственно окатоличить все население Речи Посполитой (считавшейся дотоле, по сравнению с другими современными европейскими государствами, настолько веротерпимой страной, что ее даже прозвали «убежищем для еретиков» [37]!) с целью последующего использования ее огромных материальных и людских ресурсов в целях Контрреформации. [38] Изменилось, кстати, самым роковым образом — в конечном итоге, как для самой Речи Посполитой, так и для козачества в его традиционной форме существования [39]!

Здесь конец и Богу нашему слава!

Примечания

[1] В отличие от донского, гребенского (терского), яицкого (уральского) и вообще «великорусского» казачества, в применении к запорожскому (днепровскому) духовно-рыцарскому ордену представляется более уместным употребление термина «козачество», как соответствующего малороссийскому произношению и написанию этого слова. Выражение «украинское козачество» представляется нам неуместным по той простой причине, что термин «Украина» в описываемый период официально не употреблялся, а использовался только в частном обиходе, да и то в значении «окраина» (хотя название «украина» впервые встречается в русских летописях конца XII века; так, смотря из Киева, «украиной» называли Залесье — будущую Великороссию). «Украиной» (то есть окраиной Речи Посполитой — называли свою «малую родину» жители этих земель). В то же время они, в том числе и колонизированные шляхтичи и даже магнаты, имевшие владения на данной территории, не переставали считать себя русскими (не кто иной, как злейший враг днепровского козачества, хотя и являвшийся потомком одного из его основателей, князь Иеремия Вишневецкий в самый разгар войны с Богданом Хмельницким, начинал свои воззвания словами: «Я, Князь Иеремия Вишневецкий, Воевода Русский и т.д.»).

[2] Условимся, во избежание путаницы, называть всякое монашеское или духовно-рыцарское братство «орден» (во множественном числе: «ордены»), в отличие от наградного знака, именуемого «орден» (во множественном числе: «ордена») — хотя эти наградные «ордена» и происходят исторически

от видимых знаков принадлежности к «орденам» (монашеским, а позднее — и светским рыцарским организациям).

[3] Нам представляется уместным, в отличие от «великорусских» донского, гребенского и ведущего свое происхождение от последнего терского, яицкого (уральского) и прочих казачьих войск, говорить в отношении Украины и, в частности, Запорожья, не о «казачестве», а о «козачестве», и не об «атаманах», а об «отаманах», что соответствует особенностям местного произношения этих слов.

[4] Еще известный предводитель козачества Остап (Евстафий) Дашкович, староста чигиринский и каневский, живший в первой половине XVI века, предлагал сейму Речи Посполитой организовать защиту Днепра от набегов крымских татар-вассалов Османской империи — посредством постоянной стражи из двух тысяч козаков и устроить за днепровскими порогами рыцарскую школу (К. Осипов, Богдан Хмельницкий, М., 1948, с. 32).

[5] Буквально: «(лесная) засека».

[6] В отличие от военно-монашеских орденов Западной Европы, близких по своей структуре к ремесленным цехам и ложам, Запорожская Сечь имела структуру пастушеского кочевья, что выражалось в наличии соответствующей должностной иерархии и атрибутики. Самоназвание главной ставки Запорожья — Кош — и его устройство родственны понятию «кхош» (укрепленный табор, по-древнерусски «товар», отсюда «товарищ» и «товариство», как называли свое братство сами запорожцы!) у тюркских кочевников. У тюрков «кхошем» назывались десять объединенных вместе овечьих отар — а Запорожская Сечь к 1775 году подразделялась именно на десять округов-«паланок». При каждой отаре у тюрков (например, у ближайших южных соседей запорожцев — крымских татар) состояло по три пастуха (чабана). Самый опытный чабан возглавлял всех пастухов «кхоша» (объединенной отары) и назывался «одаман» (что очень похоже на «отаман» — титул атамана запорожских казаков). Главное управление всеми отдельными («малыми») отарами-стадами было сосредоточено в «кхоше», где проживал сам «одаман». По аналогии казаки под «Сечью» понимали столицу всего козачества, а под «Кошем» — свое козацкое «правительство» во главе с «кошевым отаманом».

Будучи братством христианских рыцарей, козаки именовали себя также «Арматным (вооруженным) Стадом» — здесь напрашивается прямая аналогия с (само)определением древнеримской армии как «*civitas armata*», то есть, буквально: «вооруженной общины (вооруженного города-государства)» -, в то же время возводя себя тем самым к евангельскому «малому стаду» (Лк. 12,32), а в «кошевом отамане», которому вручался тростниковый пастушеский посох-булава с золоченым яблоком-навершием, видели воплощение Пастыря Доброго. Уговаривая Богдана Хмельницкого в 1648 году возглавить их, козаки говорили ему: «Мы как стадо без пастуха!».

[7] Безбрачие было одним из обязательных условий принятия в козацкое «товариство». В одной козацкой «думе» отец, провожая сына к запорожцам, наставляет его:

Мы жинок мусимо любыты
Так, як наших сестер, материв,
А опричь их нам треба никого не любыты,
И уतिकаты, як от злых ворогив.
Бо ты знаєшь, мій милый сынку:
Лыцареви треба воюваты,
А тоби буде жаль жинку зоставляты.

[8] Земляные укрепления, именовавшиеся также «фигурами».

[9] Холмы или курганы.

[10] Р. Багдасаров «За порогом», в сб. «Волшебная гора», М., 1996, с. 286.

[11] Вступивший в запорожское братство «свежеиспеченный» козак причислялся к одному из «куреней», на которые делилась Сечь. Куренем (от монголо-татарского слова «курэн», т.е. «двор») именовалось козацье «общезитие», имевшее свое поместье, в котором проживало около ста пятидесяти козаков (нечто вроде общезития-«обержа» рыцарей Мальтийского ордена). Новоприбывшему козаку куренной отаман отводил в курене место в три аршина длины и два ширины для установки нар, разъясняя: «Ось тоби і домовина (то есть гроб — В.А.), а як умреш, то зробим ще коротшу».

[12] Поэтому среди малороссийского дворянства — «обмирщенного» потомства средневековой козацкой «старшины» — еще в начале XIX века нередко встречались «фамилии» вроде Тупу-Тупу-Табунец-Буланый и т.п.

[13] Соответствовавших «атаманам» у «великорусских» казаков.

[14] Именуя себя «товариством» («товариществом»), запорожские козаки как бы подчеркивали свою принадлежность к воинскому, то есть рыцарскому сословию (в эпоху Средневековья латинское слово *miles*, означавшее изначально просто «воин», в связи с возросшим значением тяжеловооруженной рыцарской конницы на поле боя, стало означать исключительно рыцаря, превратившись в синоним другого, идущего еще с древнеримских времен, обозначение всадника-рыцаря — *eques*). В войске Речи Посполитой той поры «товариством» (*towarzystwo*) считались исключительно рыцари-кавалеры шляхетского рода, служившие в гусарских и панцирных хоругвях, в то время, как воины-простолюдины именовались «жолнеры», «жолдацтво» — собственно, «солдаты», т.е. наемники, служащие за жалованье-Sold (нем.), шеренговые и пр.

[15] Покровитель Христианского воинства, и особенно — рыцарства. Имя его означает «Кто как Бог». Михаил — ангел смерти, времени и, тем самым, истории. Время началось с момента низвержения Михаилом

и его небесным воинством в бездну отпавших ангелов, восставших на Бога во главе с Денницей-Люцифером. «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе (Откр.12, 7-8).

Но он же и завершает ход земной истории и, тем самым, время: «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда». (Дан.,12, 1-3).

И далее: «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет (Откр. 10, 5-7)». Образ Архангела Михаила со времен императора Оттона I украшал военный штандарт владык Священной Римской Империи, гербы многочисленных городов христианской Европы (в том числе и г. Киева), знамена князя Дмитрия Пожарского и покорителя Сибири — донского казачьего атамана Ермака Тимофеевича, хоругви «Союза Михаила Архангела» в годы первой русской Смуты и румынского «Легиона Архангела Михаила» Корнелиу Зеля Кодряну между двумя мировыми войнами, Ему был посвящен сочиненный царем Иваном IV «Канон Грозному Ангелу», под его покровительством находилось несколько рыцарских орденов и т.п. Лезвие бердыша Зиновия Богдана Хмельницкого после избрания его гетманом также украшал образ Архистратига Архангела Михаила.

[16] При сечевой церкви имелась школа для обучения юношей; имелся и «шпиталь» (т.е. госпиталь) — приют для больных и раненых, что также роднит Сечь со странноприимными военно-монашескими орденами Запада, и прежде всего — с Мальтийским орденом.

[17] Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Киев, 1990, т.1, с.234.

[18] деды

[19] Так и православным Государям Восточно-Римской (Ромейской, Греческой) империи («Византии») при венчании на Царство, в знак тщеты всего земного, вручался мешочек с землей (так называемая «акакия»).

[20] О православной символике «трости» см.: Никифор, архимандрит «Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия, М, 1990, с.707–708).

[21] Рыцари созданного в Святой Земле сразу после 1-го Крестового похода ордена Благой Смерти (о котором сохранилось очень мало сведений) носили поверх доспехов черные плащи с «Адамовой головой» (белым чере-

пом и скрещенными крестами); кавалеры ордена Святого Лазаря — черные плащи с белой каймой и зеленым крестом; госпитальеры-иоанниты — черные плащи с белым крестом, под которые в период боевых действий поддевали украшенные прямым белым крестом красные полукафтаны. Рыцари всех остальных военно-монашеских орденов, начиная с храмовников-тамплиеров, носили плащи белого цвета с орденскими эмблемами (обычно крестами различного цвета и формы — красного у тамплиеров, меченосцев, рыцарей Святого Гроба Господня, Калатравы/Сальватерры, Пресвятой Девы Монтезской и Христа, черного у рыцарей Тевтонского ордена, зеленого у рыцарей Алькантары и Эворы/Святого Бенедикта/Авиша; но, наряду с крестами, существовали и эмблемы иной формы — крыло Архангела Михаила — у рыцарей одноименного палестинского ордена, крестообразный красный меч — у рыцарей Сантьяго, красные шестиконечная звезда и меч — у рыцарей Добринского (Добжиньского) ордена, красные крест и меч (а позднее — красные перекрещенные мечи и золотая шестиконечная звезда) — у ливонских рыцарей-меченосцев, красная пятиконечная звезда у палестинского военно-духовного ордена Пресвятой Богородицы Монжуа, и т.д.).

[22] Полный титул Великого магистра одного из современных госпитальерских орденов, претендующих на происхождение от иерусалимского странноприимного братства XI века — «Суверенного Военного ордена рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты» —, звучит следующим образом: «Божией Милостию Священного Странноприимного Дома Святого Иоанна Иерусалимского и Рыцарского ордена Святого Гроба Господня смиренный магистр и убогих во Христе Иисусе охранитель».

[23] В Запорожское Войско, наряду с неженатыми «сечевиками» (т.е. полноправными «рыцарями-монахами, или «профессами»), входили и женатые («гнездюки» или «сидни»), однако последние не являлись полноправными членами братства и не имели права именоваться «товарищами» или «лыцарями», занимая положение «сервиентов», «полубратьев» или «фамилиаров» западных духовно-рыцарских орденов. Семейным запрещалось жить на территории самой Сечи, ибо, по ее неписаному «войсковому обычаю», привод туда женщины, будь то даже родная мать, сестра или дочь, почитался за преступление, достойное строжайшей кары.

[24] По слову Апостола Павла: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор 7, 33)».

[25] Вооружение козаков состояло из мушкетов-самопалов, пистолей (пистолетов), сабель, сагайдаков (луков со стрелами), пик, дротиков и боевых топоров. Огнестрельное оружие имели почти все запорожцы. Не случайно на гербе, дарованном Запорожскому войску королем Речи Посполитой Стефаном Баторием в 1576 году изображен козак не только

с саблей на боку, но и с мушкетом (или аркебузой, по-козацки, «гаковницей») на плече. Согласно французскому военному инженеру Гийому Левассеру де Боплану, служившему правительству Речи Посполитой в 30-е-40-е гг. XVII в., козаки метко стреляли из пищалей (самопалов) — «обыкновенного своего оружия». Отправляясь в морской поход, каждый козак брал с собой по пять-шесть мушкетов. Каждый конный козак имел по четыре пистоleta и одного-двух заводных (запасных) коней, чтобы во время похода не уступать татарам, всегда имевшим заводных коней. В Сечи всегда имелось не менее 50 пушек («армат» или «гармат») и множество превосходных артиллеристов.

[26] по являющемуся девизом любого монашеского христианского братства Свято-Апостольскому слову: «...не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак 4,4).

[27] Вооруженные силы всех духовно-рыцарских орденов, наряду с полноправными «орденскими братьями» (рыцарями-монахами) и различными категориями орденских служителей («услуживающих братьев»), состояли из рыцарей-вассалов ордена, кормившихся с пожалованных им орденом отвоєванных у мусульман или язычников земель и обязанных за это ордену воинской службой (от этих вассалов ливонских меченосцев, а позднее — Тевтонского ордена произошло «остзейское дворянство»), а также из ополчения крестоносцев, добровольно стекавшихся под знамена ордена из всех стран Христианского мира (причем, не только римско-католического — упоминаемый в «Слове о полку Игореве» галицкий князь Ярослав Осмомысл «стрелял салтанов за землями», т.е. участвовал в Крестовых походах западных рыцарей против сорочин, то есть сарацинов, в Святой Земле).

[28] К. Осипов. Богдан Хмельницкий. М., 1948, с. 40.

[29] Так, в сочинении малороссийского историка П.А. Кулиша «Чорная Рада» (СПб, 1860), следующим образом описывает «прощание козака со светом» (т.е. уход в монастырь): «Музыка ударяла «веселой» и компания трогалась в путь. Впереди всех на прекрасном боевом коне неся сам прощальник «сивоусий»; нередко и он сам сходил с коня, пил, ел и пускался «навприсядки». Всех встречных и поперечных он приглашал в свою компанию, угощал напитками и предлагал всевозможные закуски. Если он увидит на своем пути воз с горшками, немедленно подскакивает к нему, опрокидывает его..., и вся веселая компания его тотчас подбегает к горшкам, пляшет по ним и разбивает вдребезги. Если он завидит воз с рыбой, также подскакивает к нему и ...всю рыбу разбрасывает по площади и приговаривает: «Іжте, люди добрі, та поминайте прощальника!». Если он наскочит на «перекупку» с бубликами, то ...забирает у нее все бублики и раздает их веселой компании. Если попадется ему лавка с дегтем, он...скачет в бочку с дегтем, танцует в ней и выкидывает всевозможные «выкрутасы». За вся-

кий убыток...платит потерпевшим червонцами, разбрасывая их вокруг себя «жменями» (пригорошнями — В.А.). Так добирается прощальник...до самого монастыря; тут компания его останавливается у стен святой обители, а сам он кланяется собравшемуся народу на все четыре стороны, просит у всех прощения, братски обнимается с каждым и, наконец, подходит к воротам монастыря и стучит в них:

— Кто такой?

— Запорожец!

— Чего ради?

— Спасатися!

Тогда ворота отпираются, и прощальника впускают в обитель, а вся его веселая компания (проводжавшая его до монастырских врат — В.А.)... остается у ограды монастыря. Сам же прощальник, скрывшись за стеной монастыря, снимает с себя черес (пояс) с оставшимися червонцами, отдает его монахам, сбрасывает дорогое платье, надевает грубую власяницу и приступает к тяжелому, но давно желанному «спасению».

Свята брама одчинилась —
Козака впустили,
І знов брама зачинилась,
Навік зачинилась
Козакові...

Вышеописанные действия «прощальника» — битье горшков, т.е. сокрушение «сосудов глиняных» (Откр. 2, 27 и др.), насыщение народа рыбой (символом Христовой любви) и бубликами, т.е. хлебами — опять же по Евангельскому слову, насмешка над дегтем-смолой, как главным адским атрибутом (вспомним гоголевского запорожца из «Тараса Бульбы», у которого «шаровары были закапаны дегтем»!) — являлись зримым свидетельством преодоления двойственности жизни «степного рыцаря» в момент принятия им «ангельского чина» — бесповоротного личного разрыва с земным миром. Кроме «смерти для мира» в стенах «святой брамы», для запорожца, как и для всякого Христова рыцаря, существовал и другой способ «ухода от мира» — славная смерть в бою с врагами Бога и Веры Христовой.

[30] 7 октября 1571 года галеры Мальтийского ордена под началом Пьетро Джустиниани в составе объединенного военного флота Священной Римской Империи, Венеции, римского папы и ряда мелких итальянских государств нанесли средиземноморской армаде османской Турции сокрушительное поражение в морском сражении при Лепанто (Навпактосе).

[31] «Чайкой» назывался челн без киля длиною в шестьдесят, шириною в десять футов, с каждой стороны которого садилось по десять-пятнадцать гребцов. Чтобы не терять времени на повороты, «чайка» была снабжена двумя рулями (по одному на корме и на носу). В каждую «чайку» помещали

пять-шесть мелкокалиберных пушек-фальконетов (вероятно, закрепленных на вертлюгах; впрочем, некоторые позднейшие историки сомневаются в возможности вести огонь из этих мелкокалиберных пушек с бортов козацких «чаек», полагая, что эти легкие лодки неминуемо перевернулись бы при стрельбе). Высадившись на турецком берегу, козаки оставляли по четыре часовых на «чайку» и шли на «добычу». Низкая осадка (два с половиной фута) делала «чайки» малозаметными в море. Ночью козаки подплывали к османским кораблям и брали их на abordаж. Если турки своевременно замечали козаков, те стремились сблизиться с турецкими кораблями, чтобы огонь козацких фальконетов и ружей-самопалов причинял туркам наибольший вред; турки же, наоборот, старались держаться от них в отдалении и безнаказанно обстреливать «чайки» из своих дальнобойных и тяжелых корабельных пушек.

[32] От названия этого многовесельного и многоярусного гребного корабля, гребцами на котором служили христиане, обычно захваченные в плен крымскими татарами или варварийскими (то есть алжирскими или тунисскими) корсарами и проданные в рабство туркам, происходит наше русское слово «каторга».

[33] Любопытно, что в часовне арагонского «ланга» («языка») духовно-рыцарского ордена госпитальеров в Соборе Святого Иоанна в Ла Валетте на Мальте — бывшем главном Храме Мальтийского ордена — сохранилось надгробие Великого магистра Николя Котонера (1628-1701 гг.). На мраморном пьедестале высится бюст Котонера, опирающийся на статуи полуобнаженных атлантов. Двухметровый памятник высечен из белого мрамора; фигуры согнулись под тяжестью пушек, оружия и воинских доспехов. Атлант слева — обнаженный по пояс мускулистый человек с гладко выбритой головой и ... длинным запорожским чубом-оселедцем! Вряд ли фигура запорожца случайно попала в собор католического военно-монашеского ордена. Вывод один — запорожский козак запечатлен на надгробии Великого магистра мальтийских кавалеров как символ братства по оружию и дружественных связей Мальтийского ордена с православным духовно-рыцарским братством козаков, единым фронтом выступавшим против воинствующих орд тогдашних «джихадистов».

[34] «Мальтийским» исторически считался не только крест с характерными «ласточкиными хвостами» на концах (утвердившийся в качестве наиболее распространенной эмблемы рыцарей-иоаннитов не ранее XVI века, да и то не сразу!), но и т.н. «лапчатый крест» или «германский крест» с расширяющимися к концам лучами (croix patee), нередко именуемый в дореволюционной русской литературе «тевтонским» или «тевтоническим»; долгое время имел значение цвет креста (у госпитальеров — белый), а не его форма. Именно таков типичный «козацкий» крест — белый и обычно лапчатый, в червленом (красном), малиновом или пурпурном поле.

[35] К слову сказать, более детальное знакомство с эмблематикой и регалиями Запорожского Войска полностью опровергает все еще бытующее расхожее представление о нем как об ораве оголтелых голодранцев, не руководимой никакими высшими принципами.

Вслед за тростниковым отаманским пастырским посохом — булавой или палицей (нередко золоченой и осыпанной драгоценными камнями) — в набор войсковых «клеянодов» входили: красное шелковое знамя с белым мальтийским крестом по центру (и белым орлом на обороте), образами Спасителя и Архистратига Михаила по бокам; бунчук с черным и белым конским волосом; пернач-шестопер с 6 перьями; круглая серебряная войсковая печать, изображавшая «козака в кунтуше, перетянутом поясом, и высокой шапке, поддерживающего левой рукой положенное на плечо ружье и упершего правую руку в бок, с саблей на левом боку» и с надписью: «Копия Войска Запорозкого» (до первой половины XVII века), впоследствии: «Печать Войска Его Королевской Милости Запорозкого» и, наконец: «Печать Царского Величества Малои Росіи Войска Запорозкого»; отдельная от войсковой печать Запорожья, также с гербовым изображением козака в полном вооружении, но в остроконечной шапке, с луком и с копьем, «стоящим пред рыцарем, воина бодрствующего знаменующим» и надписью «Печать Славного Войска Запорозкого Низового»; паланочные (окружные), полковые, сотенные и куренные печати с изображениями различных геральдических фигур, каждая из которых обозначала в христианской символике определенную идею (коня, оленя, птицы, льва, звезды, луны, солнца, лука, меча, стрелы и пр.); литавры — серебряные котлы с натянутой на них кожей и деревянными колотушками, в которые бил («довбил»), созывая козаков на раду (круг, совет) специальный литавщик-«довбыш». При этом не все эти инсигнии власти являлись знаком достоинства кошевого отамана. Войсковая печать была инсигнией войскового судьи, серебряная чернильница — войскового писаря. Инсигнией «есаула» (есаула) являлся особый жезл.

Вышеперечисленные «члены орденского правительства» вместе с гротесмейстером-кошевым как бы символизировали четыре стороны света, необходимую полноту, и, в конечном счете, рациональность орденской организации. Кроме кошевого отамана и войсковых, судьи, есаула и писаря, в Запорожском войске имелась «полковая старшина» (полковник, писарь и есаул) и войсковые служители — подъесаулий, довыш-литавщик, поддовышний, канцеляристы, пушкарь (заведующий артиллерией и хранитель пороховых запасов; кроме того, в пушкарне содержались преступники), подпушкарный, гармаши (артиллерийская прислуга); толмачи-переводчики; шафар (от немецкого Schaffner), наблюдавший за состоянием перевозов через Днепр и взиманием платы с пользующихся перевозами); контаржей (наблюдавший за мерами и весами и собиравший налог с торговцев).

В каждом запорожском курене имелся свой куренной отаман, заботившийся о провианте, топливе, хранении одежды и денег и обладавший значительными административными правами в отношении козаков своего куреня. Права запорожцев на владение вышеперечисленными клейнодами-регалиями подтверждались монархами Речи Посполитой и соседних держав, а позднее — московскими царями и российскими императорами; они почитались, как воинские святыни и хранились в войсковом Храме Покрова Пресвятой Богородицы. Сам факт, что Запорожский Кош, помимо «основных», общевойсковых знамени и печати, располагал также куренными (полковыми) прапорами и иными клейнодами, приравнивал его членов по крайней мере к кавалерам-баннеретам рыцарской иерархической пирамиды. Кстати, в Речи Посполитой термин «клейнод» означал не только «регалии», но также «герб» и «патент на дворянское звание».

[36] Сигизмунд III Ваза был королем польским и великим князем литовским (1587.1632), а также, некоторое время, королем шведским (1592-1599).

[37] *Asylum haereticorum*.

[38] 50 годами ранее провалилась аналогичная попытка папского престола и ордена иезуитов при помощи нескольких Лжедмитриев и многочисленных русских «воров» и изменников приковать к ватиканской колеснице Московскую (Великую) Русь.

[39] Кстати, западные военно-монашеские ордены, подобно запорожскому Кошу, несмотря на то, что представляли собой жесткие иерархические структуры, всегда, являясь, подобно запорожской Сечи, «государством в государстве», были оппозиционны и враждебны монархиям, на территориях которых располагались орденские владения. В этом смысле разгром Запорожской Сечи императрицей Екатериной II имеет явные черты сходства с разгромом ордена тамплиеров французским королем Филиппом IV Красивым. Впрочем, и судьба других духовно-рыцарских орденов была, в конечном счете, не многим лучше. Немецкий (Тевтонский) орден рыцарей Пресвятой Девы Марии потерял большую часть своих владений в результате их секуляризации и превращения в светское герцогство Прусское последним «гохмейстером» (Верховным магистром) в Пруссии Альбрехтом Гогенцоллерн-Ансбахом; уцелевшие в Ливонии тевтонские рыцари со временем превратились в заурядных помещиков (т.н. «остзейское дворянство»); сохранившийся на территории «Священной Римской Империи германской нации» остаток Тевтонского ордена во главе с «дейчмейстером» (магистром Германии) со временем превратился в династический «Тевтонский (Немецкий) рыцарский орден» австрийских Габсбургов, а в 1923 году — в чисто духовный (клерикальный) орден с гохмейстером-монахом во главе. Были секуляризованы и подчинены короне и все военно-монашеские ордены Иберийского полуострова. Единственным исключением оказался древнейший военно-монашеский орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иеру-

салимского, продолжающий существовать в форме многочисленных рыцарских братств, оспаривающих друг у друга правопреемство от древнего странноприимного братства («Госпиталья»), основанного в Иерусалиме еще до начала Крестовых походов, но не имеющих ни собственной территории, ни подлинного суверенитета — католический так называемый «Суверенный рыцарский орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты» (S.M.O.M.) с центром в Риме, претендующий на «эксклюзивное» происхождение от вышеупомянутого «Госпиталья» и яростно, хотя и безуспешно, оспаривающий соответствующее происхождение других, не католических орденов Святого Иоанна, ныне на деле представляет собой отнюдь не «суверенное государство», а всего лишь «карманный» Орден римских пап.

СОДЕРЖАНИЕ

Зачин	7
Как это все начиналось	12
О системе воинского воспитания и обучения у мусульман	18
А. Чему и как учились бедуины	18
Б. Что нового привнес в процесс обучения пророк Мухаммед	22
В. Что нового было принесено в процесс обучения при Омейядах	28
Г. «Иранский Ренессанс» эпохи Аббасидов	32
Д. Единство в многообразии	37
Е. Война и мир	41
Ж. О повседневной жизни «Ориента»	48
Орден низаритов	52
А. Вместо вступления	52
Б. Шиизм и его разновидности	55
В. О Гассане ибн Саббахе	60
Г. «Теология ненависти»	65
Д. Захват «Орлиного Гнезда»	70
Е. Прямое действие	75
Ж. В центре низаритской паутины	82
З. От теории — к практике	85
И. Спираль измаилитского террора	90
К. Низариты и «франки»	93
Л. О «партнерах низаритов» — тамплиерах	96
М. «Латиняне» в Земле Воплощения	101
Н. Тучи сгущаются	105
О. О Хиттинской катастрофе	112
П. Последствия Хиттинской катастрофы	121
Р. О Пятом Крестовом походе	127
С. Первая битва в секторе Газа	134
Т. Вторая битва в секторе Газа	136

Ф. Час «даиса».....	139
Х. Осень патриарха низаритов	142
Ц. Дела аламутские.....	145
Ч. О гашшишинах и гашише.....	149
Ш. Об «актах справедливого возмездия»	154
Щ. О «саббахитах» после смерти Ибн Саббаха	159
Щ. О низаритской революции	163
Ы. «Золотая осень» ассасинов.....	168
Э. Рашид ад-Дин Синан	170
Ю. «Несущие смерть Чингиз-хана сыны»	173
Я. Закат в крови	184
О суфизме	196
А. Что такое суфизм	196
Б. Суфии и франкмасоны	199
В. Влияние суфиев на нашу повседневную жизнь.....	202
Г. Сунниты, шииты и суфии	205
Д. Суфий Джелал эд-Дин Руми	209
Е. Суфии, четки, розарий	212
Ж. О трех путях, ведущих к Богу	217
З. О крупнейших современных суфийских орденах	219
И. О трех основных этапах самосовершенствования суфия.....	220
К. О суфийских «стоянках»	222
Л. Карбонарии как ответвление суфийского ордена	226
М. Алхимики и суфии	231
Н. О суфийском (философском) камне	234
О. О Гермесе Трисмегисте.....	236
П. Об Изумрудной Скрижали.....	240
Р. О некоторых суфийских (дервишских) орденах	245
Зачин	301
I. Суфийский орден Айс(с)ауа.....	246
II. Суфийский орден Бекташи.....	248
III. Суфийский орден Кадирийа (Кадырия).....	249
IV. Суфийский орден Кубравийа (Кубравия)	250

V. Суфийский орден Мевлеви	251
VI. Суфийский орден Накшбанди	252
VII. Суфийский орден Ниматуллахи	259
VIII. Суфийский орден Сенусийа	262
XI. Суфийский орден Рифайа (Рифайя, Рифайия, Рифаи)	264
X. Суфийский орден Сухравардийа (Сухравардия)	264
XI. Суфийский орден Тиджанийа (Тиджания)	264
XII. Суфийский орден Чишти	265
XIII. Суфийский орден Шазилия (Шазилия)	266
XIV. Суфийский орден Яссавайя (Ясавия)	266

Приложения..... 267

Приложение 1.	
Список глав ордена низаритов (саббахитов, батинитов, ассасинов)	267
Приложение 2	
Степени (ступени) посвящения ордена низаритов	
(саббахитов, батинитов, ассасинов)	268
Приложение 3.	
Филипп Паруа.	
Путешествие семьи Поло и царство пресвитера Иоанна	269
Приложение 4.	
Вольфганг Акунов.	
Партнеры низаритов — тамплиеры, как всемирный банк	
средневековья	276
Приложение 5.	
Вольфганг Акунов.	
Тамплиеры, низариты и энигма Граалья	286
Приложение 6.	
Вольфганг Акунов.	
Запорожское козачество как православный духовно-рыцарский орден	307
Примечания	313

Акунов Вольфганг Викторович
Военно-духовные братства Востока и Запада

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *И.Р. Поздняков*
Корректор *И.Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х88¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,5. Печать офсетная.

Заказ №

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

